

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (42)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 3 (42), 2019

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижеев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (42)

the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 3 (42), 2019

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Касситы: к вопросу о происхождении и воцарении в Вавилоне	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Кассито-хатто-каскайские историко-культурные и лексические связи и параллели	15
<i>Алоев Т.Х.</i> Герой VICE VERSA: не совладавший с предназначением	23
<i>Жанситов О.А.</i> Историография революционного периода в горских округах Северного Кавказа: вопросы автономизации	33
<i>Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.</i> О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.)	39
<i>Кармов А.Х.</i> К вопросу сплошной коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии	59
<i>Гугова М.Х.</i> Гражданское население Кабардино-Балкарии и движение сопротивления в условиях германской оккупации (1942–1943 гг.)	72
<i>Прасолов Д.Н.</i> Проблемы развития общественной медицины в повестке дня съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ	77
<i>Тетуев А.И.</i> Опыт и проблемы этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии	86
<i>Кешева З.М., Хоконова Л.А.</i> Курорт Налчик как территориальный бренд – история становления и развития	99

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Биццло Б.Ч.</i> Адыгэбзэ щыцэццэ нэхьыбэрэ е нэхь мащцэрэ кызырыхьу Гэмалхэр	107
<i>Абазэ М.М.</i> Адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэс) литературэбзэм и макъ дэкуашэхэм я фонологие системэр	115
<i>Афцэунэ А.А.</i> Адыгэбзэм макъыццэщэщэццэ кьалэн нэхьыщхьэхэр ...	122
<i>Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х.</i> Бусагытдагы кьарачай-малкьар тилде сёз бёллом	129
<i>Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапиева) Э.Т.</i> Антонимические отношения в кабардино-черкесском языке: опыт семантической классификации	136
<i>Мусуков Б.А.</i> Лексико-грамматические особенности слова бычакъ/бичакъ/бычакъ в карачаево-балкарском языке	143
<i>Токъмакъ М.Х.</i> Адыгэбзэм и кьытекцэ кьэхьукцэццэ зэхэлхэр кызырыхьур ...	151
<i>Алхасова С.М.</i> Специфика современной кабардинской детской литературы	158
<i>Баков Х.И.</i> Наука о литературе народов России: проблемы, перспективы	164
<i>Локияланы Ж.М.</i> Мёчюланы Кязимни «Ахьырмаман дуня» деген назмусуну тюрлюлери	171
<i>Гутов А.М.</i> К определению жанра цикла об Андемиркане	180
<i>Берберов Б.А.</i> Карачаево-балкарские патронимические предания как социокультурный феномен	187
<i>Быхьурэ М.Ф., Быхьурэ К.М.</i> Телъыджагъэ хэлъу лыхьужьыр дунейм кьытехэныр Андемыркъан и циклым кызырыхьэщыр	194
<i>Гергокова Л.С.</i> Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре	207
<i>Хагожеева Л.С.</i> Нравственно-этический кодекс уэркъ хабзэ в адыгской народной афористике	216

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Kassites: on the issue of origin and accession in Babylon	7
<i>Bgazhnokov B.H.</i> Cassity-Hatty-Cascay historical-cultural and lexical ties and parallels	15
<i>Aloev T.H.</i> Hero VICE VERSA: to biography of failed prince	23
<i>Zhansitov O.A.</i> Historiography of the revolutionary period in the mountain districts of the North Caucasus: autonomization issues	33
<i>Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.</i> About national state of the peoples of the KBR: history of formation and constitution (beginning of the 1920 s.)	39
<i>Karmov A.H.</i> To the question of continuous collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria	59
<i>Gugova M.H.</i> Civil population of Kabardino-Balkaria and resistance movement under the conditions of german occupation (1942–1943)	72
<i>Prasolov D.N.</i> Problems of the development of public medicine on the agenda of the congress of entrusted Big and Small Kabarda and five mountain societies	77
<i>Tetuev A.I.</i> Experience and problems of ethnocultural development of the peoples of Kabardino-Balkaria	86
<i>Kesheva Z.M.</i> Resort Nalchik as a territorial brand – history of formation and development	99

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bizhoev B.Ch.</i> Productive and non-productive methods of education of substantial names in the kabardino-circassian language	107
<i>Abazova M.M.</i> The system of consonants of the kabardino-cherkess literary language	115
<i>Afaunova A.A.</i> Basic functions of institutions in the kabardino-cherkess language	122
<i>Guzeev Zh.M., Mahieva L.H.</i> Syllable in modern karachay-balkar language ...	129
<i>Kumykova D.M., Kumykova (Guchapsheva) E.T.</i> Antonymic relations in the Kabardino-Circassian language: experience of semantic classification	136
<i>Musukov B.A.</i> Lexical and grammatical features of word bychak/bichak/bytsak in karachay-balkar language	143
<i>Tokmakova M.H.</i> Formation of complex derivatives in kabardino-cherkess language	151
<i>Alhasova S.M.</i> Different genres in contemporary kabardino-cherkess literature for children	158
<i>Bakov H.I.</i> Science about the literature of the peoples of Russia: problems, prospects	164
<i>Lokyaeva Zh.M.</i> Options for the poems of Kasima Mechieva «Ahirzaman duniya» («Mortal world»)	171
<i>Gutov A.M.</i> On the definition of the general cycle on Andemirkan	180
<i>Berberov B.A.</i> Karachay-balkar patronomic traditions as a socio-cultural phenomenon	187
<i>Bukhurov M.F., Bukhurova K.M.</i> Motive of a miraculous birth in the cycle about Andemirkan	194
<i>Gergokova L.S.</i> Realization of typical characteristics of national character in the image of Hodja Nasredin in karachay-balkarian folklore	207
<i>Hagozheeva L.S.</i> The moral-ethical code of the uerk khabze in adyg national aphoristics	216

УДК 39 (262.2)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-7-14

КАССИТЫ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВОЦАРЕНИИ В ВАВИЛОНЕ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Происхождение касситов, их воцарение и правление в Вавилоне (1595–1550 гг. до н.э.) исследуются под углом зрения общего подъема «азианического» (яфетического) населения Ближнего Кавказа, тесно связанного (культурно, этнически, лингвистически) с Кавказом, особенно с прото-абхазо-адыгскими народами. Рассматриваются вопросы первоначального расселения касситов и их распространения в Вавилоне и областях смежных с Вавилоном: в горах Загроса за Тигром, в нижнем течении реки Хабур на Среднем Евфрате и др. Подчеркивается, что могущество касситов возросло благодаря тесному взаимодействию с хуритами, эламитами, луллубеями, гутиями, ханейцами и другими местными племенами и народами. Решающую роль в возвышении касситов и их воцарении в Вавилоне сыграли, как показано, хетты и особенно прибывавшие в Переднюю Азию индоарии (протоиндийцы), в составе которых находились черкесские всаднические отряды. Подчеркивается в данной связи, что в тесном взаимодействии с индоарийцами и северокавказцами касситы раньше других местных народов овладели знаниями и навыками коневодства, создали колесничьи войска, усвоили методы колесничего боя.

Ключевые слова: Вавилон, Месопотамия, касситы, хатты, Кавказ, хетты, хурриты, северокавказцы, индоарии.

1. Постановка вопроса

В силу ряда природно-географических причин хаттские (хатто-каскайские) племена, далекие предки абхазо-адыгов, разделились на анатолийскую (переднеазиатскую) и кавказскую ветвь, что произошло в доисторические времена, еще в эпоху неолита.

Каждая из этих ветвей развивалась затем самостоятельно или относительно самостоятельно. До наших дней сохранились, однако, лишь потомки северной кавказской ветви хатто-каскайцев. Что же касается южной (переднеазиатской) ветви, то она фактически полностью прекратила свое существование на рубеже I тысячелетия до н.э., когда рухнула цивилизация великих держав Переднего Востока и Египта. Но для воссоздания общей и полной картины этногенеза и этнической истории абхазо-адыгских народов Кавказа вполне определенное и немаловажное значение имеют сведения об этническом развитии именно этой, исчезнувшей, южной ветви хатто-каскайцев. В том числе, сведения о касситах Загроса и Месопотамии, касках Северного Причерноморья, лелегах (алегах) и пеласгах Древней Греции, иганихах (гениохах) малоазийско-кавказского Причерноморья.

В предыдущих публикациях мы, так или иначе, затрагивали эти темы и вопросы. Неоднократно поднимался и вопрос о возможности хатто-каскайского происхождения касситов, народа, известного по аккадским источникам под именем *kaššu*, *kaššu* (экзотоним) и *galcu*, *galcu* (экзотоним). В настоящей статье особое место и участие касситов в этнической истории черкесов рассматривается с привлечением некоторых новых данных, с более четкой формулировкой наиболее вероятных путей этнического развития древнего кавказско-анаатолийского населения.

Следует отметить с самого начала, что сведения о касситах, предшествовавшие их приходу к власти и правлению в Вавилоне с 1595 по 1150 гг. до н.э. весьма ограничены и скудны. Недостаточны знания об этнической принадлежности касситов, о языке, о времени и обстоятельствах распространения в Южной Месопотамии. Нет ясного ответа и на вопрос о том, каким образом этническое имя *kaššu*, применявшееся к касситам в аккадских источниках, связано с множеством других, распространенных в Евразии этнонимов, содержащих в качестве основы корень *kas/kaš*: *каска*, *коссеи*, *кисии*, *капши*, *касы*, *касоги*, *кашаки* и др.

Все это обязывает нас еще раз более подробно рассмотреть вопросы происхождения касситов, их первоначального расселения и дальнейшего распространения, специфику и динамику их связей и отношений с другими древними народами и странами Ближнего Востока, а также условия и обстоятельства воцарения и правления в Вавилонии.

2. Вопросы первоначального расселения касситов и их распространения в Южной Месопотамии

Принято считать, что исходный центр касситов находился в горах Загроса, к востоку от Вавилона [Бауэр 2011: 216]. Во всяком случае, с этим местом прочно связывают касситов все имеющиеся источники II тысячелетия до н.э. В старовавилонских документах III тысячелетия до н.э. нет каких-либо сведений ни об этом народе, ни о местах его обитания. Хотя, по-видимому, отдельные группы касситов находились в Шумере уже в начале III династии Ура (в 2100 гг. до н.э.).

Первое упоминание касситов в Северной Вавилонии в окрестностях Сиппара относится к 1741 году до н.э. [Zadok 1987: 17] Согласно Дж.А. Бринкману, к концу старовавилонской эпохи касситы располагались на Среднем Евфрате в Нана, Терке, Алалахе [Brinkman 1980]. По мнению ряда ученых, это обязывает признать тезис о Загросе как первоначальном центре касситов сомнительным [Zadok 1987: 16], и рассматривать различные версии их миграции в районы к востоку от Тигра. Например, допускают возможность движения касситов и эламитов через горы Загроса в Вавилон из Ирана [Sommerfeld 1995: 917].

По версии А.А. Немировского, будучи абorigенами Северного Ирана, в конце III тысячелетия до н.э. касситы мигрировали на юг под натиском индоиранцев, пришедших с Кавказа. Под предводительством царя Гандаша (1749–1734) они рассекли Вавилонию надвое и разделились на две части. Одна часть касситов осела в Загросе, в верховьях реки Керхе [Немировский 2009], в районе течения и слияния рек Кашган и Саймарра. Другая часть обосновалась на Северном Евфрате в низовьях реки Хабур (левый приток Евфрата). В союзе с аморейскими племенами ханеев, касситы создали здесь независимое кассито-аморейское государство Хана со столицей в городе Терка близ устья Хабура.

Первым касситским правителем Ханы был сам Гандаш, вслед за ним страной правили Агум I (около 1726–1704 гг. до н.э.), Каштилиаш I (ок. 1704–1688 гг. до н.э.) Каштилиаш II (ок. 1683–1674 гг. до н.э.) и еще целый ряд правителей.

О том, что взгляд, согласно которому касситы пришли из Загроса, нуждается в пересмотре, писал еще раньше в 1957 г. К. Яритц. Заметное влияние хурритского, протохаттского и лувийского (хеттского) языков на язык касситов он рассматривал

как свидетельство длительного соседства и взаимодействия этих народов на Верхнем Евфрате, независимо от того были ли эти отношения мирными или враждебными [Jaritz 1957: 896]. Этот тезис получил развитие и в двух последующих работах К. Яритца [Jaritz 1958; Он же 1960].

Можно предположить, таким образом, что задолго до прихода в Вавилон, касситы сформировались как этнос, который отмежевался от хатто-каскайцев и хеттов (лувийцев) и обосновался на Армянском нагорье, где традиционно обитали хурриты. Отсюда еще одно наименование касситов – *kaššuhai* с хурритским (хурро-урартским) этнонимическим суффиксом – модель, в соответствии с которой построено хурро-урартское обозначение другой большой ветви протоабхазо-адыгских племен – иганихов (генихов). При этом касситы, как мы увидим, сохраняли традиционно дружественные и союзнические связи с хаттами и их наследниками хетто-лувийцами и находились в тесных, но не всегда безоблачных отношениях с хурритами, на что осторожно намекает в своих работах К. Яритц.

Укреплению позиций касситских племен в регионе способствовали, кроме того, их близкие, – по утверждению некоторых ученых даже родственные, – отношения с лулубеями и гутиями на севере и эламитами на юге.

Наконец, одним из самых главных факторов резкого возрастания силы и влияния касситов стало объединение с воинственными индоиранскими (протоиндийскими) племенами. По словам Г. Кэмерона, в начале второго тысячелетия до н.э. индоиранские вожди и их несомые лошадьми воины прибывали большими массами с Северного Кавказа и Туркестана в Переднюю Азию. Кэмерон считает, что при этом одна, меньшая из ветвей индоиранцев продвинулась в Западный Иран и вступила в тесный контакт с касситами, затем с хурритами. Другая ветвь, превосходящая по численности первую, вторглась в Индию и навязала местному населению свой язык, ставший затем известным под названием санскрит [Cameron 1936: 136]. В составе каждой из этих двух ветвей были, насколько мы понимаем, черкесские всаднические отряды. Об этом свидетельствуют адыгские предания о походах черкесов в Индию (иногда в Китай). Иногда в них содержатся и сообщения о триумфальном возвращении на родину.

Можно опереться и на другие известные трактовки этих процессов и событий. Например, согласно версии предложенной В.И. Абаевым в III тысячелетии до н.э. выделившиеся из индоевропейской общности арийцы Юго-Восточной Европы распадаются на две ветви, протоиранскую и протоиндийскую. «Последняя покидает территорию Европы и через Переднюю Азию проходит в Индию. Протоиндийские элементы в аккадских и хеттских текстах середины II тыс. до н.э. следует рассматривать как следы этой миграции» [Абаев 1972: 36].

Неотъемлемой частью этих «протоиндийских элементов» были, вне всякого сомнения, и элементы прото-абхазоадыгских языков и культур. И они, как мы убеждаемся, оказали прямое воздействие на язык и культуру народов Передней Азии и Индии и, в том числе, на язык касситов, эламитов, хурритов и других народов в Месопотамии и в прилегающих к ней областях.

Касситы, как следует из сказанного, это общность, объединившаяся с арийцами и сохранявшая культурно-языковую связь как с древним, доиндоевропейским «азиантическим» («яфетическим») населением Ближнего Востока, так и с далекими северокавказскими народами. Судя по всему, этот симбиоз, именуемый сейчас межэтнической, культурной интеграцией, был частью общего процесса взаимных миграций и обмена культурными достижениями и технологиями в кавказско-переднеазиатской контактной зоне. Связи кавказской ветви хатто-каскайцев с народами Передней Азии постоянно поддерживались и время от времени активизировались на протяжении многих тысячелетий, в майкопский, майкопский и постмайкопский периоды истории. Поэтому нет ничего удивительного в том, что язык, на котором говорили касситы, представлялся многим исследователям как кавказский с элементами языка индоариев.

То же самое следует сказать о других близких касситам народах Ближнего Востока, особенно о хурритах, эламитах, луллубеях, гутиях и др. По понятным причинам, процессы взаимодействия с протоиндийцами и северокавказцами способствовали еще большему сближению этих местных племен и народов.

Особенно тесными оказались в конечном итоге культурно-языковые связи касситов и эламитов. Нельзя исключать также, что культурные традиции и языки этих народов объединяла внутренняя связь с хаттско-каскайскими традициями и языками, в том числе и с традициями и языками протоабхазо-адыгов – северной, кавказской ветви хатто-каскайцев. Прежде всего, это касается традиций коневодства, всадничества и всаднической культуры. Под влиянием индоариев и черкесов касситы восприняли и развили традиции коневодства, всадничества и всаднической культуры, создали колесничьи войска и переняли навыки колесничьего боя. Не исключено, что касситами были заимствованы также черкесские названия лошади, колесницы, всадника и др.

Черкесским по происхождению следует признать и термин *aššušani*, который почтительно применяется к находившемуся на службе у хеттов миттанийцу Киккули. Имя *Шышана/Ашашана* было закреплено у черкесов за богом коней и коневодства. Гибридным черкесско-индоарийским аналогом имени *aššušani* является вместе с тем слово *acvašani* «конюх», «приобретающий коней».

Невозможно обойти вниманием также использование антропонимических суффиксов *š/aš*, *ak/uk/ukka* в эламских и касситских именах как указание на родовитость, знатное, царское или божественное происхождение, напоминая аналогичные суффиксальные морфемы современных черкесских, протохеттских и хеттских личных имен и фамилий. Ср.: *Гандаш*, *Кауштилшаш*, *Уршигурумаш*, *Шипак*, *Бурна Буриаш*, *Карахардаш*, *Караиндаш*, *Назибуаш*, *Назимуруташ*, *Иниушнак*, *Халидуш Иниушнак*, *Хутелюдуш Иниушнак*, *Халунаш Иниушнак*, *Аттаркитташ*, *Кидин-Хутруташ*, Шилхак, Аммахашдук, Симепалархухпак и др.

Черкесские корни угадываются и в названиях касситских, хаттских и эламских богов: черк. *Wašhwa*, хаттск *Wašhaw*, касситск. *Mašhu*, касситск. *Šugamuna*, *Šumalia*, *Šugab*, *Hutcha*, элам. *Inšušinak*, *Nahhunte* и др. С индоарийским названием черкесов совпадают обозначение реки *Kasgan-Rud* в Луристане, топонимы *Kasgan /Kaasgan* в Иране и Индии, позволяя думать, что они использовались в значении «Касситская река», «Страна касситов». С семантикой аккадского названия касситов – *kassu* совпадает их самоназвание *galču* – черк. *гэл-чу* и значение этнического имени *hatt*, черк. *хэ-т* – животворящий (см. подробно об этом в статье «Кассито-хатто-каскайские историко-культурные и лексические параллели» в настоящем издании).

Все это свидетельствует лишний раз о том, что не совсем беспочвенно, выдвигавшаяся Х. Винклером [Winkler 1892] и Г. Хьюзингом [Hüsing 1908: 23] и поддержанная в свое время многими востоковедами гипотеза кавказского (северокавказского) происхождения и родства эламского и касситского языков.

3. Касситы в Загросе и Вавилоне

В XVIII в. до н.э., начинается движение касситов на юго-восток. Возглавил это движение, как полагают некоторые востоковеды, самый сильный и воинственный отряд из племени *хабир*. Возможно, это имя восходит к названию реки Хабур и отсюда племена хебуров, кабаров (кабардинцев) в Предкавказье, Нижнем Придонье, Северном Причерноморье и Крыму. Очевидно в любом случае, что хабиры это многочисленное касситское племя. К такому выводу еще в 1916 г. пришел Г. Хьюзинг, сопоставив письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то хабирами (*hapiri*, *habiri*), то касами (*kas*, *sa-kas*, *kas-sa*, *kas-si*) [Hüsing 1916: 94–95, 98]. (Впоследствии имя *хабир* /хабиру

стало нарицательным и, утратив прямую связь с касситами, получило на Востоке широкое распространение и применение для обозначения различных племен и групп пришельцев, разбойников, безжалостных воинов и головорезов).

Сейчас уже трудно сказать, что заставило касситов двинуться на юго-восток. Возможно, это было связано с возрастанием их численности, с арридизацией и поиском новых плодородных земель. Одной из причин миграции касситов могли быть и сложные, порой откровенно враждебные отношения с ассирийцами, а также, отчасти, с хурритами, численность которых в Хабурской равнине постоянно возрастала в ходе переселения сюда хурритских племен из различных соседних районов, в том числе из Ханаана (Северная Сирия).

По мере продвижения на юго-восток основной массив касситского населения обосновывается в Загросе к востоку от Тигра в северном Луристане. Одна из рек в этой местности получила название *Kasgan-Rud* – «Касситская река» [Eilers 1982: 37]. Для названия реки использован, иначе говоря, этноним *kasgan/kaškon/kasaq/kašak*, известный на Кавказе, как индоиранское (протоиндийское) наименование проточеркесских племен [Бгажноков 2014: 11–23]. В. Ейлерс указывает также на распространенные в Иране и Индии топонимы *Kasgan/Kašgan*, использовавшиеся, по его мнению, как этнонимы, в значении «Страна касситов» [Eilers 1957–58: 135].

Эти факты, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что первая волна индоиранцев, хлынувших в Переднюю Азию и Индию уже в конце III тысячелетия до н.э., воспринимала касситов как народ, близкий протоабхазо-адыгским племенам, с которыми они пришли на Ближний Восток и в Индию.

Расселившись за Тигром в горах Загроса и в окрестностях Вавилона, касситы при поддержке набирающей силу Хеттской державы постепенно усиливают свои позиции в регионе и множат свои, так называемые дома и земли в Средней и Южной Месопотамии, становятся постепенно преобладающим населением в этом регионе, претендующим на установление своего господства в нем.

Известно, что касситы совершали нападения на Вавилон в период правления в нем царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) и его наследника Самсуилуны (1749–1712 гг. до н.э.), используя при этом превосходство своей знаменитой конницы, оснащенной множеством колесниц. В середине XVIII до н.э. они выступают как политическая сила, находящаяся в оппозиции к Самсуилуне и затем ко всем другим правителям из династии Хамурапи.

К этому времени относится и первое упоминание касситского правителя (царя) по имени Агум [Podany 2002: 49]. Этот царь, сын и наследник царя Гандаша правил предположительно 22 года (ок. 1726–1704 гг. до н.э.). Он известен также как *Agum rabû* – «Агум Великий» или Агум Большой (Agum the Great) [Brinkman 1976: 95], что напоминает нам бжедугскую родовую фамилию *Ізгъум* – букв. «Большерукий», «Толсторукий».

Экспансия касситов продолжалась и на всем протяжении XVII в. до н.э., пока они не овладели Вавилоном и не распространили свое господство на все подвластные прежним аккадским правителям территории, включая на юге Урук, Ур, Ларсу. Во многом это стало возможным благодаря возвышению хеттов. Известно, что в 1595 г. до н.э. касситы, соединившись с хеттами, помогли Мурсили I взять Вавилон штурмом и положить конец династии Хамурапи. А хетты, в свою очередь, открыли для касситов путь для их правления в Вавилоне [Richardson 2002: 347]. Хеттский царь Мурсили I, внук Анниты, руководивший штурмом, заключил союз с касситскими вождями, пленил вавилонского царя Самсудитана (праправнука Хаммурапи) и, оставив город разрушенным, с победой возвратился в Хаттусу.

Тем временем хабурские касситы и касситские группы, располагавшиеся в окрестностях Вавилона, вошли в город и провозгласили себя новыми правителями Вавилонии. Первым царем касситской династии Вавилона стал Агум II

(ок. 1595–1571 гг. до н.э). Вслед за ним страной правили Бурна-Буриаш I, Кашти-лиаш, Улам-Буриаш, Агум III и т.д.,

Известно в общей сложности более 30 касситских царей Вавилонии. Дж.А. Бринкман выделяет четыре группы этих правителей, хронологически следующие друг за другом [Brinkman 1976: 75–76]. Из них 14 правителей первой группы, по его свидетельству, недостаточно известны; особенности и последовательность их правления также трудно восстановить. Вторая группа (с 15 по 21) известна по Амарнским письмам и хроникам и здесь особенно выделяются имя *Куригальзу I*, который основал в 1390 г. новую столицу Вавилона и назвал ее своим именем Дур-Куригальзу. Третья группа (цари 22–28) хорошо известна по votивным надписям и по множеству текстов экономического и политического свойства. Наконец, четвертая группа (с 29 по 36) хорошо восстанавливается по хроникам и высеченным на камнях царским указам (*kuddu*), снабженными сведениями об отношениях с Эламом и Ассирией, а также администрациями различных провинций Вавилона, особенно восточных.

С приходом к власти в Вавилоне касситской династии появилось через некоторое время и новое, возможно, черкесское название страны: *Кардунияш*, *Kardunijaš* – «Богом Кари дарованная земля». Поэтому касситские правители Вавилона именовали себя гордо «царями страны Кардунияш» и также называли их цари соседних государств» [Balkan 1954: 95]. Соответственно в документах этого периода вместо названия «Вавилон» для обозначения страны и государства касситов используется часто возвышенное, наполненное божественным смыслом имя «Кардунияш».

Воцарение и правление касситской династии в Вавилоне, как мы видим, было подготовлено развитием и общим подъемом тесно связанного с Кавказом – культурно, этнически и лингвистически – «азианического» (субарейского, яфетического) населения Ближнего Востока. Возрастанию военной мощи и амбиций касситов способствовало во многом этническая интеграция с индоариями, а также очень близкие отношения с хеттами, что некоторым образом подтверждает гипотезу их хатто-хеттского происхождения.

Касситский период Вавилона ознаменовался расширением пределов страны, укреплением сельских общин, обогащением представителей военно-феодальной знати, их превращению в крупных землевладельцев. Усилилось, вместе с тем, влияние касситских царей на правителей соседних государств – Египта, Митании, Хатии, Элама, Ашшура, чему способствовали, кроме всего прочего, заключавшиеся с представителями царских династий дипломатические браки. Известны, в частности, династические браки египетских фараонов, эламских и хеттских царей на дочерях касситских правителей.

Признание Кардунияша в качестве одной из великих держав Востока было обусловлено во многом дружественными контактами и отношениями, которые установились в XV–XIV вв. до н.э. между касситскими правителями (Караиндаше I, Куригальзу I, Кадашман-Эллиле I, Бурна Буриаше II) и египетскими фараонами (Тутмосом IV, Аменхотепом III, Аменхотепом IV). Обмен посольствами между касситским Вавилоном и Египтом сопровождался «караванами подарков и даже присылкой колесниц из Вавилона в Египет» [Немировский 1999: 146–147].

В основе союзнических отношений касситов с хеттами и хурритами лежало, кроме всего прочего, одинаково неприязненное, враждебное отношение к ассирийцам, которые неоднократно совершали нападения на Вавилон и Миттанию. В конце XV века до н.э. митанисский царь Сауссадатар разгромил Ашшур, что ослабило давление ассирийцев на касситский Вавилон. В свою очередь касситский царь Караиндаш, пользуясь своим влиянием в регионе и дружбой с Тутмосом IV, принял активное участие в восстановлении выгодных для хурритов мирных отношений между Миттанией и Египтом. В XIII веке до н.э. хетты поддержали касситов в их войнах против ассирийских царей (Адад-Нерари, Тукульти-Нинурта и др.),

вслед за этим касситы выступили на стороне хеттского царя Хаттусилиса в его войне с египетским фараоном Рамзесом.

Дружеские, союзнические отношения связывали Кардуниаш и Хаттию (Хеттскую державу) на протяжении всех четырех столетий правления касситской династии в Вавилоне – вплоть до начала XII в. до н.э., когда хеттское царство прекратило свое существование под ударами народов моря. Показательно, что после этого ослабленные опустошительными походами ассирийцев, лишившись поддержки египтян, хурритов, хеттов, а также эламитов, питавших надежду установить свое господство в Вавилоне, касситы недолго сохраняли свою власть в Кардуниаше, всего около 40–50 лет.

В 1150 году касситский Вавилон был завоеван эламским царем Шутрук-Наххунте, женатым на Хуннубат-Нана, старшей дочери касситского царя Мелишиху (около 1188–1174 до н.э.) [Potts: 114–115, 118]. Умертвив касситского царя Забаба-Шумаиддина, он посадил на Вавилонский трон своего сына Кутира-Наххунте. Считая, по-видимому, что Кутир-Наххунте вправе занять этот пост по праву наследства по линии своей матери, касситской принцессы Хуннубат-Нана.

Можно предположить, исходя из всего сказанного, что в начале II тысячелетия до н.э. касситы сформировались и возвысились как «азиантические» племена, претендовавшие на господство в Месопотамии. Их воцарение в Вавилоне и превращение в могущественную державу стало возможным благодаря поддержке хеттов, тесному взаимодействию с местными соседними племенами (эламитами, лулубеями, хурритами, гутиями), а также особенно благодаря объединению с первой волной индоариев (протоиндийцев), в составе которой находились черкесские всаднические отряды.

Источники и литература

1. *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. Издательство Московского университета, 1972. С. 26–37.
2. *Бауэр С.У.* История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М.: Астрель, 2011. 988 с.
3. *Бгажноков Б.Х.* Аланские названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма // Проблемы генеалогии и этнонимии народов Кавказа и Крыма (материалы круглого стола, посвященного 70-летию А.А. Максидова). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. С. 11–23.
4. *Немировский А.А.* Вавилония при наследниках Хаммурапи // История Древнего Востока. М.: Дрофа, 2009. С. 467–472.
5. *Немировский А.А.* Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение // Вестник древней истории. М., 1999. № 1. С. 146–162.
6. *Balkan K.* Die Sprache der Kassiten. American Oriental Series. Vol. 37. New Haven, 1954. P. XIV + 238 s.
7. *Brinkmann J.A.* Materials and Studies for Kassite History. Vol. 1. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1976. 512 p.
8. *Brinkmann J.A.* Stichwort Kassiten // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Teil 5. Berlin und New-York: Marko, Helen, 1980. S. 464–473.
9. *Cameron G.* History of Early Iran. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. P. 136. XV+ 260 p.
10. *Eilers. W.G.* Geographische Namengebung in und um Iran. München: Beck, 1982.
11. *Eilers. W.* Rezension auf: K. Balkan. Kassitenstudien, Archiv für Orientforschung 18, 1957–58, S. 135–138.
12. *Hüsing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1916. 98 s.
13. *Hüsing G.* Sagros und seine Völker. Leipzig: I.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 66 s.

14. *Jaritz K.* Die Kassitischen Sprachreste // *Anthropos*. Bd. 52. Wien, 1957. S. 850–898.
15. *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten // «*Anthropos*. Bd. 55. Wien, 1960. S. 17–27.
16. *Jaritz K.* Quellen zur Geschichte der Kassu-Dynastie // «*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*». Bd. VI. Berlin, 1958. S. 187–265.
17. *Podany A.H.* *The Land of Hana: Kings, Chronology, and Scribal Tradition*. Bethesda, Md., 2002.
18. *Potts D.T.* Elamites and Kassites in the Persian Gulf // *Journal Near Eastern Studies* 65/2, 2006. P. 111–119.
19. *Richardson S.F.C.* *The Collapse of a Complex State: A Reappraisal of the End of the First Dynasty of Babylon, 1683–1597 B.C.* // Ph.D. diss., Columbia University, 2002.
20. *Sommerfeld W.* *The Kassites of Ancient Mesopotamia: Origins, Politics and Culture*. *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. 2. New York, 1995. P. 917–930.
21. *Winkler H.* *Geschichte Babyloniens und Assyriens. Völker und Staaten des alten Orients* 1. Leipzig: Verlag von E. Pfeiffer, 1892. 354 s.
22. *Zadok R.* Peoples from the Iranian Plateau in Babylonia during the Second Millennium B.C., *Iran* 25, 1987. P. 1–26.

KASSITES: ON THE ISSUE OF ORIGIN AND ACCESSION IN BABYLON

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The origin of the Kassites, their accession and rule in Babylon (1595–1550 BC) are examined from the angle of the general rise of the “Asianic” (yaphet) population of the Middle East, which is closely connected (culturally, ethnically, linguistically) with the Caucasus, especially with proto-Abkhaz-Adyghe peoples. The questions of the initial resettlement of the Kassites and their distribution in Babylon are considered. It is noted that the power of the Kassites increased due to close interaction with the Khurits, Elamites, Lulubeys and other local tribes and peoples. The decisive role in the rise of the Kassites and their accession to Babylon was played by the Hittites and the Indo-Aryans (Proto-Indians), who arrived in Western Asia, which included Circassian horseman units. It is emphasized that, in close cooperation with the Indo-Aryans and North Caucasians, the Kassites earlier mastered the knowledge and skills of horse breeding, created chariot troops, and adopted methods of chariot combat.

Keywords: Babylon, Mesopotamia, the Caucasus, Kassites, Hittites, Hurrites, North Caucasians, Indo-Aryans.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-7-14

КАССИТО-ХАТТО-КАСКЕЙСКИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Ставится и на примерах доступного нам историко-культурного и языкового материала рассматривается возможность хатто-каскайского (кавказско-анатолийского) происхождения касситов. Привлекаются данные культурной истории, этнонимии, топонимии, антропонимии. Отмечается прочность антропонимической традиции, сложившейся у касситов и у абхазо-адыгских народов. В сравнительном плане рассматриваются имена божеств, а также касситская и черкесская лексика, связанная с коневодством и всадничеством. В заключении подчеркивается, что сопоставление касситского и абхазо-адыгского историко-культурного и языкового материала имеет определенные перспективы и может быть продолжено.

Ключевые слова: Месопотамия, Кавказ, касситы, хатто-каскайцы, прото-абхазо-адыгские племена, антропонимы, теонимы, этнонимика, топонимика.

1. Постановка вопроса

В предыдущих публикациях мы уже затрагивали вопросы, так или иначе связанные с гипотезой хатто-каскайского происхождения касситов, народа, известного по аккадским источникам под именем *кашшу*, *каššu* (экзоэтноним) и *галцу*, *galču* (экзоэтноним) [Jaritz 1957: 871]. В настоящей статье данная проблема рассматривается преимущественно на основе сопоставления элементов касситского и абхазо-черкесского языков, с учетом специфических путей этнического развития кавказско-анатолийского населения.

При этом следует отметить, что сведения о языке касситов весьма ограничены. Не обнаружено ни одного связного текста на касситском языке, так как письменным языком касситов был аккадский. По подсчетам Р. Задока [Zadok 2015: 9] в настоящее время выявлено лишь немногим более 60 апеллятивов, относящихся в большинстве своем к обозначениям цветов, частей колесницы, растений, титулов. Около 200 лексических единиц насчитывают дополнительно к этому антропонимы, топонимы, имена лошадей. По мнению большинства современных специалистов, анализ этого материала не позволяет установить генетическое родство касситского языка с каким-либо известным другим языком. К.Яритц пришел к выводу, что касситский язык является «абсолютно самостоятельным», а влияние хурритского, протохеттского (хаттского), индогерманских языков является лишь результатом тесных контактов и длительного совместного проживания касситов с носителями этих языков [Jaritz 1957: 896].

Версии, согласно которым касситский язык близок к эламскому и восходит к северокавказским, индоиранским языкам, признаны в настоящее время не вполне убедительными. Тем не менее, сопоставление касситского и абхазо-адыгского

историко-культурного и языкового материала имеет, как мы увидим, определенные перспективы.

2. Данные этнонимии и топонимии

Большой интерес представляет самоназвание касситов. Похоже, что перед нами композит *gal-čü*, в основе которого лежит черкесское *гъэл-цӀу*, первый компонент которого *гъэл* является усеченной формой черкесского слова *гъэлын* – «жечь/сжечь», «опалить /спалить», а второй компонент *цӀу* означает «блеск», «блестящий».

Получаем в итоге слово с внутренней формой «очищенный (обоженный пламенем), блестящий (народ)». Это означает, что термины *galčü* и *kaššu* семантически идентичны, даже тождественны, что предполагает наличие здесь семантического заимствования (возможно, калькирования). Об этом писал К. Яритц [Jaritz 1957: 871], вопреки мнению К. Балкана, который считал, что имя *galčü* фиксирует лишь обозначение одного из известных касситских царей *Kurigalčü*. Справедливо полагая, что в эндоэтнониме касситов – *galčü* содержится значение, близкое, идентичное тому, что заключено в экзоэтнониме – *kaššu*, К. Яритц склоняется к тому, что не только название, но и самоназвание касситов семантически связано с главным божеством и первопродком касситских царей – *Kaššu, Kašuu*.

Однако в основе почти полной синонимичности названия и самоназвания касситов лежат и другие более веские причины. Дело в том, что этноним/эпоним *Kašuu, Kaššu* восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kaśih* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62]. И фактически повторяет значение этнонима *galčü*. Кроме того, по смыслу каждый из этих терминов перекликаются и с этнонимом *хатты*. Первый компонент *хъэ* восходит в этом этнониме к значению «жизнь», «живое». А второй *т/ты* соответствует в хаттском, черкесском, индоевропейских языках корню со значением «давать». Одним словом этноним *хатты* закрепляет в черкесском (хатто-каскайском) языковом сознании термин с внутренней формой «дарящий жизнь», «животворящий», «жизнеутверждающий» [Бгажноков 2016: 18], что семантически соотносимо с эпитетами, которые сопровождают во всех языках такие слова как «солнце» и «луна».

Мотив внутренней связи этнонима *kas/kaš* с культом солнца и луны причудливым образом повторяется в культурной истории черкесов. И это заслуживает особого внимания. Отметим с самого начала, что элемент *кас* содержится и постоянно воспроизводится в имени одного из родоначальников черкесской правящей династии. Различные варианты данного имени Кес, Кису, Кисрай, Серакес приводятся в сочинениях Эвлия Челеби, Дж. Элиаса, Яна Потоцкого, Шоры Ногмова и других историков. В генеалогических картах черкесских правителей Кеса представляют обычно как прадеда знаменитого князя Инала, правившего Черкесией в конце XIV – начале XV века и положившего начало княжескому дому Иналовичей. И что особенно показательно: в адыгском обществе сложилась традиция, согласно которой черкесские князья (Иналиды) для обоснования своего знатного происхождения и права на управление адыгским народом пользовались устойчивым выражением «Мы солнечно-лунного происхождения, из рода Курайш» – *Дэ дыгъэ-мазэм дыкьыхэкӀац, дыкьурейшы лъэпкъыц*. Правом на такую самоидентификацию и самопрезентацию не обладал, кроме Иналидов, ни один другой черкесский род.

Все это означает, как мы убеждаемся, что и сама идея солнечно-лунного происхождения древних вождей и царей сформировалась в тесном взаимодействии индоевропейцев (прежде всего хеттов) с хатто-каскайцами и, возможно, еще в период их контактов в Юго-Восточной Европе и Предкавказье. Формула самоидентификации черкесских князей практически такая же, как у касситских и эламских

царей, а также у хеттских, ассирийских и почти всех других правителей Передней Азии и Египта. Она отсылает нас, с одной стороны, к культу солнца и луны, который четко прослеживается не только на Востоке, но и на Кавказе, у черкесов, абхазов, грузин, осетин, чеченцев, ингушей и других народов. С другой стороны, она прочно связана с древнейшей историей абхазо-адыгов, с их распространившимся по всей Евразии индоарийским названием *kas/kaš, kasgan/kaškon, kasaq/kašak* и др.

Не исключено, что аналогичные имена применялись индоариями и к касситам. Об этом, как полагают, свидетельствует название одной из рек на севере Луристана – *Kasgan-Rud*. В. Ейлерс считает возможным интерпретировать дословное значение этого гидронима как «Касситская река» (*Kassiten flüss*) [Eilers 1982: 37] и рассматривать его в качестве этнонимического гидронима. Соответственно топоним *Kasgan/Kaşgan*, распространенный в Иране и Индии, он воспринимает и рассматривает как этнотопоним, использовавшийся в значении «Страна касситов» [Eilers 1957–58: 135].

Если принять эту точку зрения, можно считать, что этноним *kasgan/kaškon/kasaq/kašak*, известный на Кавказе, как индоиранское (праиндийское) наименование проточеркесских племен, применялся также и по отношению к касситам Ближнего Востока. Вывод, который из этого следует, напрашивается сам собой. По всей вероятности, первая волна индоиранцев, хлынувших в Переднюю Азию и Индию в конце III тысячелетия до н.э. [Cameron 1936: 136], воспринимала касситов как народ, близкий протоабхазо-адыгским племенам, с которыми они пришли в Переднюю Азию и Индию после тесного и длительного взаимодействия в Юго-Восточной Европе и Предкавказье.

Но дело не только в этом. По всей вероятности, это была и встреча касситов с проточеркесами, находившимися в составе мигрировавших на Восток индоариев. И она, судя по всему, оказала заметное воздействие на историю, культуру и язык касситов. Отсюда, вне всякого сомнения, наличие в антропонимах, топонимах, теонимах и в других касситских терминах, множества элементов черкесского языка.

Обращает на себя внимание в этой связи и название самой внушительной горной цепи Луристана – *Кабир Кух*, вдоль которой прокладывает себе путь река Саймарра, притоком которой является упомянутая выше река Кашган.

Термин *Кабир* в этом топониме похож на название одного из касситских племен – *хабиру*. К такому выводу еще в 1916 г. пришел Г. Хьюзинг, сопоставив письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то хабирами (*hapiri, habiri*), то касами (*kas, sa-kas, kas-sa, kas-si*) [Husing 1916: 94–95]. В то же время племена *хабиру* сопоставимы с хебурами (Армянская география) и кабарями, (кабардинцами) на Северном Кавказе. Возможно, имя *хабиру* и все другие варианты данного этнонима восходят к названию реки Хабур. Что же касается второго компонента топонима *Кабир Кух*, то нельзя исключать его соотносительность с черкесским *кьуишхьэ* – «горцы», «горское поселение/население»; так и по сей день называют черкесы горных шапсугов, абазин, осетин, балкарцев,

Не исключено также, что с племенным названием *хабир/кабир* связано каким-то образом и название одного из городов на Нижнем Забе – *Кабару*.

3. Антропонимы и теонимы

Активное использование антропонимических суффиксов *š/aš, ak/uk/ukka* в касситских, эламских и новоэламских именах как указание на родовитость, знатное, царское или божественное происхождение, напоминает и повторяет аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий. Ср.: касс. и элам. *Гандаш, Каштилиаш, Уришгурумаш, Шипак, Бурна Буриаш, Караиндаш, Шагаркти-Шуриаш, Иншуинак, Халидуш Иншуинак, Хутелюдуш Иншуинак, Халунаш*

Иниушинак, Аттаркитташ, Кидин-Хутруташ, Шилхак, Аммахашдук, Симепалархупак и др. черк. Атажук, Безрук, Дударук, Эльжерук, Баток, Богарсок, Болотоко, Докшуко, Бгажинок, Заноко, Шамоко, Темроко, Каншоко, Кургоко, Мафоко, Шогеноко, Ахерако, Кураш, Кунаш, Каргаш, Кош, Куаш, Мэш, Теш, Гиш, Табыш, Танаш, Теучеш, Тааш, Мэмрэш, Бекиш, Тахуш, Ахумаш, Мэхош и др.

Показательно, что в абхазо-адыгских языках эти морфемы выступают и активно используются одновременно в роли полноценных лексических единиц, так или иначе связанных с родством, продолжением рода. Тем самым убеждая нас в прямой связи множества касситских антропонимических суффиксов с аналогичными черкесскими суффиксами. Ср.: черк. *кьуэ* букв. «сын», *шы* «брат», *зэш* «братья», *шыпхьу* «дочь», *шыр* «детеныш», *анэш* «родственники по материнской линии», *адэш* «родственники по отцовской линии», *лакьуэлэш* «родовитый» «потомственный» – обозначение высшего, потомственного, самого знатного черкесского дворянства; абаз. *ашьа* «брат», абх. *аашда* «братья», *аехэшьа* «сестра», *абиаьа* «брат отца», *анэшьа* «брат матери», *абзыцэашьа* «молочный брат», *абзыцэахэшьа* «молочная сестра».

Важно отметить, что эти термины восходят к хатто-каскайскому праязыку. Отсюда заимствованные из хаттского хеттские термины *haš* «рождать», *hašša* «потомство», *huhhaš* «дедушка», *attuš* «отцы», «родственники по отцовской линии», *annuš* «матери», «родственники по материнской линии». И это также свидетельствует о заметном кавказском, хатто-каскайском содержании лексики и словообразовательной модели значительного числа касситских и эламских личных имен.

Сказанное в отношении антропонимов относится в полной мере и к касситским теонимам. Неоднократно подчеркивалось, что некоторые из них и по форме, и по содержанию напоминают названия хаттских и абхазо-адыгских божеств. Отмечалось, в частности, что есть много общего между черкесским Богом небесного свода *Уацхьуэ*, *Waš hwa*, хаттским *Wašhaw* «Бог» и касситским *Wašhwa* (*Mašhu*) [Алиев 1960: 81].

Существует также мнение, что имя одного из первых касситских царей Бурнабуриаша I состоит из трех частей: *Burna*, *Buri*, *jaš* и означает дословно «Покровительствуемый Владыкой (богом –Б.Б.) земли» [Алиев 1960: 80]. Такая трактовка внутренней формы данного имени позволяет предположить, что конечное слово *jaš* (земля, страна) сопоставимо в нем с черкесским словом *цИы* «земля». При этом имя Бури, распространенное на Востоке, отождествляется, как известно, не только с аккадским Ададом [Delitzsch 1884: 24] – Богом грозы, ветра, дождя и бури, но и с носящим такое же имя хатто-хеттским Богом грозы, ветра и бури. Отсюда известное проклятие хеттского царя Анниты, разрушившего ненавистный ему город Хаттусаш: «Пусть Бог Бури ударит по любому, кто станет царем после меня и снова заселит Хаттусу» [Bryce 2002: 230].

Имя Бурнабуриаш перекликается, с другой стороны, с новым касситским названием Вавилона – Кардуниаш, *Kardunijaš*, включая в себя и в этом случае конечное слово *jaš* (земля, страна), восходящее, возможно, к имеющему такое же значение черкесскому слову *цИы*. Что же касается в целом всей внутренней формы топонима *Кардуниаш*, то и в этом случае можно представить его в виде сложного слова, состоящего из трех компонентов. 1) *Kari/Kara* – имя эламо-касситского Бога родной земли или отечества; 2) *dun/tun* – эламо-касситское и черкесское «давать»; 3) *jas* – земля.

Дословное значение хоронима Кардуниаш сводится, таким образом, к выражению: «Богом Кари дарованная земля», что, кстати, вызывает ассоциации с черкесским (абазехским) словом *кьары-нэ* – «исконная земля», «прародина». Ср.: *абэзэххэм я кьарынэ* – «исконная земля (прародина) абазехов», в качестве которой называют долину под названием *Туба/Туби* в верховьях рр. Белая и Пшеха в Адыгее, воспринимая эту долину как «колыбель абазехского племени», место,

где все основные и подлинно абазехские родовые группы и фамилии имели свой пай» [Дьячков-Тарасов 1902: 5].

Практиковалось также использование других сопоставимых с элементами черкесского языка теонимов и антропонимов. Например, соединение имен эламских царей с именем мужского Бога света (солнца) *Нахун'те* (*Nachhun'te*) и Верховного (Благороднейшего, Чистейшего – *Läuterer*) Бога *Иниушинака* (*Inšušinak*), ср.: *Шутрук-Наххунте* (*Sutruk Nahhunte*), *Кутур-Наххунте* (*Kutir-Nahhunte*), *Халидуш Иниушинак* (*Halliduš Inšušinak*), *Шилхак Иниушинак I* (*Šilhak Inšušinak I*), *Хутелюдуш Иниушинак* (*Huteludus Inšušinak*).

Отсюда высокопарное, в характерном для Ближнего Востока стиле, высказывание Шилхака-Иниушинака о себе: «Я Шилхак-Иниушинак, сын Шутрука-Наххунте, подданный (бога) Наххунте, избранник (любимец) (бога) Иниушинака, получив титул полновластного правителя от Богов Элама, расширил империю» [König 1977: 113].

При этом имя Бога *Нахун'те*, которого величают, кроме того «Господином (покровителем) света» – *Herr des Lichts* [König 1977: 116], «Господином (покровителем) дворянства» – *Herr der Adliqen* [König 1977: 119] почти буквально повторяет черкесские слова *нэху* «свет», *нэхульэ* «рассвет», *нэхунэ* «отблеск». То же самое следует сказать об имени касситского Бога грозы *Хутха*, *Hutcha*. По всей видимости, перед нами композит, состоящий из черкесских слов *ху* «свет» и *Тхэ* «Бог», что дает в итоге термин с буквальным значением *Бог света (солнца)*.

Мы убеждаемся, таким образом, что не стоит отвергать гипотезу кавказского, хатто-каскайского происхождения и родства эламского и касситского языков, выдвигавшуюся в свое время Х. Винклером [Winkler 1892], Г. Хьюзингом [Hüsing 1916], Е. Форрером [Forrer 1930], И. Алиевым [Алиев 1960], Г.А. Меликишвили [Меликишвили 1954] и другими известными востоковедами. Гораздо разумнее продолжить эти исследования с широким привлечением живых кавказских, прежде всего абхазо-адыгских языков.

Уместно вспомнить в данной связи мнение по этому поводу Б. Грозного. Он считал язык касситов одним из древних кавказских языков [Hrozny 1953: 49], и усматривал прямую связь между касситами и касками Ближнего Востока и касогами Кавказа, склоняясь, тем самым, к тому, что из множества кавказских языков именно адыгские языки наиболее тесно связаны с языком касситов. Чтобы не быть голословным приведу его слова на этот счет целиком: «Связующим звеном между кашкитами второго и третьего тысячелетия до нашей эры и казаками нашего времени является кавказское племя Касков или *Касогов*, которые упоминались уже в русских летописях десятого столетия нашей эры».

Эта идея имела сторонников и среди известных советских востоковедов. К примеру, Играр Алиев, касаясь гипотезы черкесско-касситского родства и фактически поддерживая ее, писал: «Касков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)» [Алиев 1960: 81].

4. Лексика, связанная с коневодством и всадничеством

Одним из главных факторов возрастания силы и влияния касситов в начале второго тысячелетия до н.э. стало объединение с воинственными индоиранскими (протоиндийскими) племенами, вожди которых и их несомые лошадьми воины прибывали большими массами с Северного Кавказа и Туркестана в Переднюю Азию. Существует мнение, что одна, меньшая из ветвей индоиранцев продвинулась в Западный Иран и вступила в тесный контакт с касситами, затем с хурритами. Другая гораздо большая ветвь вторглась в Индию и навязала местному населению свой язык, ставший затем известным под названием санскрит [Cameron 1936: 136].

В составе каждой из этих двух ветвей были, несомненно, черкесские всаднические отряды, о чем свидетельствуют местные предания о походах черкесов в Индию (иногда в Китай) и об их триумфальном возвращении на родину.

Одним словом, касситы – это общность, объединившаяся с арийцами и сохранявшая культурно-языковую связь как с древним, доиндоевропейским «азиантическим», «яфетическим» населением Ближнего Востока, так и с далекими северокавказскими народами. Судя по всему, этот симбиоз, именуемый сейчас межэтнической, культурной интеграцией, был частью общего процесса взаимных миграций и обмена культурными достижениями и технологиями в кавказско-переднеазиатской контактной зоне. Связи кавказской ветви хатто-каскайцев с народами Передней Азии постоянно поддерживались и время от времени активизировались на протяжении многих тысячелетий, в домайкопский, майкопский и постмайкопский периоды истории [Бгажноков 2018: 7–18]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что язык, на котором говорили касситы, представлялся многим исследователям как кавказский с элементами языка индоариев.

В тесном взаимодействии с индоарийцами касситы овладели навыками коневодства, создали колесничьи войска, усвоили методы колесничьего боя. Весь этот богатый опыт активно перенимался и распространялся на Ближнем Востоке, в том числе особенно миттанийцами и хеттами. Большую известность получил составленный находившимся на службе у хеттов миттанийцем Киккули, коневодческий трактат, в котором сам Киккули именуется почтительно *aššušani*. Это слово содержит в своей основе адыгское обозначение лошади – *шы* и почти буквально, как выясняется, повторяет название покровителя (бога) коней и коневодства у черкесов – *Шышанэ/Ашашана* [Лавров 2009: 211], отсылая нас также к индоарийскому аналогу слова *aššušani* – *acva-sani* «конюх», «приобретающий коней». И это, как мы видим, термин гибридный, основанный на использовании элементов адыгского и индоиранского языков. Он сформировался, надо полагать, в период активного взаимодействия проточеркесских племен с арийцами и, возможно, еще до их миграции в Переднюю Азию.

Перенесенный на переднеазиатскую почву черкесско-арийский культ коня, всадника и всадничества стал, говоря языком Г. Кэмерона, «божественным символом касситов» [Cameron 1936: 136]. Отсюда, судя по всему, наличие элемента *š* в касситских названиях лошадей (*lagaštakkaš, šimriš, timiraš*) и в деталях колесницы (*akkandaš, kamusaš, šahumaš*). Можно говорить, с большой осторожностью, и о соответствии отдельных касситских названий лошадей внутренней форме черкесских сложных слов, напр.: *Lagaš-ta-kk-aš* «Лошадь, подаренная городом Лагаш».

Перенесенный на переднеазиатскую почву черкесско-арийский культ коня, всадника и всадничества стал, говоря языком Г. Кэмерона «божественным символом касситов» [Cameron 1936: 90]. Отсюда, судя по всему, наличие элемента *š* в касситских названиях лошадей (*lagaštakkaš, šimriš, timiraš*) и в деталях колесницы (*akkandaš, kamusaš, šahumaš*). Можно говорить, с большой осторожностью, и о соответствии отдельных касситских названий лошадей внутренней форме черкесских сложных слов, напр.: *Lagaš-ta-kk-aš* «Лошадь подаренная городом Лагаш».

Кроме того, к черкесскому обозначению колесничьего – *шырым*, букв. «стоящий на коне (на/в колеснице)» восходит, по всей вероятности, название колесницы – *chariot*, распространенное в десятках современных языков, в том числе индоевропейских.

Слово *chariot* означает «колесница» в английском, французском (*char*), ирландском, шотландском, голландском, норвежском, грузинском, армянском, азербайджанском, словацком, сунданском, сербском (цхариот), литовском и других языках. Но термин *chariot* в перечисленных языках не имеет внутренней формы, позволяющей представить каким образом сформировалось его значение. Между тем состав слова *шырым* в черкесском языке вполне очевиден: *шы* – лошадь, *ры* –

сема (морфема), которая, появляясь в сложном слове между двумя корнями, придает ему орудное значение и, наконец, *m/ты* (хаттск. *ti*) – стоять, находиться.

В дополнение к сказанному заметим, что по всей видимости, касситами и эламитам было воспринято черкесское слово *шу* – «всадник». Человек (обычно вооруженный) в этой роли пользовался в касситском обществе особым почтением. Поэтому нельзя исключать, что, получив здесь, за счет семантического расширения, новое, более широкое и разнообразное толкование, это слово стало использоваться в составе имен богов-покровителей и царей. Ср.: *Šugamuna* «Бог войны», *Šumalia* «Богиня гор», *Šugab* «Бог подземного мира», *Inšušinak* «Верховный бог» (у эламитов), *Sutruk Nahhunte* (эламский правитель), *Adad-šumiddin* (касситский правитель).

Термин *šu* содержится, похоже, и в сложном слове для обозначения чиновников – *šukallu*. Возможно, в Вавилоне это слово служило сначала наименованием всадников, всадничества, колесничих – привилегированной части касситского войска. А затем стало также названием военного (вооруженного) чиновничества.

Во всей совокупности эти и другие использованные в данной статье материалы позволяют думать, что касситский народ сформировался в результате отделения (сепарации) от анатолийских хаттов и затем в ходе взаимодействия и консолидации с другими народами Ближнего Востока. Вместе с тем, заметное влияние оказали на них северокавказские хатты (протоабхазо-черкесы), носители майкопской и постмайкопской культуры, проложившие путь в Западный Иран, в Приурмийскую область еще в IV тыс. до н.э.

Наконец, во втором тысячелетии н.э. знаменательным во всех отношениях стало этническое и культурно-языковое сближение касситов с индоариями, прибывавшими из Юго-Восточной Европы и Кавказа, а также и с находившимися в составе индоариев северокавказскими, прежде всего черкесскими всадническими группами.

Источники и литература

1. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 360 с.
2. Бгажноков Б.Х. К вопросу о происхождении и ранней истории майкопско-анатолийских племен // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБИГИ, 2018. Вып. 8. С. 7–18.
3. Бгажноков Б.Х. Культ собаки и семантема хъэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. № 1 (28). С. 7–22.
4. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки кавказского отдела Русского этнографического общества. Тифлис, 1902. Кн. 22. Вып. 4. С. 1–52.
5. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 197–236.
6. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1954. 446 с.
7. Bryce T. Life and Society in the Hittite World. Oxford and New-York: Oxford University Press, 2002. 312 p.
8. Cameron G. History of Early Iran. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. XVI + 260 p.
9. Delitzsch F. Die Sprache der Kossäer. Lingustisch-historische Funde und Fragen. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1884. viii + 75 s.
10. Hrozny B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. XIV + 260 p.
11. Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1916. 98 s.
12. Hüsing G. Sagros und seine Völker. Leipzig: I.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 66 s.

13. *Eilers. W.* Geographische Namengebung in und um Iran. München: Beck, 1982.
14. *Eilers. W.* Rezension auf: K. Balkan. Kassitenstudien, Archiv für Orientforschung 18, 1957–58. S. 135–138.
15. *Forrer E.* Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique. CCXVII. 1930.
16. *Jaritz K.* Die Kassitischen Sprachreste // Anthropos. Bd. 52. Wien, 1957. 850–898 s.
17. *König Fr.W.* Die Elamischen Königsinschriften. Osnabrück: Biblio Verlaq, 1977. 212 s.
18. *Winkler H.* Geschichte Babyloniens und Assyriens. Völker und Staaten des alten Orients 1. Leipzig: Verlag von E. Pfeiffer, 1892. 354 s.
19. *Zadok R.* Kassites // Encyclopedia Iranica, online edition, 2015, available at <http://www.Iranicaonline.org/articles/kassites> (accessed on 6.06.2019). P. 1–14.

CASSITY-HATTY-CASCAY HISTORICAL-CULTURAL AND LEXICAL TIES AND PARALLELS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The possibility of the Hatty-Cascian (Caucasian-Anatolian) origin of the Kassites is also considered and exemplified by the historical, cultural and linguistic material available to us. The data of cultural history, ethnonyms, toponyms, anthroponyms, theonyms are involved. In comparative terms, Cassit and Circassian vocabulary related to horse breeding and horsemanship are considered. In conclusion, it is emphasized that the comparison of the Kassit and Abkhaz-Adyghe historical, cultural and linguistic material has certain prospects and can be continued.

Keywords: Mesopotamia, the Caucasus, the Kassites, the Hatty-Cascians, proto-Abkhaz-Adyghe tribes, anthroponyms, theonyms, ethnonyms, toponyms.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-15-22

ГЕРОЙ VICE VERSA: НЕ СОВЛАДАВШИЙ С ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

20-е – 40-е гг. XIX в. являются переломными с точки зрения политических судеб ведущего восточночеркесского княжества – Большой Кабарды. После шестидесятилетнего имперского натиска на большей части ее территории была установлена власть российской военной администрации. Значительная часть населения, не согласная с оккупационным режимом эвакуировалась на запад страны. На этом фоне разворачивается жизненная траектория одного из отпрысков владельческого княжеского рода Хатокшоко. Одной из основных задач работы стала реализация процедуры «биографической дистинкции» двух полных тезок (Хатокшоко Магомет), фигурирующих в источниках. Необходимость подобной задачи продиктована тем обстоятельством, что носители данного имени следовали двум диаметрально противоположным (политически и этически) жизненным стратегиям. Примечательной представляется и последовательность избранной жизненной траектории: если один из персонажей предстает целостной, монолитной фигурой, то герой настоящего текста являет пример непоследовательного, «ветренного» характера. Представляется несомненной, что неоднократные переходы из одного противоборствующего лагеря в другой, наблюдаемые в биографии князя определялись не столько характером разворачивавшихся в тот период военно-политических коллизий в регионе. Ключом к объяснению противоречивых и по существу, антагонистичных решений (сопровождавшихся моральными и политическим издержками) свойственных персонажу очерка рассматривается допущение о его внутренней незрелости, не позволившей ему проявить себя как индивидуально целостную фигуру.

Ключевые слова: хаджреты, Хатокшоко Магомет, Черкесия, Кабарда, военная линия, война, ренегат.

Рассматривая событийную канву военного продвижения России в Черкесии, пользуясь имперской терминологией, в Центре и на Правом фланге Кавказской линии в 20-е – 40-е гг. XIX в. особо заметным является имя черкесского *тицы* Хатокшоко Магомета. Обращает на себя внимание, что его носитель в зависимости от обстоятельств выступает не только не в идентичных, а порой явно антагонистичных ролях. В источниках и литературе человек по имени Хатокшоко Магомет (русскоязычная форма фиксации «Магомет Атажукин») предстает то как храбрый предводитель черкесской конницы, то действующий с не меньшей отвагой, но уже в рядах противника воин; то мы наблюдаем образ живого воплощения *chevalier sans peur et reproche*, то повествование упирается в нелицеприятную аттестацию человека «слабого характера», который «в народе особым уважением не пользовался» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20.], то речь идет о подкупающем своим альтруизмом персонаже, без раздумий идущем на заведомое самопожертвование спасая товарищей по оружию, то о коварном, вызывающем непреодолимое отторжение братоубийце. Деяния и поступки, связанные с именем Хатокшоко Магомета настолько несочетаемы, что на первый взгляд возникает ощущение некоего «фьюжена».

Вместе с тем следует иметь в виду, что в условиях (военной) экспансии модернизирующейся империи в пространство традиционного мира персонажи с радикальной переменной жизненных (в том числе политических) позиций встречаются нередко; более того «метущихся меж двух огней» фигур она рождает с неумолимой закономерностью. И кавказский (в частности, черкесский) материал с избытком подтверждает данное правило. Поэтому заметное присутствие означенного имени в столь разнящихся обстоятельствах и проявление личностных черт в не менее полярных ролях подталкивает к заключению об иллюстрации очередной жизненной траектории с высокой амплитудой биографических флуктуаций.

Между тем, ознакомление с историческим контекстом военных коллизий в центральной и западной Кабарде обозначенного периода, обращение к различительным признакам и процедуре «биографической дистинкции» позволяет говорить о двух разных людях. В первом случае речь идет о снискавшем всенародную любовь (не угасшую и по сей день) первом рыцаре Черкесии – Хатокшоко Магомет Аша (в источниках не всегда упоминается его прозвище Аша, означающий «сухорукий», «косорукий»). Вторым фигурантом предстает его полный тезка, жизненный путь которого разительно отличается от биографии выдающегося представителя клана Хатокшоко. На некоторых (отраженных в источниках) эпизодах жизни последнего и концентрируется настоящий текст.

Исходя из сведений источников, сообщающих о том, что в 1842 г. князю Хатокшоко Магомету было 53 года можно полагать, что дата его рождения относится к самому началу последнего десятилетия XVIII в. Если за год рождения взять 1789 г., то становится очевидным, что все невиданные катаклизмы (губительная эпидемия чумы, череда напряженных военных кампаний с Россией в 1804–1810 гг., зарождение и первый этап хаджретского движения в Кабарде) происходили перед его глазами в сознательном возрасте. Если же учесть, что фигурирующий в одном из документов начала XIX в. в качестве одного из сыновей лидера хаджретского движения Хатокшоко Адильгерей «Магамат» [Сборник документов... 2003: 46] и есть герой настоящего текста (хотя допустима и иная генеалогия) следует признать и его вовлеченность в главнейшие для судеб Кабарды перипетии. (Факты того, что рассматриваемый здесь персонаж «воспитывался за Кубанью» и не владел русским языком на протяжении жизни косвенно подкрепляют предложенную версию о его происхождении). Принимая во внимание бескомпромиссную борьбу, которую в начале века вел лидер шариатского движения с Россией и его статус непререкаемого авторитета и харизматического лидера в восточных областях Черкесии, несложно предположить направление мыслей и характер деятельности князя Хатокшоко Магомета в ранней молодости. Однако известные нам источники молчат об этом периоде его жизни.

Лишь на излете второго десятилетия XIX в. он, кажется, опять фиксируется в письменных источниках. Согласно российским документам («послужному списку»), относящимся к началу 1840-х гг. Хатокшоко Магомет, в 1819 г. находясь в отряде «под начальством главнокомандовавшего отдельным Кавказским корпусом генерал лейтенанта Ермолова» участвовал «при разорении за Кубанью Маргушевскаго аула» [ЦГА КБР Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12]. Следует уточнить, что данная операция была осуществлена позднее, в ноябре 1821 г., и в ней, сам Ермолов непосредственного участия не принимал хотя и был ее инициатором.

Вернувшись, в сентябре 1821 г. из Петербурга, Ермолов встретился в Георгиевске с командующим российской военной линией Сталем, где он «условился с ним о мерах к полному и окончательному покорению кабардинцев» [Потто 1904: 34]. Линейному командующему было предписано «собрать баталион в тысячу штыков для действия в Кабарде» [Потто 1904: 38]. Потто пишет, что «Сталь решил направить колонну майора Курило на те аулы, которые успели уже бежать к закубанцам» [Потто 1904: 38]. Как он сообщает: «Мера эта, по мнению его, являлась необходимою, чтобы сразу отнять у закубанских племен охоту вмешиваться

в наши дела с кабардинцами, а кабардинцам показать, что никакие союзники не предохранят их от ударов русского оружия» [Потто 1904: 38].

Развитие событий описано следующим образом. «Верстах в 50-ти от нашей границы, в конце долины, называемой Кардон-Тхали (возможно Кардоник (Къэрдэныдж). Къэрдэнтхэлэ – правый приток Баксана в современной КБР. – Т.А.), у подножья высоких гор, приютился аул Маргушева, одного из знатнейших узденей Большой Кабарды, ранее других ушедшего к верховьям Кубани. Его то Сталь и обрек на истребление» [Потто 1904: 38]. Здесь следует отметить, что фактор, как именовали имперские агенты «беглых кабардинцев», действовавших из-за Кубани в этот период был остроактуальным для российского военного командования в регионе. А аул Маргуш (Маргъущей, Маргъущхьэблэ) предстает чуть-ли не единственным кабардинским селом, фиксирующимся в это время на кубанском левобережье.

Российский автор следующим образом повествует о развернутой против черкесского села операции. «Несмотря на далекий путь (более ста верст) (такое расстояние в тексте несколько затруднительно для восприятия учитывая выше обозначенное здесь же расстояние в пятьдесят верст от «российской границы». – Т.А.), несмотря на дожди, туманы и плохия дороги, заставивши нас бросить даже орудия, Курило настолько умел скрыть движение колонны (представляется не без помощи проводников – Т.А.), что прошел это пространство никем незамеченный. Он уже приближался к аулу, когда несколько кабардинцев, случайно проезжавших по дороге, открыли отряд и предупредили жителей. «Уже за версту от деревни, – пишет Сталь в своем донесении, – слышен был ужасный вопль спасавшихся женщин». Курило послал вперед казаков, и те, ворвавшись в аул, принялись рубить направо и налево; подоспевшая пехота довершила поражение, и аул был превращен в развалины» [Потто 1904: 39].

Хотя эти действия и были оценены как успешное «изгнание хищников» [ЦГА КБР. Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 12] аул Маргуш был вскорости восстановлен, и его жители продолжали оставаться упорными противниками России [Потто 1904: 45]. В разгар кабардинской эвакуации в начале лета 1822 г. повторный удар по этому селу был признан одним из приоритетов российского командования так как он продолжал считаться «разбойничьим притоном всех мятежных князей». Завершая кабардинскую экспедицию российские войска атаковали этот населенный пункт. «После сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены», – сообщает в этой связи источник. [Потто 1904: 58].

Вторая услуга, оказанная российскому командованию Хатокшоко Магометом была несравненно значимее участия в походе против соотечественников. Речь идет об убийстве одного из лидеров черкесского Сопротивления в Кабарде в 1818–1822 гг. князя Хатокшоко Талостана (кроме этой формы фиксации в русских источниках данное имя встречается как «Таустан» и «Тау-Султан»). Согласно Потто командующий на Линии Сталь в январе 1823 г. сообщил об этом событии Ермолову в следующих выражениях. «Кабардинскому владельцу Магомету Атажукину (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), еще в 1819 году, когда он управлял Бабуковым аулом, поселенным близ Георгиевска, я поручил доставить нам случай убить разбойника Тау-Султана (Хатокшоко Талостан. – Т.А.), или же, чтобы он, Атажукин (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), взялся за это сам, так как мне известно было о личной вражде его к Тау-Султану (Хатокшоко Талостан. – Т.А.)» [Потто 1904: 106–107]. По словам Сталя, Хатокшоко Магомет обязался выполнить подобное поручение. Однако взяв в 1821 г. «билет на проезд в Кабарду, ушел за Кубань и там остался на жительство» [Потто 1904: 107]. Получив известие об исполнении своего поручения спустя больше года, Сталь не без удивления отмечал: «Я уже не полагал, чтобы он по его ветренности сдержал свое обещание; но ныне, убив Тау-Султана (Хатокшоко Талостан. – Т.А.), он вернулся назад и обратился ко мне с просьбой о прощении в самовольной отлучке» [Потто 1904: 107].

Не питая иллюзий насчет преданности Хатокшоко Магомета имперскому командованию Сталь заключал, что князь «по всей вероятности вернулся потому только, что опасался мщения закубанцев, но что тем не менее в уважение заслуги, оказанной им, прощение ему даровано» [Потто 1904: 107]. (Несмотря на явный скепсис, выраженный в отношении лояльности князя Магомета со стороны контактировавшего с ним военачальника, В.А. Потто позже аттестовал его в качестве «горячего приверженца России» [Потто 1994: 395]). Как бы то ни было два обстоятельства совершенного злодеяния добавляют штрихов к портрету интересующего нас персонажа. Первое, это то обстоятельство, что князь Магомет, согласно Потто, был не просто однофамильцем или же членом одного с Талостаном клана – он приходился его двоюродным братом [Потто 1994: 395]. Второй нюанс, характеризующий Магомета с точки зрения нормативного представления о черкесском князе сводится к способу совершения преступления. Об этом известно, что Талостан «**был убит из-за сады** своим кровником другим кабардинским князем» Хатокшоко Магометом (выделено нами. – Т.А.) [Потто 1904: 106]. Такая форма расправы как неблагородная порицалась не только в аристократической среде. О том, что подобное деяние осуждалось всем обществом можно судить по тому как в языковом сознании черкесов такой поступок зафиксирован в крайне диффамативном ключе – «гъуанэдэуэу укЫн» («убить из-за угла»).

Важно обратить внимание, что кроме этического в поступке Хатокшоко поступает очень зримое военно-политическое измерение. Следует отметить что российское командование рассматривало Хатокшоко Талостана в качестве «сильнейшего из кабардинских владельцев», а по своим политическим взглядам он аттестовался как «непримиримый враг русских» [Потто 1904: 53]. Не случайно, что именно против него была направлена вся военная мощь, сконцентрированная Ермоловым в мае-июне 1822 г. в Баксанском ущелье. Постфактум считалось, что предпринятая Ермоловым экспедиция должна была «навести спасительный страх не только на все население Кабарды, но и на ближайшее к нему Закубанье» [Потто 1904: 53]. Как бы то ни было российские войска, тогда впервые смогли пройти до самых верховьев Баксана, а проход местности, где на одной из скал рукой князя Талостана была начертана надпись «Здесь проходит только друг», по-видимому, в военных реляциях был отмечен особо. Несмотря на задействованный мощный ударный кулак под личным руководством самого Ермолова князь Талостан, по признанию Потто «не был захвачен врасплох» и он сумел провести организованную эвакуацию населения за Кубань. Поэтому не удивляет признание российского автора, сожалевшего о том, что и экспедиция тогда «не вполне удалась» [Потто 1904: 55]. Иллюстрируется это тем, что всю осень 1822 г. хаджретские отряды под предводительством Хатокшоко Талостана и Касай Исмаила занявшие ущелья Баксана, Чегема и Череча продолжали вести активные боевые действия против русских войск [Потто 1904: 66, 68.]. К тому же, к исходу года командование начало получать тревожные сведения и об успехах хаджретских лидеров по эффективному вовлечению военного потенциала политической закубанской части страны в борьбу за Кабарду. Она была актуализирована настолько, что «Черкесские князья повсюду стали съезжаться на совещания» [Потто 1904: 106]. Хаджретские лидеры, по словам Потто «употребляли все силы, чтобы возжечь среди соплеменных и единоверных [западных] черкесов пламя ненависти» «к пришельцам которые поработили их родину» [Потто 1904: 106]. «И теперь на собравшемся по этому поводу общем совещании черкесов было решено совокупными силами освободить от чужеземного владычества Большую Кабарду и отомстить России полным разгромом линии...» [Потто 1994: 394].

Впоследствии интересовавшийся данным сюжетом автор довольно в зловещих и вместе с тем патетических интонациях описывал сложившуюся ситуацию. «...Над линией готова была разразиться жестокая военная гроза. Предстояло иметь дело уже не с отдельными хищниками и не с мелкими партиями... вставал весь

воинственный народ, чтобы отстоять свою полудикую вековую независимость и чтобы отомстить за попранные... права, за поруганные святыни и самобытные обычаи» [Потто 1994: 395]. Однако представлявшийся неотвратимым сокрушающий удар не состоялся, в том числе и из-за того, что на «замахе» черкесского натиска «одно из главных действующих лиц поднимавшего голову восстания» было сброшено с авансцены событий. По крайней мере в литературе констатируется, что смерть князя Талостана тогда «действительно разстроила все планы кабардинцев...» [Потто 1994: 107].

Все же, вслед за паузой, вызванной, в том числе и этим событием черкесы Восточного Закубанья прорвали российскую линию. В мае 1823 г. было разгромлено большое селение Круглолесское. Главными виновниками понесенного поражения генерал Вельяминов считал «беглых» кабардинцев [Потто 1904: 135]. Примечательно, что существенную помощь черкесскому предприятию тогда оказали ногайцы, «разселившиеся по берегу Малаго Зеленчука» и «служившие... как бы передовыми форпостами» [Потто 1904: 116]. Прибывший на театр военных действий после круглолесского погрома Вельяминов в этой связи писал Ермолову: «Удостоверяясь, что закубанские, ногайцы, под личиною мирных, участвуют во всех грабежах и разбоях, я признаю нужным первый удар оружия нашего за Кубанью обратить на ногайцев...» [Потто 1904: 127]. В конце июня генерал, сконцентрировав 1400 штыков и 600 казаков с 25 орудиями, нанес тяжелый удар по ногайцам; к 5 июля из-за Кубани войска перегнали 1467 человек пленных и до 8-ми тысяч голов скота [Потто 1904: 132].

На последовавшем черкесском совещании было решено восполнить потери ногайцев за счет очередного погрома российской линии. Оповещенный о намерениях противника Вельяминов решил упредить их. Сконцентрировав в своих руках три тысячи человек пехоты и восемьсот казаков с 20 орудиями генерал повел войска через Кубань [Потто 1904: 137]. Их целью был разгром ногайских аулов, поселившихся в глубине Закубанья на Лабе. В этих обстоятельствах услуги Хатокшоко Магомета опять были востребованы россиянами. «Я надеялся найти в нем (Хатокшоко Магомете. – Т.А.), – докладывал позже Вельяминов, – хорошаго проводника, так как он в прежнее время долго жил за Кубанью, воспитывался там и должен был хорошо знать закубанские земли. Я в сем не ошибся» [Потто 1904: 141]. Судя по тому как многочисленный отряд незаметно и оперативно сумел подобраться к расположению противника можно заключить, что генеральский отзыв на действия ренегата был заслуженным.

Алгоритм движения был таков: «Войска перешли Кубань у Невиннаго Мыса в ночь с 29-го на 30-е сентября и, сделав с небольшим в сутки более ста верст, утром 1-го октября появились уже на Чамлыке. Здесь они провели весь день, скрываясь в балках и лесах, и только ночью двинулись далее». [Потто 1904: 137]. Еще затемно войска вышли к трем «отстоявшим в близком расстоянии один от другого» аулам ногайского князя Эдиге Мансурова бежавшим с Зеленчука [Потто 1904: 137]. Миссия, возложенная на Хатокшоко Магомета, возможно, и сводилась лишь к роли проводника, но согласно российскому командующему, князь, весьма активно проявил себя на всех этапах операции. Вельяминов отмечал, что Хатокшоко «был безотлучно в авангарде при Якубовиче и сверх сего сражался против закубанцев со свойственною ему храбростью, в которой никто ему не откажет» (Согласно повествованию Потто наряду с Якубовичем только он и обратил на себя внимание генерала [Потто 1904: 141].

Для того, чтобы яснее представить заслуги Хатокшоко, столь высоко оцененные его начальством имеет смысл обратиться к действиям авангарда российского отряда в котором «безотлучно» пребывал интересующий нас персонаж. Ретроспективно их можно описать следующим образом. В ночь на 2-е октября «Якубович с двумя линейными сотнями пошел вперед на разведки и скоро дал знать, что он переправился уже за Лабу и стоит в виду ногайского аула. Тогда шесть сотен

линейных казаков, под командой командира Волжского казачьяго полка майора Верзилина, быстро переправились через Лабу и во весь опор понеслись к Якубовичу. Две роты Навагинского полка и рота тенгинцев с четырьмя орудиями поддерживали движение конницы. Баталион ширванцев придвинулся к самой Лабе и занял перелески, чтобы перехватывать тех, которые будут искать спасения на правом берегу Лабы.

Еще было темно, когда казаки соединились с Якубовичем и увидели перед собою не один, а целые три аула... Аулы захвачены были совершенно врасплох. Это позволило восьмистам казаков беспрепятственно расправиться с ногайцами. Как отмечается у Потто: «Из жителей не спаслось почти никого: 300 человек были вырезаны, 566 душ захвачены в плен» [Потто 1904: 137]. Есть все основания полагать, что Хатокшоко Магомет был вовлечен в данную акцию массового убийства, которая по сложившимся представлениям о способах ведения войны, несомненно подпадает под понятие военного преступления. Однако «свойственная храбрость в которой ему никто не откажет», следует полагать была проявлена не только при истреблении полусонных ногайцев. Об этом можно судить и по другому отличию авангарда российских войск, в котором князь, как выше отмечено, находился «безотлучно».

Уже спустя несколько часов, к полудню 2-го октября войска оперативно переправились обратно на правый берег Лабы и расположились лагерем. Вскоре и черкесы оповещенные о свершившейся трагедии начали собираться в верховьях р. Ходзь. Сосредоточив все силы в лагере Вельяминов несколько дней ожидал нападения во всеоружии. Но черкесы не приступали к обещавшему напрасные потери штурму, «а потому Вельяминов 7-го октября снялся с своей позиции и двинулся вниз по Лаббе, чтобы перейти Кубань у Усть-Лабинской крепости» [Потто 1904: 139]. Вскоре по пути отходивших войск развернулись драматичные события.

В одной из работ они описаны с обстоятельной подробностью (впрочем, не лишенной эмоциональной предвзятости) поэтому позволим себе привести пространную цитату из нее. «В полдень, когда отряд шел не дорогой, а целиной по густой траве и бурьяну, вдруг подул сильный встречный ветер и замедлил наше движение. Черкесы быстро сообразили возможность поставить нас в опасное положение и, обскакав отряд стороною, зажгли впереди его степь. Никому из русских не приходила мысль о возможности степного пожара, как вдруг перед ними появилась густая черная туча дыма, и не больше как через четверть часа целая сплошная стена пламени, гонимая вихрем, уже неслась прямо на войска. В отряде поднялась тревога; обозы и артиллерия повернули назад. Но огонь быстро догонял их и опасность с каждой минутой становилась страшней и очевидней; более всего боялись за взрывы зарядных ящиков, которые могли причинить нам громадные потери. К счастью, Вельяминов с своим обычным хладнокровием приказал тотчас зажечь траву позади отряда, и тот же степной пожар, который грозил ему спереди, явился его спасителем в тылу. Скоро позади нас очистилось обширное пространство без травы, и обозы с артиллерией расположились на поле, еще покрытом не остывшим пеплом. Пламя, догонявшее нас, дойдя до этого обгорелаго пространства, погасло собою.

Неприятелю не удалось однако воспользоваться нашим замешательством. Следуя за стеною пламени и оглашая воздух радостным гиком, черкесы считали отряд своею добычею. И, действительно, если бы они захватили нас в тот момент, когда на небольшой обгорелой площадке отряд не успел еще разобраться среди столпившихся обозов и орудий, – результаты битвы могли бы быть совершенно иные. К счастью, в авангарде был Якубович, быстро сообразивший возможность обратить во вред неприятелю даже самую выгоду его положения. Триста спешенных казаков и цепь Навагинского полка бросилась за ним через сплошную массу огня и, выскочив из нея, внезапно врезались в ряды ошеломленного неприятеля. Бой среди удушающаго смрада горевшей травы, длился лишь несколько минут, и

горцы бежали в совершенном смятении» [Потто 1904: 140]. Не вдаваясь в выяснение оправданности бравадно-патетического стиля описания представленного эпизода отметим важные с точки зрения настоящего текста нюансы. Прежде всего, это несомненное участие князя Хатокшоко Магомета в этом, экстраординарном по своим обстоятельствам, бою. Весьма примечательно, что противник поставивший в весьма опасное положение многотысячный отряд российских войск в авангарде которого проявил активность черкесский князь, в основном состоял из хаджретов (многих из которых, он несомненно знал лично). Об этом можно судить по заключению данного этюда в выше упомянутом тексте гласящее, что «Особенно пострадали при этом беглые кабардинцы, потерявшие тяжело раненым одного из лучших своих предводителей» – Касай Измаила [Потто 1904: 140].

Заслуги князя в этом походе были отмечены особо (к тому же не забывались спустя и много лет). В послужном списке, относящемся к 1842 г. в частности отмечается: «1823 года во время разорения Мансуровского аула за Кубанью был проводником начальника Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова за что и награжден одновременно денежною наградою 1000 рублей ассигнациями» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. О высокой оценке действий Хатокшоко Магомета свидетельствует и рапорт Вельяминова от 15-го ноября 1823 г. Проявляя заботу о своем новом подчиненном генерал отмечал: «Семейство его и люди задержаны были в плену у ногайцев. Справедливость требовала дать ему способов возвратить их, а потому из числа пленных, взятых на Лабее, дал я ему для вымена двух сестер [ногайского] князя Солибея и 8 человек из простаго народа. Князь Атажукин (Хатокшоко. – Т.А.) останется при войсках, пока в нем будет надобность, а семью его отправлю на Малку, а затем весною она поселится у Кыз-Буруна, напротив Баксанского укрепления» [Потто 1904: 141].

Подобные проявления благосклонности со стороны российского командования, по-видимому, укрепляли его лояльность по отношению к имперской администрации. По крайней мере, при массовом выступлении черкесов Кабарды в 1825 г., согласно сведениям Н.А. Волконского, князь Магомет вроде бы остался равнодушен к всеобщему порыву [Волконский 1886].

Относительно следующих пяти лет жизни Хатокшоко Магомета мы не располагаем какой-либо информацией. Однако начало очередного имперского натиска на Черкесию вслед за Адрианопольским трактатом 1829 г. предоставило благоприятные возможности для последующей реализации обозначившейся индивидуальной стратегии и демонстрации уже устоявшихся верноподданнических устремлений. В «досье» на него, в этой связи, лаконично отмечается: «1830 года под начальством Главнокомандовавшего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванского в земле Абадзех и Сапсуг [принимал участие] в сражении с неприятелем и за оказанное в сей экспедиции отличие и храбрость произведен в прапорщики» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. «В последующем он состоял в Кавказско-горском полку в Варшаве» (но, судя по всему не успел принять участия в подавлении польского восстания 1830–1831 гг.) [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20]. После этого имя героя настоящего повествования опять выпадает из круга доступных нам источников.

Примечательны обстоятельства при которых Хатокшоко Магомет опять фиксируется в документах. В двадцатых числах марта 1834 г. отряд российских войск состоявший из 980 человек пехоты и 500 конницы при пяти орудиях отряд под командованием полковника Засса напал на одно из абазинских сел в Восточном Закубанье. На обратном пути черкесы атаковали отходившие войска в результате чего обе стороны понесли ощутимые потери. После боя к российскому командующему были доставлены аманаты от абазин. Как отмечается в источнике в это время к нему также явились хаджретский князь Бесланок Аслангирей и абазинский предводитель Клыч Джамбулат. Так как они никаких аманатов не выдавали легко

предположить, что предметом переговоров был обмен телами погибших. Весьма примечательно, что среди переговорщиков, считавшихся упорными врагами России (особенно, аттестовавшийся российским командованием «одним из самых злых бичей Кавказской линии» князь Аслангирей) [Торнау 1999: 198] находился и «прапорщик Магомет Атажукин», т.е. Хатокшоко Магомет [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Можно по-разному толковать его присутствие в этот момент среди открытых врагов России, но факт того, что в последующем в его «досье» не попадало обвинений в очередном переходе на сторону противника, говорит о достаточно веских аргументах его нахождения, предъявленных им его покровителям. Как бы то ни было у современников складывалось впечатление, что в этот период Хатокшоко Магомет находился на особом счету у имперской администрации. В апреле 1837 г., замирившийся с русскими князь Касай Измаил, добываясь возвращения оставленных в свое время в центральной Кабарде подвластных, апеллировал к примеру Хатокшоко Магомета, который с его слов «несколько раз бегал за Кубань, но по распоряжению правительства возвращены ему» крестьяне [ЦГА КБР. Ф.И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 6]. Несколько позже вторил ему и Шардан Якуб. Он подчеркивал: «Если же кому из бежавших кабардинцев за Кубань возвращается оставшиеся в [центральной] Кабарде имущество, то не иначе как по особым заслугам нашему правительству и то с разрешения Высшего подобно тому как бежавшим из Кабарды и ныне имеющим жительство за Кубанью кабардинскому князю... Магомету Атажукину (Хатокшоко Магомет. – Т.А.)... с разрешения начальства возвращено несколько душ холопов с имуществом...» [ЦГА КБР. Ф.И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 16]. Итого у него в ауле на «вершине Малого Зеленчука» было 30 сакель, «крестьян мужеска пола 28 и женска 27» (среди которых, как выше отмечалось «уважением не пользовался») [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. Подтверждением благожелательного отношения российской военной администрации служит и последовавшее в 1838 г. производство Хатокшоко Магомета в поручики с формулировкой «за отличие по службе» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20]. И в целом считалось, что он «к пользам правительства был предан» и именно «за отлично усердную службу и преданность правительству повелено [было] производить пансион по 250 р. серебром в год» с 1840 г. [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12, 13].

Но «ветренность» его характера, о которой за два десятилетия до этого говорил генерал Сталь, по-видимому, с годами не была изжита. По крайней мере нам не известен мотив по которому князь решился на очередной резкий поворот в своей жизни. 14 октября 1842 г. начальник корпусного штаба генерал-майор Коцебу в своем рапорте в военное министерство сообщал, что «кабардинского племени поручик князь Магомет Атажукин (Хатокшоко Магомет. – Т.А.) и старшина карачаевского народа, прапорщик Барда Крымшавкалов, пользовавшийся от нашего правительства содержанием бежали: первый к непокорным горцам, а последний неизвестно куда» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 1]. Побег был совершен 13 августа того же года.

За период пребывания вне зоны имперского контроля князь Магомет не стал частым фигурантом военных реляций. Редким (кажется, единственным) упоминанием его имени в контексте антироссийской активности стал рапорт войскового старшины Бирюкова от 5 января 1844 г. на имя генерал-майора Ольшевского. В нем отмечалось, что вместе «с преданным» князем, прапорщиком Хатокшоко Хатокшуко «непокорный» Хатокшоко Магомет «с подвластными узденями же живущими на реке Хасаут имеют намерение на сих днях напасть и отбить с коша состоящего близ поста Е(м)ановского состоящего атару баранов, или конный табун принадлежащих князю Тугану Ахлову и карачаевскому старшине Крымшамхалову». В качестве превентивной меры Бирюков выслал в предполагаемый район «злодеяния» отряд в 50 человек казаков при есауле Оклярове [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 96. Л. 17]. Однако, насколько известно, данный сюжет

не получил продолжения. Во всяком случае позднее российские власти стали исходить из того, что Хатокшоко Магомет «в бытность у непокорных горцев не предпринимал противу нас никаких неприязненных действий [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. Однако независимо от этого бегство князя не могло оставаться без реакции со стороны военной администрации. В апреле 1844 г. «Высочайше [было] повелено: бежавшаго к непокорным горцам, кабардинскаго племени поручика князя Атажукина исключить из списков, и предать, по отыскании военному суду, по полевому уголовному положению [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 34]. Между тем временно-командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, «донося бывшему командиру отдельнаго Кавказскаго корпуса [сообщал]:

Что князь Атажукин (Хатокшоко. – Т.А.), до состояния еще означеннаго Высочайшаго повеления, просил исправляющаго должность начальника праваго фланга Кавказской линии, о Всемилостивейшем прощении его за побег в горы, с возвращением чина и жалованья за время отлучки, и о дозволении ему возвратиться на прежнее место жительства, но просьба эта оставлена без уважения...» [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. Однако вскоре от князя последовало новое прошение «о прощении его, не предлагая уже, никаких условий, с дозволением ему поселиться на Хасауте, в ауле» уорка Хагундоко Хаджи [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. В итоге Хатокшоко Магомету было разрешено проживание в упомянутом селе на р. Хасаут «под строгим надзором местного начальства, не возвращая ему впрочем чина и не производя никакого содержания, ни за прежнее ни за будущее время [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 36].

Документ, в котором обозначено итоговое решение по вопросу возвращения Хатокшоко Магомета датируется 18-м января 1845 г. С 12 января, практически одновременно с финалом переписки о даровании «прощения» князю в рапортах военных начальников между Левым и Правым флангами стали фигурировать сообщения о передвижениях эмиссаров Шамиля в регионе. В поступавшей командованию информации по данному вопросу наблюдается один эпизод, который мог опрокинуть все усилия князя Магомета по благополучному возвращению под монаршее покровительство утвердив российское начальство во мнении о его непостоянстве и «ветренности». Неблагоприятный оборот в судьбе князя мог произойти из следующих обстоятельств. 9 февраля 1845 г. пристав Тохтамышевских аулов штабс-капитан Зергель в рапорте из Усть-Джегутинского укрепления доносил: «Чрез посланных мною лазутчиков я получил верное сведение, что посланный от Шамиля назначенный заместником вместо умершего Хаджи Магомета к закубанским племенам чеченский эфендий по имени Салман в сопровождении одного товарища беглого кабардинскаго эфендия Салиха проехали за Кубань секретным образом выше Каменного моста более уже пяти дней и проездом (хотя лазутчики совершенно не удостоверяют, но по слухам носящимся известно) имели ночлег на Касауте в ауле кабардинскаго князя Магомета Атажукина (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), смежнаго с аулом Аджи Ахандукова (Хагундоко Хаджи. – Т.А.)» [Адыгэ макъ] Об итогах данной переписки нам не известно, однако согласно биографическому справочнику А.В. Казакова, кажется можно сделать вывод об участии героя настоящего повествования еще в одном акте «верноподданническаго служения». В данном издании зафиксирован персонаж по имени Хатокшоко Магомет («Атажукин Магомет»), который был участником Крымской войны в «Азиатской Турции» [Казаков 2006: 59].

Разумеется, представленная фактография, характеризующаяся фрагментарностью и обрывистостью сведений о жизни рассматриваемого персонажа и во многом зависимый от них интерпретационный ракурс не позволяют выстроить полноценный «объемный» биографический портрет. Однако несмотря на многочисленные лакуны и однообразие источников (документация военного ведомства) анализ имеющихся сведений о жизни Хатокшоко Магомета удостоверяет в адекватности аттестации его личности как героя *vice versa*. Подобная оценка

оправдана не столько тем, что всякий взгляд на его жизнедеятельность обречена на соотнесение с деяниями его полного тезки безукоризненная рыцарская репутация которого будет всегда довлеть над блеклым образом старшего (по возрасту сородича). Речь идет о явленной несостоятельности князя, как вынесено в название текста, своему предназначению в черкесском социуме.

Источники и литература

1. Адыгэ макъ. Архив (Часть 2) // www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=7203 (Дата обращения: 22.07.2017).
2. РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив.
3. ЦГА КБР – Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики.
4. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. Нальчик, 2003. Т. II. 484 с.
5. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886 / drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/volkonskij_N_A/text.php. (Дата обращения: 01.08.2019).
6. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. 405 с.
7. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. 686 с.
8. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. II. 590 с.
9. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.

HERO VICE VERSA: TO BIOGRAPHY OF FAILED PRINCE

Aloev Timur Khazrailovich, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

20-s – 40-s of the XIX century are crucial for the political fate of the leading East Circassian principality – Great Kabarda. After a sixty-year long imperial onslaught the power of the Russian military administration was established in most of its territory. A significant part of the population who did not agree with the occupation regime was evacuated to the west of the country. Against this background, the life trajectory of one of the Hatokshoko princely family's offspring unfolded. One of the main tasks of this work is the implementation of the “biographical distinction” procedure of two full namesakes (Khatokshoko Magomet), appearing in the sources. The need for such a task is dictated by the fact that the bearers of this name followed two diametrically opposed (politically and ethically) life strategies. The sequence of the chosen life trajectory is also noteworthy: while one of the characters appears as an integral, monolithic figure, the hero of this text provides an example of an inconsistent, “windy” character.

Keywords: hajret, Khatokshoko Mohammed, Circassia, Kabarda, military line, war, renegade.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-23-32

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В ГОРСКИХ ОКРУГАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ВОПРОСЫ АВТОНОМИЗАЦИИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

В статье рассматривается эволюция исследовательских оценок одного из ключевых аспектов революционного периода на Северном Кавказе, а именно процессов национально-государственного строительства горских народов региона. Характерной тенденцией ранней советской историографии проблемы, являлся взгляд на революцию как на финальный акт национально-освободительной борьбы горцев против колониального угнетения. Однако, с начала 30-х гг., подобный подход был признан подверженным влиянию «буржуазно-националистической идеологии» и, соответственно, не отвечающим задачам пролетарского интернационализма. Новые исследования отныне акцентировали внимание на разработке вопросов классовой борьбы в регионе и создания и развития советской государственности коренного населения Северного Кавказа. Само национально-освободительное движение горцев рассматривалось теперь как неотъемлемая часть более глобальной борьбы за идеалы социализма. В постсоветских работах внимание уделяется становлению несоветских форм государственности горцев, связанных с «февральским» дискурсом федеративного устройства постимперской России.

Ключевые слова: советская историография, революция, Северный Кавказ, национально-освободительная борьба, автономия.

Уже в ранних советских исследованиях национальная проблематика ставилась во главу угла в разворачивавшихся в северокавказском регионе революционных процессах. По словам Н. Янчевского, Терская область представляла «собой кипящий котел, клокочущий национальной ненавистью, подогретой религиозным фанатизмом», где «национальный вопрос заслонял здесь все остальные вопросы» [Янчевский 1927: 187]. «Характерной чертой Октябрьской революции в горных районах в отличие от центральной России, – писал А. Бегеулов, – надо считать то, что наряду с разрешением вопроса о власти она разрешала задачи национально-освободительной борьбы» [Бегеулов 1932: 41]. «В революционном движении горцев Северного Кавказа, – отмечал Н. Буркин, – большое значение имела задача национального раскрепощения» [Буркин 1931: 5].

Определение «национально-освободительная борьба» или «национально-освободительное движение» оказалось удобным не только для характеристики событий 1917–1920 гг., но также для всего дооктябрьского периода взаимодействия царской России с северо-кавказским социумом. Сюда включались и события Кавказской войны, и народные восстания против репрессивной политики колониальной администрации, и, вызванное аграрным стеснением, абреческое движение начала XX в., и волнения в период революции 1905 г., то есть все, за что в прежние времена могла грозить, как минимум, сибирская каторга, становилось справедливой борьбой с национальным угнетением. Финальным аккордом этой борьбы

выступала Октябрьская революция, в результате которой, горские трудящиеся массы в союзе с русским рабочим классом под руководством партии большевиков, свергли своих угнетателей [Мужев 1965: 61].

В исследованиях революции, изложение непосредственно связанных с ней событий, предваряли картины тяжелого положения горцев в условиях самодержавного строя. «Трудящиеся массы горцев Северного Кавказа, – писал Буркин, – до Октябрьской революции были объектом самого беззастенчивого колониального грабежа со стороны русского самодержавия и своих эксплуататорских классов. После Кавказской войны горцы были окружены плотным кольцом казачьих поселений, а их земли были розданы казакам. Произошло уменьшение населения в горских областях, как за счет физического уничтожения, так и массового выселения в Турцию. Оставшееся горское население, загнанное царским правительством в глубокие горные ущелья было фактически обезземелено» [Буркин 1932: 28].

Такие открытые признания в жестких репрессивных действиях, допущенных царским правительством, должны были выступать своего рода контрастом с политикой Советов, освободивших горцев из-под колониального гнета. Большевики, как новая власть на Северном Кавказе, утверждавшаяся к тому же не безболезненно, не хотели, чтобы их считали правопреемниками старой, с которой ассоциировались все беды колониального периода. Подобные опасения были не безосновательны, поскольку в сознании горцев большевики идентифицировались, прежде всего, по понятному национальному, а не аморфному идеологическому признаку, то есть были теми же русскими, что и царские генералы, покорявшие Кавказ. На это обстоятельство указывал и В. Ленин: «Национальный гнет царизма, неслыханный по своей жестокости и нелепости, скапливал в неполноправных народностях сильнейшую ненависть к монархам. Нечего удивляться, что эта ненависть к тем, кто запрещал даже употребление родного языка, переносилась и на всех великороссов» [Ленин 1974: 115].

В своих исследованиях историки старались свести на нет возможность подобных ассоциаций. Царизм объявлялся общим врагом – для большевиков идеологическим, классовым, для горцев – национальным. Однако после победы советской власти уже не было необходимости чрезмерной апелляции к национальным чувствам, что, к тому же, расходилось с задачами начавшейся кампании по борьбе с «национальными и религиозными пережитками», направленной на складывание идеологически однородной социалистической нации. В этой связи, Буркин в статье «Великодержавность и национализм в горской историографии» подверг критике исследования 1920-х гг., обвинив их авторов в том, что они не стоят на марксистско-ленинской методологии и допускают уклон в сторону местного национализма. «Мы находим, – пишет Буркин, – что авторы отдельных работ по горской истории стараются обычно подчеркнуть особенность развития данной национальности. Мы имеем игнорирование наличия классовой дифференциации и классовой борьбы, приукрашивание своеобразной чистоты народного быта, затушевывание реакционной роли религии» [Буркин 1931: 56].

В дальнейшем, в исследованиях проблемы, отчетливо обозначилась тенденция рассматривать национально-освободительное движение горцев как составную часть движущих сил социалистической революции [Гугов, Козлов, Этенко 1988: 219], то есть представить его «национальным по форме и социалистическим по содержанию», тем самым оспорить положения западной (буржуазной) историографии об отсутствии на Северном Кавказе социальной почвы для распространения большевизма, и о том, что борьба за национальное освобождение являлась здесь исключительно межнациональной борьбой [Империалистическая интервенция 1988: 35–37].

В советских работах утвердился тезис о двойном гнете русского самодержавия и местных эксплуататорских классов – князей и помещиков, которому подвергались горские массы [Улигов 1979]. Соответственно, национально-

освободительная борьба последних, имела социальный подтекст, который обнаруживался не только в ходе революции, но и годы царской колониальной экспансии, проявившись как выступления против горской феодальной верхушки, классово родственной русским генералам. В дальнейшем, на почве этой борьбы, согласно данной схеме, горское крестьянство сблизилось с русским рабочим классом, являвшимся таким же противником самодержавия, и уже вместе с ним свершило социалистическую революцию.

Разрабатывая историю национально-освободительного движения горцев в годы революции, советские авторы не могли всецело представлять его движением горских низов и тем самым игнорировать очевидную роль в нем национальной «буржуазной» интеллигенции и духовенства. Однако, деятельность этих сил преподносилась как не пользующаяся широкой народной поддержкой, преследующая лишь свои групповые интересы и имеющая сепаратистскую направленность [Гугов 1975].

Исследуя вопросы национально-государственного строительства на Северном Кавказе, советская историография, сосредоточившись в основном на советских формах автономии горцев, в частности, провозглашенной в марте 1918 г. Терской народной республике, не дала должной не предвзятой оценки опыту национального самоопределения горцев в рамках светской, демократической Горской республики и теократического Северо-Кавказского Эмирата.

Современная российская историография, свободная от идеологических установок и опирающаяся на прежде не доступную документальную базу, обогатив исследования проблемы новым фактическим материалом, затронула ряд вопросов, которые, в силу обстоятельств, освещались советскими авторами предвзято или же вовсе были обойдены вниманием.

Прежде всего, обозначился новый подход в исследовании процессов национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Считалось, что они были инициированы большевиками, санкционировавшими после прихода к власти образование горских автономий. В современной историографии начало этих процессов связывается с Февральской революцией и, соответственно, с деятельностью выдвинутых ею на политический олимп национальных демократических сил, образовавших «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана».

Более того, как считает В. Кажаров, национальная государственность горских народов после октябрьского переворота развивалась не благодаря, а вопреки советской власти. «На разрушительные силы, вклинившиеся в мирный процесс национального самоопределения этих народов в составе России, последние ответили созданием Горской республики и провозглашением 11 мая 1918 г. ее независимости» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 41].

Анализируя политику Временного правительства в национальном вопросе, А. Кажаров замечает, что «применительно к народам Северного Кавказа ни одна из существующих партий не допускала мысли о возможности предоставления им каких-либо форм государственно-политической автономии. Национально-государственные перспективы народов Северного Кавказа были предопределены потенциалом и возможностями Союза объединенных горцев решать существующие проблемы. От этого зависела и политическая роль горской национальной интеллигенции» [Кажаров 2012: 180].

Зародившиеся в последние годы существования СССР и активизировавшиеся после его распада национальные движения, которые наряду с культурным возрождением выдвигали задачи расширения автономистских возможностей, а в случае с Чечней и обретение независимости, актуализировали в научной среде исследование проблем сепаратизма на Северном Кавказе. Наиболее подходящий в этом отношении для аналогий период как раз был связан с крушением Российской империи.

В современной отечественной историографии прослеживается новая тенденция и в понимании природы национально-освободительного движения горцев [Матвеев 2011]. Вкратце ее суть сводится к следующим положениям. Советские историки в своем интернационалистском, классовом запале переусердствовали в критике дооктябрьской модели взаимодействия российских властей с горским социумом. Колониального гнета не было как такового и, собственно, горские округа не являлись колонией, но, напротив, уверенно стояли на рельсах гражданской интеграции в российское цивилизационное поле. Соответственно, уместно говорить не о национально-освободительной борьбе, а о частных случаях вспышек сепаратизма, не имевшего широкой социальной базы в горской среде.

При поверхностном взгляде на проблему, в действиях горских элит, инициировавших процессы национально-государственного строительства и старавшихся дистанцироваться от большевистской России, можно обнаружить сепаратистские тенденции. Однако, объективный анализ ситуации не приводит к подобным однозначным выводам. «В основе сепаратистских устремлений горской интеллигенции, – пишет А. Кажаров, – лежало идеологическое неприятие большевизма, а не антироссийские политические настроения или тем более традиции» [Матвеев 2011]. Необходимостью противодействия распространению большевизма и провоцируемой им анархии, мотивировались действия и клерикальных кругов, ратовавших за создание Северо-Кавказского теократического государства. Однако если Союз горцев обособлялся только от большевистской России, то лидеры Северо-Кавказского Эмирата отстаивали идею независимости от России в принципе, и свой союз с большевиками во время денникинской оккупации воспринимали как один из способов ее скорейшего достижения.

Автономистские устремления российских мусульман, в том числе и северокавказских горцев, усилившиеся после прихода к власти большевиков, по объективному мнению С. Исакова, не являлись сепаратизмом «в привычном смысле слова» и здесь скорее уместней говорить об «этнорегионализме» и «изоляциялизме», как попытке «сохранить своеобразие духовного и культурного уклада» в условиях социально-политического кризиса [Исаков 2004: 507–510].

В поле внимания российских историков оказались также формы самоуправления горцев, санкционированные белой властью. «Общепринятым в советской историографии, – отмечает В. Цветков, – был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможному в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель» [Цветков 1997].

Сам лидер белого движения на юге России А. Деникин указывал, что северокавказские народы в период его правления пользовались большой самостоятельностью, испытывая на себе лишь вызванное военным временем бремя мобилизации и необходимость продовольственных поставок сообразно численности населения [Деникин 1925: 115].

На данный момент в исследованиях революционно периода в национальных округах Северного Кавказа господствует мнение об отсутствии в автономистских устремлениях горцев тенденции к сепаратизму, полному «отрыву» от России. Подобный дискурс в среде горцев возникал лишь как реакция на отсутствие твердой центральной власти, сползание в анархию и, как случае с «Союзом горцев» –

протест против узурпации власти в стране авторитарным режимом большевиков, прервавших демократический путь развития пост имперского пространства.

В целом, следует признать, что основные векторы национальных движений коренного населения региона, так или иначе, были направлены на интеграцию в российское цивилизационное поле, но лишь при гарантировании определенных форм автономии. В конечном итоге, наибольшую популярность и успех на Северном Кавказе приобрела именно та общероссийская власть, которая провозглашала самые широкие автономистские права.

Источники и литература

1. *Бегаулов А.С.* В борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства горских народов // Революция и горец. 1932. № 10–12. С. 39–58.
2. *Буркин Н.Г.* Революция 1905 г. в национальных областях Северного Кавказа // Революция и горец. 1931. № 3. С. 4–15.
3. *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа // Революция и горец. 1932. № 10–12. С. 28–38.
4. *Буркин Н.Г.* Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 5. С. 44–60.
5. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
6. *Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А.* Вопросы историографии великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1988. 284 с.
7. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы юга России. Берлин: Слово, 1925. 244 с.
8. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004. 600 с.
9. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. 264 с.
10. *Кажаров А.Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Исторический вестник. 2012. Вып. X. Ч. I. С. 153–189.
11. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 184 с.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 35. 600 с.
13. *Матвеев В.А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX – 1917 г.). Ростов н/Д: Омега-Паблишер, 2011. 560 с.
14. *Мужев Н.Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик: КБГУ, 1965. 132 с.
15. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 356 с.
16. *Цветков В.* Забытые страницы второй кавказской войны // <http://www.vif2.ru>.
17. *Янчевский Н.Л.* Гражданская война на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. Т. 1. 208 с.

HISTORIOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY PERIOD IN THE MOUNTAIN DISTRICTS OF THE NORTH CAUCASUS: AUTONOMIZATION ISSUES

Zhansitov Osman Aslanovich, candidate of Historical Sciences, associate professor, Researcher of the New History section of the Institute of Humanitarian Researches – branch of the Federal

State Budget Institution «Federal Scientific Center» Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article discusses the evolution of research assessments of one of the key aspects of the revolutionary period in the North Caucasus, namely, the processes of national-state construction of the mountain peoples of the region. A characteristic tendency of the early Soviet historiography of the problem was the view of the revolution as the final act of the national liberation struggle of the highlanders against colonial oppression. However, since the beginning of the 30s. a similar approach was recognized as influenced by “bourgeois-nationalist ideology” and, accordingly, not meeting the tasks of proletarian internationalism. New studies now focused on the development of class struggle in the region and the creation and development of Soviet statehood of the indigenous population of the North Caucasus.

The highland national liberation movement itself was now considered an integral part of a more global struggle for the ideals of socialism. In post-Soviet works, attention is paid to the formation of non-Soviet forms of statehood of highlanders associated with the “February” discourse of the federal structure of post-imperial Russia.

Keywords: Soviet historiography, revolution, North Caucasus, national liberation struggle, autonomy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-33-38

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ КБР: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И КОНСТИТУИРОВАНИЯ (НАЧАЛО 1920-х гг.)*

Дзамихов Касболат Фицевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), casbolat2013@yandex.ru

Кажаров Артур Гусманович, доктор исторических наук, проректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, artur-kazharov@yandex.ru

Статья посвящена процессу становления национальной автономии Кабардино-Балкарии, которому в сентябре 2021 г. исполняется 100 лет. Различные аспекты исследуемой темы неоднократно становились предметом изучения отечественных историков и правоведов. Они сохраняют актуальность и в современной общественно-политической жизни кабардино-балкарского общества. Отдельными общественными деятелями периодически делаются попытки моделирования своих этнополитических притязаний на основе вырванных из исторического контекста отдельных элементов складывания национальной государственности КБР. Данная публикация (как и многие другие по этой теме) должна способствовать формированию в общественном сознании преемственности национально-государственного развития народов нашей республики.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, Кабарда и Балкария, Горская АССР, автономная область, Конституция РФ 1918 и 1924 гг.

1 сентября 2021 г. исполняется 100 лет становления национальной автономии народов КБР. Как научная проблема она освещалась в многочисленных обобщающих и специальных работах историков и правоведов. Как и в некоторых регионах Российской Федерации вопросы становления и развития национальной автономии сохраняют свою актуальность в постсоветской и современной общественно-политической жизни нашей республики.

1.1. Исторический контекст и концептуальные основы советской политики в области национально-государственных отношений

Главным содержанием исторических процессов, развернувшихся на российском политическом пространстве в условиях революции и гражданской войны, были распад и последующее собирание Российского государства в новой политико-идеологической и административно-территориальной конфигурации. На протяжении почти полутора десятков лет шел непрерывный процесс поиска форм и инструментов управления многочисленными этническими группами и

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

национальностями бывшей Российской империи. Трудности и противоречия указанного процесса изначально были предопределены характером национального вопроса и отсутствием четкой программы его решения.

Изначально большевики были сторонниками унитарного государства, но опыт революционной борьбы привел их к корректировке позиции по этому вопросу. Они не могли не учитывать, что принцип «права нации на самоопределение», начиная еще с середины XIX в., было одним из главных требований демократических и национальных движений в мире [Королева-Конопляная 1997: 17].

Начиная с 1913 г., в решениях различных партийных форумов указывалось на возможность создания автономии, которая рассматривалась как форма организации многонационального государства [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1983: 446–447]. Признав право нации на самоопределение, большевики значительно усилили этот лозунг, провозгласив еще и полную свободу отделения, что уже предполагало национально-территориальный принцип устройства России.

Постоктябрьский исторический контекст характеризовался системным кризисом, полной дезинтеграцией страны, развалом армии и государственного аппарата, оккупации и утраты контроля над значительной частью территории. Как отмечает А.А. Сенцов, с осени 1917 г. автономии начинают складываться как государственная форма и становятся ведущей темой в революционном движении [Сенцов 1990: 124]. В таких условиях большевикам необходимо было приостановить центробежные тенденции [Административно-территориальное устройство России 2003: 205].

Первым актом новой власти, обращенным к многочисленным народам бывшей империи, стала «Декларация прав народов России», увидевшая свет 2 (15) ноября 1917 г. Вслед за ней в декабре 1917 г. появилось специальное обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этих документах провозглашались важнейшие гражданские права народов, включая свободу отправления религиозных культов и соблюдения исконных традиций и обычаев [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 6].

Базовые принципы советской национальной политики формировались буквально на ходу и испытывали воздействие исторического контекста. Современные исследователи отмечают, что в условиях революции и гражданской войны национально-государственный сепаратизм не являлся основополагающим элементом исторических процессов [Булдаков 1997: 24; Боров, Дзамихов 1998: 194]. В таких условиях для формирования административно-политических механизмов управления и контроля над различными территориями большое значение имело декларирование национальных свобод и их конституционно-правовое оформление.

Принятие Конституции РСФСР 1918 г. во многом явилось результатом анализа развития ситуации в национально-государственной сфере в предшествующий период. К этому времени советской властью был накоплен определенный опыт решения соответствующих проблем.

Согласно первой советской Конституции «Советская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Применительно к ситуации на Северном Кавказе определенный интерес представляет положение о том, что в «автономные областные союзы» могут объединяться в Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом. Конституция признавала и право выхода из Российской Федерации отдельных ее частей [Конституция РСФСР 1918 года]. Некоторые исследователи считают, что большевики были глубоко уверены в том, что этим правом не смогут воспользоваться [Административно-территориальное устройство России. История и современность 2003: 209].

Анализ основных положений и статей Конституции 1918 г. свидетельствует о незавершенности процесса концептуального оформления принципов

государственной национальной политики. Однако в условиях гражданской войны, видимо, достаточно было сформулировать общие принципы организации государственного устройства и власти. Во многом это являлось результатом также недостаточной зрелости национальных движений в России. Политическое руководство, провозгласив федерацию, не установило четких юридических норм ее существования. Конституция закрепила лишь общие принципы федеративного устройства, но не определила формы и статус автономных образований.

В ходе гражданской войны выкристаллизовывались административно-политические параметры национального вопроса. Параллельно шел процесс формирования и уточнения системообразующих элементов национально-государственной политики советской власти.

В условиях революции и гражданской войны реализация принципа «права на самоопределение» привела к появлению различных форм национальных образований: республик, автономий, коммун – и сделала процесс выделения национальных территорий необратимым. Практически обозначились внутренние факторы, которые легли в основу явления, называемого сейчас территориализацией этничности [Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» 2005: 211], трактуемого как наделение каждого народа территорией [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 8].

15 февраля 1920 г. вышло постановление ВЦИКа «Об образовании комиссии по разработке вопросов Федеративного устройства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Отдельные положения его имели прямое отношение к Северному Кавказу. Здесь говорилось, что «предстоящее освобождение ... Северного Кавказа вводит в состав РСФСР ряд малых национальностей с своеобразной культурой, историей и группировкой классов». ВЦИК считал своей важнейшей задачей установление нормальных отношений между РСФСР и входящими в ее состав автономными советскими республиками и, вообще, нерусскими национальностями, своевременное удовлетворение их нужд и выработка форм государственных отношений между входящими в РСФСР частями [За власть Советов в Кабарде и Балкарии 1957: 209].

Впервые правовое положение «автономной республики» было определено декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 19 мая 1920 г.: «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской республики». Не случайно, осенью 1920 г. Сталин по вопросу административно-политического устройства Северного Кавказа телеграфировал Ленину, что «горцев придется объединить в одну административную единицу в виде автономной Терской республики на началах башкирской автономии» [Мамсилов 2004: 76–77]. Структура государственного механизма Башкирской АССР строилась по образцу общероссийской. Аналогичные принципы легли в основу формирования всех автономных республик [Чистяков 2003: 151–152].

В процессе выделения национально-территориальных образований обнаружился дефицит управленческих кадров, в которых изначально ощущалась острая потребность. Именно этим и был продиктован курс на т.н. национализацию, или коренизацию, официально принятый на X съезде РКП(б) в 1921 г. Коренизация означала систематическое повышение доли представителей коренного населения в партийном и государственном аппарате. Это обстоятельство имело далеко идущие последствия. В краткосрочной перспективе оно означало явное и ощутимое отличие политики большевиков от дореволюционной власти по отношению к народам, в том числе и Северного Кавказа. По мнению А. Цуциева и Л. Дзугаева, существенное отличие советских национальных автономий/округов от дореволюционных горских округов состоит в том, что место имперской администрации начали занимать национальные бюрократии [Цуциев, Дзугаев 1997]. Именно указанное обстоятельство, по-видимому, позволяет не одному поколению профессиональных

историков отождествлять автономии с формой государственности. Видимо, Сталин, признавая, что «вынуждены были демонстрировать либерализм в национальном вопросе», имел в виду и коренизацию аппарата власти в национальных автономиях [Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия 1992: 109].

Смысл относительно либеральной политики в отношении национальностей заключался в том, чтобы любыми способами обеспечить стабильность молодого государства и погасить очаги национального напряжения [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 8].

Процессы формирования различных форм автономии в начале 1920-х гг. являлись в значительной мере лишь внешней стороной укоренения советской системы, функцией и необходимым моментом становления советской государственности. Вариативность и в то же время кажущаяся непоследовательность политики большевиков вызывалась поиском механизма управления и контроля над территориями и населением.

Однако деятельность национальных кадров, функционирование национально-государственных бюрократий всегда содержали в себе потенцию выхода за пределы, определенные для них их внутрисистемным «имитационным» статусом.

Таким образом, после окончания Гражданской войны в стране у большевистского руководства РСФСР еще не было собственной программы национально-государственного устройства северокавказских народов. У последних в дооктябрьский период не был накоплен опыт самостоятельной национальной платформы государственного развития, которой к началу 1920-х гг. могла воспользоваться советская власть.

В результате национально-политического позиционирования самих народов Терской области внутренняя структура в Терской республике, а позже в Горской АССР строилась на национально-территориальной основе, которая в начале 1920-х гг. обеспечивала решение национальных задач. Процесс институционализации и легитимации проходил через систематически проводимые горские съезды.

1 марта 1921 г. X съезд РКП(б) принял важные решения по национальному вопросу. Они подразумевали развитие и укрепление советской государственности в национальных районах. На съезде была принята специальная резолюция «Об очередных задачах партий в национальном вопросе», которая способствовала демократизации национальной политики советской власти. В ней, в частности, отмечалось «...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов».

Изменение концептуальных основ национальной политики советской власти и конституционных параметров функционирования национальных автономных образований сопровождалось эволюцией административно-политического механизма управления и контроля за этнополитическими подразделениями Северного Кавказа.

Формирование системы государственной власти и управления после гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии отражало объективную реальность, сложившуюся в регионе.

7 сентября 1920 г. проблемы кавказских горцев были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 сентября 1920 г. Политбюро посчитало необходимым проведение самых решительных мер для свободной деятельности горцев «на основе полной административной автономии». Было решено отправить на Кавказ Сталина в качестве Чрезвычайного Уполномоченного Представителя РСФСР для руководящего определения во всех деталях политики на Кавказе и, в особенности, среди горцев. Таким образом, впервые в центре заговорили об автономии

[Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) 1983: 608–609, 612–613].

Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа 27–29 октября 1920 г. во Владикавказе констатировало: «Опыт существования Советской власти в горских округах Северного Кавказа и Дагестана совершенно определено показал, что утверждение всех принципов Советского строительства среди горцев станет возможным только при том неременном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с Советскими формами общежития, когда массы горского населения станут активными в Советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее Советское русло. Одним из наиболее верных способов к этому Совещание признает организацию горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР» [Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа 1921: 63].

В октябре 1920 г. Центральный Комитет партии, а затем Кавбюро ЦК РКП(б) приняли постановление об образовании на Северном Кавказе двух автономных республик – Горской и Дагестанской. Для практического проведения в жизнь этих постановлений в ноябре 1920 г. были проведены чрезвычайные съезды народов Терекка и Дагестана. 20 января 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики» в составе РСФСР. 16–22 апреля 1921 г. во Владикавказе прошел Учредительный съезд Советов Горской АССР, завершивший всю организационную работу по созданию автономии горцев.

Высшими органами государственной власти и государственного управления в ГАСР явились съезд Советов Горской Автономной Социалистической Республики, Центральный Исполнительный Комитет, Президиум ЦИК, Совет Народных Комиссаров и Народные Комиссариаты Горской АССР. В административно-территориальном отношении Горская АССР делилась на шесть округов: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский; Столица Горской АССР – г. Владикавказ и г. Грозный с нефтяными промыслами выделялись в отдельные административные единицы, подчиненные непосредственно ЦИК и СНК Горской АССР.

Пока развивался процесс конституирования Горской АССР в международном и внутривнутриполитическом положении Советского государства произошли коренные изменения. Победоносно закончилась гражданская война. Советская власть восторжествовала на всей территории страны, в том числе и в Закавказье. Отпала угроза Северному Кавказу со стороны объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. X съезд партии (март 1921 г.) принял важные решения не только в экономической политике, но и в национальном вопросе. Они подразумевали развитие и укрепление советской государственности в национальных районах с тем, чтобы «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [КПСС в резолюциях и решениях 1953: 559]. Стало возможным безбоязненно ставить вопрос о предоставлении национальной автономии тем или иным горским народам, обосновывая это стремлением к более тесной и непосредственной связи с РСФСР.

Как мы видим, есть прямая взаимосвязь между решениями X съезда РКП(б) и развитием национально-государственных процессов на Северном Кавказе. Они и сформировали условия для постановки вопроса о предоставлении национальной автономии тем или иным горским народам. Национально-государственные процессы, инициированные советской властью, способствовали политической активизации горского населения в борьбе за предоставление ему собственного национально-государственного образования – автономной области. Создавшимися условиями воспользовалось руководство Кабардинского округа Горской АССР, чтобы заявить о национально-государственной воле кабардинского народа.

1.2. О становлении Кабардино-Балкарской Автономной области

Проблема выхода Кабарды из Горской АССР была обозначена на официальном уровне 21 мая 1921 г. на совместном заседании Кабардинского окружного исполнительного комитета Советов и окружного партийного комитета РКП(б) [ЦГА КБР. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 3. Л. 28].

Руководство Кабарды еще до завершения процесса институционализации Горской АССР жестко поставило вопрос о создании собственной автономии. Оно смогло перед федеральной властью обосновать историческую необходимость ее формирования благодаря консолидации народа и этнической элиты. Таким образом, особенностью обретения автономии кабардинского народа заключается в том, что в отличие от аналогичных процессов формирования автономий у других северокавказских народов в его основе было национальное движение и общественно-политическая борьба советской этнической элиты Кабарды.

1 сентября 1921 г. ВЦИК постановил выделить из территории Горской АССР «автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР», в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Мало-Кабардинского округов. Территория Кабарды была определена в рамках административной границы 1917 г. с включением в ее состав станиц Пришибской, Котляревской и Александровской. ВЦИК утвердил территорию, на которую претендовало руководство Кабарды. Конституция РСФСР 1918 г. особого различия между губернией и областью не проводила. Таким образом, была легитимизована воля кабардинского народа на создание собственной национальной автономии.

25–30 ноября 1921 г. в Нальчике проходил учредительный съезд Советов Кабардинской автономной области, который завершил процесс институционализации государственности народов Кабарды. Б.Э. Калмыков, обращаясь ко всем трудящимся независимо от национальности, в своей речи назвал этот день «великим». Для него значение исторического момента определялось тем, что образование Кабардинской автономной области явилось результатом национального самоопределения [Калмыков 1983: 23]. Таким образом, необходимо отметить, что **в истории конституирования и становления современной национально-государственной структуры КБР отправной точкой и ключевым моментом является 1 сентября 1921 г.**

В Москве при Наркомназе РСФСР было создано представительство Кабардинской автономной области [Дзуганов 2007: 71–93]. 1 декабря 1921 г. вышло Постановление Исполкома Кабардинской автономной области об избрании членов исполкома, Президиума и его председателя.

Во время обсуждения вопроса о выходе Кабарды из ГАСССР представители балкарского народа неоднократно заявляли о необходимости выхода и Балкарии из Горской республики и объединении с Кабардой. В частности, на объединенном заседании Кабардинского и Балкарского окружных партийных комитетов 2 июня 1921 г., эту мысль четко сформулировал М. Энеев. Более того, 11 июня 1921 г. на объединенном заседании специально рассматривался вопрос об установлении более тесных взаимоотношений между Кабардинским и Балкарским Исполкомами. Было решено ввести в Кабардинский исполком трех балкарцев с правом решающего голоса и обратно, а также ежемесячно устраивать объединенное заседание исполкомов. Но, поддавшись руководству ГАСССР, категорически возражавших против выделения из состава Горской республики любых автономных образований, входящих в нее, руководители Балкарского окрисполкома сняли вопрос о выходе из состава ГАСССР и образовании единой Кабардино-Балкарской автономной области. Объективная реальность была такова, что Балкария не могла в силу экономических, природно-географических и исторических факторов успешно развиваться без тесного содружества с Кабардой. Вот эта реальность и заставила

в скором времени, а именно 9 декабря 1921 г. послать в Коллегию Народного Комиссариата по делам национальностей информационный доклад, разработанный Балкарским Оргбюро РКП(б) и Окрисполкомом. Он назывался: «О выделении Балкарского округа Горской республики в автономную административную единицу» и содержал аргументацию в пользу объединения с Кабардой». В докладе выделялись следующие факторы:

Во-первых, город Нальчик является единым политическим, экономическим и культурным центром для Кабарды и Балкарии;

Во-вторых, на ярмарке в Нальчике происходит постоянный товарообмен балкарских шерстяных и молочных изделий на кабардинский хлеб, главным образом, на кукурузу. Кукурузы своего производства Балкарии хватает лишь на 20 дней в году;

В-третьих, весной и осенью балкарский скот должен спускаться на кабардинскую плоскость, на молодую траву, так как нагорные пастбища месяца на полтора позже освобождаются от снега и на такой же срок раньше покрываются им осеңью. Своего же сена балкарцам не хватает;

В-четвертых, Кабарда и Балкария имеют общее лесное хозяйство;

В-пятых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно, оставаясь в Горской АССР, вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру – РСФСР [Улигов 1979: 305].

Решение об образовании объединенной Кабардино-Балкарской Автономной области вынесла коллегия Наркомнаца 9 января 1922 г. при участии представителей Кабарды (Калмыков и Назаров) и Балкарии (Энеев, Гемуев). Было установлено, что Кабарда и Балкария будут иметь свои национальные исполкомы, во главе которых стоит объединенный областной исполком, составляемый на паритетных началах из представителей обоих национальных исполкомов [Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии 2000: 95–96].

16 января 1922 г. ВЦИК постановил «образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РФ выделив для сего из состава Горской автономной республики территорию, занимаемую ныне балкарцами, и объединив Балкарию с Кабардой» [Административно-территориальное устройство России 2003: 95–96]. Однако указанное постановление ВЦИК не получило своего практического претворения в жизнь в течение 1922 г. Этому способствовали разные причины. Руководство Кабарды не было согласно с принципом паритетности при создании объединенного исполкома, поскольку численность кабардинцев многом превышала численность балкарцев. Обращаясь по этому поводу в ВЦИК, председатель исполкома Кабардинской автономной области Б. Калмыков в апреле 1922 г. поставил перед ВЦИК вопрос о необходимости пересмотра решения об образовании Кабардино-Балкарской автономной области введя в него следующие изменения: «а) каждая национальность представляет в объединенном (областном) исполкоме пропорционально количеству населения. б) в Балкарии действует свой национальный исполком на правах окружного исполкома. В Кабарде действуют 4 окрисполкома (по количеству округов). Руководство Кабарды обращало особое внимание на то, что «местные условия не позволяют до сего времени сконструировать областной исполком по вышеизложенной инструкции, причиной чему является решительный протест населения Кабарды, права коего приравнены к правам населения Балкарии численностью в десять раз меньшего» [ГА РФ. Ф.Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 61].

13 июня 1922 г. кабардинский обком партии вновь поставил вопрос о принципах и механизме образования объединенного исполкома перед ЦК КП(б) и ВЦИК. Отметив, что создание областного органа на паритетных началах «вызовет лишь развитие и углубление национализма среди балкарского, кабардинского и других народов», обком партии решил «наиболее целесообразным создание Кабардино-Балкарского облисполкома на основании Конституции РСФСР» и просил ВЦИК

пересмотреть свое постановление [Улигов 1979: 308; ГА РФ. Ф.Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 54].

В связи с этими ходатайствами, а также учитывая, что некоторые работники Балкарии (В. Кучумов, М. Энеев) все еще настаивали на создании отдельной Балкарской автономии, Президиум ВЦИК поручил Наркомнацу вновь рассмотреть этот вопрос. Для обсуждения создавшегося положения 9 июля 1922 г. в Нальчике собрался пленум Кабардинского областного комитета РКП(б) с участием представителей Балкарского оргбюро РКП(б) и окрисполкома. Пленум вынес постановление:

1) поставить в известность ЦК РКП(б) и ВЦИК, что балкарские трудовые массы более склонны сотрудничать с кабардинским народом, чем выделиться в автономную область;

2) поставить в известность, что балкарский народ в период полуторалетнего существования отдельно от Кабарды убедился в невозможности и нецелесообразности существования отдельно от Кабарды;

3) поставить Центр в известность, что, вопреки желаниям балкарского трудового народа объединиться с Кабардой, руководители балкарского народа продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам балкарского трудового народа;

4) вторично поставить в известность ЦК РКП и ВЦИК, что кабардинский облпартком, состоящий в большинстве своем из присланных центром товарищей, считает необходимой организацию Кабардино-Балкарского облисполкома на основах Конституции РСФСР [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 350. Л. 24].

Во ВЦИК, Наркомнаце внимательно изучили материалы, поступившие с мест (постановление кабардинского облпарткома, сообщение членов комиссии ВЦИК и т.д.) 13 июля 1922 г. на заседании коллегии Наркомнаца еще раз обсуждался вопрос о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии и приняла окончательно следующее постановление:

а) признать выделение Балкарии из объединенной Кабардино-Балкарской автономной области в особую автономную область, нежелательным и не соответствующим развитию экономических и культурных сил как Балкарии, так и Кабарды;

б) отметить, что решение Президиума ВЦИК от 20 июня исходит из существования единой Кабардино-Балкарской автономной области, тесно объединяющей Кабарду и Балкарию, и поэтому выделение Балкарии потребует пересмотра земельного вопроса;

в) считать, что в объединенном исполкоме Кабардино-Балкарской области должно быть предоставлено: 1/3 голосов населению Балкарии и 2/3 голосов населению Кабарды [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 29].

Последний пункт постановления вызвал возражение со стороны балкарских руководителей, которые требовали проведения в жизнь решения Президиума ВЦИК от 16 января 1922 г. о представительстве в облисполкоме кабардинцев и балкарцев на паритетных началах. Они не считались с тем, что указанные паритетные начала были отменены решением ВЦИК от 3 июля 1922 г. и противоречили Конституции РСФСР 1918 г. Руководство Кабардинской области, в свою очередь, настаивало, чтобы представительство в областном исполкоме строилось пропорционально количеству населения в соответствии с Конституцией.

Вопрос неоднократно обсуждался в Коллегии Наркомнаца. 19 июля 1922 г. Коллегия Наркомнаца постановила просить ВЦИК об изменении своего постановления от 16 января 1922 г. в связи с необходимостью организации объединенного исполкома Кабарды и Балкарии на паритетных началах, обосновав тем что это «единственно правильный путь для изживания национальных недоразумений между Кабардой и Балкарией». Коллегия Наркомнаца волевым решением обязала «Кабардинский и Балкарский национальные исполкомы под личной

ответственностью т. Калмыкова и т. Энеева в двухнедельный срок организовать объединенный исполком на паритетных началах». О том, что указанный принцип образования объединенного исполкома был навязан, свидетельствует пункт 2: «Наркомфину не отпускать никаких средств по открывающимся кредитам ни Кабарде, ни Балкарии впредь до получения от Наркомнаца сообщения о состоявшейся организацией объединенного Кабардино-Балкарского исполкома» [ЦГА КБР. Ф.Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 8].

В этих условиях руководство Кабарды пошло на уступки и 17 августа 1922 г. Кабардинский обком и Балкарское оргбюро РКП(б) утвердили «Положение по объединению Кабарды и Балкарии». Паритетные начала, вызвавшие спор с обеих сторон, были положены в основу «Положения». Состав Пленума, Большого и Малого Президиумов и трех отделов – земотдела, отдела народного образования и отдела внутреннего управления, учитывали национальный признак при их формировании [Ансоков 1974: 118.].

22 августа 1922 г., при рассмотрении вопроса об объединении Кабарды и Балкарии на Пленуме Исполнительного Комитета Кабарды было высказано несогласие с паритетным началом формирования объединенного Исполкома. Постановление пленума гласило: «Впредь до фактического объединения Кабарды и Балкарии власть в Кабардинской области остается за президиумом старого состава; по объединению и созданию единого Кабардино-Балкарского исполкома пленум считает себя распущенным с оставлением за собой права на предстоящем съезде поднять вопрос о конструкции облисполкома на основе общего избирательного права по Конституции РСФСР». А в соответствии с действующей Конституцией 1918 г. областные съезды Советов и их исполкомы избирались строго пропорционально количественному составу населения.

Анализ Ведомостей Составы IV Областного Съезда (и других съездов) приводит на мысль об искусственности и нежизненности принципа паритетности. В архиве имеются материалы, свидетельствующие об отсутствии кадров, особенно среди коренных народов и, в особенности, среди балкарцев. Не случайно, когда обсуждался вопрос об образовании КБАО на паритетных началах, в «Положении» по объединению Кабарды и Балкарии, утвержденному 17 августа 1922 г. на совместном заседании Кабардинского Областного Комитета и Балкарского окружного организационного бюро РКП(б), в пункте 6 говорится, что «Облисполком вправе не считаться с этим (т.е. о паритете), если не найдется достаточно сильного и опытного товарища из той, или другой стороны».

Явное противоречие принципа паритета с Конституцией РСФСР 1918, 1924, 1936 г., а также Конституцией КБАССР 1937 г. не вызывает никаких сомнений. Но это юридическая сторона дела. Здесь имеются еще противоречия чисто объективного характера, которые никакими соглашениями невозможно объяснить. Так искусственность данного паритета бросается в глаза при анализе Ведомостей Составов Съездов. Например, национальный состав делегатов IV Областного съезда выглядел в следующем виде: кабардинцев – 118 чел. (55,3%), балкарцев – 26 чел. (12,6%), русских – 55 чел. (26,2%).

Всего делегатов было 213 человек. Из них с решающим голосом 189 чел. (88,7%) и с совещательным – 24 чел. (12,3%). Это говорит о том, что при выборе кандидатов в местные и центральные органы управления придерживались квот, норм согласно Конституции РСФСР 1924 г. (эти же положения зафиксированы и в последующих Конституциях). А IV Съезд Советов сформировал Кабардино-Балкарский облисполком из 15 кабардинцев, 15 балкарцев и 15 русских. Национальные меньшинства получили 4 мандата.

Изучение опубликованной литературы по становлению и развитию автономии народов СССР позволяет сделать вывод, что паритетные начала объединения народов, давших название автономному образованию, не встречаются. Материалы

архивов свидетельствуют о том, что население, руководители кабардинской области никогда не соглашались на паритетные начала образования органов власти и, более того, соглашались на другой вариант – образования самостоятельной автономной единицы – Балкарии. Более того, земельные споры к моменту объединений были урегулированы и логически, шаг последующий должен был сделан именно в этом направлении. Но позиция центра, в основу своей политики положившая концепцию объединения народов и быстрого строительства коммунистического общества, а также вышеприведенные причины экономического и исторического характера, не позволили сделать этот шаг.

Национально-государственное устройство в КБАО совершенствовалось и в последующие годы. В соответствии с Конституцией, Кабардино-Балкарский Облисполком проводил соответствующие выборы, создавал органы управления, производил административное деление области.

Так в 1926 г в КБАО к пяти, ранее существовавшим, добавляется еще 3 округа: Нагорный, Прималкинский и Казачий. В основу образования округов (на правах районов), были положены экономический и национальный факторы. Еще в 1925 г., на III Пленуме ЦИКа Б. Калмыков в своем докладе развернул программу дальнейшего становления, укрепления автономии, учета интересов национальных меньшинств, населявших КБАО. Доклад, к сожалению, найти не удалось, но в прениях, особенно в выступлении Боровицкого, просматривается программа дальнейшего совершенствования автономных начал, образования автономной республики [ЦГА КБР. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 28. Л. 10].

Она была воплощена позже, в 1930 г., когда 3 августа Президиум ВЦИК Кабардино-Балкарского Исполкома образовал из отдельных населенных пунктов самостоятельные сельские Советы с немецким, болгарским, осетинским и т.д. населением. Но и к 1936 г., как видно из архивных материалов, не удалось достичь паритета. В областных учреждениях кабардинцы и балкарцы составляли 17,1, в районных организациях 50% и сельских – 76,1% [ЦГА КБР. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 893. Л. 32].

1.3. Правовые основы образования Кабардино-Балкарской Автономной области

Образование на Северном Кавказе Дагестанской и Горской АССР было проведено в соответствии с квотами Конституции РСФСР 1918 г. В частности, в телеграмме Председателя Терского областного исполнительного Комитета от 29 октября 1920 г. окружным Исполкомам прямо говорилось: «Придерживайтесь нормы представительства: один депутат на каждые пять тысяч человек».

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терской области. На съезде присутствовало 500 делегатов, представляющих все основные национальности области (кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, карачаевцы, русские и др.). Была образована ГАССР в составе РСФСР.

Все наркоматы Горской республики находились в двойном подчинении – местной (АССР) и центральной (РСФСР) власти. Внешние дела и внешняя торговля оставались целиком в ведении центральных органов РСФСР [Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922) 1983: 623–626].

Выход Кабарды, Балкарии и других округов из ГАССР был продиктован исторической необходимостью более тесного единения с РСФСР и не противоречил также положениям Конституции.

Как отмечают исследователи национально-государственного строительства, в частности, О.И. Чистяков в работе: «Становление Российской Федерации (1917–1922)» принцип паритетности, примененный при объединении Кабарды и Балкарии,

не вполне соответствовал Конституции РСФСР [Чистяков 2003: 273]. «Он был своеобразной уступкой маленькому балкарскому народу со стороны более крупных и, в первую очередь, «кабардинского» [Чистяков 2003: 273].

Всероссийский съезд Советов, утвердивший первую советскую Конституцию, 10 июня 1918 г. зафиксировал и права автономных образований, порядок избрания в органы власти, нормативы, квоты. В связи с тем, что автономные области прямо входили в состав РСФСР, они руководствовались Конституцией РСФСР при конструировании органов власти, проведении внутренней и внешней политики. Такое же положение было и после принятия Конституции РСФСР в 1924 г. «О действии Конституции РСФСР на территории, входящих в РСФСР автономных образований» говорят многочисленные постановления ВЦИК, корректирующих, дополняющих те или иные статьи Конституции.

3 октября 1925 г. ВЦИК РСФСР внес изменения в существующую до этого времени избирательную систему. Все автономные образования были классифицированы и для них были приняты разные нормы представительства.

Такие изменения вносились и в последующие годы, но ни в одной из автономий, входящих в состав РСФСР, не был конституционно закреплён принцип паритета.

С предоставлением Кабардино-Балкарии статуса Автономной Советской Социалистической Республики была принята в 1937 г. Конституция КБАССР.

В ней четко зафиксированы правовые нормы при выборах в Верховный Совет – «один депутат на 4 тысячи населения» и сроки полномочий. В статье 90 недвусмысленно трактуется принцип равноправия независимо от расовой и национальной принадлежности.

1.4. Эволюция административно-политического механизма управления и контроля за этнополитическими образованиями на Северном Кавказе

Изменение концептуальных основ национальной политики советской власти и конституционных параметров функционирования национальных автономных образований сопровождалось эволюцией административно-политического механизма управления и контроля за этнополитическими подразделениями Северного Кавказа.

Национально-государственное размежевание народов Северного Кавказа завершилось в 1924 г. Все горские народы региона были включены в соответствующие национально-государственные образования, основной задачей которых становилась ликвидация фактического неравенства и обеспечение народам более широких возможностей собственного развития. Важную роль сыграли и потребности, связанные с необходимостью упрочения позиций советской власти в регионе. В литературе отмечается, что образование автономных областей Северного Кавказа (1922–1924 гг.) посеяло среди горского населения некоторые иллюзии относительно перехода к реальной независимости и создания государственных образований, что привело к некоторому спаду повстанческого движения.

Достижению этой цели способствовало то обстоятельство, что в этот процесс вовлекались широкие слои населения. Вопрос об образовании автономных областей широко обсуждался среди населения, вносился в повестки дня съездов советов, партийных конференций и собраний. На многотысячных митингах в аулах выступали представители партийных и советских организаций, рабочие промышленных предприятий.

В истории народов Северного Кавказа 1920–1930-е гг. характеризуются значительными административно-территориальными преобразованиями. Это было время функционирования созданной в 1924 году новой административно-

территориальной единицы – Юго-Восточной области, получившей название Северо-Кавказского края. Образование Юго-Восточной области стало результатом разрабатывавшегося с 1919 г. нового административно-хозяйственного районирования. Новое районирование призвано было организационно оформить и те тенденции территориального размежевания края, которые наметились к началу 1920-х гг. Различные проекты районирования региона оказывались неприемлемыми в силу необходимости более полного учета интересов национальных автономий [Хлынина 2003: 203].

Положение усугублялось и особой позицией, занятой автономиями, которые рассматривали любое включение в промежуточное объединение как прямое ущемление своих прав. Начался напряженный поиск различными ведомствами наиболее оптимального сочетания хозяйственных интересов страны с потребностями национальных автономий. Его результатом стало принятие итогового «Положения о Юго-Востоке России» 13 февраля 1924 г.

Новая область включала в себя 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону. В него вошли четыре национальные автономии – Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Кабардино-Балкарская АО и г. Грозный. Дагестан остался в непосредственном подчинении РСФСР.

16 октября 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. По «Итоговому положению о Юго-Востоке России» автономии провозглашались независимыми от краевых органов власти в вопросах внутреннего управления, земельных отношений, народного образования, здравоохранения и т.д. Фактически они подчинялись краевому руководству в области финансового налогообложения, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистики. В случае несогласия с распоряжениями краевого исполкома, исполнительные комитеты автономных областей имели право на приостановление их действий под свою ответственность. При этом им следовало поставить в известность крайисполком и обращаться за окончательным решением во ВЦИК. За автономиями закреплялось право иметь представительства в краевых и всероссийских органах власти [Хлынина 2003: 213].

Правоведы полагают, что «включение большинства автономий в состав краев и областей... отражало нарастание унитарных тенденций в государственных структурах Российской Федерации» [Овсепян 1998: 21].

«Интернационализация» национальной политики была закреплена в Конституции СССР 1936 г. Она исходила из того, что все нации равноправны и наделены «одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества». Обращает на себя внимание, что Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик, куда входили автономные образования, не упоминали о национальных меньшинствах, существовавших в то время национальных районах и сельсоветах. Ожидалось же, что по новой Конституции помимо автономных республик и областей будут иметь в своем составе десятки национальных округов и районов [Вдовин 2004: 87].

Согласно Конституции СССР 1936 г. некоторые автономные области Северного Кавказа были преобразованы в автономные советские социалистические республики. Нет сомнения, что в момент ее принятия и почти до конца советской эпохи она служила скорее политико-пропагандистским символом, а не реально и в полном объеме действующим конституционно-правовым актом.

В это время была блокирована возможность преобразования автономных республик в союзные в случае повышения автономиями хозяйственного и культурного уровня. На VIII Чрезвычайном съезде Советов И.В. Сталин выдвинул три признака, которые могли бы позволить им трансформироваться в союзные республики: крайнее положение, компактное большинство национальности, давшей

свое имя республике, и не менее одного миллиона населения [Административно-территориальное устройство России 2003: 223–226].

Административно-территориальная система, сложившаяся к концу 1930-х гг., в последующие годы подвергалась сравнительно небольшим изменениям за счет вошедших в состав СССР 1935–1945 гг. территорий, а также депортации и реабилитации народов в 1943–1957 гг.

Конституция СССР 1977 г. сохраняла положения Конституции 1936 г. о национально-государственном устройстве. Многочисленные предложения, направленные на устранение иерархии национальной государственности (и народов) внутри СССР путем возвращения к дореволюционному территориальному принципу административного деления страны, выравнивания статуса республик, перевода отдельных республик из автономных в союзные, в расчет не были приняты. В то же время само определение СССР как «единого союзного многонационального государства» (ст. 69) свидетельствовало о стремлении усилить федеральные централистские начала. В противоречии с этим находилось закрепленное Конституцией за каждой союзной республикой «право свободного выхода из СССР» (ст. 71), подчеркивание ее суверенности (ст. 75, 80).

В отличие от предшествующих периодов за время между 1957 годом и «перестройкой» не произошло изменений. На повестку дня был поставлен вопрос о возникновении единого советского народа; в этой ситуации национально-административные границы должны были постепенно терять значение неких территориальных рамок специфической культурной и языковой политики [Барсенков, Вдовин 2005: 522].

Политическое содержание форм национальной автономии было в значительной мере выхолащено, но их формально-юридический, конституционный статус получил закрепление и развитие в Союзных (СССР) и Российских (РСФСР) и республиканских конституциях 1977–1978 гг.

Источники и литература

1. Административно-территориальное устройство России. История и современность / авт. кол. А.В. Пыжиков и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 320 с.
2. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сборник документов / сост. Р.М. Ашхотова и др. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 732 с.
3. Ансоков М.Т. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). Нальчик: Эльбрус, 1974. 211 с.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М.: Аспект Пресс, 2005. 816 с.
5. Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ (Современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. 1998. № 3. С. 192–203.
6. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 20–47.
7. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М: Олма-Пресс, 2004. 446 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
9. Дзуганов Т.А. Национальное представительство Кабардино-Балкарии в 1921–1938 гг. // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 71–93.
10. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
11. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области

- (1917–1922 гг.) / сост. Д.В. Шабаев, Л.Б. Татарокова, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. 538 с.
12. *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи / сост. Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 239 с.
13. Конституция РСФСР 1918 года. URL: http://cccp.narod.ru/work/book/konst_1918.html (Дата обращения: 23.09.2019).
14. Королева-Конопляная Г.И. Вопросы национально-государственного строительства в программах политических партий и движений России XX века. М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1997. 60 с.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. 638 с.
16. КПСС в резолюциях и решениях. Ч. 1. Изд. 7. М.: Госполитиздат, 1953. 592 с.
17. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов н/Д: Издание Донского отделения Государственного издательства, 1921. 65 с.
18. *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.
19. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. 2005. № 2. С. 211–216.
20. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия / сост. А.П. Ненароков и др. М.: ТЕРРА, 1992. 560 с.
21. *Овсепян Ж.И.* Основные этапы становления федерализма и территориального размежевания в России на Северном Кавказе // Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1998. С. 3–49.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
23. *Сенцов А.А.* Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г. // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 118–125.
24. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.) Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.
25. Центральный государственный архив КБР (ЦГА КБР).
26. *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: МГОУ, 2003. 268 с.
27. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л.С. Гагагова и др. М.: РОССПЭН, 2005. 782 с.
28. *Цуциев А., Дзуцаев Л.* Северный Кавказ: история и границы. 1780–1995. Два века этнотерриториальных изменений и современные конфликты. Картографический обзор и комментарии. Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. 78 с.
29. *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации. (1917–1922 гг.). Издание 2-е, репринтное. М.: Зерцало-М, 2003. 343 с.

Приложение 1

Хроника юбилейных дат, связанных с обретением государственности кабардинцами и балкарцами и отмечаемых на государственном уровне в советской и постсоветской истории Кабардино-Балкарии (извлечение):

– 4 мая прошел V съезд Советов Кабардино-Балкарской Автономной области. (См. Калмыков Б.Э. «Статьи и речи». Нальчик, 1983. С. 137).

– Обсуждение проекта Конституции СССР проходило в дни празднования 15-летия советской автономии Кабардино-Балкарии. ВЦИК 20 октября 1936 г. принял постановление «О хозяйственном и культурном строительстве Кабардино-Балкарской автономной области». Постановление отмечало, что трудящиеся области за 15 лет существования автономии добились крупных успехов, выдвинувших Кабардино-Балкарию в число передовых областей СССР (См. ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 131. Д. 28. Л. 80).

В год 15-летия автономии КБАО в 1936 г. получила новый статус – автономной республики. 27 октября 1936 г. Б.Э. Калмыков в своем докладе отмечал: «Мы празднуем 15-летие своего автономного государственного существования, с гордостью сознавая, что были и будем в передовой шеренге великой семьи советских народов» (См. Газ. «Правда». 1936. 27 октября. Оpubл. Б.Э. Калмыков «Статьи и речи». С. 231).

– Первый секретарь обкома КПСС Н.П. Мазин в статье «Славный юбилей» писал: «1 сентября 1946 г. трудящиеся Кабардинской Автономной Советской Социалистической Республики отмечают славный юбилей – 25-летие со дня провозглашения автономии Кабарды». Нальчик, 1946. С. 9, 11).

– 5 июля 1957 г. состоялась юбилейная сессия Верховного Совета республики в ознаменование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. (См. очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971. С. 292–293).

– В 1966 г. отмечалось 45-летие советской автономии Кабардино-Балкарии (См. «45 лет Советской автономии Кабардино-Балкарии». Нальчик, 1966).

– В 1971 г. отмечалось 50-летие Советской автономии Кабардино-Балкарии. Из речи Первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Т.К. Мальбахова: «50-летие своей национальной государственности трудящиеся дважды ордена Ленина Кабардино-Балкарии встречают в обстановке большого трудового подъема, вызванного XXIV съездом КПСС» (Из газеты «Правда». 1971. 30 марта. Опубликовано «50 лет Автономии Кабардино-Балкарии». Нальчик, 1971. С. 9–30). В связи с 50-летием со дня образования автономии Кабардино-Балкарии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1971 года республика награждена третьим орденом – орденом Октябрьской Революции.

– Из выступления Т.К. Мальбахова: «1 сентября 1981 г. исполняется 60 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. После Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало социальному и национальному освобождению народов, в жизни трудящихся нашей республики 1 сентября 1921 г. стало одним из самых больших и радостных праздников» (См. «60 лет Советской автономии Кабардино-Балкарии». Нальчик, 1981. С. 9).

– 60-летие автономии Кабардино-Балкарии на торжественном заседании Обкома КПСС и Верховного Совета КБАССР. В выступлении первого секретаря Кабардино-Балкарского Обкома КПСС Т.К. Мальбахова говорилось: «Шесть десятилетий назад в жизни кабардинского и балкарского народов произошло выдающееся историческое событие – они получили из рук Советской власти национальную государственность» (См. Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 1981. 5 сентября).

– Дата принятия Конституции 1997 г. была приурочена к Дню государственности КБР. Ч. 1. Ст. 4 Конституции КБР 1997 г. определяла: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Кабардино-Балкарской республике является ее многонациональный народ. КБР определяется Конституцией как единая форма национальной государственности для ее народов» (См. ст. В.М. Кокова «Народные опоры федерализма». Оpubл. «Независимая газета». 1997. 17 сентября).

– 1 сентября 1998 г. отмечалось 77-летие автономии.

Из доклада Президента КБР В.М. Кокова: «1 сентября мы отмечаем свой главный праздник – День Республики. И это справедливо, поскольку обретение государственности – важнейшее условие сохранения и развития народов Кабардино-Балкарии... Год назад на торжествах, посвященных очередной такой годовщине и принятию новой Конституции Кабардино-Балкарии, я достаточно подробно проанализировал пройденный нашими народами путь к самоопределению». (См. Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 1998. 2 сентября).

– 1-го сентября 2016 г. отмечалось 95-летие государственности КБР.

Из обращения Главы КБР Ю.А. Кокова:

«Сегодня мы отмечаем знаменательный день в истории Кабардино-Балкарии. Ровно 95 лет назад было положено начало обретению нашими народами своей государственности в составе Российской Федерации. Эта дата, определившая государственно-правовое устройство и общественно-политический облик Кабардино-Балкарии, символизирует весь ее исторический путь, служит мощным стимулом укрепления единства и взаимопонимания представителей всех народов, проживающих в республике». (См. Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 2016. 1 сентября).

Приложение 2

Постановление всероссийского центрального исполнительного комитета об образовании автономной горской советской социалистической республики 20 января 1921 г.

Всероссийский Центральный исполнительный комитет постановляет:

1. Образовать Автономную Горскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР, в состав коей включить территорию, занимаемую ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними, а именно:

- а) Чеченский округ (бывшие Веденский и Грозненский округа, правотеречная часть Кизлярского отдела и восточная часть бывшего Сунженского отдела);
- б) Назрановский округ (Ингушетия);
- в) Владикавказский округ (южная часть бывшего Нальчикского округа);
- г) Кабардинский округ (южная часть бывшего Нальчикского округа);
- д) Балкарский округ (южная часть бывшего Нальчикского округа);
- е) Карачаевский округ (западная часть бывшего Нальчикского, южная часть Пятигорского отдела и южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области).

Примечание: 1. Точное разграничение Автономной Горской Социалистической Советской Республики с Автономной Дагестанской Социалистической Советской Республикой и другими заинтересованными областями производится специальными, назначенными Президиумом Всероссийского Центрального исполнительного комитета комиссиями из представителей этих республик и областей РСФСР.

2. Органами управления Автономной Горской Социалистической Советской Республики являются: Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком Горской Социалистической Советской Республики и местные Советы, избираемые на основе Конституции РСФСР.

3. Для управления делами Автономной Горской Социалистической Советской Республики учреждаются Народные Комиссариаты: 1) Внутренних дел, 2) Юстиции, 3) Просвещения, 4) Здравоохранения, 5) Социального обеспечения, 6) Земледелия, 7) Продовольствия, 8) Финансов, 9) Совет народного хозяйства с отделами путей сообщения, почты и телеграфа, 10) Рабоче-Крестьянской инспекции и 11) Труда.

Примечание: Иностранные дела и внешняя торговля остаются целиком в ведении центральных органов РСФСР. Военными делами ведает Горский краевой военный комиссариат, непосредственно подчиненный Северо-Кавказскому военному комиссариату. Борьба с контрреволюцией остается в ведении органов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, организованных по соглашению с Центральным Исполнительным Комитетом и Совнаркомом Горской Социалистической Советской Республики и несущих двойную ответственность – перед центром и перед Совнаркомом Горской Социалистической Советской Республики.

4. В целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики РСФСР по всей территории Республики Народные Комиссариаты Автономной Горской Социалистической Советской Республики: Продовольствия, Финансов, Совет народного хозяйства, Труда, Рабоче-Крестьянской инспекции, Отделы путей сообщения, почты и телеграфа – остаются в подчинении соответствующих Народных Комиссариатов РСФСР, причем все распоряжения и мероприятия последних соответствующими Наркоматами Горской Социалистической Советской Республики проводятся в пределах Автономной Горской Социалистической Советской Республики через Совнарком, перед которым ответственны поименованные Наркоматы Горской Социалистической Советской Республики.

Примечания: 1) Народные комиссары поименованных в пункте 4-м Наркоматов, председатель Чрезвычайной Комиссии Горской Социалистической Советской Республики и горский краевой военный комиссар назначаются по соглашению Совнаркома Горской Социалистической Советской Республики с соответствующими Народными Комиссариатами РСФСР и утверждаются Центральным исполнительным комитетом Горской Социалистической Советской Республики.

2) Коллегии при Народных Комиссариатах, а также при Чрезвычайной Комиссии Горской Социалистической Советской Республики назначаются Совнаркомом Горской Социалистической Советской Республики.

5. Народные Комиссариаты Автономной Горской Социалистической Советской Республики: Внутренних дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Социального обеспечения и Земледелия – автономны в своих действиях и ответственны перед Всероссийским Центральным исполнительным комитетом через Центральный исполнительный комитет Горской Социалистической Советской Республики.

6. Всеми необходимыми финансовыми и техническими средствами Автономная Горская Социалистическая Советская Республика снабжается из средств РСФСР.

Примечание: При распределении продуктов местной промышленности запросы и нужды РСФСР удовлетворяются в первую очередь.

7. Все делопроизводство Центрального исполнительного комитета, Совнаркома Горской Социалистической Советской Республики и окружных исполкомов ведется на родном и русском языках.

8. Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский и 6) Карачаевский.

Примечание: Города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделяются в самостоятельные административные единицы, подчиняющиеся непосредственно Центральному исполнительному комитету и Совнаркому ГССР.

9. В случае нарушения настоящей Конституции Центральным исполнительным комитетом или Совнаркомом Горской Социалистической Советской Республики исполкомы округов и городов Владикавказа и Грозного имеют право апеллировать с ведома ЦИК и Совнаркома Горской Социалистической Советской Республики во Всероссийский Центральный исполнительный Комитет и Совнарком РСФСР.

10. Созыв Учредительного съезда Советов Горской Социалистической Советской Республики поручается Терскому областному исполнительному комитету, которому вменяется в обязанность образовать для этой цели специальную комиссию из представителей отдельных окружных исполкомов Горской Социалистической Советской Республики.

Председатель ВЦИК М. Калинин
Секретарь ВЦИК Енукидзе
Москва, Кремль

«Образование СССР». Сборник документов.
1917–1924. М.–Л., 1949. С. 193–195.

№ 2

**Из протокола объединенного заседания кабардинского
окружного исполкома и окружного партийного комитета
о необходимости выделения Кабарды
в автономную область**

21 мая 1921 г.

Председатель Калмыков, секретарь Фаддеев.

Слушали: 2. Доклад т. Калмыкова о выделении Кабарды в автономную область.

Тов. Калмыков указывает на ряд положений экономического характера, в силу которых Кабарда экономически кровно связана с соседней Прикумской областью. Далее т. Калмыков, останавливаясь на политической обстановке, которая наблюдается в настоящий момент, полагает возможным выделить Кабарду в автономную область.

Тов. Котов находит выдвинутые т. Калмыковым доводы недостаточно убедительными для выделения.

Тов. Назаров, знакомя со взглядами на это центра, находит и теоретически доказал, что выделение преждевременно и это выделение может иметь чрезвычайные последствия для будущей ГССР.

Тов. Калмыков новыми, вполне резонными фактами экономического характера доказывает необходимость выделения Кабарды.

Тов. Назаров на основе теоретического разрешения вопроса видит массу сомнений в целесообразности решения о выделении Кабарды, так как это в конечном итоге будет иметь значение для мировой социалистической революции.

Тов. Павлович присоединяется ко взглядам т. Калмыкова и рядом выводов доказывает необходимость выделения.

Тов. Казанский находит, что выделение не противоречит общим принципам советской политики.

Тов. Антониковский поддерживает взгляд о выделении, не разрешая вопроса по существу.

Тов. Котов находит, что все ненормальности, шероховатости, которые наблюдаются, можно изжить иными путями, и находит целесообразнее не выделяться.

Тов. Кирочкин, зная настроение крестьянских кабардинских масс, находит выделение целесообразным.

Тов. Молчанов поддерживает выделение, исходя из тех положений, которые, к сожалению, еще существуют.

Тов. Назаров указывает порядок разрешения этого вопроса по Конституции РСФСР, тов. Кокожев присоединяется к этому.

Тов. Раздай-Беда присоединяется к выделению, так как это существенно необходимо для культурного и экономического развития Кабарды.

Тов. Фаддеев указывает, что наше стремление к выделению и автономную область не противоречит ни в каком виде принципам советской политики, что экономическая несуразность, которая наблюдается сейчас, должна быть разряжена. Создавшееся экономическое положение, граничащее с своего рода блокадой, властно требует заявления о необходимости пересмотра создавшегося положения.

Постановили: Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью населения ГССР, поручить тов. Калмыкову поставить вопрос о выделении в автономную экономическую область перед Горциком и Горсовнаркомом, доложив этим высшим органам ГССР все имеющиеся материалы, доказывающие насущную необходимость этого выделения.

В случае отклонения этого ходатайства Горциком и Горсовнаркомом, вопрос о выделении перенести на разрешение высших органов власти РСФСР. Исполнение этого постановления возлагается на тт. Калмыкова и Котова.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: секретарь Кабардинского
окрисполкома Советов Ломако

ЦГА КБР. Ф. 201. Д. 17. Л. 70.

№ 3

***Постановление Всероссийского Центрального
Исполнительного комитета об образовании
Кабардинской Автономной области***

1 сентября 1921 г.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1) Выделить из территории Автономной Горской Социалистической Советской Республики автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР, в составе следующих округов с лесами и пастбищами, входящими в эти округа:

а) Баксанского – селения: Каменноостское, Сармаково, Верхнее Ашабово, Нижнее Ашабово, Заюковское, Кызбурун I, Куба, Шариатское, Карагачево, Кызбурун III, Алтуд, Ших-Измайловское, Кишпек, Старая Крепость, Кызбурун II, Верхне-Куркужинское, Нижне-Куркужинское, Залукокоаже, Баксан, Кременчуг-Константиновское, Черниговский хутор, Матвеевский хутор, Николаевский 2-й хутор и Петропавловское;

б) Нальчикского – селения: г. Нальчик, Ново-Полтавское, Лечинкай, Чегем I, Чегем II, Шалушкинское, Нартан, Кенже, Ново-Ивановское, Баксано-Курское, Вольное и колония Александровская.

в) Урванского – селения: Старый Черек, Урванское, Псыгансу, Жемтала, Кахун, Аушигер, Старо-Урухское, Старый Лескен, Лескен II, Урухское, Нижний Черек, Аргудан, Пришибская, Котляревская, Александровская;

г) Мало-Кабардинского – селения: Плановское, Верхне-Курпское, Дейское, Хамидие, Нижне-Курпское, Арик, Терское, Акбаш, Неурожайное, Кизлярское, Гнаденбург, Раздольное, Сухотский хутор.

2. До созыва I съезда Советов автономной Кабардинской области вся полнота власти в области в границах, указанных в настоящем положении, принадлежит Революционному комитету, ближайшей задачей которого является созыв I съезда Советов Кабардинской области и управление всей областью.

3. Съезд Советов Кабардинской области избирает Исполнительный комитет области, коему присваиваются права губернского исполнительного комитета.

4. Народному комиссариату по внутренним делам и Народному Комиссариату по делам национальностей поручается разрешение вопросов, могущих возникнуть при детальном установлении границ автономной Кабардинской области.

5. Передача органов управления территории, отошедшей из Автономной Горской Социалистической Советской Республики в Автономную Кабардинскую Область, должна быть произведена не позднее 1 октября 1921 года.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
М. Калинин.

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Енукидзе

*1 сентября 1921 г.
Собрание узаконений и распоряжений рабочего
и крестьянского правительства. № 63. 25 октября 1921 г. Ст. 457.*

*См.: Документы по истории борьбы за Советскую власть
и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.)/
сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова, У.А. Улигов, Д.В. Шабаев.
Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 687–688.*

**ABOUT NATIONAL STATE OF THE PEOPLES OF THE KBR:
HISTORY OF FORMATION AND CONSTITUTION
(BEGINNING OF THE 1920 s.)**

Dzamikhov Kasbolat Fitsevich, Doctor of history, professor, director of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), casbolat2013@yandex.ru

Kazharov Arthur Gusmanovich, Doctor of history, vice-rector of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, artur-kazharov@yandex.ru

The article is devoted to the process of formation of national autonomy of Kabardino-Balkaria, which in September 2021 marks 100 years. Various aspects of the topic under study have repeatedly become the subject of study by domestic historians and jurists. They remain relevant in modern socio-political life of Kabardino-Balkarian society. Some public figures periodically make attempts to model their ethno-political claims on the basis of individual elements of the formation of the national statehood of the KBR taken out of the historical context. This publication (like many others on this topic) should contribute to the formation in the public consciousness of the continuity of national-state development of the peoples of our republic.

Keywords: nation-state construction, Kabarda and Balkaria, Gorskaya ASSR, autonomous region, Constitution of the Russian Federation 1918 and 1924.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-39-58

К ВОПРОСУ О СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В статье анализируются историография исследуемой проблемы и методы осуществления сплошной коллективизации в условиях Кабардино-Балкарии. В ней отмечается большой вклад республиканских историков, осуществлявших научную разработку проблемы коллективизации в Кабардино-Балкарии вообще и сплошной коллективизации в частности. Вместе с тем подчеркивается мысль о том, что эта задача была выполнена ими в рамках господствовавшей в то время парадигмы, которая накладывала свой отпечаток на анализ социально-экономических преобразований и колхозного строительства в Кабардино-Балкарии.

В статье отмечается, что во всех решениях, постановлениях и директивах партийных и советских органов, а также в выступлениях и статьях И. Сталина по проблеме коллективизации выдвигалось категорическое требование соблюдения принципа добровольности вступления в колхоз. Тут же рядом появлялись решения тех же органов власти о необходимости усиления темпов коллективизации любой ценой. И, как правило, побеждали последние решения, которые реализовывались насильственным путем. Ответом широких народных масс на такие решения явилось широкое антисоветское, антиколхозное выступление последних.

В Кабардино-Балкарии жертвами политических репрессий стали сотни, если не тысячи граждан области. В результате антиколхозное движение было подавлено, кулачество, вместе с крестьянами различных социальных групп, было ликвидировано, и колхозный строй победил.

Ключевые слова: коллективизация, сплошная коллективизация, антиколхозное движение, репрессия, колхозы.

По утверждению советских ученых коллективизация сельского хозяйства является одной из труднейших и важнейших задач социалистического строительства, сравнимой своими последствиями с октябрьским переворотом 1917 г. [Петренко 1954: 3]. Поэтому далеко не случайно, что вопросы колхозного строительства стали в центре внимания исследователей этой беспрецедентной социальной инженерии.

В рамках настоящей статьи нет возможности останавливаться подробно на историографию проблемы но, тем не менее, отметим некоторые работы, рисующие общую картину сложности и противоречивости той эпохи, в условиях ожесточенной борьбы сторонников и противников данного социалистического эксперимента, протекала коллективизация крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии.

Прежде всего, приведем те работы, которые не прямо затрагивают вопросы коллективизации, а раскрывают факторы, неблагоприятно повлиявшие на этот процесс. К ним можно отнести материалы, связанные с нахождением Кабарды в составе Горской АССР и притязаниями соседей на кабардинские земли,

а также потерей земель за период революции [Месяц 191: 78–98; Христианович 1926: 90–102].

Они явились одной из главных причин затягивания районирования в Кабардино-Балкарии, межселенных и внутриселенных распределений земель и установления границ области с соседними народами. Без решения этих хозяйственно-политических задач невозможно было организовать нормальную экономическую жизнь.

Следует подчеркнуть, что в силу ряда объективных причин в 20–30-е годы тема коллективизации сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии не подвергалась глубокому научному исследованию. В то время основными источниками информации о ходе коллективизации крестьянских хозяйств в области, методе ее проведения и основных ее результатах являлись выступления лидера кабардино-балкарских большевиков Б. Калмыкова, которые были опубликованы в виде отдельных брошюр и статей.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны, особенно с середины 50-х гг., тема коллективизации крестьянских хозяйств становится востребованной. Появились статьи, Петренко И., Текуева А.К., Воробьева Е.В, в которых была предпринята попытка системного анализа процесса коллективизации сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии. Эта тенденция нашла логическое развитие 60–70-е в монографических исследованиях, опубликованных в те годы. В них были освещены успехи и недостатки социалистического строительства в Кабардино-Балкарии. Особенно в работах Бербекова Х.М. и Текуева А.К. были поставлены важнейшие методические и методологические задачи для объективного анализа коренных изменений, происшедших в Кабардино-Балкарии в период коллективизации крестьянских хозяйств. [Бербеков 1963; Текуев 1960]. Несомненным достоинством этих работ явилось глубокое исследование социально-экономических преобразований в области в рассматриваемый период на основе богатейшего фактического материала, который трудно переоценить. В то же время эти работы были выполнены в рамках господствовавшей в то время парадигмы, которая накладывала свой отпечаток на анализ социально-экономических преобразований и колхозного строительства в Кабардино-Балкарии

В годы ускорения и перестройки экономической и общественно-политической жизни страны произошла переоценка ценностей, которая сопровождалась демократизацией общества. В это время на страницах республиканских и районных газет появились статьи, в которых предпринимались попытки объяснить причину столь плачевного состояния сельскохозяйственного производства в республике. Так, в статье «Зигзаги пути землепашцев», рассуждая о развитии крестьянских хозяйств в Кабарде с 1920-х годов на примере с. Заюкова, А. Гедгафов приходит к парадоксальному выводу, что одной из главных причин падения сельскохозяйственного производства явилась механизация сельского хозяйства. Она привела к высвобождению неквалифицированной части сельских жителей от сельскохозяйственного труда. В результате, по мнению автора публикации, объем производимой сельскохозяйственной продукции резко сократился, а освободившиеся от сельскохозяйственной работы сельчане были вынуждены уехать в город [Гедгафов А. 1991. 6 июля].

В статье известного историка С. Бейтуганова «На пути к сплошной коллективизации: Каменноостокское в 20–30-х годах», опубликованной в газете «Заря коммунизма», автор анализирует сложные и противоречивые социальные процессы, протекавшие в родном селе в период подготовки и проведения сплошной коллективизации. Автор показывает тяжелый путь колхозного строительства в условиях активного сопротивления значительной части крестьян мероприятиям советской власти в области аграрных преобразований на селе. С его точки зрения эти «... мероприятия ставили перед собой одну цель: выработать у трудящихся чувство коллективного хозяина своей земли, своей страны, выработать дух подлинного товарищества и коллективизма» [Бейтуганов 1987].

Это «чувство коллективизма и дух подлинного товарищества» испытали на себе многие крестьяне села, которые были репрессированы после подавления антиколхозного выступления крестьян Нагорного и Баксанского округов летом 1930 г. [Бейтуганов 1991].

С точки зрения С. Бейтуганова в Каменномостском в 1930 г. строительство колхоза, как высшая форма кооперации, не состоялось, а колхоз «Джинал», оформленный 18 декабря того же года, распался под воздействием кулаков и антисоветчиков.

В статье автор определяет свое отношение к проблеме причисления значительной части крестьян – середняков, а иногда и бедняков к категории кулаков со всеми вытекающими последствиями. Он объясняет это явление тем, что «случайные лица, а то и замаскированные контрреволюционные элементы, пробравшись в органы управления и искусственно обостряя обстановку, причисляли к разряду кулаков немало зажиточных крестьян, которые в свое время, будучи бедняками, боролись за советскую власть».

По мнению С. Бейтуганова этому процессу способствовало отсутствие четкой грани того, «где кончалось зажиточное хозяйство и начиналось кулаческое» [Бейтуганов 1987]. Трудно согласиться с С. Бейтугановым в части обвинения так называемых «контрреволюционных элементов» в причислении середняков и бедняков к категории кулаков, но, несомненно, он прав в том, что не было никаких параметров, определявших сущности кулачества. Никто толком не знал, к какой социальной группе отнести те или иные крестьянские хозяйства. Попытки решения этого вопроса предпринимались еще в 20-е годы, о которых писал А. Солопов, но никто не смог дать точной дефиниции этой социальной группе [Солопов 1990: 59–71].

В январе 1929 г. бюро обкома партии решило исправить это положение. С этой целью территория области, на которой велась хозяйственная деятельность, была разбита на земледельческий и животноводческий районы. В связи с этим было постановлено:

1. В *земледельческом районе* бедняцкими хозяйствами считать хозяйства, освобожденные от ЕСХН (единый сельскохозяйственный налог – А.К.) и имеющие доход не более 200 руб. на хозяйство, т.е. 48% хозяйств к общему числу хозяйств области. 2. Средняцкими считать хозяйства с доходом от 200 до 600 руб. на хозяйство, т.е. 46,34% к общему числу хозяйств. 3. Зажиточными хозяйствами считать хозяйства с доходом свыше 600 руб. на хозяйство, т.е. 5,65% к общему числу хозяйства.

1. В *животноводческом районе* бедняцкими хозяйствами считать хозяйства, освобожденные от ЕНСХ, т.е. 33,6% к общему числу хозяйств. 2. Средняцкими хозяйствами считать хозяйства с доходом до 500 руб. на хозяйство, т.е. 55,6% к общему числу. 3. Зажиточными хозяйствами считать хозяйства с доходами свыше 500 руб. на хозяйство, т.е. 11,34% к общему числу [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 32]. Однако такое примитивное определение социального учета членов сельхозкооперации не могло иметь какого либо положительного значения. Критерии отнесения хозяйства к категории кулацкого были определены столь широко, что под них можно было подвести любое хозяйство, в том числе середняцкое и бедняцкое. Это позволяло должностным лицам использовать угрозу раскулачивания как главный инструмент насильственного вовлечения крестьян в создаваемые колхозы.

После распада СССР появились возможности исследовать проблему колхозного строительства без идеологического клише. Этому в значительной степени способствовал указ президента России 1992 г. о рассекретивании документов, связанных с массовыми репрессиями и другими нарушениями прав человека, который привел к частичному снятию табу с центральных и местных архивов. На основании этого указа многие архивные материалы по данной проблеме были извлечены из них и опубликованы в сборниках документов, посвященных колхозному строительству в 20–30-е годы [Трагедия советской деревни. 2000], [Советская

деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД 2005]. Они, вкупе с другими источниками, легли в основу диссертационных работ, защищенных в республике в новых исторических условиях. Так, в кандидатской диссертации «Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века» Н. Лаврова уделила основное внимание раскрытию сложных и противоречивых процессов в деревне в годы коллективизации крестьянских хозяйств.

Ею была предпринята попытка выявить особенности аграрных преобразований в Кабардино-Балкарии.

В диссертационной работе З. Соблировой «Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии 1922–1929 гг.» исследуется место и роль ККОВов в социально-экономической жизни крестьянства Кабардино-Балкарии в 20-х гг. XX века. В работе показана динамика изменения функции закята (сэджыт), ставшего сердцевиной ККОВов и КОВов, их превращение в инструмент материального и организационного обеспечения колхозного строительства в Кабардино-Балкарии.

После перехода к политике массовой коллективизации крестьянских хозяйств, в ноябре 1929 г. сбор закята был отменен и заменен членскими взносами [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 29].

К этому времени в области была проведена большая агитационно-пропагандистская работа по разъяснению решений XV съезда партии, состоявшегося в декабре 1927 г. Он взял курс на коллективизацию крестьянских хозяйств и принял постановление «О работе в деревне». В нем подчеркивалась, что «Вся политика пролетарского государства... направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и – в зависимости от условий – по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии» [КПСС в резолюциях... 1984: 294].

При этом в постановлении выдвигалось категорическое требование о переходе индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные «...только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян» [КПСС в резолюциях... 1984: 299].

Во всех округах области прошли конференции бедноты, на которых обсуждалось постановление съезда о работе в деревне. Итоги этих конференций показали, что беднота в целом одобряет и активно поддерживает все мероприятия партии и советской власти на селе в их борьбе против кулачества. В то же время на заседании бюро обкома ВКП(б) от 5 июня 1928 г. было отмечено, что «...группы бедноты не работают, бедняцкие собрания не созываются, вопросы производственного кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств перед беднотой освещаются очень мало» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 28].

Несмотря на эти и другие негативные моменты в деятельности окружных властей по работе с бедняцкой частью сельского населения заседание бюро обкома партии констатировало, что «Настроение бедняцко-батрацких слоев населения в результате проведения конференций заметно изменилось в сторону приближения их к сельским партийным и советским организациям, что должно быть использовано местными ячейками в целях вовлечения в партию батраков и беднейшей части крестьянства и усиленного нажима на кулака [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 27.]».

Повседневная агитационно-пропагандистская работа местных партийных и советских органов власти принесла свои плоды. Весной 1928 г. организовались 66 новых колхозов. На 1 октября 1928 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось 101 коллективное хозяйство, объединявшее 1640 хозяйств, или 4,1% всех крестьянских хозяйств области, в том числе: товарищества по совместной обработке земли (77), машинные товарищества (15), животноводческие товарищества (9).

Во второй половине 1929 года и начале 1930 года в Кабардино-Балкарии, как и по всему Союзу ССР, развернулось массовое вступление в колхозы, причем

наиболее широкий размах колхозное движение вначале приняло в плоскостных районах области, наиболее подготовленных к коллективизации.

В течение первых трех кварталов 1929 г. коллективизация крестьянских хозяйств продолжалась. Она двигалась как вширь, так и вглубь. Рост и развитие крестьянских хозяйств обеспечивался за счет увеличения колхозов и укрепления товариществ по совместной обработке земли, а также организации более высокой формы кооперации – сельскохозяйственных артелей. Так, в 1929 г. ново-ивановские товарищества по совместной обработке земли – «Опыт» и «Бедняк» объединились в сельскохозяйственную артель «Ленинец».

По данным исследования И. Петренко на 1 октября 1929 г. в Кабардино-Балкарии было организовано 102 колхоза, в том числе 6 сельскохозяйственных артелей и 96 товариществ по совместной обработке земли. В них объединялись 10,8% всех крестьянских хозяйств области, а их посевная площадь составляла 15 389 га. Весьма показателен и тот факт, что если в 1928 г. одно коллективное хозяйство объединяло 16 хозяйств, то в 1929 г. – 42 хозяйства [Петренко 1954: 12].

В целом статистические данные о коллективных хозяйствах области не вызывают сомнения за исключением количества крестьянских хозяйств в них. В связи с этим приходится констатировать, что 28 октября 1928 г. по указанию партийно-государственных органов области агрономическое совещание Облколхозсоюза рассмотрело вопрос о ликвидации, укрупнении, слиянии и организации новых колхозов. В соответствии с его решением во всех округах области была проведена ревизия, в ходе которой были определены колхозы, подлежащие ликвидации или реорганизации. Их было 59 полеводческих и 2 животноводческих колхоза. Например: по Мало-Кабардинскому округу из 16 колхозов, подвергнутых реорганизации, 1 колхоз был ликвидирован из-за малочисленности крестьянских хозяйств в них, 2 колхоза были объединены в 1, число крестьянских хозяйств в остальных колхозах было доведено от 12 до 24 хозяйств. Приблизительно в таком положении находились и другие колхозы. Исключение составили с. Чегем I и с. Герменчик Нальчикского округа.

В начале коллективизации в с.Чегем I были образованы 5 колхозов: «Восток», «Октябрь», «Восход», «Новый путь» и «Вперед». Во всех этих колхозах были зарегистрированы 78 хозяйств со смежными земельными участками в 650 га. Все они были объединены в 1 колхоз, а в с. Герменчик в 3-х колхозах: «Переселенец», «Захода» и «Тхамиска» числилось 79 хозяйств, в распоряжении которых имелись 465 га земли. Эти колхозы договорились об объединении своих хозяйств и создании 1 колхоза. В округе были ликвидированы 2 колхоза по причине малочисленности, остальные колхозы были укрупнены, и количество крестьянских хозяйств в них было доведено до 12–20 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 78 об–79].

Также планировалась к весенней посевной компании 1929 г. организация новых колхозов в новых переселенческих поселках и в крупных населенных пунктах, где проводилась контрактация посевов сортовых культур. В рамках этой программы в Мало-Кабардинском, Урванском, Прималкинском, Нальчикском, Нагорном округах была запланирована организация 48 новых колхозов с охватом 869 крестьянских хозяйств. Кроме того из селений северной части Малой Кабарды, подлежащих выселению на канал, было принято решение образовать 23 колхоза по 50 дворов. В итоге 71 колхоза с охватом 2019 крестьянских хозяйств [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 79 об.].

Архивные материалы показывают, как интенсивно шла работа по реорганизации имеющихся колхозов и строительству новых в условиях начавшейся коллективизации крестьянских хозяйств.

Менее чем за полтора месяца число вступивших в колхозы крестьянских хозяйств удвоилось. Так, 10 декабря 1929 г. в колхозах уже было объединено 24,1% крестьянских хозяйств области против 10,8% на 1 октября того же года [Петренко 1954: 13].

В это время в Кабардино-Балкарии, как и в другие регионы страны, развернулось мощное антиколхозное движение, начало которому положили баксанские события 1928 г. Партийно-советские органы области охарактеризовали это анти-советское выступление крестьян как движение, во главе которого стоял мулльско-кулацко-дворяно-княжеский блок [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 63].

Следует подчеркнуть, что в советской республиканской историографии отмечалось обострение классовой борьбы в кабардино-балкарской деревне, но умалчивались масштабы ее распространения, количество и социальный состав участников антиколхозного движения. Она создавала образ врага, скомпонованного из маргинальных слоев общества и не представлявшего особого труда для его разгрома.

Между тем в вооруженном выступлении против мероприятий советской власти по колхозному строительству принимала активное участие значительная часть населения области, в том числе и представителей всех социальных групп крестьянства Кабардино-Балкарии. Появившиеся в 90-е годы работы [Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. 1999], [Дзиев 1997]. и др. дали ясную картину тяжелого прошлого, насыщенного массовыми репрессиями, произволом и беззаконием, совершенных в годы коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии. Однако и после разгрома крупных антисоветских вооруженных выступлений крестьян, каковыми были баксанские, верхне-курпские, нагорно-баксанские, чегемские события, продолжалась борьба против колхозного строительства в области.

После подавления Верхне-Курпского антисоветского выступления вновь вспыхнуло крестьянское волнение в Малой Кабарде, продолжалась борьба крестьян в Нагорном и Баксанском округах, а также в горных районах области против советской власти и колхозного строительства. Так, в августе 1932 г. по данным Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ в с. Залукокоаже сложилась напряженная обстановка, вызванная деятельностью антисоветской группировки, которая создавала реальную угрозу срыва важнейших хозяйственно-политических задач, распространяла различные контрреволюционные слухи о скорой гибели советской власти, налаживала связь с антисоветскими элементами соседних областей и т.д. Ядро этой организации составляли бывшие зажиточные колхозники, исключенные из него за принадлежность к кулакам: Бжеников Зикрей, Бабугоевы Астемир и Жантемир, Шалов Алихан, Наурузов Харун, Мазанов Муса, Кушхов Канина. Как только были получены сведения о ее деятельности, группировка была разгромлена органами ОГПУ области, а руководство подпольной группировки было арестовано. Тройка ПП ОГПУ СКК приговорил Бабугоева Астемира Дзадзиевича, Бабугоева Жантемира Мизовича и Кушхова Канина Шамиловича к высшей мере социальной защиты и 3 января 1933 г. они были расстреляны. Остальные активные участники антисоветской группы были высланы в Казахстан через ПП ОГПУ сроком на пять лет [УЦГА АС КБР. Ф.Р-183. Оп. 3. Д. 526. Т. 2. Л. 239–253].

В полночь 2 марта 1933 г. были расстреляны Косьмин Петр Иванович, Щербатов Трофим Иванович, Косяченко Филипп Иванович, Виндышев (Виндижев?) Кучук Каншаевич, Урусмамбетов Инал Исуфович, Кармов Тру Хажумарович [УЦГА АС КБР. Ф.Р-183. Оп. 3. Д. 521. Л. 174.]

В январе 1933г. следственное дело Конова Беслана Кургоковича, Кучуква Магомета Сафаролиевича и Дзиева Хажбекира Исхакоича, обвиняемых в участии в вооруженной борьбе против мероприятий советской власти по колхозному строительству, было направлено на внесудебное рассмотрение Крайполиттройки.

13 марта 1933 г. Тройка ПП ОГПУ СКК вынесла расстрельный приговор Конову Беслану Кургоковичу, Кучукву Магомету Сафаролиевичу и Дзиеву Хажбекиру Исхаковичу. Спустя несколько дней после вынесения приговора, т.е. 7 апреля приговоренные были расстреляны [Архив КБИГИ. Ф. 55. Л. 9–10.]

Родственная связь с Исмелом Кертовым стоила младшему милиционеру Нагорного окружного административного отдела Теуважеву Жамбулату Гучиновичу

10 лет каторги, куда был определен приговором Крайполиттройки 20 мая 1931 г. [УЦГА АС КБР. Ф.Р-183. Оп. 3. Д. 387. Л. 9].

Не прекращались аресты и расстрелы участников антиколхозного, антибольшевистского движения. Так, жители из с. Шордаково Нагорного округа Урус-мамбетов Абуба Исуфович, Коцев Пак Табишевич и Нартоков Хусйн Бечканович были арестованы органами ГПУ и их следственное дело № 1114 с обвинением по ст. 58–10 УК с предварительной санкцией областного прокурора 30 июля 1932 г. было направлено на внесудебное рассмотрение Крайполиттройки при ПП ОГПУ СКК [УЦГА АС КБР. Ф.Р-183. Оп. 3. Д. 521. Л. 215–219]. В доступных нам архивных материалах их дальнейшая судьба не просматривается, но можно не сомневаться, что они разделили участь репрессированных по политическим мотивам в условиях сплошной коллективизации крестьянских хозяйств.

Накануне XII годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1929 г. вышла газета «Правда» со статьей И.В. Сталина «Год великого перелома». В этой статье он заявил, что в жизни деревни наступил «великий перелом», суть которого – поворот средних крестьян вместе с беднейшими крестьянами в сторону колхозов. По его словам, стране удалось совершить исторический переход от мелкотоварного сельскохозяйственного производства к передовому земледелию, поставленному на коллективную основу. В ней приводились многие конкретные показатели, свидетельствующие о том, что коллективизация повсеместно принесла ощутимый экономический эффект. В то же время он предупредил об обострении классовой борьбы в деревне в ходе массовой коллективизации крестьянских хозяйств.

Следует также отметить, что в данной статье речь шла о строгом ограничении частного капитала, но не о ликвидации кулачества как класса [Сталин 1949: 124–135].

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. принял резолюцию «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в которой было принято решение о посылке в деревни 25 тысяч передовых рабочих для оказания помощи в социалистическом строительстве в деревне.

Посылка индустриальных рабочих в деревню сыграла определенную роль в налаживании сельскохозяйственного производства. В частности, в январе 1930 года из числа 25-тысячников в Кабардино-Балкарию прибыла первая группа из 38 человек. В феврале из Ростова-на-Дону прибыла на помощь вторая группа рабочих в количестве 24 человек [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 10]. Рабочие были распределены по селам, где и развернули большую агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян. Наиболее отличившиеся из них назначались руководителями машинотракторных станций (МТС), начальниками сельских и окружных мастерских и т.д. В то же время были обнаружены и негативные моменты в их деятельности. Так, на заседании бюро обкома партии 12 марта 1930 г. было отмечено, что «Зачастую присланные работники нечетко уясняют себе функции их, а считают, что приехали в селение командовать, подменять собой совет, ячейку, этим самым обезличивая последних... сплошь и рядом на местах все присылаемые работники именуют себя уполномоченными, что зачастую на местах получается недоразумение» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 146]. В цитируемом документе содержится и другие серьезные замечания в адрес присланных в область 25-тысячников и рекомендация о дальнейшей работе с этой категорией участников колхозного строительства в Кабардино-Балкарии.

30 апреля 1930 г. бюро обкома ВКП(б) обсудило телеграмму ЦК о рабочих, присланных в счет 25 тысячников и постановило «В связи с тем, что Кабардино-Балкарская область не является районом сплошной коллективизации, а посылка рабочих исходила из этого расчета, считать необходимым обратное откомандирование части рабочих» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 6].

5 января 1930 г. ЦК партии принял постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем намечались

жесткие сроки ее проведения. В основных зерновых районах страны (Среднее и Нижнее Поволжье. Северный Кавказ) ее должны были завершить к весне 1931 г., в Центральной Черноземной области, на Украине, Урале, Сибири и Казахстане – к весне 1932 г. К концу первой пятилетки планировалось завершить коллективизацию всей страны.

В условиях проведения массовой коллективизации летом 1929 г. политика в отношении зажиточного крестьянства резко ужесточилась. Последовало запрещение принимать в колхозы кулацкие семьи, а с 30 января 1930 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» началось проведение крупномасштабных насильственных акций, выразившихся в конфискации имущества, в принудительном переселении и т.д. Нередко в разряд кулаков попадали не только середняки, но и бедняки.

Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относились участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они подлежали аресту и суду, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны), ко второй – крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы), к третьей – остальная часть кулаков (она подлежала расселению специальными поселками в пределах районов прежнего своего проживания). Составлением списков кулаков первой категории занимался местный отдел ГПУ. Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учетом рекомендаций деревенских активистов и организаций деревенской бедноты.

В условиях ожесточенной борьбы сторонников и противников колхозного строительства 7 января 1930 года в Ростове-на-Дону открылся I съезд рабочих и крестьян Северо-Кавказского края, посвященный вопросу сплошной коллективизации. На съезде было принято решение о неукоснительном выполнении решений ЦК партии по осуществлению сплошной коллективизации и роли рабочих края в этом процессе.

3–5 февраля 1930 года был созван областной съезд хлеборобов Кабардино-Балкарии по вопросам сплошной коллективизации. На съезде были обсуждены итоги работы съезда рабочих и крестьян Северокавказского края, состоявшегося 7 января 1930 г. в Ростове на-Дону. В свете решения этого съезда были определены цели и задачи кабардино-балкарских активистов в области колхозного строительства. В работе съезда принимали участие 683 делегата, в том числе 157 женщин.

Делегаты съезда в своих выступлениях говорили о необходимости провести более решительную борьбу с кулачеством, больше выдвигать бедняков в правления колхозов, не гнаться за количеством колхозов, а обратить внимание на их качество. Например, делегат от Прималкинского округа тов. Д.К. Филиппенко говорил:

«В некоторых колхозах в правление выбирают зажиточных, мотивируя это тем, что они более опытни в хозяйствовании, что бедняк, батрак не смогут повести хорошо хозяйство. Это, товарищи, неверно. Этим вы даете повод кулаку... Кулаки очень хитрые. Я сам 4 года в колхозе состою, знаю все их повадки. Ряд лет показал, что бедняк... великолепно может вести сельское хозяйство, перестраивать его... Я уверен, что если бедняк, батрак организованно возьмутся за изоляцию кулака, то дело двинется быстрым темпом вперед» [Бербекоев 1963: 214].

В речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. И. Сталин говорил: «Раскулачивание нельзя было допускать, пока мы стояли на точке зрения ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, пока мы не имели возможности перейти в решительное наступление против кулачества, пока у нас не было возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Тогда политика недопустимости раскулачивания была необходима и правильна. А теперь? Теперь – другое дело. Теперь мы имеем возможность вести

решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать как класс, и заменить его производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-средняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов».[Сталин 1949: 169–170].

На основе решений партии и правительства Президиум Северо-Кавказского крайисполкома 10 февраля 1930 года принял постановление «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края». Было постановлено:

1. Произвести конфискацию имущества кулацких хозяйств в округах и областях сплошной коллективизации сельского хозяйства.

2. В округах и областях сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе отменить аренду земли и применение наемного труда в сельском хозяйстве.

3. В целях ликвидации кулачества как класса и ограждения колхозов от его вредительства, произвести переселение и расселение кулацких хозяйств в пределах Северо-Кавказского края, путем:

а) внутрикраевого расселения;

б) выселения из пределов края наиболее злостных, богатых кулаков, полупомещиков и контрреволюционных элементов [Газета «Карахалк» 16 февраля 1930].

Следует также обратить внимание, что в постановлении Президиума Северокавказского крайисполкома «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края» не говорится, какая судьба была уготовлена первой категории раскулаченных, т.е. кулакам. Между тем, этой категорией репрессированных занималось исключительно ОГПУ.

Руководство Кабардино-Балкарии, воодушевленное таким решением Президиума Северокавказского крайкома, приступило к ограблению зажиточных крестьян, лишая их средства производства и выселяя их за пределы области. В результате такой мощной атаки открытое сопротивление антиколхозных элементов области значительно снизилось. Коллективизация сельского хозяйства Кабардино-Балкарии пошла более быстрыми темпами вперед. Этот процесс сопровождался массовыми репрессиями, вплоть до применения военной силы.

Крестьяне принуждались к вступлению в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, конфискации имущества, прекращения снабжения необходимыми товарами и т.д. В условиях Кабардино-Балкарии административный произвол приобрел имманентное свойство и принял массовый характер. В результате такого беспрецедентного давления на крестьян к началу 1930 г. 75% крестьянских хозяйств было объединено в колхозы, в то время, как в марте того же года в целом по СССР этот показатель достиг только 58% [Петренко 1954: 20].

20 февраля 1930 г. на заседании Политбюро было постановлено что «... в районах Узбекистана, Чечни, Ингушетии, Дагестана, Киргизии, Туркмении, Кабарды коллективизация и раскулачивание должны проводиться «медленным темпом в меру подготовки бедняцко – средняцких масс к идее коллективизации». Вместе с тем для быстрой ликвидации «бандитизма разрешить ввести достаточное количество вооруженных сил» [Ивницкий]

Конечно же, дело не в неподготовленности бедняцко – средняцких масс к идее коллективизации, а в развернувшейся борьбе против колхозного строительства. В связи с этим 3 октября 1929 г. ЦК ВКП(б) принял директиву органам ОГПУ и Наркомюста РСФСР и УССР, в которой предлагал: «Принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления...» [Ивницкий].

Данная директива сыграла свою роль. Через месяц после ее принятия общее количество арестованных по хлебозаготовкам составило 28344. Из них на долю Северного Кавказа приходилось 4702, Украины – 4393, Сибири – 3872. На долю остальных крупнейших экономических районах страны приходилось значительно меньше арестованных [Ивницкий].

На почве насильственной коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств в 1930 г. в стране произошло мощное антиколхозное выступление, в котором приняли участие сотни тысяч крестьян.

Несмотря на то, что волнения быстро и жестоко подавлялись, недовольство и саботаж работы в колхозах нарастали. Сложилась критическая ситуация в колхозном строительстве, которая стала предметом обсуждения на заседании Политбюро 28 февраля 1930 г. В соответствии с его решением 2 марта была опубликована статья И. Сталина «Головокружение от успехов».

К этому времени совершенно стало очевидным, что колхозное строительство зашло в тупик. Его продолжение в том виде, в котором оно развивалось, привело бы к всеобщему антиколхозному выступлению в стране. Поэтому необходимо было обратиться к народу с тем, чтобы разъяснить, почему сложилась такая ситуация и кто в этом виноват. И. Сталин не мог допустить, чтобы виновным оказалось партийно-политическое руководство страны. Поэтому в статье он обвинил местное руководство в «антиленинских настроениях» [Сталин 1949: 193].

После появления статьи И. Сталина все искусственно созданные колхозы Кабардино-Балкарии распались или были распущены. Процент коллективизации в Кабардино-Балкарии сразу снизился с 75 до 12%, т.е. остались наиболее жизнеспособные и устойчивые колхозы.

При этом следует отметить, что этот отлив из колхозов в значительно меньшей мере коснулся сравнительно старых колхозов. В колхозе «Ленинцы» сел. Ново-Ивановка, например, из 600 хозяйств из колхоза выбыло 283, или 47 процентов, а большая часть осталась в колхозе.

Статья Сталина «Головокружение от успехов» и последовавшее за ней 14 марта 1930 года постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» были использованы для укрепления авторитета верхов партии, разоблачивших «перегибы» местных органов власти. В СССР начался массовый выход крестьян из колхозов.

Логическим продолжением и развитием идеи И. Сталина о колхозном строительстве была его статья «Ответ товарищам колхозникам», опубликованная 3 апреля 1930 г. В ней был показан с позиции И. Сталина корень ошибок в крестьянском вопросе и главные ошибки в колхозном движении, выразившиеся в нарушении ленинских принципов и указаний партии:

- 1) О добровольности при создании колхозов.
- 2) Об учете разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству.
- 3) О недопустимости перескакивания через незавершенную форму движения применительно к колхозному строительству [Сталин 1949: 202–228].

Однако принцип добровольности вступления в колхоз, провозглашенный партией, вскоре пришел в явное противоречие с реальной политикой самой партии.

В июне-июле 1930 года состоялся XVI съезд партии, вошедший в историю как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

Уже в сентябре 1930 года ЦК ВКП(б) осудил местных органов власти за пассивные действия в проведении коллективизации крестьянских хозяйств. Партия призвала к активным действиям с тем, чтобы добиться мощного вступления людей в колхозы.

В течение последних месяцев 1930 года прилив в колхозы продолжался с нарастающими темпами. В этом отношении определенный интерес представляют

статистические данные, характеризующие рост количества коллективных хозяйств в области. Так, в материалах президиума облисполкома за 1930 г. видно, что до начала осеннего сева 1930 г. в области числилось 79 колхозов, объединявших 3978 хозяйств, а после сева значительно выросло количество колхозов – 209 с количеством 14 437 хозяйств [УЦГА АС КБР. ФР-2. Оп. 1. Д. 681. Л. 43].

В марте 1931 года постановлениями VI съезда Советов «О совхозном строительстве» и «О колхозном строительстве» крестьянам вновь было запрещено покидать колхозы.

Произошли существенные структурные изменения в колхозах Кабардино-Балкарии. Так, в Нальчикском округе количество маломощных коллективных хозяйств сократилось, вместо них в 1931 г. путем слияния маломощных коллективных хозяйств были образованы 19 новых колхозов с консолидированным имуществом [УЦГА АС КБР. Ф.Р-6. Оп. 1. Д. 249. Л. 220].

В ходе проведения колхозного строительства в области возникла проблема, связанная с обобществлением имущества крестьянских хозяйств. Обеспокоенность по этому вопросу была выражена в циркуляре Каббалколхозсоюза. Суть ее заключалась в том, что часто в колхоз вступает не глава семьи, а отдельные ее члены. При этом никакое имущество не обобществляется, так как оно остается в распоряжении главы семьи. Если же вступление происходит в ТОЗы, то вступающие не пользуются для работы в ТОЗе тяглом и инвентарем, так как и в этом случае, оно остается в распоряжении главы семьи. С точки зрения руководства Каббалколхозсоюза такое положение вещей не дает возможности в колхозах создать твердую материальную базу для ведения обобществленного хозяйства. В связи с этим настоятельно было рекомендовано правлениям колхозов проверить все случаи вступления в колхозы отдельных членов семьи и поставить перед судебными органами вопрос о разделе имущества между вступающим в колхоз членом семьи и остальными, «...отбирая от вступающих, соответствующее заявление в Нарсуд.

При разборе дел нужно добиваться, чтобы вступившим в колхоз присуждались тягло, фуражный, семенной фонд. Договориться с Нарсудом, чтобы вопросы эти разбирались вне всякой очереди» [УЦГА АС КБР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 211. Л. 57].

25–28 мая 1931 года прошел первый областной съезд колхозников Кабардино-Балкарии, который подвел итоги колхозного строительства. В работе съезда принимали участие 960 делегатов, из них – 300 женщины. Съезд отметил факт коренного поворота основных масс крестьянства области на путь социализма. Ко времени проведения съезда коллективизация охватила 81% крестьянских хозяйств. Съезд ориентировал делегатов на необходимость перевода ТОЗов на устав сельскохозяйственной артели.

Одной из главных задач была признана подготовка необходимых условий для ликвидации кулачества как класса в национальных селениях, осуществляя окончательную ликвидацию его в русских селениях, где сплошная коллективизация была завешена.

Предметом особой озабоченности делегатов съезда явилась возможность проникновения классовых врагов во вновь создаваемые колхозы.

Отмечая как ненормальное явление, что в национальных колхозах продолжается решение важнейших вопросов без участия массы колхозниц, съезд пожелал установить такой порядок, при котором общеколхозные собрания без присутствия на них не менее 50% женщин-колхозниц считать неправомочными решать вопросы колхозной жизни.

Следует отметить, что в течение 1931 г. почти все ТОЗы перешли на устав сельскохозяйственной артели. «На 1 января 1932 г. колхозами было «охвачено 93,3% крестьянских хозяйств области. Вместо больше чем 50 тыс. мелких раздробленных хозяйств у нас сейчас 146 колхозов» – писал Б. Калмыков [Калмыков, Захаров 1934: 5].

В заключении следует отметить, что коллективизация крестьянских хозяйств и ликвидация кулачества как класса осуществлялась в чрезвычайно сложных условиях и прошла путь от кооперации крестьянских хозяйств до создания крупных сельскохозяйственных артелей. На всем протяжении этого пути партия настаивала на осуществление коллективизации исключительно на добровольных началах. В то же самое время она требовала от местных властей неукоснительного выполнения плана коллективизации и создавала внесудебную карающую систему под названием «Политтройка». Она превратилась в один из главных инструментов в осуществлении беспрецедентной политической репрессии в период ликвидации кулачества как класса. Ответом на такое фарисейское отношение к крестьянским массам явилось широкое антисоветское, антиколхозное выступление последних.

На завершающем этапе коллективизации под воздействием местных партийно-советских органов и органов правопорядка в 1931 г. произошел резкий рост количества колхозов. Если на 1 января 1931 г. в колхозах состояло 14 786, или 38% всех крестьянских хозяйств, то к концу весеннего сева уже 32 408 (82,7%) [История Кабардино-Балкарской АССР 1967: 178].

Особенность коллективизации в области состоит в том, что в Балкарии в силу объективных причин сплошная коллективизация завершилась значительно позже. Если иметь в виду это обстоятельство, то процент коллективизации крестьянских хозяйств на 1 января 1932 г. составил 96,7 [Петренко 1954: 29].

В результате сельское хозяйство Кабардино-Балкарии было переведено на путь социалистического производства.

Источники и литература

1. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 55. Л. 9–10.
2. *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Кабардино-Балкарское книжное издательство. Нальчик, 1963. 536 с.
3. *Бейтуганов С.Н.* На пути к сплошной коллективизации: Каменноостское в 20–30-х годах // *Заря коммунизма*. 1987. №№ 109, 111, 132, 133.
4. *Бейтуганов С.Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах // *Советская молодежь*. 1987. Август.
5. *Дзубев Г.К.* Кровавое лето 1928-го. Нальчик: Эльбрус, 1997. 103 с.
6. *Гедгафов А.* Зигзаги пути землепашцев (Развитие крестьянских хозяйств в Кабарде с 1920-х годов на примере с. Заюково) // *Кабардино-Балкарская правда*. 1991. 6 июля.
7. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). <http://libed.ru/knigi-nauka/798727-1-ivnickiy-repressivnaya-politika-sovetskoj-vlasti-derevne-1928-1933-gg-ivnickiy-repressivnaya-politika-sovetskoj.php> (Дата обращения 18.09.2019).
8. *История Кабардино-Балкарской АССР*. Т. 2. М.: Наука, 1967. 439 с.
9. *Калмыков Б., Захаров С.* От национального гнета к политическому, хозяйственному и культурному расцвету. М.: Политиздат, 1934. 46 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в 15 томах. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1984. 575 с.
11. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20-е годы. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. 272 с.
12. *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. 191 с.
13. *Петренко И.* К истории коллективизации сельского хозяйства Кабарды // *Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института*. Т. IX. Нальчик, 1954. 205 с.
14. *Солопов А.Н.* Кого считали кулаком в 20-е годы: К истории предпосылок перегибов в деревне // *Вопросы истории КПСС*. 1990. № 10. С. 59–71.
15. *Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД в 4-х томах*. Т. 3 / отв. ред.: А. Берелович, В. Данилов. М.: РОССПЭН, 2005. 836 с.
16. *Сталин И.В.* Сочинения в 13 томах. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 397 с.

17. Текуев А. Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 151 с.

18. Трагедия советской деревни. Документы и материалы в 5 томах. Т. 2. / отв. ред. Н. Ивницкий. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.

19. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (далее: УЦДНИ).

20. УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива АС КБР.

21. Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926. 214 с.

TO THE QUESTION OF CONTINUOUS COLLECTIVIZATION OF PEASANT FARMS IN KABARDINO-BALKARIA

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article analyzes the historiography of the studied problem and the methods of continuous collectivization in the conditions of Kabardino-Balkaria. It notes the great contribution of republican historians who carried out the scientific development of the problem of collectivization in Kabardino-Balkaria in general and continuous collectivization in particular. At the same time, the idea that this task was accomplished by them within the framework of the then prevailing paradigm, which left its mark on the analysis of socio-economic transformations and collective farm construction in Kabardino-Balkaria, is emphasized.

The article notes that in all decisions and directives of party and Soviet agency, as well as in speeches and articles of I. Stalin on the problem of collectivization, a categorical requirement was put forward that the principle of voluntary entry into the collective farm be respected. Immediately next came the decisions of the same authorities on the need to increase the pace of collectivization at any cost. And, as a rule, the last decisions were won, which were implemented by force. The response of the broad masses to such decisions was the broad anti-Soviet, anti-collective farm action of the latter.

In Kabardino-Balkaria, hundreds, if not thousands of citizens of the region became victims of political repression. As a result, the anti-collective farm movement was suppressed, the kulaks, together with the peasants of various social groups, were liquidated and the collective farm system defeated.

Keywords: collectivization, continuous collectivization, anti-collective farm movement, repression, collective farms.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-59-71

ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1942–1943 гг.)

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gugowa@mail.ru

В статье анализируются особенности поведения гражданского населения Кабардино-Балкарии в условиях оккупации, реконструированы условия жизни и повседневного существования на оккупированной территории. Оккупация изменила повседневный уклад и сформировала новую реальность: невозможность свободного и неограниченного перемещения по региону, общения с близкими и дальними родственниками, проявления сочувствия к человеку, отказ от традиционного гостеприимства. Особое внимание уделяется деятельности партийных и советских структур органов власти и населения региона по организации и ведению сопротивления в тылу немецко-фашистских войск. Рассматривается участие населения в партизанском движении региона. Автор отмечает, что в связи с коротким периодом оккупации, партизанское движение на Северном Кавказе не успело принять массовый характер. Основные выводы видятся в следующем: основная часть жителей Кабардино-Балкарии проявляла различные формы неповиновения и сопротивления оккупантам, оказывала помощь раненым красноармейцам, советским военнопленным и партизанам. Выжившие в оккупации жители республики сразу после изгнания фашистов продолжили трудиться на обеспечение фронта, по-прежнему отказывая себе в самом необходимом, для общей победы. Восстановление осуществлялось преимущественно руками женщин, детей и стариков, достаточно оперативно.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Великая Отечественная война, оккупация, партизанское движение, повседневность, власть.

Важной задачей современной исторической науки является преодоление одностороннего подхода к изучению событий Великой Отечественной войны. Для достижения этой цели важным является исследование вопросов, связанных с реконструкцией неизвестных страниц истории Кабардино-Балкарии периода Великой Отечественной войны, вклада народов республики в общую победу.

Начиная войну против Советского Союза, немцы надеялись на то, что поражения Красной Армии приведут к межнациональным конфликтам и распаду Советского Союза. Для этого идеологи фашистской Германии изучили межнациональные отношения в СССР и начали активно использовать националистические идеи. Они надеялись, народы Северного Кавказа не будут оказывать сопротивления и их можно будет привлечь на свою сторону, если проводить на Кавказе «мягкую» политику, включавшую в себя создание органов местного самоуправления. На начальном этапе войны на Северный Кавказ забрасывались террористические и диверсионные группы, целью которых была подготовка захвата и оккупации этой территории.

Незначительный по временной протяженности период оккупации с лета 1942 по зиму 1943 г., имел принципиальное значение по степени воздействия на жителей

Северного Кавказа, сделав Великую Отечественную личной войной каждого горца. Традиционная кавказская ментальность, одной из опор которой является институт гостеприимства, с трудом смогла пережить столкновение с незнакомым, враждебным и неоправданно жестоким оккупационным фашистским режимом.

Оккупация изменила повседневный уклад и сформировала новую реальность: невозможность свободного и неограниченного перемещения по региону, общения с близкими и дальними родственниками, невозможность проявить сочувствие к человеку, отказ от традиционного гостеприимства. Поскольку именно кавказские женщины являлись «хранительницами» повседневной и обрядовой культуры этносов, вышеуказанные насильственные и резкие трансформации сказались, в первую очередь, на них.

Во время оккупации местное население столкнулось с разного рода табу, запретами, ограничениями. Например, по станице Солдатской Прохладненского района, ход воспрещен с наступлением темноты, общение с соседними селениями, т.е. хождение из села в село, разрешено по пропускам только днем взрослому населению и детям. В ночное время было категорически запрещено находиться на дорогах, связывающих селения.

Когда оккупанты угрожали жизни детей, женщины совершали поступки, которые должны изменить привычное представление о «героическом». Они буднично и монотонно, без аффектации, без зрительского одобрения («на миру и смерть красна») спасали жизни. И подобные факты невозможно восстановить по отчетным или архивным документам, поэтому главный источник для исторической хроники подобного рода – только нарративы, воспоминания, письма. Рассказы женщин о войне содержат, как представляется, малозначащие, но эмоциональные свидетельства их ежедневной борьбы со страхом, борьбы за выживание.

Оккупация кардинально изменила быт и условия существования. Многие семьи и отдельные люди оказались вынужденными жить в лесу, в шалашах или землянках. Никто не ожидал, что враг будет жить в их домах. Сожженные и разоренные села и дома, поля и огороды, голод, аресты, постоянные бомбежки, угон детей и женщин в Германию. Однако население, оказавшееся в оккупации, в основном, старики, дети и женщины, называли «мирным». При этом, они жили в условиях, приближенном к фронтовым, только не получая за это ни наград, ни поощрений, находясь, как и солдаты, в экстремальной ситуации, с перманентной угрозой для жизни. Каждая республика и область, каждый регион, каждый населенный пункт, каждое домохозяйство и семья понесли моральные и материальные потери. Например, за двухмесячное пребывание в селении Аргудан немцев, ему был нанесен ущерб 1 263 360 рублей. Были расстреляны члены актива – Чеченов Хамзет, Бегретов Дуко, Мариев Каральби, разрушены колхозные и общественные постройки: колхозный клуб, две стандартных конюшни, сельмаг, контора колхоза, 8 стандартных зернохранилищ, лесопильный завод, черепично-кирпичный и известковый заводы, мосты, подвергнуто бомбардировке население, при которой разрушены жилые дома и имелись жертвы [Гугова 2015: 38].

Вот как описывали последствия недолгой оккупации Кабардино-Балкарии старейшины КБАССР (Блянихов, Хаиров, Дышеков, Бачаев, Балов, Албагачиев, Харачоев, Мурадов, Муцульгов, Ажигов, Кагермазов): «Фашистские звери только в одном сел. Кызбурун I расстреляли 52 местных жителя лишь за то, что это наши советские люди. Жена красноармейца Гисы Молова во время грабежа хотела закрыть перед бандитами дверь в свой дом. Немецкие автоматчики открыли стрельбу по дому, ранили женщину и убили ее 10-летнего сына. За протест против грабежей фашистские головорезы расстреляли 12-летнего мальчика Зарамука Саблирова, старуху Фанису Асланову и многих других. Многих жителей из селения Кызбурун фашистские негодяи угнали в рабство в Германию: 11 семей колхозников и много девушек и женщин, не успевших скрыться в горах» [Правда 1942: 22 сентября].

Последнее замечание обращает нас к новой проблеме – людские потери были связаны не только с погибшими на фронте или в период оккупации. Известно, что Германия нуждалась в трудовых ресурсах, что оккупанты насильно отправляли жителей на работу в свою страну. По произведенным подсчетам, «только через сборный пункт в г. Пятигорске немцы насильно вывезли в Германию около 15 тыс. жителей региона. Лишь за 4 и 7 декабря было отправлено 800 девушек. По Краснодарскому краю было угнано на каторжные работы в Германию свыше 30 тысяч девушек и юношей. Число советских граждан, в особенности девушек, насильно завербованных оккупантами, исчисляется десятками тысяч. Вот что писала русская девушка-ставропольчанка из Кельна: «Доставив в Германию, нами стали торговать, и нас, девушек брали кому сколько угодно, как рабов. Работаю с утра до темна. Надо мной здесь смеются и издеваются, а я плачу» [Каменева 2004: 65].

В 1942 г. основная территория Северного Кавказа оказалась под управлением германских властей, основными единицами гражданской администрации были бургомистры, старосты и районные шефы. При ее создании использовалась модель немецкого гражданского управления, и не учитывались местные национальные реалии. Оккупационные власти образовали «Представительство национальных интересов Кабардино-Балкарии», ряд других коллаборационистских органов власти, но так и не смогли создать достаточно эффективной системы управления республикой. Этому способствовали массовые расстрелы военнопленных и мирного населения региона, угроза уничтожения горских евреев.

На территории Кабардино-Балкарии немецкие власти проявили интерес к животноводству и пищевой промышленности. Во время оккупации некоторые предприятия были восстановлены, но затем немецкие войска их уничтожили при отступлении. Германские власти заявили о ликвидации колхозов и совхозов на территории Северного Кавказа, но здесь важно отметить, что полностью осуществить это не удалось. Немецкие чиновники не выработали единого мнения по данному вопросу. В Кабардино-Балкарии колхозная система продолжала существовать до декабря 1942 г.

В декабре 1942 г. немецкая администрация заявила о роспуске колхозов и восстановлении единоличных крестьянских хозяйств, местное население стало самостоятельно перераспределять земли и разбирать колхозный скот. Но, на практике оказалось, что немцы упразднили лишь часть колхозов и создали общинные хозяйства, а скот начали отбирать у местного населения. Аграрная реформа оказалась незавершенной. Оккупация нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству республики, и особенно животноводству.

Социальная политика, проводимая немецкими властями, была направлена не на решение проблем местного населения, а на удовлетворение потребностей германской армии, что привело к обнищанию населения республики к концу оккупации. Основным способом выживания в сельской местности было личное приусадебное хозяйство, производился натуральный обмен продуктами, промышленными и другими товарами [Тетуев 2019: 72].

На территории Кабардино-Балкарии не издавались газеты оккупационных властей. Основными источниками фашистской пропаганды стали газеты, издаваемые на территории Ставропольского края и немецкие пропагандистские киноленты, которые показывал кинотеатр, открытый в декабре 1942 г. в г. Налчике. Германские фильмы демонстрировалась на немецком языке с русскими титрами.

Еще в ноябре 1941 г. руководство Кабардино-Балкарии приступило к организации партизанского движения из-за угрозы прорыва противника вглубь Северного Кавказа. Предполагалось создать отряды, закрепленные за одним или несколькими районами республики. Финансирование партизанских отрядов, обеспечение завоза продовольствия на базы, возлагались на председателя СНК КБАССР Х.К. Ахохова, вопросы вооружения партизан и предоставления им взрывчатых

веществ были в ведении органов НКВД республики. С.И. Филатов вместе с секретарем Кабардино-Балкарского обкома П.И. Ильиничем приступил к подготовке коммунистов и комсомольцев к действиям на нелегальном положении [Татаров 2016: 144–145].

Однако за короткий период оккупации, партизанское движение на Северном Кавказе не успело принять массовый характер. В Кабардино-Балкарии партийные органы не успели должным образом обеспечить отряды сопротивления продовольствием и вооружением. В сентябре 1942 г. были созданы ускоренные курсы по обучению партизан, но военная подготовка имела массу недостатков. Часть партизан влилась в ряды Красной армии, многие принимали участие в подготовке эвакуации предприятий и скота.

Партизанский быт был многократно сложнее фронтового: бойцы партизанских отрядов так же участвовали в боевых действиях, испытывали физические лишения, но морально им было намного тяжелее, чем на фронте. Сказывалась оторванность от передовых новостей, зачастую без связи, без единого командования, без централизованного снабжения. И главное – их родные и близкие, дети и родители оставались заложниками у немцев. Основная часть республики, оказавшаяся под оккупацией, находилась в равнинной зоне, что не способствовало активизации партизанского движения осенью 1942 г. Но, ближе к зиме, активизируются действия партизанских отрядов в предгорной полосе от с. Хабаз до с. Лескен, где ландшафтные условия благоприятствовали конспирации. Здесь имелись «буферные зоны», покинутые советскими, но еще не занятые немецкими и румынскими войсками.

Основу движения сопротивления в республике в последние месяцы оккупации, составил Объединенный партизанский отряд Кабардино-Балкарии. В соответствии с требованием командования 37-й армии его формирование началось 8 октября 1942 г. Изначальная численность отряда – 125 чел. (из них 13 женщин). Командир отряда – Г.М. Царяпин, заместитель по политчасти – Ч.К. Кудяев, заместитель по разведке М.М. Куашев [Татаров 2016: 153].

В партизанских отрядах края участвовали и девушки. Их число было небольшим, причем русские девушки численно преобладали. Однако в данном случае мы считаем, что количественные данные не являются показательным критерием, следует определить значение качественных материалов с учетом этнической ментальности и гендерного конструирования традиционного социума. Для женщин партизанский быт особенно тяжел: в лесных укрытиях ценились такие «мужские» качества, как физическая сила, стойкость, непритязательность и храбрость. От кавказских женщин, воспитанных в условиях многовековой мужской опеки, не ожидалось обладания подобным «набором мужественности». В жестокой лесной жизни большинство мужчин были убеждены, что женщины не могут участвовать в боях, а потому являются обузой.

К концу оккупации, операции партизан становятся более эффективными, они, совместно с частями 37-й армии, участвуют в освобождении республики. Более 300 партизан Кабардино-Балкарии были представлены к наградам на участие в борьбе немецко-фашистскими войсками.

Выжившие в оккупации жители Северного Кавказа, сразу после изгнания фашистов продолжили трудиться на обеспечение фронта, по-прежнему, отказывая себе в самом необходимом, для общей победы. Восстановление осуществлялось преимущественно руками женщин, детей и стариков, достаточно оперативно. Помимо тяжелого физического труда, другой формой вовлечения мирного населения Северного Кавказа в приближение победы, стало участие в самых разнообразных кампаниях по сбору денежных средств, а также организация трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения советских городов.

Источники и литература

1. *Гугова М.Х.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 94 с.
2. *Каменова Г.Н.* Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 198 с.
3. *Правда.* Орган ЦК и МК ВКП(б).
4. *Татаров А.А.* Горские народы и «северокавказский эксперимент» в 1942–1944 гг.: на материалах Кабардино-Балкарии: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2016. 251 с.
5. *Тетуев А.И.* Повседневная жизнь гражданского населения Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2019. № 2. С. 61–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-61-73.

CIVIL POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA AND RESISTANCE MOVEMENT UNDER THE CONDITIONS OF GERMAN OCCUPATION (1942–1943)

Gugova Marina Khabasovna, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gugowa@mail.ru

The article analyzes the features of the behavior of the civilian population of Kabardino-Balkaria in the conditions of occupation, reconstructed the living conditions and daily existence in the occupied territory. The occupation changed the daily way of life and formed a new reality: the impossibility of free and unlimited movement in the region, the impossibility of communicating with close and distant relatives, the inability to show empathy for a person, and the rejection of traditional hospitality. The author pays special attention to the activities of party and Soviet structures of government and the population of the region in organizing and conducting resistance in the rear of the Nazi troops. The participation of the population in the partisan movement of the region is considered. The author notes that due to the short period of occupation, the partisan movement in the North Caucasus did not manage to take on a massive scale. The main conclusions are as follows: the bulk of the residents of Kabardino-Balkaria showed various forms of disobedience and resistance to the invaders, assisted the wounded Red Army soldiers, Soviet prisoners of war and partisans. Residents of the republic who survived the occupation immediately after the exile of the Nazis continued to work to secure the front, as before, denying themselves the most necessary for a common victory. Recovery was carried out mainly by the hands of women, children and the elderly, quite quickly.

Keywords: Kabardino-Balkaria, The Great Patriotic War, an occupation, partisan movement, everyday life, power.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-72-76

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ СЪЕЗДОВ ДОВЕРЕННЫХ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЫ И ПЯТИ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ*

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dmprasolov@gmail.com

В статье рассматривается деятельность съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ по развитию медицинских учреждений социально-бытовой инфраструктуры Нальчикского округа. На основе архивных источников и материалов пореформенной периодической печати определены основные направления деятельности окружного не земского самоуправления по организации доступной врачебной помощи для кабардинцев и балкарцев. Опираясь на финансовые средства Кабардинской общественной суммы, съезды доверенных санкционировали выделение средств на стипендии кабардинцам и балкарцам для обучения в средних и высших медицинских учебных заведениях. Существенной важностью обладало финансирование расходов на учреждение и содержание лечебных учреждений, улучшение их материальной базы и оказание помощи тем, кто не мог самостоятельно оплачивать медицинские услуги в Кабардинском приемном покое в Нальчике. Сложившаяся инфраструктура и традиция ее использования во взаимодействии окружных властей, съездов доверенных и сельских сходов сыграли важную роль в компенсации ограниченного казенного врачебного обслуживания в округе, а также способствовала медицинскому просвещению населения. Система общественных медицинских учреждений обеспечила возможность организации лечения в Нальчике раненных воинов российской армии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, съезд доверенных, местное самоуправление, Нальчикский округ, Терская область, Российская империя, общественная медицина, земские врачи.

Истории развития медицины в пореформенной Кабардино-Балкарии посвящено несколько работ [История медицины... 2016; Маслов и др. 2005]. Однако в них не получила достаточного отражения деятельность окружного института не земского самоуправления – съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ по развитию медицинских учреждений социально-бытовой инфраструктуры Нальчикского округа. Между тем разнообразные источники позволяют раскрыть ряд направлений деятельности местного самоуправления, связанных с организацией медицинского обслуживания коренного населения. Существенной информативностью в характеристике проблем и достижений в этой сфере обладают материалы пореформенной периодической печати.

С конца 1860-х гг. съезды доверенных начали санкционировать оказание материальной помощи из средств Кабардинской общественной суммы (КОС) для получения медицинского образования выходцами из горского населения. Как было

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

установлено Т.Ш. Биттировой, в 1869 г. А. Шаханову было предоставлена стипендия из КОС в 300 р. с условием, что «по окончании курса учения в Академии обязан прослужить обществу Кабардинского округа 6 лет с содержанием от общества в одно трехлетие наравне с младшими, во второе трехлетие наравне со старшими медиками, состоящими на казенной службе». Однако в последние два года учебы выплата стипендий прекратилась [Биттирова 2018: 11–12].

В 1880-х гг. Э. Кудашев около года проработал помощником аптекарского провизора в Нальчике, а затем при поддержке стипендии КОС в размере 300 р. проходил обучение на провизора в Московском университете [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 33; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1284. Л. 4об]. Выделение средств было обусловлено подпиской о том, что по окончании учебы стипендиат отслужит обществу по специальности [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 81], однако последующая профессиональная деятельность Э. Кудашева проходила за пределами Нальчикского округа.

В дальнейшем при помощи стипендий КОС медицинское образование получили К. Жогишев в Московском университете [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197. Т. 2. Л. 257; Ф. 6. Оп. 1. Д. 432. Л. 6], Б. Шогенов и И. Шаков в Киевском университете [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 49; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 594. Л. 46об.]. И. Абаев начал учебу в Императорской военно-медицинской академии, а завершил на медицинском факультете Киевского университета [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 889. Л. 7об.; УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 37. Л. 252].

В 1879 г. лекарь А. Шаханов был одним из немногих врачей Терской области, среди которых также значился. Владикавказский окружной врач Далгат [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 15. Л. 127]. Через несколько лет по предложению начальника округа съезд доверенных заключит с М.-О. Далгатом соглашение, ставшее одним из первых этапов в развитии областной общественной медицины. Оно обеспечило начальные условия для организации постоянной медицинской помощи в Нальчикском округе. Событие получило широкий общественный резонанс и получило подробное освещение в официальной областной газете.

«Терские ведомости» опубликовали статью о рассмотрении сбором доверенных 6 октября 1885 г. вопроса об учреждении окружной врачебной службы, по итогам которого был оформлен приговор об избрании «особого земского врача для туземного населения в округе». Автор отмечал: «Насколько мне известно, это будет первый земский врач в Терской области и, судя по тому единодушию, с каким отнеслись к этому делу доверенные, нужно прийти к заключению, что кабардинцы вполне сознают важность вопроса и его неотложную потребность. Условия, предложенные врачом, приняты были без возражения, и можно быть уверенным, что земская медицина в Нальчикском округе будет иметь серьезное значение, особенно если принять во внимание, что в Нальчике уже более трех месяцев существует Кабардинско-Горский приемный врачебный покой в здании местного военного лазарета под наблюдением местного окружного врача». В статье приводились подробности об этом общественном медицинском учреждении: «Покой этот открыт пока на 5 бесплатных кроватей, на всем готовом, и в нем уже получили исцеление от своих недугов 5–6 человек туземцев. Недалеко от лазарета мне показывали вновь построенную каменную кухню для означенного приемного покоя, и, если все другие постройки предполагаемой больницы (кабардинцы думают построить особое здание для народной больницы) будут соответствовать этой кухне, то устройство больницы можно будет назвать образцовым» [-О. – 1885].

Большой интерес представляет текст приговора съезда доверенных от 10 октября 1885 г., который был необычайно обширен. Это объяснялось подробным изложением в постановлении условий взаимоотношений сторон с беспрецедентным на тот момент для КОС размером вознаграждения, которое предусматривалось

для врача. Для иллюстрации обстоятельности, которая была свойственна договорной культуре окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев, целесообразно привести основные положения приговора-соглашения. Доверенные постановили: «Воспользоваться согласием Владикавказского городского врача коллежского асессора Магомет-Оглы Долгата и предложить ему занять должность земского врача в туземном населении Нальчикского округа на следующих условиях: земский врач обязан жить в слоб. Нальчик и заведовать кабардинско-горским приемным покоем, а также лечить всех являющихся к нему больных туземцев округа и их семейства, а в необходимых случаях ездить для той же надобности по предложению начальника Нальчикского округа в селения, для чего ему должны быть даваемы перевозочные средства». График работы врача отличался взаимным удобством для сторон: «С начала же сезона на Кавказских Минеральных водах врачу Долгату предоставляется право в течение трех месяцев ежегодно иметь резиденцию не в слободе Нальчик, а на одной из групп Кавказских минеральных вод, куда к нему и могут являться больные туземцы округа за получение медицинской помощи, а на это время заведование приемным покоем, если будет передано по распоряжению начальства окружному врачу, то по частному согласованию начальника округа с находящимся в Нальчике военным врачом может быть передано ему за особое по соглашению вознаграждение из сумм приемного покоя».

Свои финансовые обязательства общества обуславливало следующим образом: «Мы же доверенные со своей стороны от имени туземного населения округа обязуемся платить врачу Далгату ежегодно содержание по две тысячи пятьсот руб. в год. Независимо этого гарантируем действительность настоящего приговора не менее как на пять лет, в течение которых приговор этот, без согласия врача Долгата, изменен или уничтожен быть не может, если конечно какие-либо особые причины не помешают ему, г. Далгату исполнить с успехом свою обязанность. Причем обсуждение этого последнего вопроса, если конечно он будет иметь место в течение пяти лет со дня утверждения начальником области настоящего приговора предоставляется не нам, а усмотрению начальника округа, по соглашению с областным врачом Терской области».

И в завершении приговора следовал ряд заключительных положений, определявших порядок административного исполнения оформленного решения: «Что касается подробной инструкции обязанностям и правам нашего земского врача, то составление таковой просим принять на себя начальника округа, по соглашению с самим врачом Долгатом, применительно к существующим законоположениям о земских врачах вообще, с теми изменениями, какие будут признаны необходимыми по местным условиям.

Постановив этот приговор от имени всего туземного населения Нальчикского округа, мы, уполномоченные на это, доверенные просим начальника округа предоставить таковой приговор на утверждение начальника Терской области и ходатайствовать о предоставлении нашему земскому врачу прав государственной службы, а затем по утверждении приговора вносить в подынную нашу раскладку ежегодно 2500 рублей для уплаты жалованья врачу Долгату.

Настоящий приговор составляется в 3-х экземплярах и по засвидетельствовании такового начальником округа, утверждении начальником области и подписании врачом Долгатом, будет служить окончательным условием; причем один экземпляр должен быть выдан на руки врачу Долгату, а другой храниться при делах округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–4].

В январе 1886 г. корреспондент «Терских ведомостей» отмечал уже первые положительные результаты развития окружной медицинской службы. В сообщении важны подробности взаимодействия начальника округа со съездом доверенных, которые свидетельствовали о трудностях в продвижении новых форм общественной медицины, организационно отличной от лечебных традиций коренного

населения, пространственно связанных с домашним лечением. «Два года тому назад г. Начальником округа был предложен вопрос представителям кабардинского народа о том, чтобы в слободе Нальчике открыть Кабардино-горский приемный покой для больных. Этот вопрос в свое время был принят некоторыми представителями общества видимо неохотно, потому что им показалось странным, как больному человеку да не быть в своем родном уголке и среди своих близких родственников; но наш неутомимый деятель г. Начальник округа, сумел разъяснить сомневающимся всю пользу для народа открытия приемного покоя в центре туземного населения и, благодаря ему, этот важный вопрос был разработан, первый приемный покой открыт, и ныне дал уже самые благоприятные результаты».

Оптимизм автора статьи поддерживался надеждой на скорейшую реализацию кабардинскими доверенными новых инициатив по развитию окружной общественной медицины. «В приемный покой в слободе Нальчике больные охотно являются, вылечиваются и радостно возвращаются в свои семейные кружки совершенно здоровыми. После этого, ввиду предстоящего нового съезда представителей кабардинского народа нам надо надеяться, что теперь уже сами кабардинцы настоят на том, чтобы этот приемный покой, по возможности, расширить, так как он уже оказывается тесен для приходящих больных. И дай Бог, чтобы это осуществилось вместе со всеми другими мерами, проектируемыми для блага нашего народа» [Аеров 1886].

М. Абаев, объясняя причины скорого закрытия приемного покоя, писал: «Он был создан и временно помещен в казенном доме при просвещенном содействии бывшего начальника округа полковника Браккера. Врачом временно был приглашен доктор Далгат, и затем был заложен фундамент нового больничного здания. Но по уходе Браккера [в 1887 г. – Д.П.] временный начальник округа подполковник Чугулиев оказал благосклонное содействие к закрытию покоя несмотря на то, что в больных недостатка не было и затрачены были значительные деньги на инвентарь, медицинские инструменты и на фундамент». Возобновление работы общественной больницы стало возможным только в начале XX в. с появлением национальных кадров: «Уполномоченные Кабарды и горцев решили, между прочим, вновь открыть больницу и пригласить в нее врачом своего кабардинца Шогенова» [Этюды... 2007: 137].

Циркуляром начальника Нальчикского округа от 22 февраля 1911 года сельским старшинам сообщалось, что «съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ 31-го октября 1910 г., признавая крайне необходимым иметь особого медицинского врача для оказания населению Кабарды и Горских обществ врачебной помощи, так как окружный врач, будучи занят прямыми своими обязанностями лишен возможности оказывать врачебную помощь всем нуждающимся, постановил приговор №19, пригласить особого врача для кабардинцев и горцев с назначением ему жалованья 2000 рублей в год и с принятием этого расхода по подводной раскладке населением» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 1. Л. 14]. Принятым на должность доктора Кабардинской общественной больницы стал Бекмурза Шогенов, ранее получивший медицинское образование при помощи стипендии КОС. В 1911 г. его жалованье составляло 166 р. в месяц [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 37. Л. 117, 129].

Примечательно, что реализация решения о найме и содержании «особого врача» была обусловлена распоряжением начальника округа получить от схода каждого из сельских обществ приговор с готовностью обеспечивать взятые финансовые обязательства. Такое согласование было немного странным приемом, принимая во внимание, что сельские сходы делегировали доверенных на окружные съезды с вполне конкретными полномочиями, совпадающими с повесткой дня съездов доверенных. Хотя в практиках местного самоуправления в Нальчикском округе такое перекрестное подтверждение было редким явлением.

Похожее согласование с сельскими обществами, но уже по решению съезда доверенных, произошло в декабре 1907 г. По просьбе временного генерал-губернатора Терской области обсуждался вопрос о выделении 1600 р. на устройство больницы для душевно больных во Владикавказе «без различий сословий, национальностей и вероисповеданий». Приговором съезда было принято решение «оказать материальное содействие устройству названной больницы, пожертвовав для этого из Кабардинского общественного капитала 1600 руб. с тем, чтобы решение это было выражено сельскими обществами в общественных приговорах» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 745. Л. 4–4об.]. Однако весной 1908 г. ряд сельских обществ не поддержали эту инициативу. Например, старшина Куденетово 2-го общал, что «склонял общество о даче согласия на пожертвование ... на что общество изъявить согласия не пожелало» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 745. Л. 28]. Отрицательные решения были получены из селений Шалущинского, Жанхотово, Коголкино, Догужоково и др. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 745. Л. 10, 13, 34, 35]. В приговоре селения Кармово решение о поддержке было с условием, что на это будет согласие других селений [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 889. Л. 36]. Тем не менее, 47 приговоров были положительными и 30 ноября 1908 г. состоялось итоговое постановление съезда доверенных по данному медицинскому ассигнованию, на основании которого 1600 р. были переданы председателю общества помощи душевнобольным жителям Терской области членами попечительского совета А. Лафишевым и Д. Балкароковым [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 745. Л. 68об.–69].

Выделение средств на организацию медицинской деятельности являлось регулярным вопросом в повестке дня съездов доверенных. Основные решения были направлены на развитие кадрового и материально-технического обеспечения существующих лечебных учреждений.

В августе 1911 г. М. Абаев обращался к доверенным с просьбой выделить его дочери Фатимат из общественного капитала сумму для получения образования акушера-фельдшера с обязательством последующей службы при общественной больнице в Нальчике. Однако это образование она так и не получила [Этюды... 2007: 175, 188]. В 1914 г. работавшая с 1911 г. при Кабардинском приемном покое в качестве сестры милосердия Ф. Сарова обратилась к начальнику Нальчикского округа за материальной помощью для поступления на акушерские курсы. Она сообщала, что «для прохождения курсов требуется плата 160 рублей в год и содержание себя, как то: стол, квартира и проч. по 30 рублей в месяц – 360 рублей, а всего 520 рублей в год, но к сожалению средств этих я у себя не имею, а курсы эти мне необходимо пройти в течение одного года, почему я усердно прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия пред сбором представителей кабардинского и горского народа о выдаче мне пособия из сумм кабардинского народа для сказанной выше цели в размере 520 рублей. Я надеюсь, что благородные представители кабардинского народа не откажут мне в этом святом деле помощи страждущему своему народу, а тем более в акушерском персонале у нас в Кабарде ощущается большая нужда [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 3]. Приговором 5 декабря 1914 г. Саровой было выделено 650 руб. с мотивацией, что «потребность в кабардинке – акушерке несомненно велика и что она будет крайне полезной для народа труженицей» УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 222] и решение съезда доверенных утверждено начальником области [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1061. Л. 36]. В 1915 г., по завершении Ставропольской фельдшерско-акушерской школы, Ф. Сарова числилась среди персонала лазарета в Нальчике для раненых и больных солдат [Ахмадов 2014: 138, 260].

Общественные средства направлялись и на содержание помещений для лечебных учреждений. В 1900 г. по постановлению съезда доверенных здание бывшей кухни кабардинского приемного покоя отремонтировано и приспособлено

казначеем Кабардинского капитала для приема амбулаторных больных [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 632. Л. 3].

Решения о финансировании принимались после согласования с профильными службами Терской области. Когда по просьбе окружного врача возник вопрос о возведении пристройки для «заразных больных» было получено обоснованное согласие Врачебного отделения Терского областного правления, составлена смета, а затем 25 апреля 1903 г. съезд доверенных постановил ассигновать 1500–2000 р. на возведение необходимых служб [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 715. Л.Л. 4–4об, 12–14]. Тогда же был утвержден приговор о выделении ежегодно по 300 руб. на наем одного фельдшера для кабардинского приемного покоя [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 704. Л. 54–55]. Об этом постановлении был опубликован материал в «Терских ведомостях» [Нальчик 1903]. Однако реализация финансовых решений иногда затягивалась, поэтому окончательный приговор о выделении средств на сооружение пристройки для «для заразных больных» был принят только на декабрьском съезде доверенных в 1904 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 639. Т. 2. Л. 178]. В декабре 1907 г. состоялось постановление о дополнительном ассигновании на ремонт кабардинского приемного покоя 300 руб. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 163]. В конце октября 1908 г. съезд доверенных утвердил расход в 700 р. на пристройку к приемному покою и прибавку 5 руб. ежемесячно к жалованью фельдшера [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 889. Л. 84].

По итогам ноябрьского съезда доверенных 1913 г. в «Терских ведомостях» сообщалось о принятом решении выделить средства из общественной суммы на приобретение микроскопа и автоклава и увеличение штата кабардинского приемного покоя в Нальчике [По области 1913]. Интересно, что областная газета явно поспешила с сообщением о положительном постановлении доверенных по вопросу об устройстве на средства КОС четырех аптек с амбулаториями, увеличению штата фельдшеров и обеспечению его квартирами за общественный счет. Согласно приговору 24 октября 1913 г., это решение, с оправданием «весьма желательно, но...», доверенные отклонили из-за недостатка средств в КОС [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 1. Д. 998. Л. 38].

В начале XX в. сведения о движении расходов на приемный покой в Нальчике не только регулярно включались в отчеты по КОС, но иногда печатались и в «Терских ведомостях» [Отчет... 1911]. Наряду с больными, проходившими лечение за собственный счет, на общественные средства в лечебнице содержались несостоятельные пациенты. В 1909 г. было принято решение об увеличении отпуска из общественного капитала на продовольствие больных в Кабардинском приемном покое с 25 коп. до 40 коп. на каждого человека, ввиду дороговизны продуктов [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 2. Л. 37об]. В Кабардинском приемном покое в январе 1914 г. стационарно находилось 8 больных, из них один на средства КОС [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 4]. Также под контролем окружного самоуправления находилось взыскание средств, своевременно не выплаченных за содержание в приемном покое [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 294–297, 299, 305, 339, 340, 341; Т. 2. Л. 342, 343, 502]. Случались и экстренные ассигнования. В 1914 г. было выделено 10 руб. на погребение за счет КОС жителя Кубанской области, умершего в «кабардинской больнице» от ран, полученных в районе сел. Шалушкинского [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 717].

19 декабря 1912 г. приговором съезда доверенных в ознаменование предстоящего в феврале 300-летия воцарения Дома Романовых среди решений было установлено: «выстроить в слободе Нальчик в память этого события Кабардинскую общественную больницу с ассигнованием на постройку ее приблизительно пятьдесят тысяч рублей» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 834. Л. 23]. О реализации этого постановления источники умалчивают. Возможно, это было связано с начавшейся вскоре Первой мировой войной, которая внесла коррективы в структуру

медицинских расходов окружного самоуправления Нальчикского округа. Летом 1915 г. на счет КОС был открыт «Лазарет кабардинского народа» («Кабардинско-слободской лазарет») [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 535] на 10 коек [Сл. Нальчик... 1915]. Во взаимодействии с системой Лазаретов Всероссийского земского союза и Нальчикским слободским обществом количество мест в нескольких помещениях было увеличено до 270 мест [Ахмадов 2014: 260]. Для благотворительного учреждения регулярно выделялись общественные средства на содержание раненных воинов, жалование персонала и расходные материалы [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 546–547об., 550, 554, 569–584]. Формально для развития местной сети медицинской помощи в 1915 г. приговорами 40 сельских обществ избран Комитет (попечительство) Красного Креста [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 881. Л. 2, 3, 6, 8, 9, 11об.].

Более избирательно финансируемым направлением медицинских мероприятий, регламентируемых съездами доверенных, стало содержание окружных ветеринарных учреждений. На средства КОС был организован Докшоковский приемный покой для животных с ассигнованием на постройку для него отдельного здания 172 р. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 704. Л. 16]. 25 апреля 1903 г. было принято решение о ежегодном отпуске 100 руб. на ремонт Докшоковского приемного покоя для животных и на приобретение необходимых для него медикаментов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 704. Л. 82–83]. В постановлении 20 декабря 1904 г. сельские доверенные приняли решение отменить дополнительное финансирование «ввиду того, что на приобретение инструментов и на медикаменты существуют особые отпуска; что же касается приемного покоя, то надобности в таковом не ощущается и жители им не пользуются, так как в сел. Докшоково, где определено место пребывания ветеринарного врача, последний там не живет» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 639. Т. 2. Л. 162]. Начальник области не поддержал это постановление, назвав решение доверенных «результатом заблуждения», потому что отпуск казенных средств на инструменты и медикаменты «совершенно прекращен», а ветеринар хотя и не живет в Докшоковском селении из-за отсутствия квартиры, но «в известное время посещает приемный покой, а в остальное время оказывает пособие жителям ветеринарный фельдшер, живущий постоянно при приёмном покое» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 639. Т. 2. Л. 218–218об.].

Тем не менее, попытка полного упразднения расходов на содержание Докшоковской ветеринарной лечебницы была предпринята и на декабрьском съезде доверенных в 1905 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 1. Л. 3]. Возможно, такая настойчивость съезда доверенных объяснялась намерением оптимизировать общественные расходы, исключив из них те, что казались сельским представителям нецелесообразными. Отсюда проистекало и стремление переместить ветеринарные услуги на частный уровень, без привлечения средств КОС. В октябре 1909 г. съезд доверенных отклонил предложение о выделении средств на устройство база для содержания больных лошадей в селении Ашабово, куда переместился ветеринарный врач, поясняя, что «их лечение должно производиться ветеринарными врачами в селениях исключительно за счет хозяев» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 2. Л. 92]. В ноябре 1911 г. съезд доверенных отклонил предложение начальника Нальчикского округа С. Клишбиева о расширении ветеринарной службы в округе и устройстве ветеринарно-лечебных пунктов в слободе Нальчик, в ставке Баксан при селении Кучмазукино и в селении Докшоково «ввиду неимения средств в Кабардинском общественном капитале» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 2. Л. 152]. Хотя общественные средства на содержание окружного ветеринарного врача продолжали выделяться [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 3. Л. 150; Д. 891. Л. 27; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 1. Д. 998. Л. 35].

О значимой роли местного самоуправления в организации общественной медицины в округе свидетельствовал тот факт, что данные вопросы не покидали

повестку дня съездов доверенных и после февральской революции 1917 г. На сбор доверенных 28 декабря 1917 г. был вынесен вопрос «О приглашении женщины врача для кабардинского и горского народов» [УЦГА АС КБР. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 72об]. «Об устройстве ветеринарных участковых амбулаторий и лечебниц» было заявлено в повестке дня Народного съезда представителей Большой и Малой Кабарды и 5 сопредельных горских обществ, запланированного на 20 ноября 1919 г. [УЦГА АС КБР. Ф.Р-95. Оп. 1. Д. 4. Л. 3].

Несмотря на то, что в прессе появлялись и критические отзывы о состоянии местной медицины в Нальчикском округе [Пашенко 1911], Съезды доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ предпринимали важные практические шаги по организации доступной врачебной помощи для кабардинцев и балкарцев. Опираясь на финансовые средства Кабардинской общественной суммы окружное самоуправление осуществляло ряд важных организационных мер по развитию медицинского обеспечения в Нальчикском округе. Они включали обучение кабардинцев и балкарцев в медицинских учебных заведениях, финансирование расходов на содержание лечебных учреждений, улучшение их материальной базы и оказание помощи тем, кто не мог самостоятельно оплачивать медицинские услуги в Кабардинском приемном покое. Сложившаяся инфраструктура и традиция ее использования во взаимодействии окружных властей, съездов доверенных и сельских сходов сыграла важную роль в компенсации ограниченного казенного врачебного обслуживания в округе, а также способствовала медицинскому просвещению населения. Система общественных медицинских учреждений обеспечила возможность организации лечения в Нальчике раненных воинов российской армии в годы Первой мировой войны.

Источники и литература

1. *Ахмадов Т.З.* Становление и развитие врачебно-санитарного дела на Северо-Восточном Кавказе (XIX в. – 1940 г.): дисс. ... д-ра мед. наук. М., 2014. 359 с.
2. *Кабардинец Х. Аеров.* Из Нальчика // Терские ведомости. 1886. № 2. С. 2.
3. *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 336 с.
4. История медицины Нальчикского округа, 1900–1917 гг.: посвящается 50-летию медицинского факультета КБГУ / [Маслов А.А., Мизиев И.А., Маслов В.А. и др.]. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2016. Ч. 2. 2016. 177 с.
5. *Маслов А.А., Карданов А.Б., Шомахов А.О., Беров М.Л.* История медицины Кабардинского округа: события и лица (1858–1899). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 299 с.
6. -О.- Съезд представителей Кабардинского народа в Нальчике // Терские ведомости. 1885. № 88. С. 3–4.
7. Отчет о приходе и расходе сумм на сельско-врачебную часть в туземном населении Терской области за 1910 г. // Терские ведомости. 1911. 23 марта. № 65. С. 4.
8. *Пашенко Григорий.* Медицинская беспомощность среди горцев Кабарды // Терские ведомости. 1911. № 105. С. 2.
9. По области // Терские ведомости. 1913. № 248.
10. Сл. Нальчик, Терской обл. (От нашего корреспондента) // Петроградские ведомости. 1915. № 142. С. 4.
11. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
12. *ЦГА РСО-Алания* – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
13. Этюды... 2007 – Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов // сост., свед. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2007. 408 с.

**PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF PUBLIC MEDICINE
ON THE AGENDA OF THE CONGRESS OF ENTRUSTED BIG AND SMALL KABARDA
AND FIVE MOUNTAIN SOCIETIES**

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

The article discusses the activities of the congress of entrusted Big and Small Kabarda and five mountain societies for the development of medical institutions of social infrastructure of the Nalchik district. On the basis of archival sources and materials of the post-reform periodical press, the main areas of activity of the regional non-zemstvo self-government in organizing affordable medical care for Kabardians and Balkars are determined. Relying on the financial resources of the Kabardian public sum, the congresses of trusts authorized the allocation of funds for scholarships to Kabardians and Balkars for studying in secondary and higher medical schools. Financing the costs of establishing and maintaining medical institutions, improving their material base and helping those who could not independently pay for medical services in the Kabardian emergency room in Nalchik was important. The existing infrastructure and the tradition of its use in the interaction of the district authorities, congresses of trusted and rural gatherings played an important role in compensating for the limited state medical services in the district, and also contributed to the medical education of the population. The system of public medical institutions provided the opportunity to organize treatment in Nalchik wounded soldiers of the Russian army during the First World War.

Keywords: Kabardians, Balkars, the congress of entrusted Big and Small Kabarda and five mountain societies, local self-government, Nalchik district, Terek region, Russian Empire, public medicine, zemstvo doctors

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-77-85

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ*

Тегуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

В статье исследуется опыт работы государственных органов власти, учреждений системы образования, науки по развитию культуры народов Кабардино-Балкарии. Освещается опыт деятельности КБГУ, института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Кабардино-Балкарского фонда культуры и Фонда «Эльбрусид» по сохранению и развитию культуры народов, проживающих в республике. Анализируется языковая политика и ее реализация в регионе. Выявлены факторы, негативно влияющие на функционирование кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков: мало-востребованность кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков; отсутствие программ, учебников и учебных пособий, отвечающих современным требованиям; отсутствие современных электронных образовательных ресурсов и др.

Раскрывается деятельность государственных органов власти по реализации государственных программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений, укреплению толерантности и духовно-нравственному воспитанию молодежи.

Показана роль литературы, средств массовой информации, театров, государственных ансамблей танца, музыкального и изобразительного искусства по этнокультурному развитию народов региона. Выявлены проблемы в подготовке профессиональных переводчиков и организации культурного обмена с регионами страны. Определены основные направления деятельности государственных органов власти, учреждений образования по развитию этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: этнические общности, государственные органы, культура, образование, наука, язык, литература, проблемы.

Российская Федерация является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения. В России по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. проживают представители 193 народов, обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры. Культурное и языковое многообразие российских народов защищено государством. В России используется 277 языков и диалектов, в системе государственного образования используется 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения [Население России 2013: 135–138, 140].

В этих условиях серьезным вызовом и системной задачей является управление этнокультурным многообразием. Решение этнокультурных проблем в условиях этнического многообразия России требует системного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных объединений и других субъектов этнокультурной деятельности. В Подпрограмме 3 «Русский язык и языки народов России» Государственной программы Российской

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на заседании Комиссии по культуре и средствам массовой информации Общественной палаты Кабардино-Балкарской Республики 7 июня 2019 г.

Федерации «Реализация государственной национальной политики» указывается, что главной задачей является обеспечение сохранения и развития русского языка и языкового многообразия Российской Федерации [Подпрограмма 3].

В этой связи проблемы развития этнических общностей и их консолидации в рамках единого государства являются крайне актуальными и имеют научно – практическое значение.

Проблеме изучения этнической культуры народов Кабардино-Балкарии в условиях современных трансформаций посвящена работа Г.Д. Базиевой [Базиева 2013].

Вопросы этнокультурного развития и проблемы функционирования государственных языков в Кабардино-Балкарии исследованы в работах С.И. Аккиевой, М.З. Улакова, И.М. Баловой [Аккиева, Улаков 2013; Балова 1996]. Особый интерес представляет для исследуемой темы коллективная монография С.К. Башиевой, М.З. Улакова, Ж.М. Хамдоховой, в которой анализируется языковая ситуация в Кабардино-Балкарии в контексте языковой политики. Раскрывается правовая, функциональный статус кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков [Башиева и др.: 2016].

Анализ опубликованных работ позволяет сделать вывод о том, что проблемы этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии не стала предметом комплексного исследования. В данной статье на основе опубликованных статистических данных и других источников исследуется опыт и проблемы этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии.

В сохранении и развитии этнической культуры особая роль отводится системе образования, где формируются такие мировоззренческие позиции, как национальная и общероссийская самоидентификация, отношение к другим народам и культурам, родным и «чужим» традициям.

Большое значение для гармонизации межнациональных отношений, упрочения чувства гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России имеют сохранение и развитие русского и всех языков народов нашей страны. Русский язык, по сути, вместе с культурой сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивал связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур. В этой связи В.В. Путин, выступая на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, отметил: «Основой государственной языковой политики, по моему мнению, является двуединство её целей и задач. С одной стороны, безусловное и равное уважение ко всем народам России, их языкам, диалектам, традициям, ко всему так называемому нематериальному наследию любой, пусть самой малочисленной народности. С другой стороны, признание русского языка главным фактором единства Российской Федерации, обязательность владения русским языком всеми гражданами России вне зависимости национальности, места рождения и проживания» [Путин].

В Российской Федерации, по данным переписи населения 2010 г., из общей численности населения страны 142,9 млн. человек владеют русским языком 138 млн. человек (96,5%) [Итоги Всероссийской переписи...].

Совершенно очевидно, что владение русским языком, государственным языком Российской Федерации является важным фактором, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей, взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации. Знание русского языка естественным образом объединяет миллионы россиян, пользующихся и другими языками. Свободное владение русским языком является одним из условий формирования общероссийской гражданской идентичности. Поддержка русского языка является приоритетной задачей в таком многонациональном регионе, каким является Северо-Кавказский федеральный округ, причем, поддержка, как на федеральном

уровне, так и на уровне местных властей. Так, в Кабардино-Балкарии владеют русским языком среди кабардинцев – 93,6%, среди балкарцев – 96,07% [Итоги Всероссийской переписи... 2013: 10, 11].

Такой высокий процент владения русским языком в КБР не случаен. В ведущем учебном заведении республики, в Кабардино-Балкарском государственном университете (далее – КБГУ) функционирует Русский культурный центр, регулярно устраиваются фестивали русского языка и культуры «Мы – россияне». В рамках программы этого фестиваля проводятся республиканские олимпиады школьников по русскому языку, конкурс сочинений «Мой русский учитель» [Шалова].

В то же время, конечно, понятие «российский народ» никоим образом не отменяет и не умаляет идентичности всех народов нашего государства – здесь видится форма двойной, не взаимоисключающей и внутренне не противоречивой идентификации россиян. Как известно, одним из ключевых признаков национальной идентичности является язык. Для каждого народа вопрос сохранения родного языка – это вопрос сохранения идентичности, самобытности и традиций, поэтому большое внимание необходимо уделять школьному образованию.

Комплексная, всесторонняя работа по изучению, поддержке языков народов России остается в центре внимания образовательных учреждений и средств массовой информации Кабардино-Балкарии. Большую целенаправленную работу по поддержке родных языков, кабардинского и балкарского, являющихся государственными языками проводит КБГУ. В КБГУ работают культурные центры кабардинского и балкарского языков. Теоретические проблемы обучения родным языкам обсуждаются на научно-практических конференциях. Изучению кабардинского и балкарского языков осуществляется на сайте telestudio.pro, где можно найти видеозаписи телевизионных уроков на кабардинском и балкарском языках, учебные материалы и программы. Проект реализуется при содействии специалистов Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН [Изучение кабардинского и балкарского языков].

Преобладающим фактором развития современного мира является глобализация. В этих условиях в российском обществе идут сложные и противоречивые процессы этнокультурного развития, в которые так или иначе включены все народы, в том числе и Кабардино-Балкарии. С одной стороны, рост национального нигилизма, ассимиляционные процессы, все большая интеграция, часто приводящая к стиранию привычных этнических границ. С другой стороны, стремление сохранить свою этническую индивидуальность.

В условиях глобализации и унификации народы Кабардино-Балкарии, как и многие другие, обращаются к этнокультурным ценностям – это естественный процесс, так как способность меняться, сохраняя при этом свою идентичность, – базовый принцип эволюции и совершенствования. В рамках реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020 гг.) в КБР реализуются соответствующие программы и мероприятия по этнокультурному развитию народов и укреплению российской гражданской идентичности. В этом плане весомый вклад вносят Министерство науки, просвещения и по делам молодежи (далее – МНПМ КБР), образовательные организации и научные учреждения. В период с 2014 по 2018 г. учеными КБИГИ РАН подготовлено и издано 20 учебных изданий и словарей для школ Кабардино-Балкарской Республики по кабардино-черкесскому языку и литературе, карачаево-балкарскому языку и литературе.

Между институтом и КБГУ действует договор о сотрудничестве, целью которого является подготовка специалистов высшей квалификации в области гуманитарных наук. В соответствии с этим договором ученые института осуществляют

руководство филологической и архивной практикой, дипломными и диссертационными работами студентов и аспирантов КБГУ, читают лекции по гуманитарным дисциплинам (истории, языкознанию, литературоведению и фольклору).

Вместе с тем на современном этапе в Кабардино-Балкарии имеются проблемы в функционировании государственных языков.

Прежде всего, имеются пробелы в правовом регулировании языковой политики. Некоторые положения Закона КБР от 16 января 1995 г. «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» (в редакции от 24.04.2014) являются декларативными, так как отсутствуют механизмы их реализации. Так, п. 1 ст. 2 указывается: «...языки народов Кабардино-Балкарской Республики... функционируют во всех сферах государственной и общественной деятельности на равноправных началах», а в п. 4 этой же статьи утверждается, что «...Закон охватывает сферы языкового общения, подлежащие правовому регулированию, и не устанавливает юридические нормы использования языков народов Кабардино-Балкарской Республики в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций» [Закон КБР]. На наш взгляд, в коллективной монографии С.К. Башиевой, М.З. Улакова, Ж.М. Хамдоховой справедливо отмечается, что необходимо разграничивать сферы неофициального использования и сферы официального использования языка [Башиева 2016: 83, 84].

В статье 9, Закона КБР устанавливается: «Государственные языки Кабардино-Балкарской Республики используются на равных правах в органах государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, органах местного самоуправления» [Закон КБР]. Однако принцип равноправия всех государственных языков в условиях КБР при использовании их в органах государственной власти и местного самоуправления не реализуется в силу разных причин.

В пункте 4 Статьи 12 Закона КБР указывается: «Граждане обращаются в государственные органы, предприятия, учреждения, и организации Кабардино-Балкарской Республики с предложениями, заявлениями, жалобами на любом из государственных языков Кабардино-Балкарской Республики». Вместе с тем в пункте 5 имеется противоречивое положение: «Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан, направленные в государственные органы, предприятия, учреждения, и организации Кабардино-Балкарской Республики, даются на том государственном языке, на котором граждане обратились к ним. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык Российской Федерации» [Закон КБР]. Невозможность дать ответ на языке обращения, на наш взгляд, может быть в случае, если должностное лицо, отвечающее на обращение заявителя, не владеет языком, на котором написано обращение. В этой связи, на наш взгляд, необходимо проработать и внести Закон КБР «О Государственной гражданской службе КБР» норму об обязательном владении государственными служащими наряду с русским родным языком (кабардинским или балкарским) государственным языком. Полагаем, что это способствовало бы востребованности кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков.

В основном в результате маловостребованности кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков в республике снижается уровень владения родными языками их носителями.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность населения в Кабардино-Балкарской Республике в 2010 году составила 859939 человек, в том числе кабардинцев – 57,03%, русских – 22,46%, балкарцев – 12,62%, представителей других национальностей – 7% [Итоги Всероссийской переписи... 2013: 6, 9].

Сложившаяся в республике поликультурная ситуация характеризуется широким распространением национального двуязычия и многоязычия, что отражают

данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Доля представителей народов, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике, указавших, что владеют языком своей национальности: кабардинцы – 94,8%, русские – 100%, балкарцы – 89,4%.

Доля указавших, что владеют русским языком составляет: кабардинцы – 94,8%, балкарцы – 96,4%

Доля указавших, что владеют кабардинским языком составляет: русские – 1,2%, балкарцы – 2,8%. Доля указавших, что владеют балкарским языком составляет: кабардинцы – 0,48%, русские – 0,3% [Итоги Всероссийской переписи... 2013: 10, 11, 98, 100, 102].

В мае 2014 г. КБГУ и МНПМ КБР провели социолингвистический опрос учащихся 10–11-х классов общеобразовательных организаций республики. Всего в анкетировании участвовал 3241 человек, в том числе 1942 учащихся средних общеобразовательных школ городского округа Нальчик, то есть 59,9%. По результатам опроса абсолютное большинство респондентов в достаточной степени владеют родным языком:

– «отлично» либо «хорошо» понимают звучащую на родном языке речь 83,7% опрошенных, говорят 79,5% и пишут на родном языке 71,0%;

– «Удовлетворительно» понимают родную речь 10,3%, говорят и пишут на родном языке соответственно 10,8% и 15,5%;

– «плохо либо совсем не понимают» 6,0%, «плохо либо совсем не говорят» 9,7%, «плохо либо совсем не пишут» 13,5% респондентов

Таким образом, в среднем каждый десятый учащийся в возрасте от 15 до 17 лет либо плохо владеет родным языком, либо не владеет им. Следует также отметить, что по результатам опроса студентов КБГУ проявили низкую степень лояльности родному языку 52,9% респондентов-кабардинцев и 50,9% респондентов-балкарцев [Башиева и др. 2016: 101, 102].

Результаты исследования свидетельствуют о снижении уровня владения родными языками учащимися и студентами, которые связаны, на наш взгляд, со следующими основными факторами:

– маловостребованность кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языка;

– нежелание родителей обучать своих детей родному языку (33,2% кабардинцев и 40,8% балкарцев);

– отсутствие программ, учебников и учебных пособий, отвечающих современным требованиям;

– отсутствие современных электронных образовательных ресурсов.

Важное значение в формировании национального самосознания, гражданской идентичности имеет изучение российской и региональной истории. Вместе с тем, с нашей точки зрения, национальная российская история должна преподаваться как многонациональная история и включать в себя историю различных народов, проживающих на территории Российской Федерации. Поэтому необходимо соблюдать разумные пропорции в использовании материала местной, региональной и национальной (русской) истории, хотя такое равновесие и невозможно определить математическим путем в процентах или количестве учебных часов, выделяемых на каждую из упомянутых дисциплин. Более того, учитывая размер территории, этническое, географическое, социально-экономическое своеобразие Российской Федерации, невозможно создать единую модель, которая подходила бы для всех регионов. Сказанное требует проявления гибкости в подходе на региональном и местном уровнях, возможно даже на уровне отдельной школы. Определение того, что же является «разумным равновесием», а также концептуальные и практические выводы из этого должны стать предметом совместного анализа учителей истории, исследователей, специалистов в области педагогики,

региональных властей, Российской академии педагогических наук и Министерства просвещения Российской Федерации (далее – Минпросвещения России).

Большое значение в решении обозначенных нами проблем имеет содержание региональной учебной и учебно-методической литературы. Объективный анализ показал, что в них имеются сомнительные трактовки отечественной истории в отношении некоторых народов. На наш взгляд, общей проблемой региональных учебников субъектов Северного Кавказа является подмена региональной истории, истории этнической. При этом исторические судьбы региона, сам опыт взаимодействия различных этнических общностей Северного Кавказа рассматриваются сквозь призму ценностей определенной этнической общности. Некоторые авторы региональных учебников при изложении этнической истории используют в основном этноцентристский отбор фактов. Для указанных учебников и пособий характерно удревнение своей этнической государственности. Все это негативно влияет на этнополитическую ситуацию в регионах Северного Кавказа. Разумеется, такие учебники развивают деформированное национальное самосознание – о собственном народе, его самобытности, историческом пути, его месте среди других этносов.

Наша практика показывает, что только распространение объективных научных знаний об истории, культуре, традициях и своего, и других народов способствует формированию установок толерантного сознания. Таким образом, нам представляется, что качество учебников по национальной (русской) и региональной истории не отвечает современным требованиям и не создает условий для воспитания учащихся в духе толерантности.

Следует регулярно обобщать и распространять положительный опыт образовательных организаций, учреждений, средств массовой информации, общественных объединений и фондов по этнокультурному развитию народов республики. В этом плане заслуживает внимания опыт работы портала «Эльбрусид» по созданию условий для сохранения культуры и языка карачаевцев и балкарцев. Филиалы его фонда функционируют в городах Нальчик, Черкесск, Ставрополь. Фонд проводит различные научные, культурные и спортивные мероприятия, направленные на формирование у молодежи гражданских ценностей, национальной и российской гражданской идентичности. На его портале имеется 10 разделов, в том числе видеогалерея, где можно посмотреть на карачево-балкарском языке фильмы, музыкальные передачи, а также мультфильмы. Особое значение имеет электронная библиотека, которая по состоянию на 6 июня 2019 г. насчитывает 2536 книг по истории, этнографии, литературе, языку карачаевцев и балкарцев. Порталом фонда живо интересуются не только молодежь, но и представители старшего поколения [Тетуев 2016: 192, 193].

Большим подспорьем в реализации задач, указанных в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия), явилось принятие правительством РФ Федеральная целевая программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» и «План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Федеральная целевая программа...].

Во исполнение указанных документов органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации приняты региональные планы мероприятий по реализации Стратегии. Так, План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии в Кабардино-Балкарской Республике предусматривал: «...Разработка и принятие муниципальных целевых программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и укрепление единства российской нации; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, работающих в сфере межэтнических отношений; проведение социологических исследований

состояния межнациональных отношений в республике; реализация республиканского и межрегионального молодежного проекта «Куначество...» [План мероприятий...].

В рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» в Кабардино-Балкарской Республике на 2015 год из федерального бюджета выделено 4 миллиона 155 тыс. руб. Это позволило реализовать комплекс мероприятий, включенных в подпрограммы «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности», «Взаимодействие с религиозными организациями», а также «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике на 2013–2017 годы». Целью проводимых мероприятий является формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, а также на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия на территории Российской Федерации [Информационные доклады...].

Важное место в работе по формированию национальной, российской идентичности занимает художественно-эстетическое воспитание человека, ибо только духовно богатый человек способен обладать высокой нравственной культурой. В Кабардино-Балкарии активно пропагандируются произведения русских, кабардинских и балкарских поэтов и писателей, получивших широкое признание в республике, в России. Воспитание уважения к родной и иноязычным культурам начинается уже с названия улиц городов и сел КБР. Так, в Нальчике есть улицы А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и др. Интересно с позиций российской идентичности признание участницы Международной научной конференции, состоявшейся в Нальчике в 2014 году О. Гавриловой, которой коллеги не рекомендовали ехать на Кавказ. «Я открыла в интернете карту Нальчика, увидела улицы Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Толстого, Горького, и поняла, что это родной для меня город». С ними соседствуют улицы К.Б. Мечиева, Б.М. Пачева, К.Ш. Кулиева, А.П. Кешокова и других [Гаврилова].

В республике плодотворно работают Кабардинский драматический театр им. А. Шогенцукова, Балкарский драматический театр им. К. Кулиева, Русский драматический театр им. М. Горького и Республиканский музыкальный театр. Функционируют Государственный ансамбль танца «Кабардинка», Государственный этнографический танцевальный ансамбль «Балкария», Государственный ансамбль песни и пляски Терских казаков, ансамбль камерной музыки «Камерата».

Сохранением и пропагандой народной музыкальной культуры занимаются творческие коллективы: адыгские – «Бжамий», «Хатти», «Черкесский круг», балкарские – «Асса», «Жашлык», «Иман» и др. Значительно возрос интерес к международному фестивальному движению.

Представители музыкального искусства Кабардино-Балкарии успешно выступают на международных конкурсах и фестивалях.

В последние десятилетия в республике активно развиваются связи и диалог культур в области изобразительного искусства. Заслуживает внимания и распространения опыт работы Кабардино-Балкарского фонда культуры по сохранению и возрождению традиций народов, проживающих в республике. Здесь функционируют 16 культурно-национальных центров и объединений. Обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащает личность, воспитывает дух толерантности. Взаимодействие культур происходит и на уровне межличностного общения, так как в общении реализуются общезначимые ценности культур. Межличностное общение, расширяя источники социальной и культурной информации, тем самым может выступить важным фактором в преодолении стереотипного мышления и этим способствует взаимообогащению духовного облика людей. Межнациональный диалог культур является важным

фактором в регулировании межэтнических отношений. Проводимые Фондом культуры КБР мероприятия играют важную роль в укреплении взаимопонимания между народами. На примере Кабардино-Балкарии можно наглядно увидеть, как посредством взаимообмена культур можно влиять на гуманизацию национальных отношений, интеграцию этнокультур [О работе Кабардино-Балкарского фонда культуры].

Диалог культур осуществляется и через деятельность средств массовой информации. В КБР в настоящее время действует более 73 видов СМИ: печатные периодические издания, телевизионные предприятия, федеральные радиостанции. Из 59 печатных СМИ, в том числе 25 – официальных, финансируемых из республиканского бюджета. В Кабардино-Балкарии издаются литературные журналы «Литературная Кабардино-Балкария» – на русском языке, «Ошхамах» («Эльбрус») – на кабардинском языке, «Минги Тау» («Эльбрус») – на балкарском языке, а детские журналы: «Солнышко», «Нур», «Нюр» («Свет») – на русском, кабардинском и балкарском языках, а также республиканские газеты: «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодежь» и «Горянка» – на русском языке; «Адыгэ псалъэ» (Адыгское слово) – на кабардинском языке; «Заман» (Время) – на балкарском языке и тринадцать районных газет. Однако многие издания, как отметил в своем выступлении министр по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи Б. Паштов на заседании Общественно-консультативного совета при президенте КБР, «ограничиваются описательностью и мажорными репортажами, в них отсутствуют аналитические материалы» [Паштов].

В условиях деидеологизации российского общества произошла переоценка роли религии в культуре и истории, в духовно-нравственном развитии человека. В целях эффективности межконфессионального диалога при Министерстве по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР создан и функционирует молодежный межконфессиональный клуб «Согласие». В рамках реализации республиканской целевой программы «О взаимодействии с религиозными организациями в Кабардино-Балкарской Республике и их государственной поддержке в 2007–2015 гг.» проведены: региональная научно-практическая конференция «Национальная культура и ислам», республиканские конкурсы «Религия и толерантность», «Государство. Религия. Общество», общественные слушания по проблеме «Молодежь и радикализм», заседание дискуссионного клуба по темам: «Ислам и толерантность», «Ислам и политика», «Исламский фундаментализм и религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе». Указанные мероприятия создают условия для формирования у молодежи установок толерантного сознания, гражданских ценностей и предупреждения проявлений религиозного фундаментализма и экстремизма [Информация Министерства...].

В процессе исторического развития естественным образом осуществляется взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообогащение культур различных народов. В полиэтнических государствах, как правило, на основе доминирующей национальной культуры создается общенациональная духовная культура, уровень которой характеризует состояние общества. Сегодня важно осмыслить истоки культурной общности народов России, то есть актуальным является исследование процесса формирования общенациональных духовных ценностей многонационального российского народа, позитивные и негативные (узконациональные) проявления в формировании российской нации. Как подчеркивает Р. Абдулатипов: «У российских народов, объединенных в единую многонациональную Российскую Федерацию, общая история, общие социально-политические традиции, взаимно адаптированная ментальность, восприятие явлений и процессов, общая экономическая база, от состояния которой зависит реализация социально-

экономических прав и свобод каждого россиянина, взаимосвязанная культура и общий русский язык и многие другие общностные признаки, которые в едином государстве отражаются в общегражданских чувствах и ценностных ориентациях» [Абдулатипов].

Особого внимания заслуживает работа в КБГУ Центров: эстетического воспитания и художественного творчества, содействия занятости и трудоустройству выпускников, физического воспитания и спорта. В университете также ведется целенаправленная работа по исследованию, сохранению и популяризации основных этнических культур народов Кабардино-Балкарии научно-образовательными центрами: русского языка и культуры, адыгской культуры, балкарской культуры. Разумеется, что культура межэтнического общения в многотысячном молодежном коллективе должна поддерживаться и развиваться, в том числе через систему воспитательных мероприятий. В Центре эстетического воспитания и художественного творчества КБГУ занимаются около 2,5 тыс. студентов, объединенных в семь больших коллективов. В этом Центре студенты знакомятся с культурой, традициями, обычаями народов, населяющих Северный Кавказ. Важным моментом является участие студентов в постоянных читательских конференциях, где они знакомятся с творчеством выдающихся поэтов, писателей, являющихся представителями различных этнокультур [Геграев].

Значительный опыт культурного обмена накоплен и в ряде республик, краев и областей Северного Кавказа. Так, в рамках федерально-региональной Программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» была издана «Антология литературы народов Северного Кавказа» в 2 частях. Ряд мероприятий было проведено Клубом писателей, созданный в 2008 году. Заметным явлением стало издание печатного органа «Ассоциации» – «Литературный Кавказ». Регулярными стали совместные выпуски республиканских газет республик Северного Кавказа, телепередачи «Наш Северный Кавказ», радиопередача «Зори Кавказа» и др. Заслуживает внимания также и проведение таких мероприятий как взаимные дни, Недели и Декады культуры, литературы и искусства, обмен концертами театральных, музыкальных, хореографических коллективов. В то же время следует отметить, что перечисленные выше мероприятия в основном ограничены масштабами северокавказского региона, не выходят на общероссийский уровень. В значительной мере утрачен позитивный опыт творческих контактов художников слова региона с Центром: проведение выездных заседаний правления Союза писателей РФ в регионах, и соответственно, – творческих встреч северокавказских поэтов и писателей с читателями, собратями по перу центральных районов. Уместно в этой связи вспомнить слова балкарского поэта К.Кулиева: «Дружба народов состоит из дружбы людей». В советское время через творчество таких поэтов как Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, К. Кулиев, А. Кешоков российский читатель знакомился с духовным миром народов, которые они представляли. Существовала профессиональная переводческая школа, достойно представлявшая на русском языке поэзию народов СССР на национальных языках. Творческий диалог национальных авторов с русской поэзией, русским читателем поддерживали такие корифеи перевода как Н. Коржавин, С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский и многие другие. К сожалению, в последние десятилетия отсутствие профессиональных переводчиков, можно сказать, «национальной» политики в литературе заметно ослабило этот процесс. С уходом из жизни этой когорты ярких переводчиков художественного слова в российском культурном пространстве практически исчезло представительство национальных литератур [Тетуев 2018: 69].

Статистические данные Российской книжной палаты свидетельствуют, что в последние три года издание литературы на языках народов Российской Федерации составляет два процента от всей художественной продукции, а переводная с отдельных языков – тысячные, сотые и десятые доли процента. Необходимо

подчеркнуть и то, что практически исчезла из обихода публикация книг в переводе произведений художественной литературы с языка народа одной национальности Российской Федерации на язык другой. Проявляется это отсутствием многообразно: от радиоэфира, телевизионных каналов РФ до номинированности на различные литературные премии федерального уровня. Такая ситуация создает чувство отчуждения, отдающаяся в самых разных аспектах. В этой связи В.В. Путин отметил: «...Предусмотреть увеличение количества бюджетных мест по специальности «литературный работник», «переводчик художественной литературы» со специализацией «перевод художественной литературы с языков народов Российской Федерации». Разработать и принять долгосрочную программу целенаправленной подготовки писательских кадров и переводчиков художественной литературы для работы в регионах» [Путин].

Задача формирования новой исторической общности «российский народ» немислима без создания налаживания культурных связей на федеральном уровне, без создания единого информационного пространства. Для этого крайне необходимо, чтобы представители российской культуры и литературы не замыкались в узконациональные рамки, а возрождали исторически свойственную им соборную, духовно-просветительскую миссию.

Одной из первых попыток наладить связи и диалог культур на федеральном уровне следует считать инициативу литераторов «Центра» по налаживанию контактов с писателями и поэтами Северного Кавказа. Так, фондом С. Филатова «Социально-экономических и интеллектуальных программ» был проведен семинар с участием творческой интеллигенции, издан сборник произведений северокавказских авторов «Война длиною в жизнь». Принципиально важно продолжить эту работу, которая противостоит формированию стереотипного «образа чужого», открывает ценность и неповторимость культуры и литературы народов, проживающих в России.

Закономерным следствием разрушения информационного и духовного пространства на федеральном уровне является и оскудение содержания учебников по литературе России, представленного без связей и диалога с национальными литературами России. Из школьных и вузовских учебных программ и учебников исчезла глава «Литература народов России», что существенно обедняет представление о единой российской культуре и литературе.

Исследуемый материал позволил наглядно показать потенциальные возможности системы образования и культуры в консолидации многонационального российского общества. Вместе с тем итоги изучения исследуемой проблемы позволяют определить основные направления деятельности государственных органов власти учреждений образования и науки по развитию этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии:

– разработать целостную систему непрерывного образования по предметам регионального компонента «дошкольное, начальное, среднее (общее и профессиональное) и высшее образование»;

– подготовить и издать в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) учебно-методических комплектов по предметам регионального компонента;

– регулярно обобщать и распространять положительный опыт образовательных организаций, учреждений, средств массовой информации, общественных объединений и фондов по этнокультурному развитию народов республики. Проработать вопрос о создании электронного образовательного ресурса по сохранению и изучению кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языка.

– разработать государственную программу КБР «Сохранение, изучение и развитие государственных языков народов» с учетом: Подпрограммы 3 «Русский язык и языки народов России» Государственной программы Российской

Федерации «Реализация государственной национальной политики»; Подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов Кабардино-Балкарской Республики «Государственной программы КБР «Взаимодействие общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике» на 2016–2021 гг.; «Государственной программы КБР развития культуры народов КБР»;

– практиковать поведение социолингвистического мониторинга состояния этноязыковой ситуации в республике

– открыть в лицее для одаренных детей ГБОУ «Детская академия творчества «Солнечный город» Минпросвещения КБР класс (отделение) для углубленного изучения кабардинского и балкарского языка и литературы;

– обеспечить деятельность Экспертно-консультативного совета по сохранению и развитию языков (кабардинского и балкарского) коренных народов Кабардино-Балкарской Республики при правительстве кабардино-балкарской республики, созданной Распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики в 1914 г. (при Минпросвещении КБР 29.03.2019 г. создан Координационный Совет по этнокультурному развитию).

– средствам массовой информации регулярно организовывать теле-радио передачи, публикации об опыте реализации государственных республиканских программ КБР, направленных на этнокультурное развитие народов республики.

Источники и литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Создание российской нации (проект для XXI века). Российская газета. 2003. 28 августа.

2. *Акжиева С.И., Улаков М.З.* Этноязыковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике и проблемы реализации языковой политики // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 6–1 (56). С. 138–143.

3. *Базиева Г.Д.* Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик, 2013. 164 с.

4. *Балова И.М.* Об особенностях языковой ситуации в Кабардино-Балкарии // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру (материалы I Международного конгресса, 11–14 сентября 1996 г.). Пятигорск, 1998. С. 38–44.

5. *Башишева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы / отв. ред. П.М. Иванов. Нальчик.: КБНЦ РАН, 2016. 172 с.

6. *Гаврилова О.* Отзывы гостей Международной научной конференции «Национальные образы мира в художественной культуре», посвященной 85-летию со дня рождения Г.Д. Гачева (1929–2008) –доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН // Университетская жизнь. 2014. 17 ноября.

7. *Геграев Х.К.* Доклад зам. начальника управления по воспитательной работе КБГУ на заседании Ученого совета КБГУ // Университетская жизнь. 2011. 5 марта.

8. *Закон Кабардино-Балкарской республики* от 16 января 1995 года № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской республики (с изменениями на: 24.04.2014) // Электронный ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/802054078> (Дата обращения: 07.08.2019).

9. *Информационные доклады* руководителей подразделений Управления «Об итогах деятельности Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР» за 9 месяцев 2015 года // Электронный ресурс : www.pravitelstvokbr.ru (Дата обращения: 24.08.2019).

10. *Изучение кабардинского и балкарского языков* // Электронный ресурс: www.telestudio.pro (Дата обращения: 24.08.2019).

11. *Информация Министерства* по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР // Электронный ресурс: www.pravitelstvokbr.ru (Дата обращения: 09.02.2019).

12. *Итоги Всероссийской переписи* населения 2010 г. // Электронный ресурс: www.demoscope.ru (Дата обращения: 25.02.2019).

13. *Итоги Всероссийской переписи 2010 г.* Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Официальное издание. Нальчик, 2013. С. 10, 11.
14. *Население России 2010–2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад* / отв. ред. А.Г. Вишневецкий; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с. С. 135–138, 140.
15. *О работе Кабардино-Балкарского фонда культуры* // Электронный ресурс: www.pravitelstvokbr.ru (Дата обращения: 07.02.2019).
16. *Паутов Б.С.* Выступление министра по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР на заседании Общественно-консультативного совета при Президенте КБР // Электронный ресурс: www.kavkaz-uzel.ru. (Дата обращения: 09.02.2016).
17. *План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Кабардино-Балкарской Республике* (утвержден распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 18 октября 2013 года № 579-рп) // Электронный ресурс: [//www.docs.cntd.ru](http://www.docs.cntd.ru) (Дата обращения: 21.07.2019).
18. *Подпрограмма 3 «Русский язык и языки народов России» Государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»* (утверждено в ред. Постановления Правительства РФ от 29.03.2019 N 360) Электронный ресурс // <http://www.consultant.ru/cons/> (Дата обращения: 15.08.2019).
19. *Путин В.В.* Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, посвященного роли русского языка и языков народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков // Стенограмма совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 26.02. 2016 г. // Электронный ресурс // www.kremlin.ru (Дата обращения: 10.05.2019).
20. *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. 240 с.
21. *Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»*; План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики (утвержден распоряжением Правительства России 15.07.2013 г.). Электронный ресурс: www.government.ru (Дата обращения: 21.07.2019).
22. *Шалова Ф.* Более тысячи школьников приняли участие в олимпиаде по русскому языку // Университетская жизнь. 2016. 15 февраля. № 2.

EXPERIENCE AND PROBLEMS OF ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article examines the experience of government authorities, educational institutions, and science in developing the culture of the peoples of Kabardino-Balkaria. The experience of the KBSU, the Institute for Humanitarian Research of the KBSC RAS, the Kabardino-Balkarian Culture Fund and the Elbrusoid Foundation on the preservation and development of the culture of the peoples living in the republic is highlighted. The language policy and its implementation in the region are analyzed. Factors that negatively affect the functioning of the Kabardino-Circassian and Karachay-Balkarian languages are identified: low demand for the Kabardino-Circassian and Karachay-Balkarian languages; lack of programs, textbooks and teaching aids that meet modern requirements; lack of modern electronic educational resources, etc.

The activity of state authorities on the implementation of state programs aimed at harmonizing interethnic relations, strengthening tolerance and spiritual and moral education of youth is revealed.

The role of literature, the media, theaters, state dance ensembles, musical and visual arts on the ethnocultural development of the peoples of the region is shown. Identified problems in

training professional translators and organization of cultural exchange with the regions of the country. The main directions of activity of state authorities, educational institutions for the development of ethnocultural development of the peoples of Kabardino-Balkaria are determined.

Keywords: ethnic communities, state bodies, culture, education, science, language, literature, problems.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-86-98

КУРОРТ НАЛЬЧИК КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНД – ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Кешева Зарема Мухамедовна, и.о. зав. сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

Хоконова Лиана Артуровна, студентка 4 курса Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, liana_khokonova@mail.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с историей становления и развития одного из самых знаменитых курортных брендов Кавказа – Нальчика. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время привлечение внимания к брендированию территорий России способствует росту внутреннего туризма страны, а значит экономическому и культурному развитию ее регионов. Исследование истории развития курорта Нальчик может способствовать проведению эффективных рекламно-маркетинговых кампаний по формированию позитивного имиджа Кабардино-Балкарии, что, в свою очередь, позволит интегрироваться в систему общероссийского рынка санаторно-курортных услуг. В данном вопросе существенную помощь должна оказать продуманная система брендирования объектов курортно-рекреационного комплекса КБР в целом и курорта Нальчик в частности. Значительное внимание должно быть сосредоточено и на этнокультурном компоненте механизма брендирования Нальчика как неотъемлемой части имиджа республики.

Ключевые слова: позитивный имидж, территориальный брендинг, Нальчик, курорт, рекреация.

В современный период территории стараются активно участвовать в экономических, политических и культурных процессах развития своих стран, борются за рост благосостояния населения. Для активизации потенциала возможностей, регионам нужно работать над привлечением инвестиций, расширять туристический поток, а для достижения этой цели, необходимо научиться формировать положительный образ территории. Брендинг мест направлен на преодоление дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе, в его основе лежит идея донесения до широкой общественности представления об уникальности территории. Поэтому продвижение территорий, привлечение ресурсов для их развития, актуально, как никогда. Для того, чтобы эффективно продвигать территорию и привлекать туристов, необходимо изучить историю ее развития, и чем большими туристско-рекреационными и историко-культурными ресурсами она обладает, тем ценнее будет в глазах потребителя.

Россия и входящие в ее состав регионы имеют мощный природный, культурно-исторический и экономический потенциал. Один из перспективных регионов – Северный Кавказ, на территории которого расположены широко известные курорты и достопримечательности общемирового значения. Кабардино-Балкарская Республика (КБР) располагает туристско-рекреационными ресурсами, значимость которых обусловила превращение республики в один из ведущих центров

туризма страны и привлекала иностранных путешественников в регион еще в XVIII–XIX вв. Основным богатством Кабардино-Балкарии являются ее природно-климатические условия и, прежде всего, уникальные ресурсы горных районов, предопределяющие их использование в рекреационных целях. Существенным дополнением к природно-климатическим ресурсам выступают туристско-рекреационные ресурсы историко-культурного характера. Наиболее популярными достопримечательностями КБР являются Эльбрус, Чегемские водопады, Голубые озера, однако и столица республики – Нальчик, является признанным туристическим и оздоровительным центром.

Город расположен на высоте 555 м над уровнем моря у северных отрогов Главного Кавказского хребта. Темно-зеленые отроги Лесистого хребта, непосредственно окружающие город, являются доминантой архитектурно-планировочного развития Нальчика. Близость города к системе горных хребтов со временем предопределила его хозяйственную специализацию, его значение как важнейшего курортно-рекреационного центра Северного Кавказа. Присутствие большого количества эффективных природных лечебных факторов ставят курорт «Нальчик» на один уровень со всемирно известными курортными центрами Европы.

Город окружен горами, покрытыми лесом, поэтому и был назван «Нальчик», что в переводе с кабардинского языка означает «подкова». Нальчик укрыт от ветров горными массивами, с их вершин дует слабый ветер – фён. Он остужает и способствует циркуляции летнего воздуха. Климат города континентальный со среднегодовым колебанием температуры в пределах 26. Зима сравнительно мягкая, а лето – более прохладное. Осадков здесь выпадает больше, чем в равнинной части, но обилие древесной растительности в сочетании с живописностью рельефа, повышенная солнечная активность и насыщенность горного воздуха озоном создают весьма благоприятные условия не только для жизнедеятельности, но и для лечения больных [Бураев 1981: 10].

В конце XIX в., как отмечал российский историк А.С. Кабанов, Нальчик – это «...небольшая крепостца с посадом в местности, уступающей Пятигорску, Кисловодску, и не может произвести такого поражающего впечатления, чтобы о ней стоило что-нибудь говорить... В 1900-х годах Нальчик благодаря своей богатой природе и климату получил известность как хорошее курортное местечко. Сюда стали приезжать больные из Москвы, Петербурга и многих других городов страны. Некоторые из них строили на хуторе Долинском и в Затишье свои дачи и оставались жить на все время. В 1907 г. в числе больных в Нальчик приехали украинская писательница Марко Вовчок, а также семья профессора Московского университета Ешевского [Кабанов 1950: 38]. Вот как описывал Нальчик в начале XX в. художник М. Алехин, приехавший сюда из Петербурга и проживший здесь практически 40 лет: «Число едущих в Нальчик с каждым годом все более и более увеличивается; много приезжающих было в этом году из Москвы и Петербурга. Вы встретите тут и военных, и статских, и студентов; в числе их много бывает толстовцев, которых притягивает сюда дешевизна жизни и то обстоятельство, что возле Нальчика до сих пор существует колония толстовцев, которая, впрочем, все более и более редее... При большом знакомстве горожан с Нальчиком ему предстает большая будущность, как одной из лучших летних климатических станций в России» [Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. 1993: 35].

Курортное дело постепенно развивалось, но очень медленными темпами. В «Иллюстрированном практическом путеводителе по Кавказу», выпущенном в 1910 г. отмечалось: «Жизнь в Нальчике слагается очень просто: о жизненных удобствах и комфорте не может быть и речи, так как до сих пор еще ни единый камень не положен в основание того, что называется настоящим курортом» [Газета Юга 2010: 19 августа].

Однако, слухи о минеральной воде, обладающей целебными свойствами, неуклонно распространялись и в Долинске стали строиться частные дома, которые

приезжие использовали для дачного отдыха. Часто они арендовались людьми, которые хотели оздоровиться в атмосфере тишины и чистого горного целительного воздуха. Нальчик посещали М.А. Балакирев и Ф.И. Шаляпин, С.И. Танеев и др. Начиная с А. Алябьева, посетившего Кавказ и написавшего две «Черкесские» и «Кабардинскую» песни, российские композиторы неоднократно проявляли интерес к музыке горских народов. Знаменитый русский композитор С.И. Танеев посетил Нальчик в начале 1900-х. Он писал: «Приехали на станцию Котляревскую, в фэтоне вчетвером поехали в Нальчик. Погода превосходная, дорога тоже» [Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. 1993: 40].

Таким образом, приезжавшие из России поездом курортники доезжали до станции Котляревской, а оттуда на лошадях более сорока верст ехали до Нальчика. Адыгский просветитель Д. Кодзоков отмечал: «... заглушение окрестностей Нальчика тернами и бурьяном требует непременно их очищения» [Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. 1993: 22].

Однако развития курортного дела в дореволюционном Нальчике практически ничего не предпринималось. Об этом свидетельствует заметка в газете «Терские ведомости» от 15 июля 1894 г: «В прошлом году в окрестностях Нальчика, верстах в 3–4 от слободы одним слобожанином случайно были открыты два минеральных источника: железный и щелочной. Тогда же эти источники осмотрели, и поговаривали о разработке их, да так и забыли про них, что очень жаль» [Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. 1993: 35].

В 1910 г. начальником Нальчикского округа стал подполковник С.К. Клишбиев и с его назначением на должность началось активное продвижение идеи необходимости придания Нальчику статуса популярного курорта. Решить вопрос помогло знакомство Клишбиева с действительным статским советником, управляющим Владикавказской железной дорогой Э.Б. Войновским-Кригером, который имел большой вес в обществе и при дворе, а позднее стал министром путей сообщения России. Клишбиев смог объяснить ему, что вложение средств в развитие и благоустройство курорта Нальчик очень перспективно и в будущем может принести большие дивиденды [Нальчик 2000. Фотогалерея...].

В 1913 г. была закончена укладка железнодорожной дороги от Нальчика до станции Котляревская, откуда открывался путь на Кавказ и в целом на территорию России. На вокзале Нальчика была построена гостиница; в Атажукинском саду, в районе Долинска, сооружались курзал, купальные бассейны и теплые ванны; были составлены проекты по облагораживанию парка и постройке курортных зданий.

В 1913 году в Нальчике была создана организация «Общество по курортному благоустройству». В правление общества вошли М.Д. Лобач-Жученко (муж писательницы Марко Вовчок), заведующий двухклассным училищем Баканеев, несколько учителей и врач Конюхов. Это общество ставило своей целью благоустройство дачного поселка Долинского и превращение его в курорт, однако значительных результатов достичь не удалось [Кабанов 1950: 38].

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. курорт был перепрофилирован под лечебные учреждения для больных и раненых на полях сражений и к лету 1915 г. в Нальчике действовали четыре военных госпиталя.

Нальчик становится непосредственно курортом после установления Советской власти. В 1920 г., в Долинске, в дачах, национализированных большевиками, открылись два санатория на 36 и 40 мест. Главврачом была назначена О.Б. Лепешинская, которая вместе с мужем П.Н. Лепешинским приехала в Нальчик на отдых и осталась здесь для организации курортного дела республики. В 1921 г. Долинск и частично Затишье начали стабильный прием людей, нуждавшихся в курортном лечении.

В 1923 г. курортный район был обследован специальной комиссией Наркомздрава, которая определила, что климатические условия Нальчика являются более

благоприятными, чем в Пятигорске. «Курорт Нальчик, – писала в своих выводах комиссия, – расположен на северном склоне Кавказского хребта, на высоте 510 метров над уровнем моря. Горная гряда высотой до 1600 метров защищает курорт от сильных горных ветров, дующих с Главного хребта, и вызывает в то же время циркуляцию местных ветров, влияя этим на постоянную вентиляцию воздуха в Нальчике. Климат Нальчика умеренно-теплый, с умеренной влажностью. По температуре климат Нальчика близок к температурным условиям Пятигорска, но прохладнее летом и теплее зимой... Особые климатические условия Нальчика объясняются также и его положением на границе равнины и гор, в устье горной долины, с быстро текущей рекой и зеленым мягким ландшафтом. К положительным сторонам Нальчика следует отнести и почву, быстро впитывающую дождевую воду, почему даже после сильных дождей происходит быстрое ее высыхание, и идеально чистый, без пыли воздух, вентилируемый горными ветрами» [Кабанов 1950: 96].

По решению Кабардино-Балкарского облисполкома в 1923 г. было создано Курортное управление для руководства курортным делом в области. Курорт Нальчик не соответствовал установленным нормам лечебно-профилактических учреждений: отсутствовали канализация, водопровод, электричество. Тем не менее, Кабардино-Балкарским облисполкомом в 1921–1922 гг. был подготовлен первый курортный сезон для населения. С целью отдыха и оздоровления Нальчик посещали деятели ВКП(б) и Советского государства И.В. Сталин (1921 г.), С.М. Киров (1921 г.), М.И. Калинин (1923 г.), А.А. Андреев (1928 г.), Г.К. Орджоникидзе (1934 г.).

Поступательное становление города-курорта происходило в конце 20-х гг. XX в. Наркомздравом РСФСР была прислана комиссия для исследования гидроминеральных ресурсов на курортах Минераловодской группы Северного Кавказа. Однако целый ряд ценных минеральных источников, располагавшихся в районе Нальчика, так и остались неизученными. Первое тщательное исследование курорта было произведено в 1928 г., когда в Кабардино-Балкарию была направлена экспедиция, организованная Наркомздравом РСФСР совместно с облисполкомом Кабардино-Балкарской автономной области под руководством Н.Е. Хрисанфова и Г.А. Невраева [Нальчик 2000. Фотогалерея...].

В 1928 г. правительство РСФСР заявило, что Нальчику придается статус климатического курорта местного значения. В связи с этим, начальный этап освоения курортного дела в Кабардино-Балкарии (до 1930 г.) был насыщен организационными мероприятиями, следствием которых Нальчик стал не только климатическим курортом, но и приобрел лечебно-профилактическое направление, что существенно расширило его привлекательность.

В 1930 г. начался второй этап становления курорта Нальчик, который, характеризовался усовершенствованием оздоровительной помощи населению. Выросло количество введенных в строй санаториев, в связи с чем увеличилась их пропускная способность. Было продолжено благоустройство города: проведены водопровод и электричество, проложены дороги, расчищен и облагорожен Атажукинский сад. Был построен целый ряд новых современных санаториев и домов отдыха: санатории им. С.М. Кирова, «Нартан», «Трудовые резервы», детский костно-туберкулезный санаторий, дом отдыха «Заря», клиника и ванное здание в районе Тегенекли (под Эльбрусом) и др.

В 1935 г. был закончен каптаж (инженерно-техническое сооружение, обеспечивающее вскрытие подземных вод, вывод их на поверхность) Белореченских источников и ощутимо возросла их производительность. В 1937 г. здесь уже добывалась собственная лечебная питьевая вода «Нартан», благодаря открытию горного инженера С.С. Кочнева, который, проводя в 1937–1938 гг. гидрогеологические работы в районе между Аушигером и Герпегежем, обнаружил минеральную

воду «Нартан». Она используется для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, печени и нарушений обмена веществ. В этот же период с Тамбуканского озера стали привозить лечебную грязь. «Если в раньше курорт Нальчик считался только климатическим, то с началом применения лечебных минеральных источников, а также грязей Тамбуканского озера, он становится климато-бальнеологическим курортом. В 1936 г. Нальчикский курорт включен в число союзно-республиканских» [Кабанов 1950: 98].

В 1935–1937 гг. экспедиция Бальнеологического института во главе с геологом А.И. Чернецовым, провела крупные работы гидрогеологического характера в районе в районе Белореченских термальных источников. С глубины 200 м была выведена азототермальная сероводородная минеральная вода (скважина № 47). На месте ее выхода Управление Нальчикского курорта построило ванное здание [Балкаров М.И., Балкарова И.М. 1983: 15].

В начальный период Великой Отечественной войны по Постановлению Совета по эвакуации при СНК СССР «О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик» с приложением списка эвакуируемых № СЭ-60 от 3 августа 1941 г. в Нальчик были эвакуированы многие деятели культуры и искусства, а так же члены их семей. По неполным данным в республику эвакуировались более 16,5 тысяч человек, среди которых коллективы Института Физкультуры им. Лесгафта, Государственного института иностранных языков и ряда заводов Ленинграда, артисты Московского Художественного и Малого театров, видные композиторы и художники.

Гостиница «Нальчик», где жил выдающийся композитор С.С. Прокофьев, и дачный поселок Долинск стали временным местом проживания для многих прославленных актеров, музыкантов, художников. Прокофьев дружески общался с В.И. Немировичем-Данченко, с О.Л. Книппер-Чеховой – вдовой великого писателя, с художником И.Э. Грабарем. Летом 1941 г. Прокофьев сочинял симфоническую сюиту «1941 год», первые картины «Войны и мира», Второй струнный квартет. 15 августа были начаты первые страницы толстовской оперы («Отрадное»). В течение трех месяцев первые шесть картин, изображающие картины «мира» (почти половина оперы) – были закончены в clavire. Среди тех, кто слышал в авторском исполнении эти первые фрагменты, были композитор Н.Я. Мясковский и художник И.Э. Грабарь.

Весной 1942 г. немецко-фашистские войска начали неожиданное наступление на южном направлении, и в конце октября 1942 г. Нальчик был взят после упорного сопротивления. Однако Сталинградская битва и развитие контрнаступления на юге страны позволили освободить Нальчик уже в январе 1943 г. Хотя в период Великой Отечественной войны санатории и дома отдыха Нальчика были практически разрушены, курорт стал быстро восстанавливаться, и уже в 1947 г. начал функционировать и принимать отдыхающих.

Очередной этап становления курорта Нальчик связан с решением руководящих органов, когда по инициативе первого секретаря Центрального Комитета КПСС Н.С. Хрущева, 13 марта 1959 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР о развитии курорта Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса.

В 1964 г. решением Коллегии Центрального Совета по управлению курортами профсоюзов Нальчик признан курортном союзного значения. Согласно Постановлению правительства, был осуществлен комплекс мероприятий, и курорт Нальчик превратился в одну из самых популярных и посещаемых здравниц Советского Союза.

В 1969 г. была открыта скважина новой минеральной горячей воды с дебитом свыше 12 млн. литров в сутки. В санаториях Нальчика отдыхало в 1958 г. – 36 000, в 1968 г. – 80 000, в 1971 г. – 100 тыс. человек [Подъяпольский Г.Н., Опришко О.Л., Накова С.М. 1971: 29].

Нальчик стал одним из самых многопрофильных курортов страны. На его сравнительно небольшой территории имелось 18 минеральных источников и скважин, которые давали ежедневно более 12 млн. литров теплых и горячих минеральных вод различного физико-химического состава. Целебные воды использовались как для внутреннего, так и наружного применения, в виде ванн, в сочетании с лечебной грязью из Тамбуканского озера, расположенного вблизи шоссе Нальчик–Пятигорск, у селения Этоко.

Столица Кабардино-Балкарии была начальным и конечным пунктом многочисленных туристских, альпинистских и экскурсионных маршрутов с их базами, учреждениями, управлениями. Самая крупная туристская организация республики – Кабардино-Балкарский областной совет по туризму и экскурсиям, в составе которого только в Нальчике было несколько турбаз. В их числе туристская гостиница «Нарт», располагающаяся в центре города, турбазы «Долинск» и «Лесная поляна» – круглогодичного действия, «Восход» и «Ак-Су» (сезонные), работающие с мая по октябрь. Все они располагались в живописной курортной зоне города [Зведе 1987: 34].

В начале 1980-х гг. курорт Нальчик достиг высшей ступени развития. К услугам многочисленных гостей курорта, приезжавших на отдых и лечение были 15 санаториев, 3 пансионата, дома отдыха, среди которых один из старейших «Санаторий им. Кирова», пансионат «Грушевая роща», санаторий «Горный родник», пансионат «Октябрь», детский санаторий «Радуга», санаторий «Голубые Ели», «Долина Нарзанов», «Дружба», «Кавказ», «Лебедь», «Ленинград», «Маяк», «Нарзан», «Нартан», «Терек», «Эльбрус», «Санаторий им. Калмыкова», санаторий «Нальчик», санаторий-профилакторий «Алмаз», санаторий-профилакторий «Электрон» и другие.

С распадом СССР и либерализацией экономики в 1991 г., как и все отрасли народного хозяйства, курорт понес большие потери. К сожалению, ни руководство республики, ни администрация города не смогли рационально распорядиться ресурсами, которые предоставлял курорт. Перестало осуществляться союзное финансирование, поэтому курортное хозяйство стало проблематично поддерживать на достойном уровне. Республика не имела собственных ресурсов для того, чтобы решать подобные вопросы самостоятельно. Ситуация еще больше обострялась в связи с близостью Чечни, как острого очага напряженности на Северном Кавказе, поэтому в 1990-е гг. курорт практически не функционировал и не принимал отдыхающих.

В 1995 г. в связи с боевыми действиями в Чечне, по предложению президента КБР В.М. Кокова, в санаториях и домах отдыха были размещены беженцы и переселенцы из Чеченской республики. Их пребывание нанесло курорту серьезный урон, территория Долинска, где располагались санатории, а также Нальчикский парк превратились в зону повышенной опасности.

Все эти деструктивные факторы не могли не повлиять на распространении средствами массовой информации негативного мнения о курорте как о криминальной зоне, однако с 1998 г. ситуация начала стабилизироваться и постепенно стал расти спрос на курортные услуги. На курорте стали проводиться восстановительные работы. Появились первые отдыхающие, в основном из соседних республик. В 1999 г. постановлением Правительства РФ курорту Нальчик был присвоен статус курорта федерального значения. С тех пор восстановлению и развитию курорта уделяется большое внимание со стороны федерального центра, руководства округа, КБР и города.

Вместе с тем, к 2002 г. собственностью республики и города уже не являются или сданы в аренду на 49 лет санаторий им. Кирова (передан Минюсту РФ), «Ленинград» (ФСБ), «Нальчик» (МВД РФ), «Долина нарзанов» (МПС РФ). Республика приобрела для представительства КБР в Москве особняк – памятник архитектуры 19 в. с земельным участком 0,13 га, а также жилое здание площадью

4 тысячи квадратных метров, передав в счет оплаты в собственность столицы три корпуса санатория им. Калмыкова [Газета Юга 2002: 26 сентября].

Несмотря на определенные сложности, во всех здравницах курорта Нальчик наблюдается тенденция к возрождению. Реальное динамичное развитие всего курортно-санаторного комплекса столицы республики способно снять множество острых социально-экономических проблем в КБР. Это в первую очередь может позитивно сказаться на развитии, помимо непосредственно рекреационного, и аграрного сектора республики. Например, только в год на качественное питание отдыхающих требуется продуктов более чем на 150–200 миллионов рублей.

Помимо лечебных процедур оказываются гостиничные услуги, разработана культурно-развлекательная программа для отдыхающих, включающая в себя экскурсии по достопримечательностям города и республики. В питьевой галерее Нальчика можно продегустировать различные виды минеральной воды, обладающей выраженным лечебным эффектом. Знаменитый Атажукинский парк, расположенный в центре Нальчика, также является яркой достопримечательностью и парковым брендом Северного Кавказа и безусловно способен привлечь туристов.

Таким образом, следует отметить, что бесспорный курортный бренд Кавказа – Нальчик, имеет богатую историю и исследование примечательных исторических моментов, связанных с развитием Нальчика, сможет реализовывать задачу брендинга территорий, и, соответственно, дополнительно привлечет заинтересованных туристов, желающих приобщиться к истории различных уголков России, тем самым способствуя продвижению внутреннего туризма.

Источники и литература

1. Балкаров М.И., Балкарова И.М. Курорт Нальчик и нарзаны Эльбруса. Нальчик: Эльбрус, 1983. 185 с.
2. Бербеков Б. Визитная карточка республики. Кабардино-Балкарская правда. 2010. 9 июля.
3. Бураев Р.А. Нальчик. Нальчик: Эльбрус, 1981. 120 с.
4. Гусейнов О. Слобода представляет собой одну роскошную дачу // Газета Юга. 2010. 19 августа.
5. Зведре В.А. Путеводитель по Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1987. 102 с.
6. Кабанов А.С. Нальчик – столица Кабарды. Нальчик: Кабгоиздат, 1950. 170 с.
7. Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. Нальчик глазами современников. Нальчик: Эль-фа, 1993. 144 с.
8. Подъяпольский Г.Н., Опрышко О.Л., Накова С.М. Путеводитель по Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1971. 158 с.
9. Нальчик 2000. Фотогалерея. История. Справка [Электронный ресурс]. URL:http://n2000.ru/history/07_10.html
10. Хагарова Д. Туризм становится приоритетом // Газета Юга. № 39. 2002. 26 сентября.

RESORT NALCHIK AS A TERRITORIAL BRAND – HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Acting Head Sector of the Latest History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

Hokonova Liana Arturovna, 4rd year student of the Social-Humanitarian Institute of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, liana_khokonova@mail.ru

The article explores issues related to the history of the formation and development of one of the most famous resort brands of the Caucasus – Nalchik. The relevance of the topic is due to the fact that at present drawing attention to the branding of the territories of Russia contributes to the growth of domestic tourism of the country, which means the economic and cultural development of its regions. A study of the history of the development of the Nalchik resort can help to conduct effective advertising and marketing campaigns to create a positive image of Kabardino-Balkaria, which, in turn, will integrate into the system of the all-Russian market of spa services. A well-thought-out branding system for the facilities of the resort and recreation complex of the KBR in general and the resort of Nalchik in particular should provide significant assistance in this matter. Considerable attention should be focused on the ethnocultural component of the branding mechanism of Nalchik as an integral part of the image of the republic.

Keywords: positive image, territorial branding, Nalchik, resort, recreation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-99-106

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-107-114

АДЫГЭБЗЭ ШЫЛЭЦЭХЭР НЭХЬЫБЭРЭ Е НЭХЬ МАЩЭРЭ КЪЫЗЭРЫХЪУ ИЭМАЛХЭР

Бишо Борис Чмал и къуэ, филологие шлэныгэхэмклэ доктор, Гуманитар къэхутэныгэхэмклэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгэ Гуэхушлэлэ «Урысейм шлэныгэхэмклэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгэ центр» Федеральнэ шлэныгэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и шлэныгэ лэжыаклуэ пашэ, kbigi@mail.ru

Мы тхыгэр теухуаш адыгэбзэ шылэцэхэр къызэрыху шылкэхэр зэпкърыхыным, абы къызэшлэубыдэ апхуэдэ псалъэхэр куэду къэзыгэшлэхэри, мащлэ дьдэ флэкла зыхузыфлэмыкнэ лэмалхэри. Цлэхэм я къэхуклэмрэ лэжыгэшлэхэм я къэхуклэмрэ нэхышхьэу зэрызэшхьэщыкфыр иужьрейхэм я деж лэабжэгуэсэхэм, нэхь пыухыклауэ жыплэмэ, лэабжэпэхэм (лэжыгэшлэ къэзыгэшлэ лэабжэпэхэм превербклэ йоджэ) бжыпэр зэралыгьырш. Цлэхэм я деж лэабжэпэхэм псалъэ закьуэтлакьуэххэш къагэшлэр, лэабжэужьхэм куэд къагэхьуркъым. Мыбдеж нэхь убгьуауэ къышагэ-сэбпыр псалъэпкъхэр е псалъэхэр зэхэгэхьэнырш. Мы лэжыгэм шызэхэгэклэ шылэцлэ къэхун папшлэ сыт хуэдэ псалъэ лэпкъыгьуэхэр нэхыбэрэ зэхэувэми. Гулытэншэу кънакыым бзэм и лексикэм зэрызиужь нэгьуэщлэ унэтлыныгэхэри – конверсиер, псалъитлэ шызэхыхьэклэ е япэм е етлуанэм шыш лыхьэм къытригэзэжу къэхухэр. Дэтхэнэ зы лэужыгьуэри шапхьэ нэлурытхэмклэ шлэгэбыдаш.

Мы лэжыгэм, Къумахуэ М.И. и гьуазэу, къышыгэлэгуэуш шлэныгэллэ зыкъо-мым я Гуэхуеплгыклар – шылэцлэ зэхэлхэр псори псалъэпкъхэр е псалъэ псохэр зэхыхьэрэ къэхуу жыхуалэр – зэрымытэмэмыр, шылэцлэ зэхэлхэр гьэбэгьуа мэхуэ нэгьуэщлэ хэклэпэхэмкнэ. Лэабжэгуэсэклэ къэхухэм налуэу ядыболбагуэ лэабжэпэхэклэ къэхухэмрэ лэабжэужькнэ къэхухэмрэ я бжыгэхэклэ жыжьэрэ-гьу-нэгьуу зэрызэхуэмьдэр: япэреймклэ къэхухэр зырызыххэмэ, иужьрейхэр – цлэ къэзыгэшлэ лэабжэужьхэр пшы бжыгэ мэхуэ, ауэ абыхэм цлэ куэд къэгэщлэ хужыплэну яхэтыр мащлэц.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: шылэцлэ, псалъэпкъ зэхыхьэныгэ, конверсие, лэабжэ-ужь, нэхыбэрэ къызэрыху шылкэ, къытригэзэжыныгэ, лексикэ.

Адыгэбзэ шылэцлэхэм я къэхуклэ лэужыгьуэхэм шлэныгэллэ зыбжанэ тетхыхьаш, Нэгумэ Шорэ и япэ адыгэ грамматикэм щегэжыауэ иджырей бзэшлэныгэллэхэм я деж къэсу. Абы нэхь хэлхьэныгэ нэхыбэ хуэзышлэхэм ящышу я цлэ къылуапхьэш Къумахуэ Мухьэдинрэ [Кумахов 1964] Урыс Хьэтэлийрэ [Урусов 1980].

Цлэмрэ лэжыгэшлэмрэ я къэхуклэхэклэ зэрызэшхьэщыкфыр кууэ зэпкърызыха Къумахуэм гу зэрылгытащи, цлэхэр (шылэцлэмрэ пльыфэцлэмрэ) къэгэщыным хэмыту жыплэ хьунуш лэжыгэшлэхэм я нэхыбаплэр къэзыгэхьу лэабжэпэхэр, лэабжэужькнэ къэхухэри куэд хьуркъым.

Урыс Хь.Ш. и тхылым къышыхьаш лэабжэпэхэклэ къэхуэ закьуэтлакьуэхэр, ауэ а шапхьэхэри къанэ шымылуэ пльыфэцлэш, шылэцлэу шэч къызытумыхьэжыр зэхуэ- лэабжэпэхэклэ къэхуэ зэхуаку псалъэрш [Урыс 1998: 232]. Нэхь иужылуэклэ

кыдэкIа лэжыггэм апхуэдэ шапхъэхэр нэхыбэ шыхъуаш: *дэлху, зэдэээкъуэ, зэанээпхъу, зэдэлхуэшыпхъу, зэныбжъэгъу* н. [Урыс 2001: 113].

ЛябжъэгъусэкIа псалгэ къэхуным хуабжъу зимыубгъуами, адреи псалгэ къэхукIэхэм ар ирагъэкъуж. ПсалгэщIэхэр мымащIэу кьохъу, псалгэм папщIэ, псалгэпкъхэр ззыпх морфемэкIа зэхыхъурэ, а зы псалгэпкъым кытригъээжкIэрэ, конверсиекIа, лексикэ IэмалкIа, н.кь.

1. Псалгэ зэхэлхэр кызырыхъур

Псалгэ зэхэлхэр кызырыхъур, щIэныггэлI языныкыуэхэм кызыралыгтэмкIа, псалгэпкъхэр зыхыхъурэщ. А еплыкIэр зэрымыгтэмэм дыдэм гу лыитэгъащ Къумахуэ Мухъедин. ПсалгэпкъитI е нэхыбэ зэхыхъурэ шыIэщIэ мымащIэу кьохъу, желэ абы, ауэ а щIыкIэм кьримыубыдэ нэгъуэщI Iэмалхэри шыIэщ, апхуэдэщ, псалгэм папщIэ, ззыпх морфемэм зэпищIэ псалгэ зэхэлхэр, конверсиер, мыхъэнэм зихъуэжыныггэр, нэгъуэщIхэри [Кумахов 1964: 105–108]. Къумахуэм жыхуиIэ лIэужыгъуэ псоми зэрызурэ адэкIа дакытеувыIэнщ.

1.1. ШыIэцIэрэ лэжыггэцIэрэ я псалгэпкъхэр зэхыхъэныггэ. Мы псалгэщIэ къэхукIа лIэужыгъуэр нэхъ зызыужъа, нэхыбэ дыдэрэ кьаггэсэбпхэм ящыщ. Мы IэмалымкIа къэху псалгэ зэхэлхэр гуп нэхыщхыишу ягуэш:

1) IэщIаггэхэм, лэжыггэ лIэужыгъуэхэм, псэупIэ сыт хуэдэхэм я цIэхэр: *мэзхъумэ (мэз+хъумэн); жэмыш (жэм+шын); сурэттех (сурэт+техын); шынауэ (шыинэ+еуэн), мэкъумэшыщIэ (мэкъумэш+щIэн).*

Мы псалгэ зэхэлъ гупым кыхэбггэщ хъунуш кьалэн яггэзашIэмкIа цIэ кьэзыггэхъуэ лябжъэужхэм яхуэбггэдэ хъуну нэхыбэрэ узрихъэлIэ компонентхэр:

а) *-щIэ<щIын.* Псалгэм папщIэ, *уанащIэ (уанэ+щIын), шырыкыущIэ (шырыкыу+щIын), сурэтыщI (сурэт+щIын),* н.кь.;

б) *-уэ<еуэн.* Псалгэм папщIэ, *уадауэ (уадэ+еуэн), Iэгуауэ (Iэгу+еуэн), псыхъуэ (псы+хъуэн);*

в) *-зехъэ<зехъэн; -зешэ.* Псалгэм папщIэ, *щIакIуэзехъэ (щIакIуэ+зехъэн), хьэлъэзехъэ (хьэлъэ+зехъэн), хьэлъэзешэ (хьэлъэ+зешэн),* н.кь.;

г) *-хъумэ<хъумэн.* Псалгэм папщIэ, *мэзхъумэ (мэз+хъумэн), хьэсэпэхъумэ (хьэсэпэ+хъумэн);*

д) *-дэс<дэсын.* Псалгэм папщIэ, *кьалэдэс (кьалэ+дэсын), кьуажэдэс (кьуажэ+дэсын), налшыкдэс (Налшык+дэсын).*

2) Предмет зэмылIэужыгъуэхэм я цIэхэр: *пхъэх (пхъэ+пыхын), жьыху (жьы+хун), бгъэхэлъу (бгъэ+хэлъун), шейщIэт (шей+щIэтын), пцэдэлъ (пцэ+дэлъын), стIолтенхъуэ (стIол+тенхъуэн).*

3) ПыухыкIауэ шымыт гурыIуэгъуэхэм я цIэхэр: *пэублэ (пэ+ублэн), пэщыпхэ (пэ+щыпхэн),* н.кь.

4) Я зэхэтыкIэкIэ зи гугъу тщIы псалгэ къэхукIа лIэужыгъуэм хохъэ фразеологизмэхэр (псалгэфэхэр) зи лябжъэу къэхуа псалгэ гупышхуэ. Псалгэм папщIэ, *напэтэх (елъыт: и напэр техын), пцIыупс (елъыт: пцIы упсын), псыхуэлIэ (елъыт: псы хуэлIэн).*

5) Куэд мэхуэ гу псалгэр япэ Iыхъуэ зыхэт, идиоматикэ мыхъэнэ зиIэ псалгэ зэхэлхэм я бжыггэр. Мыхэри идиоматикэхэм кьатепщIыкIащ, еплъ: *гуимыкIыж (си гум икIыжыркъым), гуих (си гур ирихащ), гукъэкI (сигу кьэкIащ), гукъеуэ (си гум кьоуэ), гурыхъ (сигу ирохъ), гущыкI (си гур щыкIащ), гущIэгъу (сигу щIогъу),* н.кь.

1.2. ШыIэцIэмрэ лэжыггэцIэмрэ я псалгэпкъхэр ззыпх элемент -ры-кIэ зэпыщIа хъуныггэ. Псалгэм папщIэ, *кырым (кы+ры+итын), нэрылгагъу (нэ +ры+лгагъу), лъэрыхъ (лъэ+ры+хъын), бгырыс (бгы+ры+исын), бгырыпх (бгы+ры+пхэн), Iэрытх (Iэ+ры+тхын), гъуэгъурыкIуэ (гъуэгъу+ры+кIуэн).*

Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъ языныкыуэхэр фразеологизмэхэм кызырэытешщІыкІам кыыхэкІыу идиоматикэ мыхьэнэ яІэщ. Псалъэм папщІэ, *жъэрыплъэ* (*жъэкІэ маплъэри щытщ*), *цхъэрывэ* (*и цхъэр къовэ*), *гурыль* (*си гум илъц*).

1.3. ЛэжыгыэцІэ псалъэпкыыр цІэ псалъэпкыым пыувэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *гыбзэ* (*гын+бзэ*), *гырнэІу* (*гын+нэІу*), *къэкІухъльакуэ* (*къэкІухъын+лъакуэ*).

а) ЛэжыгыэцІэ псалъэпкыым *пІэ* псалъэр кыпоувэри Іуэхугъуэр шекІуэкІ щІыпІэр кызыгъэлыагъуэ цІэ зэхэлъ къохъу. Псалъэм папщІэ, *иханІэ* (*ихэн*), *хъунІэ* (*гъэхъун*), *еджанІэ* (*еджэн*), *лэжъанІэ* (*лэжъэн*), *тетІысхъэнІэ* (*тетІысхъэн*), *ехынІэ* (*ехын*);

б) ЛэжыгыэцІэ псалъэпкыым *гъуэ* псалъэр кыпоувэри Іуэхугъуэр кышыыхъу зэманыр кызыгъэлыагъуэ цІэ зэхэлъ къохъу. Псалъэм папщІэ, *еджэгъуэ* (*еджэн*), *джэгугъуэ* (*джэгун*), *лэжъэгъуэ* (*лэжъэн*), *ихэгъуэ* (*ихэн*), н.къ.

1.4. ЩыІэцІэ псалъэпкыитІ зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *адэкуэши*, *анэшыпхъу*, *мэзджэд*, *хыв*, *фошыгъу*, *унэцІэ*.

Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъхэр къатохъукІ зым адреир игъэбелджылыуэ зэхэт псалъэ зэпхэхэм, абыхэм зыгъэбелджылы псалъэр япэ иту кыщокІуэ.

1.5. ЩыІэцІэ, пльыфэцІэ псалъэпкыхэр зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *ллыжъ* (*ллы+жъы*), *фызыжъ* (*фыз+жъы*), *шыщІэ* (*шы+щІэ*), *ятІэху* (*ятІэ+ху(ы)*).

Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъхэр къагъэхъуу нэхьыбэрэ узрихьэлІэ пльыфэцІэхэм ящыщ *жъы*, *цІэ*, *фІы*, жыхуиІэхэр. Иужьрей псалъэм и фонетикэ теплъэм зехъуэж: ар зэриух *ы* макъзешэр э-м хуокІуэ, еплъ: *насытыфІэ* (*насын+фІы*), *нэмысыфІэ* (*нэмыс+фІы*) [Бижоев 2006: 32].

1.6. ПльыфэцІэ псалъэпкыым щыІэцІэ псалъэпкы кыпыувэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *фІылыагъуныгыэ* (*фІы+лыагъуныгыэ*), *гъуэжъуэ* (*гъуэжъ+уэ*), *дахэкүсэ* (*къэкІыгыэцІэц*) (*дахэ+күсэ*).

Иджырейбзэм пльыфэ кызыгъэлыагъуэ псалъэр зи пльыфэ кыгъэлыагъуэм и ужь кытуш кызырэыщыкІуэр. Къэтхъа псалъэ зэхэлъ лІэужьыгъуэм зэрызэхэт Іыхьэхэм я экІэлътыкІуэкІэр щынэгъуэщІщ. А щІыкІэм тету кыэхъуаш языныкыуэ щІыпІэцІэхэр, цІыхуцІэхэр, унэцІэхэр. Псалъэм папщІэ, *Дахэпсынэ* (*кыуажэцІэ*) (*дахэ+псынэ*), *Нэхунэ* (*цІыхубзыцІэ*) (*нэху+нэ*), *Хужьокъуэ* (*унэцІэ*) (*хужь+къуэ*) [Кумахов 1964: 116].

1.7. ПльыфэцІэхэм я псалъэпкыхэр зэхыхъэныгыэ. Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъхэм етІуанэ Іыхьэу нэхьыбэ дыдэрэ хоувэ *жъы* псалъэр. Псалъэм папщІэ, *иныжъ* (*ин+жъы*), *цІыкІужъ* (*цІыкІу+жъы*), *цхъуэжъ* (*цхъуэ+жъы*).

1.8. ПльыфэцІэ, лэжыгыэцІэ псалъэпкыхэр -ры – элементкІэ зэпыщІа хъуныгыэ. Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъхэр куэд хъуркыым. Япэ Іыхьэу абыхэм нэхьыбэрэ хэувэу къэбгъэлыагъуэ хъунуш *псыницІэ* псалъэр. Псалъэм папщІэ, *псыницІэрызекІуэ* (*псыницІэ+-ры+зекІуэн*), *псыницІэрыпсалъэ* (*псыницІэ+-ры псалъэн*), *псыницІэрытх* (*псыницІэ+-ры+тхын*) [Бижоев 2006: 33].

ПсыницІэ псалъэм и пІэ языныкыуэм деж кыоувэ *хуабжъ* псалъэр: *хуабжъырыкІуэ*, *хуабжъырыпсалъэ*.

1.9. ЩыІэцІэрэ цІэ мыхьэнэ зыгъуэта ІуэхуцІэ ит зэман гъэпсыкІэ зиІэмрэ зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *шыкІуэр* (*шы+кІуэр*), *шылэхъар* (*шылэ+хъар*).

Мы лІэужьыгъуэм кызыэщІиубыдэр псалъэ мацІэщ.

1.10. ЩыІэцІэ псалъэпкы кыыхэмыщІыкІаитІ зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *мэкъумэши* (*мэкъу+мэши*), *жэщ-махуэ* (*жэщ+махуэ*), *джэдкъаз* (*джэд+къаз*), н.къ.

1.11. А зы лъабжъэужьым кыгъэхъуа щыІэцІэ псалъэпкы кыыхэщІыкІаитІ зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *Іэцэфацэ* (*Іэцэ+фацэ*), *Іэшэлашэ* (*Іэшэ+лашэ*).

1.12. Язэхуэдэныгыэ лъабжъэ зэ- зыхэт щыІэцІэ псалъэпкыитІ зэхыхъэныгыэ. Псалъэм папщІэ, *зэи-зэшыпхъу*, *зэддзэкъуэ*, *зэлІэфыз*.

1.13. Мыхуныгээ аффике зыхэт шылэцлэ псалъэпкытI зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *мыхумыбз, мыч-мыбжэгу*.

1.14. УнэтIыныгээ зэпув кээзыгээляггуэ IуэхуцIэ ит зману гээпсаитым я псалъэпкэхэр зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *кыицIыхэ-ныицIыхэ, кьебэ-небэ, кээдз-нэдз*.

1.15. Шылэцлэ мыхэнэ зыгуэта, ит зману гээпса IуэхуцитI зэхыхэ-ныгээ. Псалъэм папщIэ, *пльыржэсэр, (плын+жээн), Iуэрвэр (Iуэн+кээвэн), дэрб-зэр (дэн+бзэн), гыырбжэр (гыын+бжэн)*.

1.16. Шылэцлэ мыхэнэ зыгуэта, кээкIуэну зманым ит IуэхуцитI зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *тепIэницIэлэтын (тепIэн+ицIэлэтын), шхын-фэн (шхын+эфэн), вэнсэн (вэн+сэн)*.

1.17. Зыгээбелджылы псалъэм кыитригээзжу атрибутив комплекситI зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *пхээцхээмыцхээ (пхээцхээ<пхээ+ицхээ+мыцхээ<мы+ицхээ); кланэляпэ (кланэ<кIэ+пэ+ляпэ<лээ+пэ)*.

1.18. Ягээбелджылы псалъэм кыитригээзжу атрибутив комплекситI зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *нэфI-ней (нэфI<нэ+фIы+ней<нэ+Iей)*.

1.19. ЕтIуанэ Iыхэр зи щхэ хущыт псалъэщ, япэ Iыхэр кээзыгээху льябжээгусэр щIыгущ, ауэ апхуэдэ теплээ иIуэ и закүүэ кьягээсэбпыркыым. Псалъэм папщIэ, *закүүэ-тIакүүэ (тIакүүэ<тIу+күүэ)*.

1.20. Япэ Iыхэм етIуанэ Iыхэм шыщ хэтц, ауэ апхуэдэм деж мыхэнэ щхээхуэ иIэккыым. Псалъэм папщIэ, *хэIуицIыIу (ицIыIу)*.

1.21. ЕтIуанэ Iыхэм япэ Iыхэм шыщ хэтц, ауэ мыхэнэ щхээхуэ иIэккыым. Псалъэм папщIэ, *ныкүүэдыкүүэ (ныкүүэ)*.

1.22. Мыхэнэ зимыIэ компонентитI, япэ компонентыр зэриух макъ дэкIуашэм е пычыгүүэм IыхытIми кыищыитригээзжу, зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *хуэмэ-бжыымэ, бэIу-тIэIу, чэху-мэху*.

1.23. Мыхэнэ зимыIэ компонентитI, япэ компонентым и япэ пычыгүүэм IыхытIми кыищыитригээзжу, зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *йыху-йыбжэ*.

1.24. МакъзыпэщIыж псалытI, зэриух макъ дэкIуашэм е пычыгүүэм кыитригээзжу, зэхыхэныгээ. Псалъэм папщIэ, *кIыкь-сыкь, кIы(р)гь-сы(ргь), пыху-сыху, быргь-сыргь*.

Шылэцлэ зэхэлхэр псалъэпкэхуэ зэхыхэкIэрэ кыищыихукIэ, фонетикэ илэныкүүэкIэ зэхуэжIыныгээ зэмылIуужыгүүэхэр йокIуэкI [Кабардино-черкесский язык 2006: 114].

2. ЛьябжээгусэкIэ шылэцлэхэр кээхуныгээ

ИщхэкIэ зэрыщыжитIащи, адыгэбзэ шылэцлэхэр кээхуным льябжээпэхэм хашIыхышхуэ шыIэккыым. Льябжээужхэр абы и лэныкүүэкIэ нэх кьягээсэбэн, а Iэмалым псалъэпкэ зэхыхэкIэ шылэцлэ кыищыитригүүэм хуэдэу бзэм зыщыиубгүүаи. Кээтхыищ шылэцлэ кээгээщIыныкIэ зэфIэкI зиIэ льябжээужхэр.

2.1. -гээ. Льябжээужь -гээ-м цIэ псалъэпкэхэмрэ масдар гээпсыкIэхэмрэ кьатрегүүэкI зи мыхэнэр мыпыухыкIа шылэцлэхэр. Псалъэм папщIэ, *цIыхугээ (цIыху+-гээ), лIыгээ (лIы+-гээ), дахагээ (дахэ+-гээ), гээсэнIыгээ (гээсэн+-гээ), бэнэныгээ (бэнэн+-гээ)*.

Льябжээужь -гээ-м кыигээхуэ шылэцлэхэм яхэггээгуэщэн хуейккыым мыпхуэдэ цIэ мыхэнэ зыгуэта псалъэхэр: *тхыгээ, (тхэн), гээтIылыгээ (гээтIылын), бзыгээ (бзын), тыгээ (тын), бжыгээ (бжын)*.

ЛэжыгээцIэ псалъэпкэхэм кьатехукIа апхуэдэ псалъэхэми яIэр мыхэнэ мыпыухыкIащ, ауэ мыхэр я кээхукIэкIэ блэкIа зманым ит IуэхуцIэхэм епхаш: *тхыгээ <ятха; кээкIыгээ<кээкIа; вагээ<ва, н.кь*.

Зи гугүүэ тцIыхэм апхуэдэ кьэжыапIэ зэралэр кIахэбзэм (адыгеибзэм) нэрыльягүүэ ещI – а бзэм хума шыхуащ пасэррей гээпсыкIэхэр. Адыгеибзэм *тхыгээ*

псалъэм хуэдэхэр макъ зэхэтыкIэкIэ тохуэ IуэхуцIэ блэкIа зэманым итхэм. Еплъ, псалъэм папщIэ, адыгеибзэ псалъэхэм: *тхыгъэ* – 1) тха, ятха; 2) дэ *тхыгъэ* жыхуэтIэр; *къэкIыгъэ* – 1) къэкIа; 2) дэ *къэкIыгъэ* жыхуэтIэр.

2.2. -агъ. Лъабжьэужь *-агъ*-м плъыфэцIэ псалъэпкъхэм къатрегъэкI предметым епхауэ шымытыж нэцэнэ кызырыкI щыIэцIэхэр. Псалъэм папщIэ, *лъагагъ* (*лъагэ*), *кIыхьагъ* (*кIыхь*), *бгъуагъ* (*бгъуэ*). Урыс Хь. Щ. кызырилъыгтэмкIэ, мыбдеж щыIэр *-гъэ* лъабжьэужьым и вариантщ, *-э-р* пыхуауэ, икIи абы кыгъэалъагъуэр кызытекI псалъэпкъым кыIуатэ шытыкIэм и степенщ [Урыс 2001: 113].

2.3. -кIэ. Мы лъабжьэужьыр лэжыгъэцIэм поуэври къегъэхуэ хьэл мыхьэнэ зиIэ щыIэцIэхэр. Псалъэм папщIэ, *жыIэкIэ* (*жыIэн*), *дыхьэшхыкIэ* (*дыхьэшхэн*), *лэжьэкIэ* (*лэжьэн*).

2.4. -гъу. Лъабжьэужь *-гъу*-м лэжыгъэцIэ, цIэ псалъэпкъхэм щыIэцIэхэр къатрегъэкI, IуэхуцIэгъу, лэжыгъэкIэ, IэщIагъэкIэ, псэукIэкIэ уэщхь, къокIуалIэ мыхьэнэ къарыкIыу. Псалъэм папщIэ, *ныбжьэгъу* (*ныбжьэ+гъу*), *гъунэгъу* (*гъунэ+гъу*), *къуажьэгъу* (*къуажьэ+гъу*), *лэжьэгъу* (*лэжьэн+гъу*).

ЗыгуэркIэ зэпыщIа, зэщхь, зэтэхуэ цIыхухэр къэзыгъэалъагъуэ щыIэцIэ къохуэ лъабжьэужьым нэмыщI лъабжьэпи псалъэпкъым пыувэкIэрэ. Лъабжьэпэу апхуэдэм деж къакIуэр зыгъэзэж-зэдай мыхьэнэ зиIэ зэ-рщ. Псалъэм папщIэ, *зэ-малъхьэгъу* (*зэ+малъхьэ+гъу*), *зэнысэгъу* (*зэ+нысэ+гъу*), *зэныбжьэгъу* (*зэ+ныбжьэ+гъу*) [Кабардино-черкесский язык 2006: 115].

2.5. -й. Мы лъабжьэужьым жыгъыцIэхэр къегъэхуэ. Псалъэм папщIэ, пыкIэ зиIэ жыгхэм я цIэр а пыкIэм зэреджэм къытокI, еплъ: *дэ* – *дей*, *кхъужь* – *кхъужьей*, *мыIэрысэ* – *мыIэрысей*, *зэрыджэ* – *зэрыджей*.

ПыкIэ зимыIэ жыг языныкыуэхэм я цIэхэр къохуэ а жыгхэм кыыхащIыкI гуэрым и цIэм а лъабжьэужь дыдэр пыувэкIэрэ, щапхьэ: *уэздыгъей* (*уэздыгъэ+-й*), *Iэней* (*Iэнэ+-й*), *бжей* (*бжэ е бжы+-й*).

Географием ехьэлIа цIэ куэдым хэтщ *-й* лъабжьэужьыр: *Къэбэрдей* (*Къэбард+-й*), *Урысей* (*Урыс+-й*), *Джылахьстэней* (*Джылахьстэн+-й*), н.къ. Адыгэ жылагъуэхэм я нэхьыбапIэм я цIэхэр къытекIыу шытащ къуажэпщым и цIэм е и унэцIэм, псалъэм папщIэ, *Анзорей* (*Анзор унэцIэм къытокI*), *Хьэтуей* (*Анзор Хьэту* и цIэм къытокI, къуажэ зэгъунэгъуитIым я цIэр зэтемыхуэн папщIэ, зым унэцIэр, адрейм цIэр фIашагъэнуш), *Инарыкыуей* (*Инарокыуэ унэцIэм къытокI*), *Ислъамей* (*Ислъам цIэм къытокI*), н.къ. Хуэбгъэфашэ хьунуш мы цIэхэмрэ унэцIэхэмрэ япыувэр мылъабжьэужь, атIэ *еин* лэжыгъэцIэм къытекI IуэхуцIэу, псалъэм папщIэ, *Хьэтуей* – *Хьэту+ей*. Апхуэдэу щытмэ, мыпхуэдэ цIэ унейхэр псалъэ зэхэлъу бжын хуейщ, нэхьапэкIэ къыдэкIа грамматикэхэм абы теухуауэ ятхым къытекIауэ [Бижоев 2006: 37].

Лъабжьэужь *-й-кIэ* къохуэ шыгъын, лъытIэгъэн гуэрхэм я цIэхэри: *цей* (*цы+-й*), *лъей* (*лъэ+-й*).

2.6. -щ. ЦIэ псалъэпкъхэм *-щ* лъабжьэужьым къатрегъэкI щIэтыпIэ, щIэлъыпIэ, щыIэпIэ мыхьэнэ зиIэ щыIэцIэхэр: *джэдэщ* (*джэд+-щ*), *жэмэщ* (*жэм+-щ*), *уIэгъэщ* (*уIэгъэ+-щ*), *мэкъуэщ* (*мэкъу+-щ*), *хьэщIэщ* (*хьэщIэ+-щ*), *сымаджэщ* (*сымаджэ+-щ*).

2.7. -кIуэ. Мы лъабжьэужьым къегъэщI цIыхухэр я IэщIагъэкIэ къэзыгъэалъагъуэ щыIэцIэхэр: *тхакIуэ* (*тхэн+-кIуэ*), *еджакIуэ* (*еджэн+-кIуэ*), *лэжьакIуэ* (*лэжьэн+-кIуэ*), *къэкIухьакIуэ* (*къэкIухьын+-кIуэ*), *хьунцIакIуэ* (*хьунцIэн+-кIуэ*).

2.8. -лъэ. ЦIэ псалъэпкъхэм *-лъэ* лъабжьэужьым къатрешIыкI псалъэпкъым зи цIэ кыыхэщым и илъыпIэ, хьумапIэ мыхьэнэ зиIэ щыIэцIэхэр. Щапхьэхэр: *тхыльы-лъэ* (*тхыль+-лъэ*), *ахьшалъэ* (*ахьшэ+-лъэ*), *фошыгъулъэ* (*фошыгъу+-лъэ*).

2.9. -мэ. Зэрабж бжыгъэцIэхэм *-мэ* лъабжьэужьыр япоувэри къохуэ *цимэ* (*цы+-мэ*), *плимэ* (*плы+-мэ*) псалъэхэр.

2.10. -дэ. Мы лъабжьэужьыр хэтщ Iэмэпсымэхэм я цIэхэм: *уадэ* (*уэн+-дэ*), *Iэдэ* (*еIэн+-дэ*), *джыдэ*.

2.11. -хуэ. Лъабжьэужь -хуэ – м лэжьыгъэцІэхэм шыІэцІэхэр къатрещІыкІ, «зыгуэрым къыдэхуа», «зыгуэрым шыщ Іыхъэ» мыхъэнэ яІу: *упсахуэ* (*упсэн+хуэ*), *бзыхъэхуэ* (*бзын+хуэ*), *ихахуэ* (*ихэн+хуэ*).

2.12. -у. Мыбы псалъэ куэд къыгъэхуркъым, зыбжанэ хууэ аращ ар зыхэт шыІэцІэхэр: *псэу* (*псэ+-у*), *пкъэу* (*пкъэ+-у*), *чэу* (*чэ+-у*).

2.13. -блэ. Мыхъуныгъэ мыхъэнэ зиІэ мы лъабжьэужьри куэдрэ къагъэсэбпхэм ящыщкъым. Щапхъэхэр: *гъаблэ* (*гъэ+-блэ*), *ныбаблэ* (*ныбэ+-блэ*).

2.14. -жьей. Мыбыи зымащІэрэщ узэрырихъэлІэр: *джэджьей* (*джэд+-жьей*), *щІэжьей* (*щІэ+-жьей*), *кхъуафэжьей* (*кхъуафэ+-жьей*), *шынакъжьей* (*шынакъ+-жьей*), *гынжьей* (*гын+-жьей*).

2.15. -шхуэ. Гъэинын мыхъэнэ зиІэ -шхуэ лъабжьэужьымкІэ цІэ псалъэпкъхэм шыІэцІэхэр къатокІ: *адэшхуэ* (*адэ+-шхуэ*), *анэшхуэ* (*анэ+-шхуэ*), *сэшхуэ* (*сэ+-шхуэ*), *Іэпхъуамбэшхуэ* (*Іэпхъуамбэ+-шхуэ*), *еджагъэшхуэ* (*еджа(гъэ) + -шхуэ*), *дзыгъуэшхуэ* (*дзыгъуэ+-шхуэ*), *тыкуэнышхуэ* (*тыкуэн+-шхуэ*).

2.16. -лэ. Мы лъабжьэгъусэм зэрабж бжыгъэцІэхэм къатрещІыкІ кІыхъагъ мыхъэнэ зиІэ шыІэцІэхэр. Щапхъэхэр: *залэ* (*зы+-лэ*), *тІалэ* // *тІуалэ* (*тІу+-лэ*), *щалэ* (*щы+-лэ*).

Нэхъыбэрэ къагъэсэбп зы-м щегъэжьауэ тху-м нэс къатекІ апхуэдэ псалъэхэр.

2.17. -гъуэ. Мыхъэнэ пыухыкІа зиІэ шыІэцІэхэм мы лъабжьэгъусэм къатрегъэпщІыкІ мыпыухыкІа мыхъэнэ зиІэ шыІэцІэхэр: *хуцхъуэгъуэ* (*хуцхъуэ+-гъуэ*), *Іуэхугъуэ* (*Іуэху + -гъуэ*), *къэралыгъуэ* (*къэрал + -гъуэ*).

2.18. -хъуэ. ЦІыху ІэщІагъэ къэзыгъэлыагъуэ шыІэцІэхэр цІэ псалъэпкъхэм къатрегъэкІ -хъуэ лъабжьэужьым: *ІэщІыхъуэ* (*Іэщ+-хъуэ*), *бжъахъуэ* (*бжъэ+-хъуэ*), *джэдыхъуэ* (*джэд + -хъуэ*), *шыхъуэ* (*шы + -хъуэ*).

2.19. -пхъэ. ШыІэцІэ, лэжьыгъэцІэ псалъэпкъхэм -пхъэ лъабжьэужьыр япоуври къохъу мурад гуэр е Іэмэпсымэ, зэрылыащэ гуэр къэзыгъэлыагъуэ шыІэцІэхэр: *жылэ – жыланпхъэ*, *джанэ – джананпхъэ*, *бзын – бзылпхъэ*.

2.20. -пс. Зы шыІэцІэм нэгъуэщІ шыІэцІэ къытрегъэкІ -пс лъабжьэужьым: *лэ – лэпс*, *цхъэ – цхъэпс*, *данэ – данэпс*, *плІэ – плІэпс*.

2.21. -гу. Мы лъабжьэужьым шыІэцІэ псалъэпкъ зыбжанэм псалъэцІэхэр къатрегъэкІ: *щІы – щІыгу*, *уэ – уэгу*, *Іэ – Іэгу*, *лэ – лэгу*, *нэ – нэгу*, *бгъэ – бгъэгу*.

2.22. -пкъэ. Мыр зыпыт шыІэцІэ псалъэпкъхэм къагъэлыагъуэ мэкъумэш къэкІыгъэ гуэр шыІуахыжа, зытета щІыпІэ. Щапхъэхэр: *гуэдзыпкъэ* (*гуэдз + -пкъэ*), *нартыхупкъэ* (*нартыху + -пкъэ*), *сэхураныпкъэ* (*сэхуран + -пкъэ*).

2.23. -фэ. Зы шыІэцІэм нэгъуэщІ шыІэцІэхэр къытохыкІ, лъабжьэужь -фэ пыувэкІэрэ: *уз – узыфэ*, *Іуэху – Іуэхуфэ*, *псалъэ – псалъафэ*.

3. НэгъуэщІ псалъэ лъэпкъыгъуэхэр шыІэцІэм хуэкІуэныгъэ

ЛэжьыгъэцІэ гъэпсыкІэхэм (ІуэхуцІэм, унафэ тешэм, инфинитивым), плыфэцІэхэм цІэ мыхъэнэ ягъуэтурэ шыІэцІэ мэхъухэр [Кабардино-черкесский язык 2006: 117].

ШыІэцІэ классым хыхъа нэужь, лэжьыгъэцІэу шыта псалъэхэм лэжьыгъэ къамыгъэлыгъуэжу предмет мыхъэнэ къащтэ, цІэхэм хуэдэу захъуэж, псалъэухам субъект-объект къалэнхэр шагъэзащІэ. Щапхъэхэр:

ІуэхуцІэхэр: *пльыр* «жэщ хъумакуэ» < «зыгуэр зыгъэхуэ»; *пхыр* «зэкІуэцІыпха гуэр».

унафэ тешэ: *къэшхыхъ* «хъэуан лІэужьыгъуэ» < зыгуэр къишхыхыну унафэ»; *къитхъ* «щІыр зэрагъэщабэ Іэмэпсымэ» < зыгуэр къритхыну унафэ; *лъахъэ* «лъэхъу» < зыгуэр илгъэхъэну унафэ.

инфинитив: *бгъэн* «унащхъэ, псэуалъащхъэ зэрыщІауфэ къамыл с.ху.» < «унэм и щхъэр щІэуфэн, абы къамыл с.ху. тельхъэн»; *гъэсын* «пхъэ, фІамыщІ с.ху.» < «мафІэм зыгуэр егъэсын».

Цыфэццэ цлэ уней куэд пльыфэццэхэм кьатехьуклауэ шыфэщ. Псалъэм папщлэ, *Хужь* цыхубзыццлэр *хужь* пльыфэццлэм кытокI. *Пагуэ, Наццхуэ* цлэхэр цыхухьуми цыхубзми флэщ, мыбыхэми апхуэдэщ я хэКыпIлэр.

Сыт хуэдэ пльыфэццлэри предмет мыхьэнэ илэу кьэбгьэсэбэпыфынущ. Апхуэдэу пщлэ шыхьур шыфэццлэр дагьэхуу пльыфэццлэр абы и пIэ шиувэрщ. Кьы-хэгъэщыпхьэщ пльыфэццлэр абдеж шыфэццлэ зэрыщымыхьур. Псалъэм папщлэ, *Нэхьыщлэри дахэкIейиц, ауэ нэхьыжьым дахагьэкIэ цыфыхьэнукьым* (КIэрашэ Т.) Мы псалъэхуам хэт *нэхьыщлэ, нэхьыжь* пльыфэццлэхэр кыщыгьэсэбэпащ *шыпхуэ е пцэщэ* шыфэццлэхэм я пIэкIэ [Грамматика 1970: 85]. Иджыри зы шапхэ кьэтхьынщ: *Нэхьыжьыр цыгуэмэ, нэхьыщлэм и мыгьуэщ* псалъэхуам кыщыкIуэ *нэхьыщлэ, нэхьыжь* пльыфэццлэхэр зи пIэкIэ кьагьэсэбэпа шыфэццлэхэр нэхь кьэгьуэ-тыгьуейми, абы кьыхэкIкIэ цлэ мыхьэнэр нэхь белджылыуэ кьыхэщми, ахэр шыфэццлэ хьуауэ кьэпллыгьтэ хьунукьым [Кумыкова 2011: 137].

Иджы ди тхыгьэм кьрикIуа гупсысэхэр кьызэщIэткьуэжмэ, дызыхуэкIуэр мыраш.

1. Адыгэбзэ шыфэццлэхэр гупитI ипщIыкI мэхуэ я зэхэлъыкIэкIэ – псалъэ зэхэлрэ псалъэ кьызэрыкIуэу.

2. Псалъэ зэхэлхэр Iэмал зэмылIэужьыгьуэхэмкIэ кьохьу: псалъэпкьхэр зэхьыэурэ кьэхьум нэмыщI, шыфэщ зэзыпх элементхэр хэту кьэхьуахэр, конверсиер, мыхьэнэм зихьуэжыныр, нэгьуэщIхэри. Мы Iуэхугьуэм зэманьфI ипэкIэ тепсэлъыхьауэ шытащ Кьумахуэ М. I., ауэ зэса еплъыкIэжьыр IэщIыб зымыщIыф щIэныгьэллэхэм ноби ар кьабыл яхуэщIыркьым.

3. ЛъабжьэгьусэкIэ кьэхьу шыфэццлэхэм ящышу закьуэтIакьуэххэщ лъабжьэпэ зыпыувэхэр. Нэхь зэмылIэужьыгьуэщ шыфэццлэ кьэзыгьэщI лъабжьэужьхэр, ауэ мыбыхэм я нэхьыбэм шыфэццлэу кьагьэхьур куэд хьуркьым.

4. ГупитI зи цлэ кьитIуам кьапощхьэхукI нэгьуэщI псалъэ лъэпкьыгьуэу (лэжьыгьэцлэ, Iуэхуцлэ) шыфэццлэ хьухэр.

ТегьэщIапIэ хьуа литературэр

1. *Бижоев Б. Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 352 с.

2. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 215 с.

3. *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.

4. *Кумахов М. А.* Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.

5. *Кумыкова Д. М.* К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4 (42). С. 136–140.

6. *Урусов Х. Ш.* Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980. 402 с.

7. *Урыс Хь. Ш.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфонология. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (Урусов Х. Ш. Кабардино-черкесская грамматика. Фонетика. Морфонемика. Морфонология. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).

ПРОДУКТИВНЫЕ И НЕПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена анализу всех способов производства имен существительных, как продуктивных, так и малопродуктивных. Основное отличие именного словопроизводства от глагольного заключается в том, что в последнем случае преобладает аффиксальный, а именно префиксальный способ – при помощи глагольных префиксов (превербов) образуется подавляющее большинство глаголов. У имен, наоборот, каждый из аффиксов (это в основном, суффиксы) производит небольшое количество имен. Здесь наиболее распространенный способ – это основосложение. В работе выявлено, основы каких именно частей речи сочетаются чаще всего при производстве существительных. Не обделены вниманием такие пути обогащения лексики языка, как конверсия, сложение с редупликацией частей первого или второго компонента. Все случаи снабжены наглядными примерами.

В работе вслед за М.А. Кумаховым продемонстрировано на наглядных примерах, что доминирующая точка зрения о том, что сложные существительные образуются исключительно путем осново- или словосложения не соответствует действительности, пути производства подобных имен существительных более разнообразны. Среди аффиксальных способов наблюдается явная диспропорция между префиксальными и суффиксальными именами существительными: если первых считанные единицы, то последние довольно многочисленны, при этом суффиксов, производящих имена, десятки, однако по-отдельности лишь редкие из них можно назвать продуктивными.

Ключевые слова: имя существительное, основосложение, конверсия, суффикс, продуктивный способ, редупликация, лексика.

PRODUCTIVE AND NON-PRODUCTIVE METHODS OF EDUCATION OF SUBSTANTIAL NAMES IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the of Sector of Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to the analysis of all methods of producing nouns, both productive and unproductive. The main difference of nominal word production from the verbal is that in the latter case the affixal, namely the prefixal way prevails – with the help of the verb prefixes (preverbs) the vast majority of verbs are formed. Names on the contrary, each of the affixes (this is mainly suffixes) produces a small number of names. Here the most common way is the baseline. The work revealed the basics of which parts of speech are most often combined in the production of nouns. Such ways of enriching the vocabulary of the language, such as conversion, addition with the reduplication of parts of the first or second component, are not deprived of attention. All cases are provided with illustrative examples.

In the work after M.A. Kumakhov demonstrated in illustrative examples that the dominant view that complex nouns are formed solely by the basis or phrase is not true, the ways of producing such nouns are more diverse. Among affixing methods, there is a clear disproportion between prefix and suffix nouns: if the first ones are very few, the latter are quite numerous, while there are dozens of suffixes, but only rarely can they be called productive ones.

Keywords: noun, fundamentals, conversion, suffix, productive way, reduplication, vocabulary.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-107-114

АДЫГЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС) ЛИТЕРАТУРЭБЗЭМ И МАКЪ ДЭКЛУАШЭХЭМ Я ФОНОЛОГИЕ СИСТЕМЭР

Абазэ Маритэ Мухьэмэд инхуэ, филологие шэныгэхэмкIэ кандидат, Федеральнэ кэрал бюджет шэныгэ IуэхушIапIэ «Урысейм шэныгэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балкьэр шэныгэ центр» Федеральнэ шэныгэ центрым) и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакIуэ нэхьыжь, marita.abazova@yandex.ru

Лэжыгьэр теухуаш адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэбзэм и макъ дэклуашэхэм я фонологие системэр зэпкьрыхыным. Адыгэбзэ макъ дэклуашэхэр джыным бзэшIэныгэлIхэм мызэ-мытIэу зыхуагьэзаш. Абыхэм я лэжыгьэхэр тегьэщIапIэ тшIыуэрэ, ахэр зэдгьапшэурэ, макъ дэклуашэхэм я системэр зэрэзэфIэувам, абыхэм я тхьдэм дриплэжаш, зэгьэпшэныгэ, къэхутэныгэ Iэмалхэр къэдгьэсэбэпурэ. Къы-хэдгьэзаш макъ дэклуашэхэр къызэрыхуэ шьыкIэм, къышыхуэ шьыпIэхэм елытауэ гуэша зэрыхухэр. Абыхэм сатыриц къагьэхуэ: жьгыжыгь – дэгу – пытауэ гьусэ зэхухуэ. Языныкьуэ макъ дэклуашэхэм IупшIэлуш (лабиализованнэ) – IупшIэлумышу (мылабиализованнэ), жьгыжыгь – дэгуу сатыритI къагьэхуу гуэгуэ зэрэзыхуэхухэр ышьыдгьэлэгьуаш. Ди лэжыгьэм япэ дыдэу БишIо Б.Ч. (ф. шI. д.) адыгэбзэкIэ зэридзэклэ бзэшIэныгэм ехьэлIа фIэшыгьэцIэхэр (терминхэр) къэдгьэсэбэпурэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и макъ дэклуашэхэм я системэр шьыдгьэналуаш. Мы статьям нэIурыг ещI фонемэзэшэу мащIэ дыдэ фIэклэ зимыIэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и макъ дэклуашэхэр куэд зэрыхур. Андрей бзэхэм къашхьэщыкIыу адыгэбзэм и макъ дэклуашэхэр гупышхуитIу ягуэш: 1) зы макъ сатырыр жьгыжыгьыу, пытIауэ, дэгуу къакуэу; 2) гупым IупшIэлушрэ IупшIэлумышу, жьгыжыгьрэ дэгуу фонемэ дэклуашэхэм сатыр къагьэхуэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, фонемэ, макъ дэклуашэхэр, дэклуашэ жьгыжыгь, макъ дэклуашэ дэгу, макъ дэклуашэ пытIа.

Адыгэбзэм и фонетикэр, морфологиери шьыгьуу, япэ дыдэ нэхь зыубгьуауэ шьызэпкьрыхар Л.Г. Лопатинскэм и лэжыгьэхэрш. [Лопатинский 1891]. Совет властым и лэжьэнэрш адыгэбзэр нэхь куууэ джын шьыщIадзар. 1923 гь. Н.Ф. Яковлевым къыдыгьэклэш адыгэбзэ фонетикэм и зэхэтыкIэр шьыгьэнэIуа «Адыгэ фонетикэм и таблицэ» -р [Яковлев 1923].

Адыгэбзэм и фонетикэр джыным, ар нэхь куууэ зэпкьрыхыным елэжыаш бзэшIэныгэлIхэу Яковлев Н.Ф. [Яковлев 1923], Турчанинов Г.Ф., Цагьуэ М.Б. [Турчанинов, Цагов 1940], Балкьэр Б.Хь. [Балкаров 1970], Урыс Хь.Ш. [Урыс 2000, 2001], Кьумахуэ М.И. [Кумахов 1981], Тау Хь.Т. [Тау, Урыс 2008], н. ЗицIэ кьитIуа шэныгэлIхэм адыгэбзэм и макьхэр зыхуэдэр, ахэр къызэрыхуэ шьыкIэхэр, къышыхуэ шьыпIэхэр, гуэша зэрыхуэ шьыкIэхэр ягьэнэлуаш, дэтхэнэ зыми езым и еплыкIэр къагьэлэгьуаш. АдыгэбзэкIэ тхауэ шьыIэ апхуэдэ лэжыгьэхэр шьыдджкIэ нэрылыагьу мэхуэ урысыбзэ терминхэр (фIэшыгьэцIэхэр) тегьэщIапIэ зэрашIар. Абы къыхэкIыу, ишхьэкIэ зи гугьу тшIа шэныгэлIхэм я лэжыгьэхэм къыпытшэу мы статьям къалэн нэхьышхьэу шьызыхуэдгьэувы-жар иджырей адыгэбзэм и макъ дэклуашэхэр зэригуэшыр, къышыхуэ, къызэрыхуэ шьыкIэ елытауэ зыхуэдэр, бзэшIэныгэм ехьэлIа фIэшыгьэцIэ БишIо Б.Ч. зэридзэклэхэр къэдгьэсэбэпурэ, дубзыхунырш. Бзэр джыныр къышыхуэшIадзэр абы и макьхэрш, ахэр зыхуэдэр адыгэбзэ терминхэмкIэ къэтIуэтэфу шьытыныр, терминхэр адыгэ бзэшIэныгэм хэшчэныр мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхугьуэш.

Адыгэбзэр макъкIэ (фонемэкIэ) къулейш, ахэр 55-рэ мэхъу, макъ дэкIуашэрэ макъзешэу егуэшыж. Фонемэ дэкIуашэхэм я бжыгъэ и лъэныкъуэкIэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ адреи къухьэпIэ-кавказыбзэхэмрэ дуней псом увыпIэ хэха щау-быд. Ди бзэм и макъ дэкIуашэхэр куэд хьууэ, макъзешэхэр мащIэ дыдэу шытш: фонемэу шыту иIэщ макъзешэу блырэ макъ дэкIуашэу плыщIрэ ирэ.

Къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм и макъ дэкIуашэхэм я фонологие системэр гупитI мэхъу. Япэ гупым хыхьэ макъ дэкIуашэхэр гуэшащ къыщыхьу щыпIэрэ къызэрыхьу щыкIэкIэ зэщхьэу, шырыщуй гьусэ зэхуохьу: жьгъыжъгъыу, дэгуу, пытIауэ:

Жьгъыжъгъхэр	дэгухэр	пытIахэр
<i>б</i>	<i>п</i>	<i>пI</i>
<i>в</i>	<i>ф</i>	<i>фI</i>
<i>гъ</i>	<i>кы</i>	<i>кIу</i>
<i>д</i>	<i>т</i>	<i>тI</i>
<i>дж</i>	<i>ч</i>	<i>кI</i>
<i>дз</i>	<i>ц</i>	<i>цI</i>
<i>жъ</i>	<i>щ</i>	<i>щI</i>
<i>л</i>	<i>лъ</i>	<i>лI</i> [Урыс 2001 н., 9].

ЕтIуанэ гупым хыхьэ макъ дэкIуашэ укьуэдияипIыр, макъ жьгъыжъгърэ дэ-гуу гуэгъу зэхуохьу:

жьгъыжъгъхэр	дэгухэр
<i>з</i>	<i>с</i>
<i>ж</i>	<i>ш</i>
<i>г</i>	<i>х</i>
<i>гъ</i>	<i>къ</i>

Макъ дэкIуашэ дэгу *кх*-мрэ, *х*-мрэ, пыта *к*-мрэ *I*-мрэ сатыр (ряд) ны-къуэхэр къагъэхьу, гуэгъуншэхэщ. Языныкъуэ макъ дэкIуашэхэр IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэрэ (лабиализованнэ) IупщIэIумыш макъ дэкIуашэу (мылабиализован-нэ) гуэгъу зэхуэхьуу къокIуэ:

IупщIэIумыш макъ дэкIуашэхэр	IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэр
<i>х</i>	<i>ху</i>
<i>гъ</i>	<i>гъу</i>
<i>хъ</i>	<i>хъу</i>
<i>къ</i>	<i>къу</i>
<i>кхъ</i>	<i>кхъу</i>
<i>I</i>	<i>Iу</i>

IупщIэIуш бзэгу лъэдакэ макъ дэкIуашэ *гъ*, *кы*, *кIу*-хэм я IупщIэIумыш макъ дэкIуашэ гуэгъухэр иджырей адыгэбзэм къыщагъэсэбпыжыркъым.

IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэм яхэтщ жьгъыжъгъи (*гъ*, *гъу*), дэгуи (*кы*, *кхъу*, *ху*, *хъу*), пытIаи (*кIу*, *къу*, *Iу*). ЩIэжыгуэ макъ дэкIуашэ *й*, *м*, *н*, *р*, *у*-хэм гуэгъу яIэкъым. Абыхэм даушым щIэжыуэр щибэкIыу, макъ жьгъыжъгъым нэхьрэ нэхь жьгъыжъгъыу шытщ. Макъ дэкIуашэ жьгъыжъгъым даушыр щынэхьыбэщ щIэжыуэм нэхьрэ. Макъ дэкIуашэ дэгухэри пытIахэри даущ къудейуэ зэхэтщ. Макъ дэкIуашэр нэхьыбэу къэзыгъэхьур даушыращ.

МАКЪ ДЭКИУАШЭХЭМ Я ГУЭШЫКIЭР

1. Макъ дэкIуашэ къыщиудхэр IупитI макъ къыщиуд **б**, **п**, **пI**, **м**

а) **б** – IупитI, къыщиуд, жьгъыжъгъ макъщ: *благъэ*, *Къэбэрдей*, *бажэ*, *бауэкIэщI*, *бэрэжьей*, *бгъэдэуээн*, *гъэбыдэн*, *зэбзэгъу*, н.;

б) **п** – IупитI, къыщиуд, дэгу макъщ: *пагэ*, *пэрыхьэт*, *пежэжьээн*, *пльыжьэ*, *псалъэмакъыниэу*, *тепсэн*, *зыпльыхьакIуэ*, н.;

в) **пI-** IупитI, къыщиуд, пIытIа макъщ: **пIалгъэ, пIэщIэгъуэ, пIастэ, пIырынI, къэпIэтIэуэн, нанIэ, тенIэн, хэпIуикIын, н.**;

г) **м-** IупитI, къыщиуд, щIэжыгуэ, пэкIуэщI макъщ: **махуэ, мэракIуэ, мыл, мыхъумэ, умыщIэххэу, хуэм, лгъэмыж, нэмысыфIэ, н.**

Бзэгупэ макъ къыщиуд **д, т, тI**

а) **д** – бзэгупэ, къыщиуд, жгъыжгъ макъщ: **дахэ, дуней, дыщэ, едэуэн, къэдабэ, нэд, лгъэпэд, дыхъэшхэн, н.**;

б) **т** – бзэгупэ, къыщиуд, дэгу макъщ: **танэ, таурыхъ, тегуэшэн, тыггъэ, матэ, убзытэн, фэгъыджэн, шатэ, н.**;

в) **тI** – бзэгупэ, къыщиуд, пIытIа, дэгу макъщ: **тIасхъанIэ, тIэкIу-тIэкIу, тIыркхэн, тIамIэ, тIысынIэ, умIэрэзын, хэтIэн, къэтIын, н.**

Бзэгупэ макъ къыщиуд-укъуэдия щIэфие (свистящэ)

зэхэт **дз, ц, цI**

а) **дз** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, щIэфиещ, жгъыжгъщ, зэхэтщ. **Дз-р** – къыщиуд **д-рэ** + укъуэдия **з-уэ** зэхэлъщ: **дзакIэ, дзэ, дзыхъмыщIэ, дэдзеин, дзыгъуэ, зэдзэкIын, кIэбдз, н.**;

б) **ц** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, щIэфиещ, дэгущ, зэхэтщ. **Ц-р** къыщиуд **т-рэ**+укъуэдия **с-рэу** зэхэлъщ: **цей, цы, цыжъбанэ, бзэгущэ, цхъэц, нэцхъы-цэ, хъэцыбанэ, н.**;

в) **цI** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, щIэфиещ, пIытIащ, зэхэтщ. **ЦI-р** къыщиуд **тI-рэ**+укъуэдия **с-рэу** зэхэлъщ: **цIанлгъэ, цIыху, цIэ, цIыкIу-цIыкIу, унэцIэ, хъэпIацIэ, цхъэкуцI, н.**

Бзэгупэ макъ къыщиуд-укъуэдия лгъылгъылъ (шипящэ)

зэхэт **дж, ч, кI**

а) **дж** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, лгъылгъылъщ, жгъыжгъщ зэхэтщ. **Дж-р** къыщиуд **д-рэ+ж-уэ** зэхэлъщ: **джанэ, джэду, джыдэ, джэгу, уэ-джынэ, тэджын, сэджыт, н.**;

б) **ч** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, лгъылгъылъщ, дэгущ зэхэтщ. **Ч-р** **т-рэ+ш-уэ** зэхэлъщ: **чэнджэщ, чачэу, чымпэ, чэзу, чыцI, бэшэч, шэчын, къэчэн, н.**;

в) **кI (чI)** – бзэгупэ макъщ, къыщиуд-укъуэдиящ, лгъылгъылъщ, пIытIащ зэхэтщ. **КI-р** къыщиуд **тI+укъуэдия ш-уэ** зэхэлъщ: **кIанэ, кIэзызын, кIыгууу, кIэух, зыкIи, хъэкIэххуэкIэ, дэкIыгъуей, н.**

Бзэгу лгъэдакхэ IупщIэлуш (лабиализованнэ) къыщиуд макъ **гу, ку, кIу**

Макъ дэкуашэхэр зэрэзэхыхъам ипкъ иткIэ бзэгу лгъэдакхэ къыщиуд **г, к, кI**-хэр бзэгупэ макъ къыщиуд-укъуэдия лгъылгъылъ зэхэт **дж, ч, кI** хуащ. IупщIэлуш лгъужыгъуэ бзэгу лгъэдакхэ къыщиуд макъ дэкуашэхэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэми адыгеибзэми къыхэнащ.

а) **гу** – бзэгу лгъэдакхэ, къыщиуд, IупщIэлуш, жгъыжгъ макъщ: **гуггъэ, гуанэ, гурыщIэ, гъуэгу, гъэгуфIэн, гуфIапцIэ, жбэгу, зэгуэлъхээн, н.**;

б) **ку** – бзэгу лгъэдакхэ, къыщиуд, IупщIэлуш, дэгу макъщ: **кусэ, куэд, куцI, ку-уагъ, кIэкуэкуэн, жэмыкуэ, нэкугъуэ, дэкуэн, н.**;

в) **кIу** – бзэгу лгъэдакхэ, къыщиуд, IупщIэлуш, пIытIа макъщ: **кIуанIэ, кIуэцI, кIун, дэкIуэн, икIутын, зэкIуэкIын, екIуэлланиэ, н.**

Тэмакыщхэ макъ дэкуашэ къыщиуд **къ, къу, кхъ, кхъу**

а) **къ** – тэмакыщхэ, къыщиуд, IупщIэлумыш, дэгу, пIытIа макъщ: **къамэ, къэкIыггъэ, къегулIын, къыдэкIын, къыкъ, дакъыкъэ, псалгъэмакъ, зыкъом, н.**;

б) **къу** – тэмакыщхэ, къыщиуд, IупщIэлуш, дэгу, пIытIа макъщ: **къуажэ, къуэгъэнанIэ, къулыкъущIэ, къудейуэ, къуейщIей, лгъэбакъуэ, цыкъуун, языныкъуэ, н.**;

в) **кхъ** – тэмакыщхэ, къыщиуд, IупщIэлумыш, дэгу макъщ: **кхъанIэ, кхъахэ, кхъылэ, кхъэ, кхъэдэкI, н.**;

г) **кхъу** – тэмакыщхэ, къыщиуд, IупщIэлуш, дэгу макъщ: **кхъуафэжъей, кхъужъей, кхъухълатэ, цIакхъуэ, кхъуей, хъэкIэххуэкIэ, н.**

ТэмакыщIэ макъ дэклүашэ кыыщиуд I, Iу

а) I – тэмакыщIэ, кыыщиуд, IупщIэIумыш (мылабиализованнэ), дэгү, пIытIа макъщ: *Iэнэ, Iэджэклэ, Iэрыхуэн, Iыхьэ-Iыхьэу, мыIэрысэ, пыIэжьынэ, теIэтыкIын, н.*;

б) Iу- тэмакыщIэ, кыыщиуд, IупщIэIуш, дэгү, пIытIа макъщ: *Iуацхьэ, Iуданэ, Iулъэдэн, Iугьэу, Iуцыцэ, теIуллэн, цIэIуэтыхьын, н.*

2. Макъ дэклүашэ укьуэдияхэм я системэр

Iупэ-дзэ макъ дэклүашэ укьуэдия в, ф, фI

а) в – Iупэ-дзэ макъ, укьуэдия, жьгыжыгьщ: *вагьуэ, вакьэ, гьэгүвэн, н.*;

б) ф- Iупэ-дзэ макъ, укьуэдия, дэгүщ: *фацэ, фэепль, фыщIын, н.*;

в) фI – Iупэ-дзэ макъ, укьуэдия, пIытIа, дэгүщ: *фIэрафIэ, фIанэ, фIэфIу, н.*

Бзэгубгьу-дзэбгьу макъ дэклүашэ укьуэдия л, ль, лI

а) л – бзэгубгьу-дзэбгьу макъ дэклүашэ укьуэдиящ, жьгыжыгьщ: *лантIэ, лэжьанIэ, лей, лыдын, н.*;

б) ль – бзэгубгьу-дзэбгьу макъ дэклүашэ укьуэдиящ, дэгүщ: *льабжьэ, льа-гьуэ, льэгүажьэ, льэхьэнэ, н.*;

в) лI – бзэгубгьу-дзэбгьу макъ дэклүашэ укьуэдиящ, пIытIащ, дэгүщ: *лIэужь, лIыгьэ, лIыцхьэ, лIыхьужь, н.*

Бзэгупэ макъ дэклүашэ укьуэдия з, с

а) з – бзэгупэ, укьуэдия, щIэфие (свистящэ), жьгыжыгь макъщ: *зауэ, зэныб-жьээгьу, зэльа, зытхух, мазэ, н.*;

б) с – бзэгупэ, укьуэдия, щIэфие, дэгү макъщ: *сабиуэгьуэ, санэ, системэ, сы-хьэт, тесэн, н.*

Бзэгупэ макъ дэклүашэ льылъыль (шипящэ) укьуэдия ж, ш

а) ж – бзэгупэ, укьуэдия, льылъыль, жьгыжыгь макъщ: *жан, жэц, жэуап, жьыджэр, жьыццIэ, н.*;

б) ш – бзэгупэ, укьуэдия, льылъыль, дэгү макъщ: *шы, шабзэ, шэмэдж, шхын, н.*

Бзэгупэ макъ дэклүашэ щIэфие-льылъыль (свистящэ-шипящэ)

укьуэдия жь, щ, щI

а) жь – бзэгупэ, щIэфие-льылъыль, укьуэдия, жьгыжыгь макъщ: *жьантIэ, жьэ, ужьэ, жьынду, жьырытэдж, н.*;

б) щ – бзэгупэ, щIэфие-льылъыль, укьуэдия, дэгү макъщ: *щакIуэ, щанхьэ, щэ, мыщэ, щхьэхуит, н.*;

в) щI – бзэгупэ, щIэфие-льылъыль, укьуэдия, пIытIа макъщ: *щIакIуэ, щIэблэ, щIэныгьэ, щIымахуэ, щIыIэрыс, н.*

Бзэгукү макъ дэклүашэ укьуэдия г, х, ху

а) г – бзэгукү, укьуэдия, жьгыжыгь макъщ: *гыбзэ, гын, гьуэгьын, бгы, н.*;

б) х – бзэгукү, укьуэдия, дэгү макъщ: *хэку, хахуэ, гүхэхьуэ, хы, хеяццIэ, н.*;

в) ху – бзэгукү, укьуэдия, IупщIэIуш, дэгү макъщ: *хуабэ, хуэупсэн, хуцхьуэ, хуцIыгьун, н.*

Бзэгү лъэдакьэ макъ дэклүашэ укьуэдия гь, хь, гьу, хьу

а) гь – бзэгү лъэдакьэ, жьгыжыгь, укьуэдия макъщ: *гьатхэ, гьэса, цыгьын, гьыбзэ, гьэхьыбарын, н.*;

б) хь – бзэгү лъэдакьэ, дэгү, укьуэдия макъщ: *хьарбыз, хьыджэбз, хьеин, хьы-бар, н.*;

в) гьу – бзэгү лъэдакьэ, жьгыжыгь, IупщIэIуш, укьуэдия макъщ: *гьуэээджэ, гьудэ, абгьуэ, вагьуэ, н.*;

г) хьу – бзэгү лъэдакьэ, дэгү, IупщIэIуш, укьуэдия макъщ: *хьуапсэ, хьушэ, хьумпIэцIэдэж, архьуанэ, н.*

3. Щэжыуэ макъ дэкуашэ й, у, м, н, р

а) **й** – бзэгуку, укьуэдия, щэжыуэ макъщ. Макъ дэкуашэ й-р псалъэ лъабжэм хыхьэуи лъабжэгуэсэ морфемэуи къоклуэ. Псалъэм папщэ, *йо[э]джэ, йа[я]дэ, йа[я]лейуэ, къэклуэрей, ней-нейуэ, адрей, дей, н.*;

б) **у**- IупитI, IупщIэIуш, укьуэдия, щэжыуэ макъщ: *уафэ, уэзджынэ, удзгьэгъа, убзэрэбзэн, етIуанэу, умыщIэххэу, н.*;

в) **м** – IупитI, къыщиуд, щэжыуэ макъщ: *махуэ, мыхьэнэ, мэххумэ, мылIэ-мыпсэуэ, дамэ, армышхумэ, гумахэ, н.*;

г) **н** – бзэгупэ, къыщиуд, щэжыуэ макъщ: *напэ, нэмыс, анэ, нэгъуэщI, ныбжээгъу, ныкьуэ-ныкьуэ, ауан, цынэ, н.*;

д) **р** – бзэгупэ, кIэзыз, щэжыуэ макъщ: *абрэмывэ, ар, нэрылъагъу, мардэ, лэ-рымышь, курыт, зэрыгъуэтыжын, ерыщ, н.*

4. ТэмакьыщIэ макъ дэкуашэ укьуэдия хь, гI, гIу

Адыгэбзэм иIэщ тэмакьыщIэ макъ дэкуашэ укьуэдияуэ щы – жьыпэу дэгъу хь, жьыпэу жьгыжыгъ гI, абы и IупщIэIуш лэужыгыгуэ гIу –хэр.

Жьыпэу жьгыжыгъ гI-мрэ IупщIэIуш жьгыжыгъ гIу – мрэ дызыщрихьэлIэр хьэрыпыбзэм къыхэкIуэ адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэрщ. Псалъэм папщIэ, *гIид, гIэзаб, ГIумар*, н. Мыбыхэм хухэха хьэрф ди тхыпкьылъэм хэткьыми, ахэр къикIуэ кыггьэсэбэп хь, гъу хьэрфхэр: *хьид, хьэзаб, Гъумар*. Абы къокI зи гугъу тщIы макъ дэкуашитIыр литературэбзэм кымыщтауэ.

МАКЪ ДЭКУАШЭХЭМ Я ЛЪЫР (ТАБЛИЦЭ)

Къышыхьу щыпIэр		IупитIым		Бзэгупэм	Бзэгукум	Бзэгу лъэдакьэм		ФIынгэм		Тэмакьыщхьэм		ТэмакьыщIэм	
		IупщIэIумьыш	IупщIэIуш			IупщIэIумьыш	IупщIэIуш	IупщIэIумьыш	IупщIэIуш	IупщIэIумьыш	IупщIэIуш	IупщIэIумьыш	IупщIэIуш
Къыщиуд	<i>щIэжыуэ</i>	м		н									
	<i>жьгьыжьгь</i>	б		д		гу			кхь	кхьу	I	Iу	
	<i>дэгъу</i>	п		т		к	ку		кь	кьу			
	<i>пIытIа</i>	пI		тI			кIу						
Къыщиуд – укьуэдия	<i>жьгьыжьгь</i>			дж									
	<i>дэгъу</i>			дз									
	<i>пIытIа</i>			ч, ц									
Укьуэдия	<i>щIэжыуэ</i>	у		кI, цI	й								
	<i>жьгьыжьгь</i>		в			г							
	<i>дэгъу</i>		ф			х	ху					хь	
	<i>пIытIа</i>		фI										
Бзэгубгъу дзэбгъухэм укьуэдия	<i>жьгьыжьгь</i>			л									
	<i>дэгъу</i>			лб									
	<i>пIытIа</i>			лI									
КIэзыз	<i>щIэжыуэ</i>			р									
	<i>жьгьыжьгь</i>							гь	гьу				
	<i>дэгъу</i>							хь	хьу				

КъызэщІэткъуэжмэ, макъзешэу мащІэ дыдэ фІэкІа зимыІэ адыгэбзэм (къэбэрдей-шэрджэсыбзэм) и макъ дэкІуашэхэр куэд мэхъу. Адыгэбзэр адрей бзэхэм къазэрыщхьэщыкІхэм ящыщ зы макъ сатырыр жыгыжыгыу, пытІауэ, дэгуу къызэрыкІуэр. Макъ дэкІуашэхэр иджырей адыгэбзэм гуэша шохъу: 1. къыщыхъу щыпІэ елытауэ: а) Іупэ макъхэр: ахэр егуэшыр *ІупитІ макърэ* (б, п, пІ, м, у) *Іупэдзэ макъыу* (в, ф, фІ); б) бзэгу макъхэр: *бзэгупэ макъхэр*: д, т, тІ, дж, ч, кІ, дз, ц, цІ, з, с, ж, ш, жь, щ, щІ, л, лъ, лІ, н, р; *бзэгукъу макъ*: й; *бзэгу лъэдакъэ макъхэр*: г, к, х, ху, гу, ку, кІу; в) фІыншэ макъхэр: гъ, гъу, хъ, хъу; г) тэмакыщхьэ макъхэр: къ, къу, кхъ, кхъу; д) тэмакыщІэ макъхэр: хъ, І, Іу.

2. Къызэрыхъу щыкІэ елытауэ макъ дэкІуашэхэр гуэша мэхъу: а) къышиуд макъхэр: б, п, пІ, д, т, тІ, к, гу, ку, кІу, къ, къу, кхъу, м, н, І, Іу; б) къышиуд-укъуэдия макъхэр: дж, ч, кІ, дз, ц, цІ; в) укъуэдия макъхэр: в, ф, фІ, г, х, ху, ж, жь, ш, щ, щІ, з, с, т, у, хъ, й; г) кІэзыз макъхэр: гъ, гъу, хъ, хъу, р; д) бзэгубгъу-дзэбгъу макъхэр: л, лъ, лІ-хэр.

ТегъэщІапІэ хъуа литературэр

1. Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1970. 334 с.
2. Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. I. / гл. редактор М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.
3. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
4. Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. Русско-кабардинский словарь с указанием // В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. Тб., 1981.
5. Тау Хъ.Т., Урыс Хъ.Щ. Адыгэхэм я бзэр зэлытауэ. Налшык: КБИГИ, 2008. 159 н. (Таов Х.Т., Урусов Х.Ш. Язык адыгов в сравнении. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2008. 159 с.).
6. Турчанинов Г.Ф., Цагов М.Б. Грамматика кабардинского языка. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. 159 с.
7. Урыс Хъ.Щ. Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфонемикэ, морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (Урусов Х. Ш. Адыгская грамматика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).
8. Урыс Хъ.Щ. Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 н. (Урусов Х.Ш. История кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 2000. 358 с.).
9. Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Абазова Марита Мухамедовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marita.abazova@yandex.ru

Статья посвящена анализу системы согласных в современном кабардино-черкесском литературном языке. В данном исследовании осуществлён комплексный подход к оценке и систематизации широкого круга источников по сравнительно-исторической фонетике адыгских (черкесских) языков. В качестве источниковой базы выбраны труды ученых, в которых изучались те или иные аспекты адыгского консонантизма. Для восстановления некоторых фактов истории согласных, а также для определения закономерностей их употребления в кабардино-черкесском языке был использован комплекс методов и приемов: описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический. Выделены троичная система согласных: звонкие – глухие – абруптивные, парная система спирантов: звонкий – глухой, а также пары лабиализованных и нелабиализованных согласных. Впервые в научный оборот запущено значительное количество новых лингвистических терминов, образованных на собственной языковой базе, которые заменят заимствования из других, в

основном из русского, языков. Автор – доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев. Делается вывод, что фонологическая система согласных звуков образует два яруса, построенные на противопоставлении по звонкости – глухости, придыхательности и абруптивности, а также лабиализованности и нелабиализованности. Продемонстрировано, что кабардино-черкесский язык характеризуется сложной системой консонантизма, которая поддается четкой классификации.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, фонема, согласные звуки, консонантизм, звонкие согласные, глухие согласные, абруптивные звуки.

THE SYSTEM OF CONSONANTS OF THE KABARDINO-CHERKESS LITERARY LANGUAGE

Abazova Marita Mukhamedovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for Humanitarian Studies – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IGI KBNC RAS), marita.abazova@yandex.ru

The article analyzes the system of consonants in the modern Kabardino-Circassian literary language. In this study, a comprehensive approach to the evaluation and systematization of a wide range of sources on comparative historical phonetics of Adyghe (Circassian) languages is carried out. As a source base selected works of scientists, which studied certain aspects of the Adyghe consonantism. To restore some facts of the history of consonants, as well as to determine the patterns of their use in the Kabardino-Circassian language, a set of methods and techniques was used: descriptive, comparative, comparative and historical. Selected ternary system of consonants: the voiced – deaf – abruptive, steam system aspirantov: ringing – deaf, as well as couples and labializing delabialization consonants. For the first time a significant number of new linguistic terms formed on their own language base have been launched into scientific circulation, which will replace borrowings from other languages, mainly Russian. Author doctor of Philology B. CH. Bizhiov. It is concluded that the phonological system of consonants forms a two layer, built on the contrast of voicing – voiced or voiceless, predicatability and abruptly and abilitanti and delabialization. It is demonstrated that the Kabardino-Circassian language is characterized by a complex system of consonantism, which can be clearly classified.

Keywords: Kabardino-Circassian language, phoneme, consonant sounds, consonant, voiced consonants, deaf consonants, abrupt sounds.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-115-121

АДЫГЭБЗЭМ МАКЪЫЦЭХЭМ ЦАГЪЭЗАЦІЭ КЪАЛЭН НЭХЪЫЩХЬЭХЭР

АфІэунэ Анджелэ Анэтолэ ипхьу, филологие шІэныгъэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрэм и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакІуэ, martazei@mail.ru

Адыгэбзэм и макъыцІэхэр (междометиэхэр) и кІэм нэсу зэпкърыха мыхьуа псалъэ лъэпкъыгъуэщ. Лэжыгъэм дыштыопсэлъыхь макъыцІэхэм бзэм шагъэзацІэ къалэн нэхьыщхьэхэм – ар, япэрауэ, зыхэщІэныгъэ зэмылІэужыгъуэхэр къэгъэнэхуэнырщ; егуанэрауэ, текстышІ, коммуникацІа шцэрълъхэр убзыхунырщ; ещанэрауэ, синтаксис ухуэкІэхэм шаубыд увыпІэр зэхэгъэкІынырщ. БзэщІэныгъэлІхэр нэхь убгъуауэ зытэпсэлъыхьар цІыхум игъэв зыхэщІэныгъэхэр абыхэм зэраубзыху къалэнырщ. Ди тхыгъэм шІэуэ шцызэпкърытхаш ипэкІэ зи цІэ къыштыгуа адрей лъэныкыуэхэр. ДызыхуэкІуа гупсысэ нэхьыщхьэр мыраш; бзэм макъыцІэхэм увыпІэ пыухыкІа шаубыд цІыхум зыхищІэ гурыгъу-гурыщІэхэр, дуней къэхьукъашІэхэм, и хьуреягъкІэ къышкІуэкІ Іуэхугъуэхэм, зэхих жыІэгъуэхэм, илбагъухэм яхуиІэ хушытыкІэр къэгъэлъэгъуэным; зэпсэлъэныгъэхэр къэгъэхуным, ухуэным убгъуауэ холэжыыхь; синтаксис гъэпсыкІэм, грамматикэ нэщэнэхэмкІэ псалъэухам и пкъыгъуэхэм емыпхамы, гуэхыпІэ имыІуэ мыхьэнэкІи макъыцІыкІэмкІи япыщІаш; зи щхьэ хушыт/хушытыгъ псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къазэрыщхьэщыкІ шцытыкІэ нэхьыщхьэхэр грамматикэ гъэпсыкІэмрэ макъ ухуэкІэ дэтлбагъухэрщ, коммуникацэ шцэрълъ хэха ягъэзащІэрщ.

Япэ дыдэу тхыгъэм къыштыдгъэсэбэпаш бзэщІэныгъэхэм я доктор БишІо Б.Ч. адыгэбзэкІэ зэридзэкІа бзэщІэныгъэ фІэшыгъэхэр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: макъыцІэхэр, синтаксис, мыхьэнэбэ псалъэхэр, эмотивнэ псалъэхэр, текстышІ-дискурсышІ къалэнхэр, коммуникацІа къалэнхэр, зыхэщІэныгъэ.

Бзэ псоми и къежыапІэ, лъабжьэ яхуэхьуам теухуауэ Іуэху еплъыкІэ зыбжанэ шцІэщ. Абыхэм ящыщ зыщ макъыцІэхэр шІэдзапІэу хуэгъэфшэныгъэр (гипотезэр). Мыбы купщІэ хуэхьур зыхэщІэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ кІий макъхэр цІыхум Іурыль бзэр къэунэхуным сэбэп зэрыхуэхьуарщ. А Іуэху еплъыкІэм тригъэчыныхьу шцытащ франдж тхакІуэ Шарль де Бросс (1709–1777 гъгь.), абы макъыцІэхэм бзэр къазэрытехьукІам шэч къытрихьэртэкъым.

Адыгэбзэм и псалъэхэм ящыщу псом нэхьрэ нэхь пасэу макъыцІэхэр къэхьуауэ къалытэрт адыгэ бзэщІэныгъэлІ цІэрыІуэ Яковлев Н.Ф. [Яковлев 1938: 137], Урыс Хь. [Урыс 2000: 78] сымэ. МакъыцІэхэм яІэ мыхьэнэм, бзэм, грамматикэм абыхэм шаубыд увыпІэм теухуауэ шцІэ къэхутэныгъэхэм шцыщІэныгъэ гуэрхэр хьыдолъагъуэ, абы ипкъ иткІи ди Іуэху еплъыкІэр утыку къытхьэну мурад тщІаш.

Илъэс зыбжанэкІэ мыбы дызэрелэжыам дызыхуишар мыраш: макъыцІэхэр – цІэр къримыІуэу жызыІэм а жиІэр, къэхьукъашІэр къызэрышыхьур, гухэлъ зэмылІэужыгъуэхэр зэрызэхышІэр е жыІэгъуэм унафэ, къыхуеджэныгъэ хилъхьэр къэзыгъэлъагъуэ зызымыхьуэж псалъэ лъэпкъыгъуэщ. Ахэр жьэрыІуатэбзэм зыми емыщхь и дамыгъэщ. Андрей псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къашхьэщызыгъэкІыр коммуникацэ шцэрълъ хэха игъэзащІэрщ, псалъэм и грамматикэ гъэпсыкІэ, макъ ухуэкІэ иІэхэрщ. Мыхьэнэбэу (мыхьэнэ куэд зиІуэ)

зэрыщытым кыыхэкІкІэ, жыІэгъуэм кыкІыр нахуэ зэрыхъур макъщІыкІэм (интонацием), ІэщІыкІэм (жестхэм), контекст кыыщыхъам епхауэщ.

Псалъэм папщІэ, макъым и гъумагъ-псыгъуагъ, кІыхъагъ-кІэщІагъ елытауэ, кыытемыщІыкІа макъыцІэ *а-а-а*-м кыигъэлыгъуэфынууц мыхъэнэ зыбжанэ, зэмыхъэнэгъухуэи зэпэщІауэхуэи – зэгуэпыныгъэ, гъэщІэгъуэныгъэ, гузэвэгъуэ, уз, хуэгъэфшэныгъэ, шхыдэ, гу кыдэмыжыныгъэ, шынагъэ, нэгъуэщІхэри:

– *Мыр дэнэ мыпхуэдэу... – къригъэжыат хъэщІэм, унэм цІыхъа нэужь. – А-а, – Іэпихац абы и псалъэр бысымым. – КІыхъц ар, къуэи* [ШэджыкхъэщІэ 1987: 149]. – Мы шапхъэм макъыцІэм кыыщегъэлыгъуэ къарууншагъэ, гур зэщыуныгъэ, хэкІыпІэншагъэ гурыІуэгъуэхэр.

(*Хъэблыху, Ажэагъафэм хуэгъэзауэ*): – *Пхъыжар Іуэхут, а пхъыжа шумэданэм дэлымырэ а дэлхэм кыыцхъэщІалхъа списокэмрэ зыбогъапцэри – а-а-а, узижэ-гъуэн-сызижэ-гъуэн...* [ІутГыж 1998: 114]. – Мыбдеж *а-а-а*-м гужьей, гузэвэгъуэ мыхъэнэ щІэщ.

Пцэдджыжыым жьыуэ бауэбапцэу пцІантІэм кыдэлъэдац Шэхьидэт и шыпхъу нэхъыжъ къуажапцэмкІэ цыпсэур. – А-а, насыпыншэжъ мыгъуэ, сьт иджы пцІэжынуэр? – жиІац абы, бжэцхъэІум кыызэребакъуэу [КхъуэІуфэ 2000: 295]. *А-а-а*-м гуауэ, гущІэгъу гурыщІэхэр кьегъэлыгъуэ.

Мыхъэнэбэу цыгыфынууц кыгешыкІа макъыцІэхэри. Псалъэм щхъэкІэ, *алыхъ-алыхъ-а*-м кыІуэтэфынууц зэгуэпыныгъэ, гуауэ, щтэныгъэ, гъэщІэгъуэныгъэ, гъэкъуэншэныгъэ гурыІуэгъуэхэр:

Сабийм шынауэ «мамэ» желэри зелэж. СыкыщІэпхъуауэ сыкыыздэжэм Назирэти абы деж жэуэ солъагъу. «Алыхъ-алыхъ, дунэхъужац, дунэхъуац, ІэцІэкІуэдэнууц сабийр сынэмысурэ, си псэм ицІат...» [Мэзыхъэ 2003: 62]. – МакъыцІэм гуауэ, гужьейныгъэ гурыгъузыр кьелуатэ.

Батыр цалъагъум, кыыщылъэтри зыкърадзац (хъыджэбзхэм): – Алыхъ-алыхъ, мыбы цхъэ укъэкІуа мыгъуэ! [Мыщэ и къуэ Батыр 1994: 85] – Щтэныгъэ, гужьейгъуэ зыхэщІэныгъэхэр ищ.

Алыхъ-алыхъ, сьту мыгъуэ Іей дыдэ ухъуа, зэ нытезгъэзэжыныц жысІэурэ схузэфІэкІакъым, – тхъэусыхэрт фызыр и шыпхъум шхыІэн кІапэр хуцІуипцІэурэ [Даур 2008: 72]. – ГущІэгъу мыхъэнэ кьегъэлыгъуэ.

Мыпхуэдэ жыІэгъуэхэр зи щхъэ хущытыж псалъэхэми псалъэ Іэдэжхэми (зи щхъэ хущымытыжхэми) хыхъэркъым. Япэрейхэм къащхъэщыкІыу, макъыцІэхэм фІэщыгъэцІэхэр къраІуэркъым, грамматикэ нэщэнэхэр яІэкъым, псалъэухам и пкъыгъуэу хэувэркъым. ЕтІуанэхэм хуэдэу псалъэухам псалъэхэр цызэпащІэркъым.

Языныкыуэ макъыцІэхэм яхэт макъхэр адыгбзэ тхыпкыльгэм (алфавитым) и хьэрфхэмкІэ къэбгъэлъэгъуэну гугъуц, апхуэдэ къэлукІэм ехъэлІа дамыгъэ зэрыхэмытым кыыхэкІкІэ. Псалъэм папщІэ, *ааһа, ыһы* макъыцІэхэм хэт макъ дэкІуашэм жьэрыІуатэбзэм ущрихъэлІэ пэтми, тхыбзэм деж зэщхъэщыкІыныгъэ зериІэу ар хьэрф *-хъ-кІэ* кыыщагъэлыгъуэ. Абыхэм ещхъц бзэгум жьэдэзышэ макъ езыгъэщІ *«хъэуэ»* мыхъэнэр кыызэрыкІ жыІэгъуэр, тхыбзэм *цІыІу-у* щатхыр. Ар цызакъуэм зэрызыпащІыгъ псалъэу, кыыщытригъэзэжым, кыызэрагъэсэбэп щІыкІэм елытауэ, макъыцІэу кьэкІуэфынууц:

– *ЦІыІу!* – *«хъэуэ» къригъэкІыу, зы макъ кІэцІ гурэ кыыжъэдигъэпІытІыкІац Мурат (Мацу хуэгъэзауэ)* [Жург 2004: 151]. – ЗэрызыпащІыж псалъэщ.

– *ЦІыІу, цІыІу, – жысІэу си цхъэр згъэкІэрахъуэ мыхъумэ, псалъэ кыыжъэдэкІыркъым. Ар дауэ: уи цІыхуфІагъыр бгъэлъэгъуэн папцІэ сабий лажъэниэ псым хэбдзэрэ ебгъэтхъэлэу...* [Елгъэр 1988: 298] – Мыарэзыныгъэ, гъэкъуэншэныгъэ гурыІуэгъуэ зыхэлъ макъыцІэщ.

ИщхъэкІэ зэрыщыжытІащи, макъыцІэм и пщэрыль нэхъыщхъэр зыхэщІэныгъэ зэмылІэужыгъуэхэр, зэм-зэмкІи зэпэщІауэхэр, къэгъэлыгъуэнырщ. Абы кыІуатэ гупсысэр пыухыкІауэ щыткъым, мыхъэнэбэу зэрыщытым кыыхэкІкІэ. Ар наІуэ щыхъур тхыгъэм, жыІэгъуэм дежщ. МакъыцІэм щІэлъ гупсысэр гъэнэхуэнымкІэ

дэИпыкбуэгъу мэхъу макъшыкIэр, Iэщыныр, нэклүщыр (мимикэр), контекстыр. Зи шхъэ хушыгыж псалъэхэм ебгъапщэмэ, макъыцIэхэр цIэиуэ къалэн къэлуэтэнымкIэ нэмыщIысауэ къэплъыгтэ хьунуш. Ауэ бзэм и пцэрлы нэхъышхьэр зэпсэльэныгъэ (коммуникацэ) ухуэнырщ, коммуникацэщI, жыIэгъуэщI (текст къэзыгъэхъу) IуэхугъуэхэмкIи абыхэм япэпщIын шыIэкъым. Мы пцэрлыр мычэм, адреи псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къакIэрымыхуу зэфIагъэкI макъыцIэхэм. Абыхэм бзэ Iэмалхэм шыщу цIыхум и гукъыдэж, гурыгъу-гурыщIэхэм я плъыфэ зэмылIэужыгъуэхэр къагъэлягъуэурэ бзэр нэхъ шэрыуэ, гъэщIэрэщIа, гурыуэгъуэ, IупшI ящI.

МакъыцIэхэр зыгуэрым хуэгъэзауэ къагъэсэбэп хабзэщ, зэпсалъэм и гулътэм зыкъызэщIэгъуэужьэн, ар псалъэмакъым къыхашэн папщIэ, абы къыхэкIкIи коммуникацэ лъэныкбуэкIэ убгъэдыхьэмэ, къыхуеджэныгъэ, къызэщIэгъуэшэныгъэ къалэнхэмкIэ ахэр нэхъ пажэхэм ящыщу къэплъыгтэ хьунуш. Къызэрыгуэки жьэрыуатэбзэм ущыкIэлъыплъкIэ къыпщыхьунуш макъыцIэхэр емыгупсысу, наплэзыплэу жыIэгъуэм къыщыхьауэ, ауэ, ипэжыплэкIэ, апхуэдэ псалъэхэм якъэгъэсэбэпыныр илъэсищэ бжыгъэкIэрэ цIыхум и зэхэщIыкIым лъабжэ щызыщIа екIуэкIыкIэщ.

Гурыуэгъуэщ макъыцIэм къиуатэ мыхьэнэр къэлуэтэгъуэм къыщыхьам пэщIэуэ зэрыщымытыр, пыщхьэхуклами, и зэхэщIыкIкIи, и макъшыкIэкIи, и гурыгъукIи абы тэхуэу, ахэр зыр зым епхауэ къызэрыкIуэр. КъыкIэлъыкIуэ жыIэгъуэм макъыцIэм къиуатэ зыхэщIэныгъэр игъэнахуэу, зэпкърихыу шытц.

ЗызыгъэщIагъуэу къызэрыкIа щIалэм адэкли щIикъутыкIыну къыщIэкIынт, къыхуащIа уныцIэм къыжэдымыкъуэжамэ: – Хьым! Ара усэ жыхуаIэр? [Елгъэр 2008: 32]. Щапхьэм хьым макъыцIэр щIэнэклалъэ къыгъэлягъуэу къыщыхьащ, а гупсысэри къыкIэлъыкIуэ псалъэухам къеуатэ.

– *Умыгузавэ, си дыгъэщыгъэ, дэ псысэ куэд иту тхыль диIэщи, абы сыкыт-хуеджэурэ узгъэеиши.*

– *Иы-Иы-ы!* – жи, и лъакъуэ псыгъуэхэмкIэ тонкIэ (сабийр). – *Сэ сыхуейым тхыльым ит псысэхэм, сэ сызыхуейр Нанэ жиIэ псысэхэрац [Нало 3. 2012: 35].* Псалъэухам къыщыхьа *Иы-Иы-ы* макъыцIэм къиуатэ мыарэзыныгъэр къыкIэлъыкIуэ тхыгъэм нэхъ зэхэщIыкIыгъуэ тшешI.

Псалъэр зыхуэгъэзам и гулътэр къызэщIэгъуэужьэн мурадкIэ бзэм убгъуауэ къыщокIуэ унафэ, хуэгъуэшыныгъэ макъыцIэхэр.

– *Уэ-хьэ-хьей!* – жиIэри Бэчыр ину гуоуащ. – *Зауэр иухащ! Зауэр иухащ, си псэм хуэдэхэ!* [Брат 1988: 210].

– *Айдэ, маржэ, фымыбэлэрыгъ, вэныжьэхэм нэхъ фыхуэсакъ. ИджыкIэ фи вэкIэр хьунуш, абы фытет, ауэ нэклүщхьэплъытIыр фызэхэмыгъуащ!.. [ЩоджэнцIыкIу 1962: 123]* Щапхьэхэм къыщыхьа *уэхьэхьей, айдэ, маржэ* макъыцIэхэм цIыхум гу зэрылърагъэтэн, Iуэхугъуэ гуэрым къыхуеджэн къалэнхэр зэрагъэзащIэм къыщынэмыщIа, гуфIэгъуэ ин, гукъыдэжышхуэ е лэжыгъэ ягъэзащIэм зэреужьэрэкIын, зэрегугъун хуей гупсысэхэр къагъэлягъуэ. Тхыгъэ клэщым къиуатэ гупсысэр наIуэ зэрыхьум нэмыщIкIи, макъыцIэм цIыхум гурыгъу зыхищIэм и плъыфэ дыдэм псалъэухам къыщыхьа гурыуэгъуэр трешэ.

Гу зыльгэгэтэн, псалъэмакъым къыхэщэн гурыуэгъуэхэр я къалэн нэхъышхьэщ сэлам зэрызэрах/зэрызэрахыж макъыцIэхэм:

– *ГъуэгуфIыжэ ащIый!* – зэхэх абы (Елдар). *Къыдэплъеймэ, Зулчиф [ШэджыхьэщIэ 1994: 316].*

Адеж Елдари къэсащ: – Сэлам, Астемыр. Дауэ щыт Думэсарэ? – жиIэу [Кыщокъуэ 1984: 590].

Лексикэ, стилистикэ, логикэ зэхушытыкIэ гугъухэмкIэ зэпхауэ жьабзэ занэхэм (бзэм и единицэхэм) тхыгъэр къагъэхъу. Хьыбарыр къэлуэтэным, ар зыхуэгъэзам лъэгъэлэсыным къэлуэтэгъуэм къыщыкIуэ дэтхэнэ и зы псалъэми увыплэ хэха щIэщ, зэпхыныгъэ яIэхэми къалэн пыухыкIа шагъэзащIэ. Абы къыхэкIкIи синтаксис ухуэкIэм и лъэныкбуэкIи макъыцIэхэм увыплэшхуэ яубыд.

Грамматикэ нэцэнэхэмкІэ псалъэухам и пкъыгъуэхэм емыхами, гуэхыпІэ имыІу мыхъэнэки макъыцІыкІэки абы пыщІащ. ЖыІэгъуэм кыІуатэ гупсысэм щІэль зыхэщІэныгъэхэр къагъэнэІуэн папщІэ макъыцІэхэр къыщагъэсэбпкІэ, абы и зэхэлыкІэми, и стилми, и къэпсэлыкІэми зехъуэж.

Псалъэухам щаубыд увыпІэм елытауэ макъыцІэхэм кълэн хэхахэр ягъэзацІэ. Нэхъыбэу адыгэбзэм ахэр къыщокІуэ псалъэухам и пэ иту. Апхуэдэхэм деж макъыцІэм кыІуатэ мыхъэнэр игъэнэхуэн фарзыр жыІэгъуэм егъэзацІэ, жалэр зыжралэм нэхъ зэхэщІыкІыгъуэ шыхъун папщІэ:

Анэр къэуІэбжыауэ и пхъум еплъри къэтэджыжащ.

– **Аууей мыгъуэ**, – *ицІащ абы и Іэр, – ветрэц, тхъэ, а уэ уи цхъэм итыр, ветрэ нэс. Хъуниц, жей, ауэрэ нэху цынуц [ШэджихъэщІэ 1994: 329]. – Аууей мыгъуэ макъыцІэм шхыдэ гурыІуэныгъэ къокІ.*

*Жалэжырац (фызхэм), Къанитат мыгъуэм ар (дыхъэих макъыр) цызэхихым: – **БП! Ан-на, ТытІу** къэкІуэжа хъуниц, фыплъэт: тхъэ, ар зэрыдэкІрэ апхуэдэ дыхъэих зэхэзмыхъжа! – жиІауэ [Нало З. 2014: 52]. – ГъэщІэгъуэныгъэ, къэуІэбжыныгъэ мыхъэнэ хилъхъэу къагъэсэбп.*

МакъыцІэхэр псалъэухам ику итуи, и кІэм шытуи урохъэлІэ. Апхуэдэхэм дежи зыхэщІэныгъэр, е къэхукъащІэм хуалэ шытыкІэр нэхъ хэкъузауэ, гъэлъэщауэ зэрызыхашІэр кърагъэлыагъуэ:

– *Все, Болэт, – ицІащ и Іэр Хъэжмурид, – къапхъэным укъуубыдакъэ иджы. Цыхухэм зэрыжалэци, шатэ шхыныр быухащ, муужьыр **мэхь-мэхь**. [ШэджихъэщІэ 1987: 300].*

– *Зы-ы, зы тхыль закъуэ зэрыстхыу, Шэджемокъуэм укІэлъапхъуэтэници, **хъейдэ**, зэфІэкІащ, – Мурат и нэкІум Іепхъуамбэ псыгъуэхэр цигъэджэгуурэ хъуцІэрт Павло [Теунэ 1980: 289].*

Бзэм хыболъагъуэ зыхэщІэныгъэ къаІуатэр щІагъэхуэбжъэн мурадкІэ зы псалъэухам макъыцІэ зытІуц зэгъусэу къыщыхъауэ:

*(Тээрэт, бригадырым хуэгъэзауэ:) – **Іэгъу, зиунагъуэрэ**, сыбгъэлажъэ-сыбгъэлажъэрэ спискІэм сомыхъэжу ар дауэ? [Журт 1987: 66].*

– **Ай, уий, пцІэр сыт: ар сэрац!** – *жи Ілым (хъэцІэм хуэгъэзауэ), мэкІий, мэгуо, адэкІэ зедз, мыдэкІэ зедз [ХъэщІэмыгъашхэм и псысэ 2015: 139].*

Адыгэбзэм убгъуауэ ущыхуозэ макъыцІэхэм къаІуатэр зыгъэнахуэ псалъэуха дэщІымыгъуу къақІуэу. Цыхум зыхищІэ гурыщІэхэр къэбгъэлыгъуэн папщІэ, псалъэуха псо къомыхъынкІэ Іэмалыншэкъым. Абы кыІуэтэну и кълэнри зыхэщІэныгъэ, гурыщІэ цыхум игъэври, къэхукъащІэм хуиІэ хушытыкІэри, зэ-псалъэм гуригъэІуэну зыхуей гупсысэри макъыцІэ закъуэм къызэщІиубыдэфынуц. Абы и щхъэусыгъуэр макъыцІэхэм езым псалъэуха пщэрылыр зэрагъэзэщІэфырщ:

*Нысэр тэджри цхъэц шыхъар къиутІыпцащ: «**Е-е, мыгъуэ!**» [Нало А. 1990: 241].*

*Зэрызехъуэрэ къагъэутхъуэжа псы ІуцІам здыхэтым зы шхыпхъэ цІыкІу и кІэмажъэ зыгуэрэм и лъэнкІапІэ пцІанэм, къеубзэ хуэдэ, къельэцІэкІамэ, ар аргъей тІуащІэ къыщыхъуэжауэ мэгуоу (адыгэ бдзэжъеяцэр): – **Уэ-зы-зыз-з!** [КІэрэф 2009: 350].*

Тхыгъэм и деж макъыцІэхэр Іэмал зэмылІэужыгъуэкІэ псалъэухам шыпощхъэхукІ:

1. ІуантІэкІэ (запятайкІэ) (нэхъыбэу къагъэсэбп): *Ныцхъэбэ къуажэм цагъэ-лъэгъуэну фильмым и хъыбар фІэкІа хъэблэ сабийхэм дилэжтэкъым. – **Уэсы-сыс мыгъуэ**, абы зы кино къашащ, – жытІэрт зыльэгъуахэр цытхъуу зэхэтха фІэкІа, дэ дытемылІа пэтми, – укІуэнукъэ? [Мэзыхъэ 2003: 15].*

2. ХэІэтыкІа нэгъыщэкІэ: – **ЕІ!** *Хъуакъым ар! – жиІащ хъэцІэм. – ХакІуэр цытІэцІэкІацІэ адэкІэ дыкІуэ хъунукъым [Нартхэр 1995: 520].*

3. ТкІуанэбэкІэ (точкэ куэдкІэ): *(Мурат и адэ дунейм ехыжам хуэгъэзауэ зэ-гупсысыр) – Ижэ зыкъысхуицІми сэмэгу зыкъысхуицІми, алъандэм ажалым си*

лъакъуэр пэццэзымгыахуэрэ сыкыфлэклати, мис иджы... У-уху... Зы бэуэ-гъуэ... Дуней пэсуцхъэми дуней къэкыгъэми къелыж жьыр схуримыкыу... [Елгъэр 1976: 21].

4. ТкIуанэкIэ (точкэкIэ): – **Ы-ы**. Шцызэхэту цытащ (сабий тхъэмыцкIэхэр). Куэбжэм дыкыдэкIыжамэ, хъэкIээпхым хуэдэу зыкыткIэрацIэу, – къопсалъэ зылI (Мурад хуэгъэзауэ) [Елгъэр 1976: 118].

5. И кум иту къыщыкIуэм, лъэныкыуитIымкIэ пыщхъэхукIауэ къокIуэ е IуантIэкIэ е екыа кIыхъкIэ: (Ажэгъафэм:) – ШцIэпхуэри, тхъэмыцкIэм тхъэр хуэлъэкъэ, – хъэмэшыпхэмкIэ ежэкIым-ежэкIым-ежэкIыурэ, – **баргъ апиций**, – сондэдджэр тхъэмыцкIэу сыкъэпльагъур цIихуэри, зэкъуэхуауэ цыт жыг гуэрэм «выркъ» жиIуэ жьэхэуащ [IутIыж 1998: 93].

6. Псалъэухам и кIэм шытмэ, IуантIэкIэ пощхъэхукI: (Марифозэ, ХъэпIытI хуэгъэзауэ:) – Дымыдэгъуэм, дыдагъуэнишэц, **тхъэ!** [IутIыж 1998: 104].

Я къалэн нэхъыщхъэм хэмыхъэми, макъыцIэхэр псалъэухам и пкыбгыуэу шы-хэувэ урохъэлIэ. Апхуэдэм деж макъыцIэхэм шыцIэ мыхъэнэ ягъэзащIэ мэхуэ, цIэм и нэцэнэ псори (псалъээшэ (падеж) кIэух, бжыгъэ, н.къ.) къахуэкIуэу.

ДяпэкIэ, **уей-уеймрэ маржэмрэ** къэгъэнауэ, лъэпкъыр къызэрызэтенэнум егупсысын, я цхъэр тракыутэн хуейц [МафIэдз 1988: 300]. Уей-уей, маржэ макъыцIэхэр цIэиуэ псалъээшэм иту къэкIуащ.

УкысыцыгуфIыкIыу ара, фызыжъ, «уэхум» «Iыхъыр» зэрыпэцымы-лъыр пцыгъуипцэжауэ ара?! – цIэкIияц абы Хъэмырзэ [Мэлей 1995: 121]. Уэху макъыцIэм зыхуэж псалъээшэм и кIэух -м пыуващ.

«**Урар**» къэIуащ – макъыцIэр псалъэухам гъээщIакIуэу (подлежащэу) хэу-ващ, цIэиуэ псалъээшэм и кIэух –р-р пыту къэкIуащ.

Уи «**уэхур**» сужэгъуащ – уэху-р псалъэухам хэгъэхуэну (дополненэу) хэуващ, цIэиуэ псалъээшэм и кIэух –р-р пыту къэкIуащ.

Мы псалъэхэм макъыцIэхэм яIэ хабзэм хуэдэ зыхэщIэныгъэ хэлэтыкIа ях-лъыжккыым, абыхэм цIэиуэныгъэ къалэныр ягъэзащIэ хуащ.

Лэжыгъэм зэрыхэтлгъагъуэши, макъыцIэхэм пщэрылъ зэмылIэужыгъуэхэр ягъэзащIэ. ШцIэныгъэлIхэм я нэхъыбэм зэрыжаIэу, цIыхум игъэв зыхэщIэныгъэ къэгъэлъэгъуэным нэмыщI, къызэрыщIэкIымкIэ, текстыщI, коммуникащI къалэнхэри ягъэзащIэ, синтаксис ухуэкIэхэми пыухыкIа увыпIи шаIэщ, лэжыгъэ хэ-хаи цызэфIагъэкI.

ТегъэщIапIэ хъуа литературэрэ

1. Брат Хь. Гугъэр адэжъ шцIэинщ // Ди жьэгуми мафIэ шыблэжынщ. Повестхэр. Рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ. 1988. 312 н.
2. Даур Ж. ШцхъэкIуэ // Iуашхъэмахуэ. № 4. Налшык: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. Н. 71–74.
3. Елгъэр К. Жэщ дыгъэ // Ухеймэ-ульэщц. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
4. Елгъэр К. ЛыпIэ // Ухеймэ – ульэщц. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
5. Елгъэр К. Шыуагъэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 391 н.
6. Елгъэр К. КъулыкыушIэ нысэ // Iуашхъэмахуэ. № 4. Налшык: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. Н. 28–59.
7. Журт Б. Адэжъ лъапсэ. Повесть. Налчык: Эльбрус, 1987. 187 н.
8. Журт Б. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
9. КIэрэф М. Сэфар // Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.
10. КIыцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур: Тхыгъэхэр томиплIым цызэхуэхъэсауэ. I т. Налшык: Эльбрус, 1984. 600 н.
11. Кхъуэлүфэ Хь. Мэзыр жыг зырызурэ зэхэгц // Гъатхэм и ныбжыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
12. МафIэдз С. Мыщэ лъэбжъанэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 544 н.
13. Мыщэ и къуэ Батыр // Адыгэ сабий литературэ / Зэхэзылхъар Мыз М.Л. Налшык: Эльбрус, 1994. 272 н.

14. *Мэзыхъэ Б.* Жэщ закъуэрэ гъащІэ псомрэ: ГушыІэхэмрэ ауанымрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 216 н.
15. *Мэлей А.* ЦІыхум и гъащІэр. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1995. 192 н.
16. *Нало А.* Нэхуш шу. Роман. Налшык: Эльбрус, 1990. 359 н.
17. *Нало З.* ПхъашІэр Іэзэмэ, мэзри благъэщ // Дыджым и ІэфІыгъэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
18. *Нало З.* ТытІу и дыгъэ шыщІэр // Тхыгъэ кыыхэхахэр томищым цызэхуэхъэсауэ. I том. Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 2014. 464 с.
19. *Теунэ Хь.* Шэджемокъуэ лъэпкъыр // Тхыгъэ нэхъыщхъэхэр томитІу. ЕтІуанэ Іыхъэ. Налшык, Эльбрус. 1980. 568 н.
20. *Урыс Хь.* Адыгэбзэм и тхыдэ. ІыхытІу зэхэлы. I Іыхъэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с. С. 78.
21. ХъэщІэмыгъашхэм и псысэ // Сабийгуэ. Адэ-анэхэм, сабий садхэм цыІэ гъэсакуэхэм, пэщІэдзэ классхэм щезыгъаджэхэм папщІэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 2015. 480 н.
22. *ШэджыхъэцІэ Хь.* Тэрч шыхъэтц. Роман. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н.
23. *ШэджыхъэцІэ Хь.* Тхыгъэ кыыхэхахэр томитІ хъууэ. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1994. 432 с.
24. *ШоджэныцІыкІу I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1962. 232 н.
25. *Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Вып. I. Синтаксис и морфология. Ворошиловск: Орджоникидзевое краевое издательство, 1938. 143 с.
26. *ІутІыж Б.* Дунейр театрщ. Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 376 н.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Афаунова Анджела Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», (ИГИ КБНЦ РАН), martazei@mail.ru

В кабардино-черкесском языке междометия – не до конца исследованная часть речи. В статье выявлены основные функции междометных слов: во-первых, передача различных эмоций; во-вторых, их текстообразующие и коммуникативные функции; в третьих, значение междометий в синтаксических конструкциях. Исследователями подробно разработан вопрос эмфатического составляющего подобных слов. Здесь главное внимание обращено на подробный анализ остальных перечисленных выше функций. В ходе работы мы пришли к следующим выводам: междометия выполняют важную роль в передаче эмоционального состояния и отношения человека к происходящему вокруг, к услышанной информации, к увиденному действию; активно участвуют в процессе образования текста и коммуникативного процесса; хоть и не обладают грамматическими чертами и не имеют синтаксических связей с другими частями речи, с предложениями они неразрывно связаны и эмоционально, и интонационно, и семантически; их отличительной чертой от знаменательных и служебных частей речи является особенное грамматическое и звуковое построение междометий.

Впервые в статье применена система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: междометия, синтаксис, многозначные слова, эмотивные слова, тексто-дискурсообразующая функция, коммуникативная функция, эмоции.

BASIC FUNCTIONS OF INSTITUTIONS IN THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Afaunova Andzhela Anatolevna, Candidate of Philology, Researcher of the KabardinoCircassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State

Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), martazei@mail.ru

In the Kabardino-Circassian language, interjections are not a fully studied part of speech. The article identifies the main functions of interjections: first, the transfer of various emotions; secondly, their text-forming and communicative functions; thirdly, the value of interjections in syntactic constructions. Researchers have elaborated on the issue of the emphatic component of such words. Here the main attention is paid to a detailed analysis of the other functions listed above. In the course of the work, we came to the following conclusions: interjections play an important role in transmitting the emotional state and the attitude of the person to what is happening around, to the heard information, to the action he has seen; actively participate in the process of text formation and the communicative process; although they do not have grammatical features and do not have syntactic links with other parts of speech, they are inseparably linked with sentences both emotionally, and intonationally, and semantically; their distinctive feature from the significant and service parts of speech is a special grammatical and sound construction of interjections.

For the first time in the article, the system of the adygean linguistic terms developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch.

Keywords: interjections, syntax, multi-valued words, emotive words, text-discourse-forming function, communicative function, emotions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-122-128

БУСАГЪАТДАГЪЫ КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ СЁЗ БЁЛЮМ

Гузеланы Магомедни жашы Жамал, филология илмуланы доктору, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар тил бёлюмюню тамата илму кыуллукъчусу, kbigi@mail.ru

Махийланы Хамангерийни кызы Людмила, филология илмуланы кандидаты, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар тил бёлюмюню тамата илму кыуллукъчусу ludmila.makhiieva@mail.ru

Статьяда бусагъатдагы къарачай-малкъар тилде сёз бёлюм бла байламлы кёп тюрлю соруула тинтиледиле. Анда сёз бёлюмню шартларына, функцияларына, кырамына къаралады.

Аны илму жаны бла жангылыгы недеди десенг, анда сёз бёлюмле артикуляция бла байламлыкны кылай жюрютгенлери ачыкъланады. Сёз бёлюмлени тюрлюлери не къарала келгенде тюрк фонетиканы жорукларына да эс бурулады.

Баш магъананы тутхан сёзле: сёз бёлюм, ачыкь бёлюм, жабыкь бёлюм, басымлы бёлюм, ачыкь бла кысыкь, сёз бёлюмалени тюрлюлери, жалгъау морфема, фонема.

Сёлешген заманда артикуляция кымылдаула энчи кесекледен къураладыла. Ол кымылдаулары анализ этгенде, бек кысхасын, бек кысха айтылгъанын, энчи этерге боллукъду. Аны кесеклери артикуляция жаны бла бир бирлери бла къаты бирлешипдиле. Аллай фонетика единицагъа сёз бёлюм дейдиле. «Артикуляция жаны бла сёзню бёлюмю юлешинмейди, не ючюн дегенде сёлешиу сёз бёлюмледен, бек кысха кесекледен къуралады, ансы тауушладан угъай» [Буланин 1970: 150].

Сёз бёлюмню, аны къуралыууну юсюнден бир кыауум илму иш жазылгъанды [Баскаков 1955: 333–334; Ибрагимов 1970; Щербак 1971; 1970; Трофимов 1978, Гузеев 2009 д.б.]. Фразаны, айтымны, сёз тутушну къурамлары къарачай-малкъар тилде, бирси тюрк тилледеча, «экспираторлу» [Баскаков 1984: 425] болгъанларына шарт юлгюле бардыла.

Бирси тиллени сёзлерича, къарачай-малкъар сёзле да бир неда талай фонемадан къураладыла. Аны себепли сёз бёлюм бла фонема сёзню таууш кырамыны баш кесеклеридиле.

Сёзню бёлюмюнде аны фонемаларыны къуралыуларына къаралады, сёзню кесинде уа – аны саулай таууш кырамына, кыаллай бёлюмледен къуралгъанына эм аланы къурагъан фонемала кыайсыла болгъанларына. Алай бла, хар сёз бёлюмлеге юлешинеди, бёлюмле уа бир бирден паузала бла айырыладыла, кеслери да тауушлагъа (фонемалагъа)бёлюнедиле.

Сёз бёлюмлени тюрлюлери

Къарачай-малкъар тилде таууш кырамларына кёре, сёзню бёлюмлери ачыкьла эм жабыкьла боладыла. Ачыкь бёлюмле деп, ачыкь тауушха бошалгъан бёлюмлеге айтадыла. Аллай бёлюмле жангыз ачыкь тауушдан къураладыла.

Кеслерине да аппа-ачыкыла дейдиле (о-ракъ «серп», ё-гюз «вол», у-зун «длинный», а-га «отец» д.б.), неда кысыкъ бла ачыкыны бирлешиулеринден (ба-гъа-лы «дорогой, ценный», те-ге-не «корыто», бу «этот, это, эта»). Ачыкъ сёз бёлюмлени биринчи тюрлюсю къарачай-малкъар тилде жаланда сёзню аллында тюбейди, экинчиси уа – сёзню къалайында да. Жабыкъ сёз бёлюмле деп, бир неда талай кысыкъ тауушлагъа бошалгъан бёлюмлеге айтадыла. Къарачай-малкъар тилде, бирси тюрк тилледеча, жабыкъ бёлюм эки кысыкъгъа бошалады («сонорлу+дауурлу»). Кеслери да тёрт тюрлю боладыла, сёзню тамырында, жалгъауунда да тюбейдиле:

1. АКЪ (ачыкъ, кысыкъ): ат «лошадь», ал «братъ», ёр «подъем», аш «еда»;
2. АКЪКЪ (ачыкъ, кысыкъ, кысыкъ): айт «говорить, сказать», ант «клятва»; юрк «пугаться, шарахаться (об овцах)», эшт «слышать»;
3. КЪАКЪ (кысыкъ, ачыкъ, кысыкъ): жон «стругать», жол «дорога»;
4. КЪАКЪКЪ (кысыкъ, ачыкъ, кысыкъ, кысыкъ): тёрт «четыре», терк «быстро», тинт «исследовать», жорт «скакать», «ехать рысью (о коне)», халкъ «народ», «люди» д.а.к.

Ачыкъ бёлюмле да, кысыкъ бёлюмле да жабылгъанла (кысыкъ тауушладан башланганла), жабылмагъанла (ачыкъ тауушдан башланганла) да болургъа боллукъдула.

Бирси тюрк тилледеча, къарачай-малкъар тилде да жабылгъан бёлюмле кёп тюбейдиле.

Сёзлени бёлюмлеге юлешиюню жорукълары

Сёз бёлюмлеге юч тюрлю жорукъ бла юлешинеди:

1. Ачыкъланы арасындагъы кысыкъ таууш экинчи бёлюмге киреди: а-на-чы «повитуха (женщина, которая принимает роды)», ке-ли-шим «соглашение», «договор» д.а.к.

2. Ачыкъланы ортасында эки кысыкъдан биринчиси аллындагъы бёлюмге, экинчиси уа аны ызындагъы бёлюмге киредиле: ал-ма «яблоко», эс-ки «старый», ар-па «ячмень», тау-лу «горец, балкарец», жай-лыкъ «пастбище» д.а.к.

3. Ачыкъланы арасындагъы юч кысыкъдан ал экиси аллындагъы, ючюнчюсю уа аланы ызындан келген бёлюмлени къурайдыла: арт-макъ «переметная сума, котомка», «мешочек, сумка, сума», айт-дыр «сообщать, передавать что через кого» д.а.к.

Сёз бёлюмню бек керекли кесеги ачыкъ тауушду, ансыз бёлюм къуралмайды. Ол сёз бёлюмню кысыкъ (кысыкъла) бла да, аласыз да къурайды. Къарачай-малкъар тилде, бирси тюрк тилледеча, сёзню бёлюмюнде кысыкъланы саны ючден ары бармайды. Кысыкъ таууш ачыкыны ызындан да, аны аллында да жюрю-тюледиле: ал «братъ», эл «село», хо «ладно, хорошо», ма «на».

Сёзню бёлюмюню ачыкъ тауушсуз къуралмагъаны анда бёлюмлени саны ачыкъланы саны бла бирча болгъанына шагъатлыкъ этеди.

Къарачай-малкъар тилде бир сёз бёлюмню ичинде тауушларыны саны тёртге дери жетеди:

- а) а-ры «туда», о! «эй! слушай!»; э-шик «дверь», ы-ра-зы «довольный», ё-гюз «вол», ю-леш «делить» д.а.к.;
- б) ба-ра-ды-ла «они идут (едут)», ма «на», ач «открывать», са-на-ды «он (она) посчитал (а)» д.а.к.;
- в) баш «голова», жау-лукъ «платок (головной)», къол «рука» д.а.к.;
- г) курт «сугроб», терк-лик «быстрога», «скорость», къурч «сталь» д.а.к.

Сёз бёлюмлени тюрлюлери

Бирси тюрк тилледеча, къарачай-малкъар тилде да сёзню бёлюмлери алты тюрлюге юлешинедиле:

1. А (ачыкъ): а-ры «туда», э-ки «два», у-шаш «похожий», ю-люш «доля», о-ракъ «серп», ё-гюз «вол», ы-шар «улыбаться», и-тиу «утюг» д.а.к. Юлгюлеге

кѣре, сѣз бѣлюмню бу тюрлюсюн ачыкъланы биринден (е) къалгъанлары къурайдыла. Бу бѣлюм тюрк тамырлы сѣзлени жаланда алларында, кеси да асламысында эки бѣлюмлю сѣзде тюбейди. Кѣп бѣлюмлю сѣзде бѣлюмню бу тюрлюсюн /a/, /o/ ачыкъла бла талай сѣзде башлайдыла: а-ралыкъ «перекладина, погон» (къарач.), а-бызыра «теряться, переходить в замешательство», а-шыгыулу къ «срочность, спешность», «торопливость», о-рундукъ «кровать», о-тузунчу «тридцатый», о-раза «ураза», о-тунчу «дровосек» д.а.к. Тилни кесеклеринде бѣлюмню бу тюрлюсю болуп жаланда междометияла, байламла эм кесекчикле жюрютюледиле: сен а? «а ты?», а, ангыладым! «а, я понял!», о, сен а! «да ты что!», у, гяуурчукъ! «эх, чертенок!» д.а.к.

2. АКЪ (ачыкъ бла къысыкъ): ал «взял», эл «село», юс «натравливать, науськивать кого на кого», ёр «вверх», «выше», ор-та «середина», из-ле «искать», ыр-гъакъ «крючок», ор-танчы «средний», эр-кинлик «свобода, воля, независимость», ус-талыкъ «мастерство», ёк-сюзлюк «сиротство», «беспризорность». В карачаево-балкарском языке довольно много слов, построенных по структуре этого типа слога: ат «лошадь», ай «месяц», ач «голодный», ас «вешать», эл «село», эм «сосать», эн «метка, клеймо, тавро», эт «мясо», ун «мука», уч «летать», ур «бить, ударять», юс «поверхность», юч «три», юр «лаять», юй дом», иш «работа», ич «нутро», ит «собака», ий «посылать, отправлять кого-куда», «отпускать, освобождать кого», он «десять», оз «опережать», «проходить мимо кого-чего», ол «он», ёч «пари», «злость, злоба», ёт «желчь», ён «голос», ёс «расти», ыз «след», ыргъай «щука», ыргъа «акула», ырхы «сель». АКЪ юлгюню сѣзлери ачыкъ тауушланы къайсысы бла да башланганларына былайда келтирилген сѣзде шагъатлыкъ этедиле.

Сѣз бѣлюмню бу тюрлюсюню энчилиги жаланда биринчи бѣлюмде тюбегениди.

3. КЪА (къысыкъ бла ачыкъ): бы-лай «так», бе-ри «сюда», жи-лян «змея», жылы «теплый», «тепло», со-руу «вопрос», то-лу «полный», та-ла «степь», му-дах «грустный, ма-къа «лягушка», къы-зыл «красный», къа-ты «твердый», «твердо», бу «это, эта, этот», ма «на», хо «ладно», де «сказать, говорить», че «спеши, торопись», не «что», да «и», уа «а», ха! «эй! слушай!».

Башда келтирилген юлгюле сѣз бѣлюмню бу тюрлюсю асламысында тамыр морфема бла келишгенине шагъатлыкъ этедиле. Сѣз бѣлюм сѣз къураучу неда сѣз тюрлендириучю жалгъау болуп да кѣп тюбейди: а-ла «они», ме-ни «меня», а-ла-ны-къы «то, что принадлежит им», кѣп-ле «многие», иш-ле «работать», чалгъы-чы «косарь» д.а.к. Алай жалгъау сѣз бѣлюм биринчи, экинчи бѣлюмледен эсе ючюнчю бѣлюмде аслам тюбейди: къа-ты-лыкъ «твердость», «жестокость», та-за-лыкъ «чистота», къа-ра-лыкъ чернота, темнота», бош-ат-ыл «быть опорожненным, разгруженным», къо-ра-тыу «уменьшение, убавление», жа-ра-тыл «родиться, появиться на свет», тю-кюр-юк «плевок», ча-къыр-ыу «приглашение», ке-лиш-им «соглашение», «договор».

Кѣргюзтюлген энчиликле сѣз бѣлюмню бу тюрлюсюню эркин жюрютюлгенине шагъатлыкъ этедиле.

4. АКЪКЪ (ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ): элт «нести, везти кого-что, вести кого куда-л.»; «уносить, увозить кого-что; уводить кого», брать кого-что (с собой)), айт «говорить, сказать», арт «чистить, очищать что», «полоть что», ант «клятва, клятвенное обещание», юрк «встрепенуться, шарахнуться в сторону, испугавшись (о животных)», элт-дир «заставить или попросить кого отвести (отвезти) что куда», арт-ха «назад», ант-лы «верный, преданный».

Сѣз бѣлюмню бу тюрлюсю жаланда башда келтирилген тамыр морфемалада тюбейди.

Алай бла, АКЪКЪ сѣз бѣлюм бу тилде бек аз тюбейди.

5. Сѣз бѣлюмню КЪАКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ) тюрлюсю жюрютюлюу жаны бла жаланда КЪА (къысыкъ бла ачыкъ) бѣлюмге «хорлатады», кеси да

тамыр, жалгъау морфемалада бирча эркин тюбейди: къол «рука», баш «голова», кенг «широкий», кёз «глаз», бир «один», кёл «настроение», «озеро», сан «число», гюл «цветок», жыл «год», тон «шуба», къол-тукъ-лаш «браться под руки», башчы-лыкъ «руководство», «управление», кенг-ден «издали», «издалека», кёз-баулан «льстить, подхалимничать», кёл-сюн-дюр «вдохновлять; воодушевлять кого»; настраивать кого», гюл-лен «цвести, расцветать», жыл-лыкъ «годовой, годичный; годовалый», «годовщина».

6. КЪАКЪКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ). АКЪКЪ бёлюмча, бу бёлюм да аз тюбейди. Алай муну андан энчилиги недеди десенг, ол сёзлени тамырларында бла эриклеу сёздеде эркин жюрютюледи: тёрт «четыре», къарт «старый», «старик, старец», журт «рвать, дергать, щипать, выщипывать что», «изнашивать что», тюрт «толкать, пихать кого-что; наталкивать кого», сюрт «вытирать, протирать что», «стереть что», «штукатурить что», «натереть кого-что тело», журт «родина», «дом, жилище», дерт «месть, возмездие», сырт «спина», «плато, плоскогорье», черт «обозначать что», «подмечать что, подчеркивать что (в речи и т. п.)», курт/кюрт «сугроб», къурт «червь», морт «плесенный», «плесень», чорт «прямо, наперерез; поперек; напрямик», жорт «идти рысью (о коне)», чырт «совсем, совершенно», гырт «кусок, ком, комок», къырт (звукоподражание хрусту), шырт (звукоподражание шарканью ногами; трение чего-л.), шарх (звукоподражание внезапному резкому шуму), чыркъ (звукоподражание треску чего-л.), къыркъ «сорок», къайт «возвращаться», къоркъ «пугаться», таркъ (звукоподражание стуку; тук), тарх (звукоподражание выстрелу из ружья; бах!). Бу бёлюм эки неда юч бёлюмлю кесеклени алларында жюрютюледи: къарт-лыкъ «старость», къайт-ар «возвращать кого-что», «повторять что», сырт-лыкъ «плато, плоскогорье», тюрт-гю «грубиян», къоркъ-ут «стращать, пугать, угрожать кому чем; устрашать, запугивать кого», тёрт-гюл-лет «пустить галопом (коня)»; жорт-уу-ул «набег (с целью угона скота, людей)»; къарт-гу-на «очень умный, молодой да ранний», тарт-ын-чакъ-лыкъ «застенчивость, стеснительность», къоркъ-уулу «тревожный», къоркъуу-суз-лукъ «спокойствие», «безопасность».

Сёз бёлюмлени тюрлюлерини юсюнден сагъыннганда, башда айтылган бу затланы билдиреди: 1) жюрютюлюю жаны бла алып къараганда, бёлюмню КЪА (къысыкъ бла ачыкъ) тюрлюсю биринчи жердеди, КЪАКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ) тюрлюсю экинчи, КЪАКЪКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ) тюрлюсю ючюнчю; 2) сёзню бёлюмю къысыкъ бирлешден башланмайды, алай эки къысыкъ бирлеш бла уа бошалады, бирлешни биринчи тауушу жаланда сонорлу болады; мюлк «имущество», монг «сытый», морт «хрупкий» д.а.к.

Белгилисича, студентлеге, ана тиллери бла бирге орус тилни да окъугъанлары себепли, сёзню бёлюмлери тауушларыны къуралыуларына бла бирлешиулерине кёре орус тилде бла ана тиллеринде бирге келишимегенлерин эм аны сылтауу не бла байламлы болгъанын ачыкъларгъа керекди.

Орус тилде сёзню аллында, ахырында да эки, юч, тёрт къысыкъ тауушла бирге жюрюй эселе, къарачай-малкъар тилде уа, башда айтылгъаныча, сёзню аллы къысыкъ бирлеш бла башланмайды, сёзню ахырында да къысыкъ бирлешни экиден кёп тауушу болмайды. Аны себепли орус тилде къарачай-малкъар тилде тюбемеген быллай сёз бёлюмле бардыла: 1) эки къысыкъ бла бир ачыкъдан къуралган: шко-ла; 2) юч къысыкъ бла бир ачыкъдан къуралган: страна; 3) тёрт къысыкъ бла бир ачыкъдан къуралган: вскры-вать; 4) юч къысыкъ бла бир ачыкъдан, дагъыда къысыкъдан къуралган: стрел-ка; 5) тёрт къысыкъ бла бир ачыкъдан, дагъыда къысыкъдан къуралган: вскрыл; 6) тёрт къысыкъ бла бир ачыкъдан, дагъыда эки къысыкъдан къуралган: всплеск; 7) эки къысыкъ бла бир ачыкъдан, дагъыда эки къысыкъдан къуралган: кремль; 8) къысыкъдан, ачыкъдан, дагъыда юч къысыкъдан къуралган: текст; 9) эки къысыкъ бла бир ачыкъдан, дагъыда къысыкъдан къуралган: стаж.

Башда келтирилген шартлагъа кёре, сёзню бёлюмю сёлешуню бирде таууш бла тенг (бёлюм къуру ачыкъ тауушдан къуралса), бирде уа андан уллуракъ кесегиди. Къуралыу жаны бла къарагъанда, сёз бёлюм сёлешую органла азчыкъ ачылып, ауаз да бир кесек кётюрюлюрек болуп къуралады. Сёлешген заманда аууздан чыкъгъан хауаны кючю бла хар сёз кесеклеге юлешинеди. Сёзню аллай кесеклерини саны аны ачыкъ тауушларыны саны бла бирге келишеди. Ол кесеклени хар бирин ачыкъ таууш кеси неда къысыкъ таууш (неда къысыкъ тауушла) бла бирге къурайды.

Сёзню бёлюмлери ачыкъла бла къысыкъла боладыла. Ачыкъ бёлюмле эки тюрлюдюле: 1) эки жаны да ачыкъ бёлюмле, къуру ачыкъ тауушладан къуралгъанла; 2) бир жаны ачыкъ бёлюмле, ачыкъ таууш бла къысыкъ тауушдан къуралгъанла.

Жабыкъ бёлюмле да тёрт тюрлюге юлешинедиле. Тилде сёзлени бёлюмлерини тюрлюлери барысы да бирча эркин жюрютюлмейдиле. Кёп тюбеучюлеге бу юч тюрлюсюн санаргъа болады: 1) А (ачыкъ); 2) КЪА (къысыкъ, ачыкъ); 3) КЪАКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ). Была сёзлени ненча бёлюмлюсюнде да эркин жюрютюледиле. Саулай айтханда, тёрт тауушлу бёлюм: КЪАКЪКЪ (къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ) аз хайырланылады, кеси да юч эм бир бёлюмлю сёздеде тюбейди, аллай сёзле бизни тилибизде бек аздыла.

Къуралгъан сёзлени бёлюмлери да бешдан аслам болмайдылы. Сёз ючюн: кёзюл-дю-ре-уюк, а-дам-лыкъ-сыз-лыкъ, би-лим-сиз-лик-ден эм башхала.

Сёзлеге жалгъаула къошулгъанда, аланы бёлюмлери бирде тюрленедиле, бирде уа тюрленмей къаладыла. Сёзню бёлюмлери, анга къысыкъ бла башланган жалгъаула къошулгъанда, тюрленмейдиле, ачыкъдан къуралгъан неда ачыкъ бла башланган жалгъаула къошулсала уа, тюрленедиле.

Сёзню бёлюмюню юч энчилиги барды. Ала бёлюмлени къаллай бирге созулуп, къаллай кюч бла айтылгъанлары эм ачыкъ, кесгин эшитилгенлери неда эшитилмегенлери бла байламдыдыла. Сёз ючюн, басымлы бёлюм бирси бёлюмледен эсе узуннга созулуп, ачыкъ эм кесгин айтылады. Ол бегирекда къуралмагъан сёздеде иги эсленеди.

Хайырланылгъан литература

1. *Баскаков Н.А.* Структура слога в тюркских языках // ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика. С. 333–336.
2. *Баскаков Н.А.* Предложение в турецком языке. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. 200 с.
3. *Буланин Л.П.* Фонетика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1970. 207 с.
4. *Гузев Ж.М.* Карачаево-балкарская фонетика. Нальчик, 2009. 240 с.
5. *Ибрагимов Т.И.* Изучение образования слогов и структуры их сочетаний в татарском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1970. 20 с.
6. *Трофимов М.И.* Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата: Наука, Казахский ССР, 1978. 120 с.
7. *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. 204 с.
8. *Щербак А.М.* О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках // Вопросы языкознания. М., 1971. № 1.

Къысхартыула

АКЪКЪ – ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ

КЪА – къысыкъ, ачыкъ

КЪАКЪ – къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ

КЪАКЪКЪ – къысыкъ, ачыкъ, къысыкъ, къысыкъ

КЪАКЪКЪКЪ – кысыкъ, ачыкъ, кысыкъ, кысыкъ, кысыкъ
КЪКЪА – кысыкъ, кысыкъ, ачыкъ
КЪКЪАКЪ – кысыкъ, кысыкъ, ачыкъ, кысыкъ
КЪКЪАКЪКЪ – кысыкъ, кысыкъ, ачыкъ, кысыкъ, кысыкъ

СЛОГ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Гузев Жамал Магомедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных со свойствами и функциями слога и слоговой структуры в современном карачаево-балкарском языке.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются вопросы слоговой структуры слова с учетом его функциональных и описательных особенностей. В статье выявляется ряд фонетико-фонологических факторов, определяющих значимость слога и слогораздела в исследуемом языке, анализируются теоретические положения слога, слоговой структуры слова. Помимо общетеоретических положений, представленная в исследовании концепция слогораздела опирается на основные правила тюркской фонетики.

В работе отмечается, что в тюркологии существует несколько теорий слога. Наиболее приемлемой для современного карачаево-балкарского языка является сонорная теория, основывающаяся на акустическом критерии.

Как и другие тюркские языки, исследуемый язык располагает шестью структурными типами слогов, которые характеризуются по тем звукам, которыми слоги начинаются и заканчиваются. В зависимости от этого слоги бывают открытыми и закрытыми. Главным законом слога является закон восходящей звучности. В отличие от фраз, речевых текстов и фонетических слов, слог обычно не обладает семантикой.

Ключевые слова: слог, открытый слог, закрытый слог, ударный слог, гласный и согласный, виды слогов, аффиксальная морфема.

SYLLABLE IN MODERN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Guzeev Zhamal Magomedovich, doctor of philology, professor, leading scientific worker of the sector of karachay-balkarian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

Makhiieva Lyudmila Hamangerievna, candidate of philology, associate professor, leading scientific worker of the sector of karachay-balkarian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhiieva@mail.ru

The article is devoted to the study of issues related to the properties and functions of the syllable and syllable structure in the modern Karachay-Balkarian language.

The scientific novelty of the work lies in the fact that it first addresses issues of the syllable structure of the word, taking into account its functional and descriptive features. The article identifies a number of phonetic and phonological factors that determine the significance of a syllable and a syllable section in the language under study, analyzes the theoretical positions of

the syllable, the syllable structure of the word. In addition to the general theoretical provisions, the concept of the syllable section presented in the study is based on the basic rules of Turkic phonetics.

The paper notes that there are several syllable theories in Turkic studies. The most acceptable for the modern Karachay-Blakar language is the sonor theory based on the acoustic criterion.

Like other Turkic languages, the studied language has six structural types of syllables, which are characterized by the sounds that syllables begin and end with. Depending on this, syllables are open and closed. The main law of the yearning is the law of rising sonority. Unlike phrases, speech texts and phonetic words, a syllable usually does not have semantics.

Keywords: syllable, open syllable, closed syllable, stressed syllable, vowel and consonant, types of syllables, affix morpheme.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-129-135

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Кумыкова Дина Мухарбиевна, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dina07-09@mail.ru

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», etkumykova@mail.ru

Статья посвящена исследованию антонимии как одной из важных лингвистических универсалий, свойственных языкам всех типов. Несмотря на то, что начало исследованиям антонимов в кабардино-черкесском языке положено еще в середине XX в. Н.Ф. Яковлевым, до настоящего времени они не получили должного освещения ни с точки зрения теоретического осмысления, ни с позиций лексикографической практики. Принципиально важными и нерешенными остаются вопросы определения границ антонимии, классификации антонимов и их лексикографирования.

В работе предложена классификация антонимов кабардино-черкесского языка с точки зрения противоположных отношений в составе контрарной (градуальной), контрадикторной (комплементарной), векторной и конверсивной противоположности.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, антонимы, классификация, семантика, типы противоположности.

В современной лингвистической литературе теоретические и практические аспекты изучения антонимии, как одной из важных лингвистических универсалий, свойственных языкам самых разных типов, разработаны достаточно широко и подробно: предложены определения антонимов и проведена их структурная классификация, рассмотрены различные признаки антонимичности, вопросы соотношения антонимии с синонимией, критерии установления антонимических отношений между языковыми единицами, словообразовательный аспект антонимии, созданы словари антонимов различных языков. При этом все еще не представляется возможным говорить о единстве взглядов на сущность самого явления, что связано с различным пониманием границ антонимии. Не углубляясь в анализ множества существующих взглядов и опытов дефиниций, основанных на таких понятиях, как «противопоставленный», «контрастный», «полярный», «обратный» и др., отметим, что при классическом определении антонимов основополагающим является понятие семантической противоположности, например: «антонимами являются слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [Шанский 1972: 64]; «антонимы представляют собой слова одной части речи, противоположные по значению» [Костомаров, Максимов 2003: 153]. Обязательными признаками антонимической парадигмы являются ее парность (она состоит из позитивного и негативного членов) и наличие семы отрицания *не* (входит в состав значения одного из членов антонимической парадигмы), например: *голодный* – «испытывающий голод»; *сытый* – «не испытывающий голода». Эта сема может также содержаться в антонимичных

приставках (*тихий – бесшумный*) [Диброва 2001: 244]. Отмечено также, что предметы и свойства являются противоположными не вследствие выражаемого конкретно-предметного значения, а в результате их «вербального осмысления, оценки, включения в систему языка, в группы слов, обозначающих то же самое качество, свойство, отношение и т.п.» [Новиков 1973: 56]. Так, слова *горький* и *сладкий* являются антонимами не потому, что они по своей природе противопоставлены друг другу, а потому, что они называют противоположные проявления одного рода, в данном случае – вкусовые. Таким образом, антонимы выражают противоположные, но обязательно соотносительные понятия, ибо «противоположными могут быть лишь видовые понятия некоего родового понятия» [Петрухин 1979: 30].

Несмотря на то, что начало исследованиям антонимов в кабардино-черкесском языке положено еще в середине прошлого столетия [Яковлев 1948: 130–131], до настоящего времени они не получили должного освещения ни с точки зрения теоретического осмысления, ни с позиций лексикографической практики. Краткая характеристика кабардино-черкесских антонимов представлена в работах М.Л. Апажева [Апажев 2004: 70–76], А.К. Шагирова [Шагиров 1962: 45–47], в обобщающем издании «Кабардино-черкесский язык» [КЧЯ 2006: 43–47], отдельные аспекты проблемы антонимии затронуты в публикациях, посвященных различным вопросам лексики и семантики кабардино-черкесского языка [Токмакова 2008], [Губжокова 2012], [Бижоев, Токмакова 2016: 145–148], [Афаунова 2018], и др. Первый и единственный опыт лексикографической фиксации антонимов кабардино-черкесского языка представлен изданием: Пщыбий Инал. Адыгэбзэм и антонимхэм я псалъальгэ кIэщI (Краткий словарь антонимов кабардино-черкесского языка) [Пщыбий 1989]. Принципиально важными и нерешенными остаются вопросы определения границ антонимии, классификации антонимов и их лексикографирования.

В данной статье обратимся к проблеме семантической классификации кабардино-черкесских антонимов в зависимости от выражаемого типа противоположности, в целях определения в дальнейшем границ антонимии и принципов лексикографического описания данного лексического явления.

В научной литературе, посвященной проблеме антонимии, на основании таких признаков, как указание на степень качества, соотнесенность с денотатом, выражение направленности – ненаправленности противопоставления, – выделяются: абсолютные антонимы (градуальные и привативные оппозиции) и относительные антонимы (конверсивы) [Уфимцева 1968]; дополнительность, антонимия и конверсивность [Лайонз 1978]; контрарные (градуальные), комплементарные (контрадикторные), векторные антонимы и конверсивы [Новиков 1982]; контрарные (противоположные), комплементарные и векторные антонимы [Васильев 1993]; качественные (градуальные отношения) и комплементаривы (бинарные отношения) [Михайлов 1987].

Можно заметить, что схемы семантической классификации антонимов, отражая основные виды противоположности, различаются лишь терминологически и, в некоторых случаях, по составу лексических единиц, включаемых в те или иные группы. В целом, исследования свидетельствуют об их универсальности для языков разных типов.

Рассмотрим антонимы кабардино-черкесского языка с точки зрения противоположных отношений в составе контрарной (градуальной), контрадикторной (комплементарной), векторной и конверсивной противоположности.

1. Контрарные антонимы, выражающие градуальную качественную противоположность и противоположность координационных понятий. Антонимическая оппозиция данного вида, как правило, трех- и более членная, поскольку представлена не только крайними членами с ярко выраженным проявлением качества, но и одним или несколькими промежуточными средними членами, с меньшей выраженностью степени проявления качества. По мнению Дж. Лайонза, именно слова, обозначающие крайние проявления признака, который имеет количественное проявление и может увеличиваться или уменьшаться, то есть градуироваться (например, *горячий – тёплый –*

холодный), правомерно обозначать термином «антонимы» [Лайонз 1978: 488]. Перекликается с мнением британского исследователя и позиция Л.А. Новикова, который считает, что качественные слова, выражающие контрарную противоположность, образуют «ядро» антонимии в русском языке [Новиков 1978: 14–15].

В кабардино-черкесском языке данная группа антонимов так же, как и в русском и английском языках, представлена прилагательными, а также производными словами, семантически с ними соотносимыми: *быдэ – мыбыдэ – цабэ, пцтыр – хуабэ – цылыэ*, *бэшэч – мыбэшэч – дзыхэ, гугуэ – мыгугуэ – тыниш*. В трехчленной антонимической оппозиции роль среднего члена чаще выполняет слово с отрицательным префиксом *мы-*: *гуащлэ – мыгуащлэ – ГэфI, лъагэ – мылъагэ – лъахъшэ, ин – мыин – цыклу* [Шериева 2016: 137].

Приведем примеры употребления контрарных антонимов в литературе. *Мэкъум къыхихри Щэбэтыкъуэ и къуэрыльхухэм мэраклуацлэ яхуигуэшащ. Зы хъыджэбз цыклу и Гыхэр жьэдидзэри зызэригъэлащ, и цыфэр тхытхыурэ мэраклуэ гуащлэр къеубжъытхыж. – Сло, Клуаклуэ, гуащлэ? – жилащ лыжъ насытыфлэр дыхъэххыурэ. – Гуащлэиц, – жилащ хъыджэбз цыклым. – Уа, уэри-тлэ зы мыгуащлэ, ГэфIыбзэмэ, – хуидакъым ар цлалэ нэ сыринэ цыклым (МафIэдз С. Щаплуэ фыцлэ).*

Ар ныбжъыцлэ щыпкъэт, пкъы эклужет, нэгу зэлъылухат, цхъэц дахэу цылэм налэ зырыз къыхащыныкыу, Гэклэ тралъха хуэдэ, и цхъэцыгъуэ лувыр мащлэу шэрэзауэ и натлэ лъагэ къабзэм къытелът (Абазэ Л.). – Зи клапэ зызышыхъыжа дарийуэ и цхъэцыгъуэ тлатлэ лувыр Светэ и бгъэм къытеуэу дамащхытлым телъц, натлэ заницлэ мылъагэр укъишу хужыц (Щамырзэ I.) – Щалэхэр къэмысыпэу зетеувылащ, шыхэм зыкърагъэлъэтэхри укытауэ зи клэпхыным есэбауэ хуэдэу зыцлэ, зи Гэ псыфхэмклэ нэжъгъуцхэр нылэ лъахъиэ цыклым цлэзыупцлэ Платлэ къыбгъэдыхъащ (МэфIэдз С.).

Акъужыыр аузымклэ къызэрыдэуэу, цыху цыклым нэхъ зрегъэцлэ, нэхъ иным цхъэц хуицлэ цыклуэ (Шортэн А.). – Адыгэ цыхубзхэм яцхъэрыгъ нылэм ецхъу, и къэухъыр мыину, и купсэр кыхуэ – апхуэдэ уницлэ нылэ цхъэрыгът лыжъ Гэцыхъуэм (Шортэн А.) – Къуажэхэм и ныкъуэр инци, адрейхэр цыклуиц, унэ зырыз флэкла мыхъухэми урохъэлэ (МэфIэдз С.).

2. Контрадикторные (комплементарные) антонимы, выражающие противоположности, взаимно дополняющие друг друга до единого целого (родового понятия) и являющиеся по своей природе предельными, без промежуточных звеньев. Они образуют бинарные оппозиции. «Сущность комплементарности заключается в том, что два противоположных значения, характеризующиеся каждое своим положительным содержанием, дополняют друг друга до выражения пределов проявления того или иного свойства, состояния или отношения» [Новиков 1973: 244]. Данный тип антонимических отношений строится по схеме «или... или» и представлен в основном именами прилагательными и существительными, обозначающими явления, признаки, противоположность которых является исчерпывающей и не допускающей третьего толкования. Отрицание одного из членов такого противопоставления дает значение другого: *ажал – гъащлэ (ажал-къым = гъащлэ), псэу – ла, дуней – ахърэт, зауэ – мамырыгъэ, ижъ – сэмэгу, узыниэ – сымаджэ, пэж – цылы, гъэмахуэ – цылымахуэ, цылыгъэ – уафэ.*

Гэр и клэм нэсащ. Сыт илъэсыцлэм къыххуихъынуур, насытыцлэ – удыныцлэ, гъащлэ – ажал? (Абазэ Л.); Иджы мис мы къыббгъэдэс Къэтыкыуэ сымэ си цыхъэтэу, уцлэмыгъуэжауэ щытмэ, узидэлъхуш, дунейкIи ахърэткIи (МафIэдз С.); Ауэ цылы жьгъей къомым зы пэжышхуэр къыхэмышу шлауфэф, пэжышхуэ Гэджем зы цылы хъурей цыклуэр къыхэкIэрэхъукI, къыхэпIишкIми. Пэжыр адыгэхэм, шэшэнхэм, дэтхэнэ бгырысми я хабзэ зэрахъэу, лажъэу, шхэжу, лъхуэуэ, пIэуэ, я гъунэгъухэм тынишу ядэпсэунырт (МафIэдз С.).

3. Векторные антонимы, выражающие противоположность разнонаправленных действий, признаков, свойств, явлений, соотносимых с одним и тем же лицом.

Антонимы данного класса в кабардино-черкесском языке могут быть представлены различными частями речи:

1) глаголами, означающими: а) разнонаправленные действия в пространстве (*бгъэдыхъэн – бгъэдэкIы(жы)н, дэгъэзеин – егъэзыхын, бгъэдэлъэдэн – (къы)бгъэдэжын, джэлэн – тэджы(жы)н, цIыхъэн – цIэкIын, зэбгъэдыхъэн – зэбгъэдэкIын, дэпцеин – епцыхын, хыхъэн – хэкIын, дэхъеин – ехъэхын*); б) действия по изменению состояния и возврату в исходное состояние (*пхэн – тIэтэн, зэтэдэн – зэтетIэлIыкIын, гъэкIыхын – гъэкIэцIын; гъэбэгъуэн – гъэмэцIэн, Iухын – хуэцIын, цIэ(гъэ)нэн – (гъэ)ункIыфIын; лIэн – къэхъужын*);

2) производными существительными, образованными путем сложения глагольной основы со значением пространственного перемещения и компонента *пIэ* «место»; такие сложные слова обозначают место действия, выраженного производящим глаголом [КЧЯ 2006: 111] (*дэгъэзеинIэ – егъэзыхынIэ, ехынIэ – дэкIуеинIэ, цIыхъэнIэ – цIэкIынIэ, хыхъэнIэ – хэкIынIэ*);

3) наречиями с семантикой пространственного направления (*ипцэкIэ – ипцхъэрэкIэ, ипцхъэмкIэ – илIабжъэмкIэ, ипэкIэ – иужьскIэ*);

4) существительными, выражающими «антиподную / диаметрально противоположную» в пространстве (по терминологии Дж. Лайонза) (*адрыцI – мыдрыцI, ипцхъэрэ – ипцэ, къуэкIынIэ – къухъэнIэ, цыгу – лIапэ*);

При этом следует отметить, что большая часть векторных антонимов представлена именно глагольными антонимами. Проиллюстрируем примерами из художественной литературы.

А постым и къалэнт адрыцIхэм, Турцием IэцIэлъ цIыналъэм тепсэухъхэм яцыц мыдрыцIым, Кубань и ижъырабгъу лъэныкъуэм къызэпрамыгъэкIыну, мыдрыцIхэри адрыцI ирамыгъэкIыну. Россием ебий дэтхэнэ бгырыс зиусхъэнри Кубань икIуэсыкIти, шуудзэ цызэригъэпэцт. УвыIэгъуэ ямыIэу тыркухэм урысхэм ебий пцыжъ-уэркъыжъхэр цIагъэстт, адрыцIхэр Кубань къызэпрыкIуэрэ мыдрыцIэхэм, Россием куэд цIауэ гуэтхэм, ятеуэрт (Шортэн А.).

Фызыжъыр зепцыпцэ цIыкIэу гъуэлъыпIэм бгъэдыхъэри и хъэцIэм цхъэнтэ къыхуицтац, ар игъэбырыбу, тIэкIуи и IитIымкIэ теуIуэжу (МэфIэдз С.) – Ар трагъуэн цхъэкIэ лIыжъ-фызыжъыр бгъэдэкIыртэкъым (МэфIэдз С.).

Деишхуэ Iэдэмаишэжъ гуэр хуэзэри абыи епIац, дэпцейри и цхъэкIэм тетIысхъац. ИхъурейгъкIэ аргуэрэ зиплIыхъац. Къепцыхыжсац (КIэрэф М.).

Уи лъэгъуажъэм къэмысу цыта цхъэлыс цIыкIур уцIигъанэу къыуати хыхъэн шынэу цытт Сурэт (Абазэ Л.) – Лусэ псым къыхэкIыжыным ипэкIэ Аружан къыригъэжъауэ цыта псалъэр адэкIэ пецэ (ЩоджэнцIыкIу I.).

Абы инэмыцIауэ, псалъафэу къэнахэр-цэ: «Бэгъэуи и гъуэншэдджыр цыгъыц. Бэгъэуи и гъуэншэдджыр цымIагъэ» (МэфIэдз С.). – А пцыгъхэри зыцыхым, дахэ, – жиIац абы (Шортэн А.).

Арати, пцыхъэцхъэм уэздыгъэр къыцIэнэу, ункIыфIыжу, къыцIэнэу, ункIыфIыжу цыхъум, мо ныуэжъ тэмаккIэцIыр къэгубжъыц, бжэкъуагъым къуэлъ бжэIулгъэр къицтэри уэздыгъэр жьгъыбу къыфIуудац (МэфIэдз С.).

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемый класс антонимов представлен как разнокорневыми, так и однокорневыми глаголами. Наиболее частыми способами образования глагольных однокорневых векторных антонимов являются: префиксально-суффиксальный (*дэжеин – кье-жэ-хы-н, дэпкеин – (къ) е-пкIы-хы-н, бгъэдэкIуэт-э-н – бгъэдэкIуэт-ы-н, бгъэдэдз-э-н – бгъэдэдз-ы-н, бгъэдэлъэф-э-н – бгъэдэлъэф-ы-н*), суффиксальный (*цIэлъэтэн – цIэлъэты-жы-н, зтелуэнтIэн – зтелуэнтIы-кIы-н* [Дзуганова, Кумыкова 2015: 1544]). Отметим, что способы и средства образования однокорневых антонимов в кабардино-черкесском языке достаточно разнообразны и заслуживают специального рассмотрения в дальнейшем.

4. Конверсивные антонимы, обозначающие одно и то же действие (отношение, ситуацию) с позиций двух противопоставленных его участников.

Конверсивная противоположность тесно связана с векторной противоположностью, составляющей один из компонентов логико-семантической основы антонимии. Вместе с тем в специальной литературе наблюдается неоднозначная трактовка конверсивов: часть ученых отождествляет конверсивы с антонимами, а другая – различает их между собой и рассматривает конверсивность вне рамок понятия «антонимия».

Еще Дж. Лайонз, который и ввел термин «конверсивная противоположность» применительно к соотносимым друг с другом словам, типа buy «покупать» – sell «продавать», husband «муж» – wife «жена», обособлял данное понятие от собственно антонимии [Лайонз 1978: 493]. Отмечая сходство антонимии и конверсии, заключающееся в их связи с идеей противоположности в языке, некоторые исследователи обосновывают их различие тем, что антонимы подчеркивают противоположные, но не противоречащие видовые понятия в рамках одного родового понятия, «а лексические конверсивы (ЛК) – различие точек зрения на одну и ту же ситуацию действительности. Антонимы выражают противоположные значения слов, а ЛК – соотносительные: *купить* ‘приобрести за деньги’ – *украсть* ‘присвоить чужое, похитить’ (антонимы), *купить* ‘приобрести за деньги’ – *продать* ‘отдать за деньги’ (ЛК). Антонимы вербализируют разные денотаты, в то время как ЛК концептуализируют тождественность денотата» [Иванова 2016: 39]. В качестве аргумента в пользу отличия конверсии от антонимии отмечается также то, что «семантическая конверсия может распространяться не только на лексико-семантическую парадигму слова, но и на целое высказывание. При изменении высказывания (например, *Steve gives a present to David*) на «обратное» (*David receives a present from Steve*) последнее будет иметь как раз «конверсивное», или разнонаправленное отношение по отношению к исходному высказыванию, коррелируя с ним в семантическом плане» [Шакирьянов 2016: 160].

Л.А. Новиков в своей классификации акцентирует внимание на антонимах, представленных глаголами-конверсивами, которые обладают выраженной направленностью, что позволяет обозначать с их помощью одно и то же действие с противоположных точек зрения. Например: *брать – давать, получать в подарок – дарить, снимать – сдавать* и др. [Новиков 1978]. Е.И. Диброва относит «конверсивные антонимы» к семантическим типам антонимов и видит их особенность в «лексико-синтаксической противопоставленности: *Я покупаю книгу – ты продаешь книгу*; глаголы-конверсивы выражают двусторонние отношения подлежащно-объектных связей (объект один и тот же, а субъекты, обозначаемые подлежащими – разные). Сами глаголы представляют одно и то же действие в «обратных» отношениях: «приобрести в собственность» – «передать в собственность» [Диброва 2001: 245–246].

Вопрос включения/ невключения конверсивов в состав антонимии требует более пристального внимания, поскольку имеет принципиальное значение при решении задач лексикографической фиксации антонимов. Здесь мы лишь обозначили существование разных взглядов на данную проблему.

С нашей точки зрения, вполне логично рассматривать конверсивную противоположность в рамках антонимии с учетом того, что можно рассуждать об абсолютных, так называемых «ядерных», антонимах и об относительных антонимах, к которым и причисляет данный вид противоположности А.А. Уфимцева [Уфимцева 1968]. Таким образом, признавая существование конверсивных антонимов, имеющих общую с векторной противоположностью семантику направленности, но отличающуюся наличием двух субъектов, отметим, что в кабардино-черкесском языке данный тип противоположности может быть выражен: 1) глаголами: *щэн – къэццэхун, кфуэдын – къэгъэутын, егъэдджэн – еджэн, етын – ктеьыхын*; 2) существительными, выражающими противоположные стороны в социальных, родственных отношениях людей: *еджакфуэ – егъэдджакфуэ, гъэсакфуэ – гъэсэн, хъэццэ – бысым, щауэ – нысаццэ, шынэхъыжь – шынэхъыццэ, сабий – балигъ, дохутыр – сьмаджэ*.

Приведем примеры употребления конверсивных антонимов в художественных произведениях кабардино-черкесских авторов:

Иджэрэ къохъу къуажэм къыдыхъа **хъэщIэм** благъэрэ хэгъэрейрэ имыIэу. Абы хуэдэ **хъэщIэм** цхъэкIэ хъэщIэщыр – **бысымиц**. Абы хуэдэ хъэщIэр хъэщIэщ зыдэтым дохъэри зэуицIикI, зэльэуикI цымыIэу йопсыхри и шыр шы фIэдзэпIэм фIэдзэри езыр цIохъэ (Нало А.).

ЕгъэджакIуэхэмрэ абыхэм я **еджакIуэхэмрэ** иджы зэныбжъэгу хъуахэт. Зэнеуэу псоми зыгуэрхэр ягу къагъэкIыжырт ... Экзамен, сымаджэщ, цхъэ къуицхъэ, цыху кIуэцI, мастэ, уIэгъэпх, сымаджэ къшин, анекдот **дохутырхэм, сымаджэхэм** ятеухуауэ (МэфIэдз С.).

ИтIанэми, нэхъыжъыр сым цыгъуи нэхъыжъщ. Дауэрэ цымытами, адыгэ унагъуэм уцынэхъыжъыныр куэд и уасэщ. ИкIи ар ехъэллакъым уи **шынэхъыжъым** хуэмыхъуж цыгъыныр къузэратыжым, хъэмэрэ абы сым цыгъуи уедэлуэн зэрыхуейм. Нэхъыщхъэр абы нэ лейкIэ зэрэплъыриц. – АрицхъэкIэ игъуэу зишыIащ, и ныбжъэгу, и **шынэхъыщIэм** ещIыж зэрымыхъунур текIуэри (МэфIэдз С.).

Цыхухъури, цыхубзри, **сабийри, балигъри**, зэрыжалэщи, губгъуэм итц я Iэбжъанэр удзыжъым тритхъауэ, нэмыцэм Исраф тфIицIар нэхъ псыницIэу зэфIэдгъэувэжын, япэм хуэдэу дыпсэуэ зэдгъэпэщыжын, жалэри (ШэджыхъэщIэ Хъ.).

Таким образом, рассмотрение антонимов кабардино-черкесского языка с точки зрения выражаемых ими противоположных отношений позволяет выделить контрастные (градуальные), контрадикторные (комплементарные), векторные антонимы и антонимы – конверсивы. Данные группы различаются по представленности частями речи. Первую группу антонимов, выражающих контрастную противоположность, составляют прилагательные и семантически с ними соотносимые производные имена со значением признака, допускающего градуальное проявление; группу контрадикторных антонимов создают в основном имена прилагательные и существительные, обозначающие явления, признаки, противоположность которых является исчерпывающей и не допускающей третьего толкования. Векторные и конверсивные антонимы в кабардино-черкесском языке представлены в основном глаголами и существительными, выражающими направленность действий и признаков с той разницей, что первые характеризуют противоположные явления с позиции одного субъекта, а вторые – с позиций двух противопоставленных участников ситуации.

Источники и литература

1. Анажев М.Л. Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пособие. Нальчик, 2004. 153 с.
2. Афаунова А.А. Коммуникативная функция междометий кабардино-черкесского языка в диалогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1 (83). С. 55–58.
3. Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х. Полевой подход в изучении эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 6. С. 145–148.
4. Васильев Л.М. О принципах соотносительного описания лексики и фразеологии // Исследования по семантике. Уфа, 1993. С. 12–16.
5. Губжокова Д.Дж. Средства выражения экспрессивности в кабардино-черкесском языке (лексико-семантический аспект): Автореф. диссерт... канд. филол. наук. Нальчик, 2012.
6. Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М. Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.
7. Диброва Е.И. Антонимическая парадигма // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. М., 2001.
8. Иванова И.Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования: Дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016.

9. Костомаров В.Г., Максимов В.И. Современный русский литературный язык: Учебник. М., 2003.
10. КЧЯ – Кабардино-черкесский язык. В 2-х томах. Нальчик, 2006.
11. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику // URL: <https://classes.ru/grammar/146.Lyons/source/worddocuments/104.htm> (Дата обращения: 15.10.2019).
12. Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. М.: «Прогресс», 1978. 543 с
13. Михайлов В.А. Генезис антонимической оппозиции (Антонимия и отрицание): учеб. пособие. Л., 1987.
14. Новиков Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М., 1982. 272 с.
15. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.
16. Новиков Л.А. Антонимия и словари антонимов // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / под. ред. Л.А. Новикова. М., 1978. С. 5–28.
17. Петрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном языке. Воронеж, 1979.
18. Пцыбий Инал. Адыгэбзэм и антонимхэм я псалъалгъ кIэщI (Пишбиев И.Х. Краткий словарь антонимов кабардино-черкесского языка). Нальчик, 1989. 60 с.
19. Токмакова М.Х. Энантисемия в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты. Материалы Международной научно-методической конференции. 2008. С. 172–173.
20. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
21. Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962. 212 с.
22. Шакирьянов Л.М. Логико-семантическая основа антонимии и другие семантические корреляции в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 1. С. 159–162.
23. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие. М., 1972.
24. Шериева Н.Г. Отражение в словаре кабардино-черкесского языка слов в отрицательной форме // Адыгская (черкесская) лексикография: теория и практика. Нальчик, 2014.
25. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: АН СССР, 1948. 372 с.

ANTONYMIC RELATIONS IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE: SEMANTIC CLASSIFICATION EXPERIENCE.

Kumykova Dina Mukharbievna, Candidate of Philology, Ass. Professor, Academic secretary of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dina07-09@mail.ru

Kumykova (Guchapsheva) Elina Tuganovna, Candidate of Philology, ass. Professor, Foreign Languages Department of Kabardino-Balkarian State University, etkumykova@mail.ru

The article is devoted to the study of antonymy as one of the essential inherent linguistic universal. Despite the fact that the investigation of antonyms in the Kabardian-Circassian being laid by N.F. Yakovlev dates back to the middle of the 20th century, they have not received a comprehensive scientific coverage either in terms of theoretical reflection or lexicographical practice. The issues of determining the boundaries of antonyms, classification of antonyms and their lexicography remain fundamentally crucial and unresolved.

The paper suggests the classification of antonyms in the Kabardian-Circassian in terms of antithetical relations within the counter (gradual), contradictory (complementary), vector and converse oppositions.

Keywords: Kabardian-Circassian language, antonyms, classification, semantics, types of opposites.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА БИЧАКЪ/БЫЧАКЪ/БЫЦАКЪ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусуков Борис Абдулкеримович, доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексико-семантических, словообразовательных, словоизменительных особенностей имени существительного *бичакъ* (балк.)/*бычакъ* (карач.) *быцакъ* (ц.-диал.) ‘нож’ в карачаево-балкарском языке. В ней рассматриваются лексико-грамматические особенности линейных единиц вторичной номинации, образованных от этого слова и его вариантов с помощью различных функциональных идентификаторов; лексико-синтаксические особенности номинативных единиц аналитического типа, свободных словосочетаний, в которых отмеченное слово выступает их субстантивным компонентом, изафетных конструкций, в которых оно употребляется в функции атрибутивного компонента. В работе анализируются особенности самостоятельных лексических единиц, образованных с изменением частеречной принадлежности производящих основ *бичакъ/бычакъ/быцакъ* (ц.-диал.).

Ключевые слова: переднерядный вокализм, заднерядный вокализм, диалектный вариант, морфологическая структура, категориальная принадлежность, факультативный компонент.

Актуальность данной статьи заключается в том, что на основе исследования лексикографических источников карачаево-балкарского языка, связанных с лексемой *бичакъ* (балк.)/*бычакъ* (карач.)/*быцакъ* (ц.-диал.), рассматриваются участие инвентарных единиц в создании новых слов и их форм, изменения категориальной принадлежности исходных основ; показывается образование свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, анализируются техника и приемы формирования устойчивых конструкций; сопоставляются некоторые точки зрения относительно этимологии общетюркской основы *бичакъ~бичек* ‘нож’.

Целью статьи является раскрытие функционально-семантического потенциала общетюркской лексики *бичакъ* ‘нож’ в карачаево-балкарском языке, употребляемого в вариантах *бычакъ/быцакъ*, участвующих как в словообразовательных, так и словоизменительных процессах. Установление производного характера лексики *бичакъ/бычакъ/быцакъ*, раскрытие лексико-семантических связей между производящей и производной основами.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней рассматриваются интегрирующие особенности общетюркской лексики *бичакъ* ‘нож’, лексико-грамматические особенности ее употребления в карачаево-балкарском языке в фонетических вариантах. Наряду с самостоятельными лексическими единицами, в ней анализируются и залоговые формы, употребляемые контекстуально и уточняющие в отдельных случаях словообразовательное значение. Новые лексические единицы и залоговые формы рассматриваются не только с точки зрения морфологической структуры, но и лексико-семантической.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) рассмотреть лексико-семантические, словообразовательные, синтаксические особенности производящих и производных основ, аналитических конструкций, образованных как с помощью линейных единиц первичной номинации, так и вторичной репрезентации;

2) проанализировать свободные словосочетания со словом *бичакъ/бычакъ/быцакъ* с точки зрения атрибутивных (определятельных) отношений, установить тип синтаксических отношений в словосочетаниях, при которых господствующий член имеет значение *предмета*, зависимый – значение признака;

3) показать строевые средства выражения грамматических значений, присоединяемых как к слову *бичакъ*, его формам, так и к производящим основам;

4) выявить особенности формирования устойчивых словосочетаний, функционирующих в языке в качестве эквивалента отдельного слова.

Общетюркская лексема *бичак* 'нож', употребляемая в основном в вариантах с заднерядным вокализмом (*бычак-нычак* и т.д.), в карачаево-балкарском языке встречается в двух вариантах:

1) в карачаевском варианте с заднерядным вокализмом *бычакъ* 'нож//ножевой';

2) в балкарском варианте с переднерядным вокализмом *бичакъ* 'нож'; в позиции определения 'ножевой': а) совершенное ножом: *бичакъ жара* 'ножевая рана'; б) изготовитель ножей: *бичакъ завод* 'ножевой завод'; в) проводимое ножом: *бичакъ уруш* 'сабельная война'.

Нарушение сингармонизма в балкарском варианте *бичакъ* может свидетельствовать о том, что слово это образовалось от корневой глагольной основы *бич-* со значением 'резать', а не 'кастрировать', почему-то не отмеченном в толковых словарях карачаево-балкарского языка, и агглютинативного аффикса *-акъ*.

Карачаевский вариант *бычакъ*, в котором закон сингармонизма не нарушается, свидетельствует о том, что это слово ни от чего не образовалось. В толковом словаре карачаево-балкарского языка нет производящей глагольной основы *быч-* со значением 'резать'. С другой стороны, в карачаевском варианте нет и другого глагола: *бич-* 'резать', отмеченного в балкарском варианте карачаево-балкарского языка.

Диалектный вариант *быцакъ* 'нож' (ц.-диал.) (с интервальным *-ц-*) – наиболее древняя и первоначальная форма, встречающаяся в материалах историко-лингвистических памятников, также свидетельствует о том, что не имеет производящей основы *быч-* со значением 'резать'.

Из сравнения форм *бичакъ/бычакъ/быцакъ* можно заключить, что они в конечном итоге восходят к двусложной основе *бич-*, откуда развились и другие формы *быч-* и *быц-*, не находящиеся в самостоятельном употреблении, а находящиеся в составе других форм. Общетюркская именная основа *би* 'лезвие ножа' представлена в производном глаголе *бич-* 'резать'. Производящая основа *бич-* фонетически и семантически однородна с рассмотренными выше вариантными глаголами. Приведенные данные в своей совокупности вовлекают глагол *бич-* 'резать' в лексико-семантическое поле; имеющее много общего с вариантами *быч-* и *быц-*. Все формы: *бичакъ, бычакъ, быцакъ* являются наиболее активными в словоупотреблении для современного карачаево-балкарского языка, в то время как среди производящих основ такую функцию выполняет лишь основа *бич-*.

Лексема *бичакъ* встречается и в других тюркских языках, к примеру, в тувинском. Автор пятитомного «Этимологического словаря тувинского языка» Б.И. Татаринцев по поводу этимологии слова *бижжек[иъ]* 'нож' пишет: «Традиционная этимология *бычак~бичек*... истолковывает их как производные от глагольной основы *быч~бич-* 'кроить, резать', но есть версия, трактующая эти существительные как форму уменьшительности от *бы~би* 'лезвие, острие; нож'. Этой версии

придерживается и Э.В. Севортян [Севортян 1978: 159–160], но, думается, она обособлена слабей, нежели первая» [Татаринцев 2015: 221]

Слово **бычакъ** 'нож' (карач.) участвует в образовании различных синтаксических конструкций, являясь их субстантивным компонентом: 1) свободных словосочетаний типа **кёзлик бычакъ** 'складной нож'; **уллу бычакъ** 'сабля, шашка'; **кьынгыр (неда горда) бычакъ** 'ятаган'; **эки жанлы бычакъ** 'тесак'; 2) изафетных конструкций, т.е. именных определительных словосочетаний, оба члена которых выражены именами существительными и в которых одно из двух слов подчиняется другому и зависит от него: **бычакъ аууз** 'лезвие'; **бычакъ бау** 'портупея'; **бычакъ кьын** 'ножны' (все эти сочетания, в которых слова **аууз**, **бау**, **кьын** являются определяемыми, составляют изафет I с типом синтаксической связи примыкание); 3) субстантивных конструкций, в которых имя существительное **бычакъ** выступает в функции атрибутивного компонента: **бычакъ жара** 'ножевая рана'; **бычакъ тьююш** 'поножовщина'; 4) глагольных словосочетаний, в которых отмеченный субстантивный компонент употребляется в родительном падеже: **бычакъны билерге** 'точить нож'; **бычакъны сугъаргъа (неда чанчаргъа)** 'воткнуть нож'; 5) изафетных конструкций, в которых препозиционный субстантивный компонент употребляется в родительном падеже, а постпозиционный – в местном падеже: **бычакъны ауузунда** 'на лезвии ножа' [КБРС 1989: 175].

Слово **бычакъ** 'нож' употребляется в виде посессивной (притяжательной) основы I л. ед. ч. в составе синтаксически неразложимых фразеологических сочетаний: **бычагъымы береме!** 'бьюсь об заклад!', **спорю** [КБРС 1989: 175].

Следует отметить, что с точки зрения грамматических особенностей слово **бычакъ** 'нож' употребляется как в единственном, так и множественном числе: **бычакъ + ла** 'ножи'. Форма единственного числа совпадает с основной формой слова.

С точки зрения семантического плана нет строгого разграничения между формами единственного и множественного числа.

Форма единственного числа, т.е. не оформленное имя, может иметь значение, не выражающее понятие числа, например, если сочетается с количественными или неопределенно-количественными числительными: **эки бычакъ бла** 'с двумя ножами', **кёп бычакъ** 'много ножей', **мынча бычакъ** 'столько ножей', **беш бычакъ** 'пять ножей'. Сочетание с числительным **бир** имеет свои особенности. Слово **бычакъ**, сочетающееся с числительным **бир** 'один', выражает значение единичности, тогда как само числительное выполняет как бы функции неопределенного артикля.

Форма единственного числа может выражать значения собирательности, парности, видовой принадлежности, например, **бычакъ бла** 'ножом'.

Форма множественного числа образуется при помощи аффикса **-ла/-ле**, присоединяемого к самостоятельному слову **бычакъ**.

Слово **бычакъ** 'нож' как карачаевский вариант употребляется в пословицах и поговорках этого языка: **бычакъ джара сау болур, джюрек джара сау болмаз** 'ножевая рана заживет, душевная рана не заживет' [КБРС 1989: 175].

В карачаевском варианте с помощью производящей основы **бычакъ** 'нож' могут образоваться как самостоятельные лексические единицы с изменением их частеречной принадлежности, например, **бычакъ + ла-** 'ударить ножом', так и различные грамматические формы, например, **бычакъ + ла + р** – 'ударит ножом' (с помощью аффикса будущего времени **-р**).

Имеющиеся материалы способствуют определению того, каким путем образовалось основное значение глагола **бычакъ+ла-**. Лексико-грамматическая квалификация производящей основы не вызывает сомнений. Производное **бычакъла-** морфо-семантически коррелятивно с производящим словом **бычакъ** 'нож'.

От производящей основы вторичной репрезентации **бычакъ + ла-** с помощью аффикса понудительного залога **-т** может образоваться форма понудительного

залога **бычакъ** + **ла** + **т-** 'ударить ножом'. Особенностью формы понудительного залога является то, что глагольное действие совершается под понуждением, а производная основа дублирует лексическое значение производящей основы.

«В зависимости от семантики исходных основ, т.е. от переходности и непереходности, понудительный залог как бы объединяет две залоговые формы: 1) понудительно-переходные (транзитивные) формы – это переходные формы понудительного залога, образованные от непереходных производящих основ; 2) понудительно-причинные (каузативные) формы – это формы понудительного залога, образованные от переходных глагольных основ» [СКБЯ 2018: 168].

От формы понудительного залога **бычакълат-** с помощью различных аффиксов могут образоваться две глагольные формы: 1) с помощью аффикса причастия будущего неопределенного времени **-ыр** – причастная форма будущего неопределенного времени **бычакълатыр-** 'ударит ножом'; 2) с помощью аффикса дательного падежа **-гъа//-ге** – неопределенная форма глагола **бычакълатыргъа-** 'резать, кромсать ножом'.

«Основными значениями причастия будущего времени на **-ыр** в данном языке являются следующие: 1) неопределенность в отношении реализации»... [СКБЯ 2018: 183]. Глагол **бычакълатыр-** обозначает действие после момента речи. «Основным парадигматическим значением формы будущего времени на **-р** является обозначение неопределенного будущего действия, в отличие от будущего категорического на **-лыкъ**. Они составляют привативную оппозицию, в которой будущее на **-р** есть слабый немаркированный член оппозиций, так как оно может выражать и категоричность и неопределенность при определенных условиях» [Текуев 2000: 113)].

И.Х. Урусбиев считает, что «действие само по себе не вызывает сомнения в отношении его реализации в неопределенном будущем, но нет и конкретного утверждения в этом» [ГКБЯ 1976: 254].

«Аффикс **-(ы)ргъа/-(и)рге** является сложным и восходит к основе причастия будущего времени на **-ыр/-ир** + **-гъа/-ге** – аффикс дательного падежа»... [СКБЯ 2018: 205].

От формы понудительного залога **бычакълат-** и аффикса имени действия **-ыу** может образоваться форма имени действия **бычакълатыу** [КБРС 1989: 175].

«Материалы карачаево-балкарского языка показывают, что имена действия на **-мак** и **-ыу**, в отличие от причастий, теряя некоторые свои глагольные признаки, развиваются в сторону сближения с именами. Грамматически указанный путь выражается в потере первичными именами действия на **-макъ** и **-ыу** одного из основных классификационных признаков как части речи – отрицательной формы на **-ма/-ме** на фоне многочисленных случаев перекрещивания функций имени действия на **-макъ** и причастий на **-гъан**» [СКБЯ 2018: 200].

Имя действия в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка может образоваться и от лексической единицы вторичной номинации **бычакъла-** в результате прибавления к этой основе аффикса имени действия **-у:** **бычакълау** [КБРС 1989: 175].

«По значению имя действия на **-ыу** выражает название действия более неопределенное, чем на **-макъ**. Выражение действия как процесса, неограниченного во времени, придает значению формы на **-ыу** оттенок длительности...» [СКБЯ 2018: 200].

Морфологическая структура слова **бычакъла-** со значением 'ударить ножом', почему-то не отмеченного в карачаевском варианте, а отмеченного в балкарском варианте в форме **бичакъла-** 'резать, наносить раны ножом' [ГСКБЯ 1996: 447], свидетельствует о том, что в образовании новой лексемы участвуют производящая основа **быч-**, так же почему-то не зафиксированная в «Карачаево-балкарском словаре», и деноминативный аффикс **-ла**, изменяющий лексическую характеристику исходной основы в сторону расширения семантической структуры.

В данном случае с точки зрения знаменательных частей речи наблюдается семантический переход, выражающийся в изменении категориальной принадлежности исходной основы.

Помимо полного изменения категориальной принадлежности исходной основы отмечается еще и полная смена парадигмы у мотивированного слова по сравнению с мотивирующим. Категориальный сдвиг осуществляется в пределах разных частей речи.

В карачаевском варианте слово *бычакь* участвует в образовании именной части речи с помощью общетюркского аффикса *-лыкь*: *бычакьлыкь* 1) отвлеч. к *бычакь*; 2) материал для изготовления ножа [КБРС 1989: 175]. Слово *бычакьлыкь* в свою очередь участвует в образовании синтаксической конструкции – идиомы фразеологического типа: *бычакьлыкь тюшюрюрге* ‘извлечь для себя пользу’ [КБРС 1989: 175]. Приведенное значение не является для имени существительного *бычакь* основным, оно принадлежит фразеологическому сочетанию и не может рассматриваться в качестве свободного. Однако в «Карачаево-балкарско-русском словаре», и часто в грамматиках, сведения о данном значении отсутствуют, что усложняет выявление таких формализованных значений.

Следующей лексической единицей, образованной от слова *бычакь* по карачаевскому варианту является производная основа *бычакьчы* ‘мастер по изготовлению ножей’, в морфологическую структуру которой входит, помимо мотивирующей основы, еще и словообразовательный аффикс профессии *-чы*, не участвующий в изменении частеречной принадлежности исходной основы.

«Существительные с аффиксом *-чы* обозначают лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению названному мотивирующим словом. В качестве мотивирующих выступают простые существительные» [СКБЯ 2016: 346]. С другой стороны, участие слова *бычакь* в словообразовательных процессах свидетельствует о том, что аффикс *-чы* присоединяется и к производным основам, как в данном случае.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, при помощи данного аффикса образуются имена существительные, обозначающие «лицо по характеру занятий, действий или привычек, реже по принадлежности к общественному течению, социальной или какой-либо иной группе и по месту жительства» [Щербак 1977: 103].

«Из довольно большого перечня значений слов на *-чы* наиболее древним является значение профессии/занятия, все остальные значения представляют собой его дальнейшее развитие» [СКБЯ 2016: 347].

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» [КБРС 1989: 478] отмечается многозначное слово *мычхы* со значениями: 1) ‘пила’, 2) ‘пилорама, лесопилка’, являющееся вариантом балкарского *бычхы* с теми же самыми значениями, имеющее связь со словом *быч-/бич-* ‘резать’, как с общетюркской производящей основой.

Следующей лексической единицей, отмеченной в этом словаре [КБРС 1989: 478] является неопределенная форма глагола *мычхыларгъа* со значением ‘пилить’. Однако с другой стороны в этой работе почему-то не приводится производящая основа *мычхыла-*, от чего могла образоваться рассматриваемая производная единица.

В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» (Т. I) неопределенная форма глагола *бычхыларгъа* не приводится, так же как и другие инфинитивные формы, а приводится производная лексема *бычхыла-* ‘пилить’ [ТСКБЯ 1996: 549], образованная от корневой морфемы *бычхы* ‘пила’ и факультативного компонента *-ла* и отсутствующая в «Карачаево-балкарско-русском словаре». Слово *мычхыларгъа* является положительной формой, а его отрицательная форма *мычхыла-мазгъа* ‘не пилить’, хотя и употребляется в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка, в отмеченном словаре почему-то не зафиксировано, так же как и

балкарский вариант в отрицательной форме *бычыламазгъа* 'не пилить'. Особенностью «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» является то, что в нем неопределенные формы глагола не рассматриваются.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» приводится форма имени действия *мычылау* 'пиление' [КБРС 1989: 478], несмотря на то, что не обращается внимание, так же как и в случае с неопределенной формой глагола *мычыларгъа*, на производящую основу *мычыла-*.

Надо заметить, что семантическим несоответствием между производящими основами и производными единицами в карачаевском варианте является то, что почему-то его составители считают, что имя действия *мычылау* 'пиление' образовалось от неопределенной формы *мычыларгъа*, так же как и другие формы имен действия. Интегрирующей особенностью карачаевского и балкарского вариантов карачаево-балкарского языка является то, что в качестве обязательного, необходимого материала в них употребляются формы имени действия *мычылау-бычылау* 'пиление'. Недостающим звеном словарей обоих вариантов является то, что в них отсутствуют отрицательные формы *мычыламау* и *бычыламау* 'не пиление'.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» отмечается производная лексическая единица *мычычы* со значением 'пильщик, рабочий на пилораме' [КБРС 1989: 478], образованная от производящей основы *мычы* 'пила' и агглютинативного аффикса *-чы*, показывающего профессию.

В этом же словаре почему-то в качестве лексической единицы приводится форма слова *мычычыкъ* со значениями: 1) уменьш. к *мычы* 'небольшая пила'; 2) 'ножовка' [КБРС 1989:478], образованная от производящей основы *мычы* и уменьшительно-ласкательного аффикса *-чыкъ* – показателя субъективной оценки.

Общетюркская лексема *бичак/бычакъ* 'нож', употребляемая с переднеязычным вокализмом, в карачаево-балкарском языке встречается как в нормативном варианте, так и диалектном, словарях различного типа: толковых, переводных. Исключение составляет вариант цокающего диалекта *быцакъ* 'нож', употребляемый, так же как и карачаевский вариант, с заднерядным вокализмом, без нарушения закона сингармонизма.

Если в лексических материалах некоторых тюркских языков производный характер лексемы *бичак/бычакъ* 'нож' не просматривается и невозможно установить семантическую соотносительность между производной основой и возможным вариантом производящей основы, то в других языках отчетливо просматриваются производный характер отмеченной лексемы и особенности семантической близости этих основ.

В балкарском варианте карачаево-балкарского языка лексема *бичакъ* употребляется в двух значениях: 1. В значении 'нож'. *Боюнунга бичакъ салынса да, кертисин айт* (посл.) 'Скажи правду даже если нож под горлом'.

2. В позиции определения: 'ножевой, а) нанесенное ножом. *Бичакъ жара сау болса да, суймеклик жара сау болмаз* (фольк.) 'Даже если ножевая рана заживет, любовная рана не заживет'; б) изготовитель ножей. *Ала бичакъ заводда ишлейдиле* 'Они работают на ножевом заводе'; в) осуществляемое ножом. *Бичакъ уруш башланды* 'Ножевая война началась' [ТСКБЯ 1996: 447].

В первом томе «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» приводятся несколько устойчивых предложений фразеологического типа, потерявших компонентное значение и употребляемых в переносном значении. *Бичакъ ауузунда тур* букв. 'Находиться на острие ножа. Перен. 'сидеть на пороховой бочке, висеть на волоске'. *Сен а бичакъны ауузунда тура кёреме, жазыкъ*. 'Ты, несчастный, сидишь на пороховой бочке'. *Бичакъ биле* букв. 'Наточить нож' [ТСКБЯ 1996: 447].

Можно предположить, что глагол *биле-* 'точить' в карачаево-балкарском языке имеет производный характер, если учесть тот факт, что в памятниках

древнетюркской письменности встречается именная основа **би** со значением 'лезвие ножа', к которому впоследствии и присоединяется агглютинативный аффикс *-ле* перен. 'точить зубы' [ТСКБЯ 1996: 447].

Во фразеологическом словаре З.К. Жарашуевой приводятся устойчивые единицы, связанные со словом **бичакъ** 'нож' и употребляемые во многих художественных произведениях.

Бичакъ ауузуна салыргъа 'Представлять опасность для жизни человека'.

Бичакъ ауузунда турургъа 'Испытывать страх, беспокойство за свою жизнь'. В этих двух сочетаниях встречаются конструкции изафета II неполного, где вторые компоненты употребляются соответственно в формах дательного и местного падежей.

Бичакъ оюн этерге (чыгырыргъа) 'Пользоваться ножом во время драки' [Жарашуева 2001: 117].

Особенностью устойчивых словосочетаний, образованных с участием слова **бичакъ** 'нож' в карачаево-балкарском языке, является то, что они представляют собой сложные языковые единицы из двух или более слов, выступающие как неразложимые фразеологические конструкции. Бóльшей частью они возникают в результате лексикализации свободных словосочетаний, с другой стороны модифицируются значения уже функционирующих лексических единиц. Несомненно то, что эти устойчивые сочетания занимают определенное место в словарном составе изучаемого языка, в системе слово- и формообразования. С их помощью можно выявить взаимосвязи внутри устойчивых словосочетаний и грамматических форм языка.

Различные типы фразеологических единиц, связанных со словом **бичакъ** 'нож', встречаются и в других тюркских языках как общая тенденция тюркских словарей, тенденция сохранения и развития накопленных в производных формах жизненно важных значений. Фразеологические конструкции, носящие устойчивый, неразложимый характер, обусловленный не структурно-звуковыми факторами, а лишь смыслом, общим для всех сочетающихся в данной языковой единице слов, имеют в тюркских языках параллельное употребление. Слово **бичакъ/бичакъ/быцакъ**, являясь древнейшим общетюркским названием, как двусложная производная основа, непосредственно связано и с фразеологическими сочетаниями, расширяя стилистические возможности карачаево-балкарского языка, участвуя в обогащении его выразительных средств. Опираясь на материалы фразеологического словаря карачаево-балкарского языка, рассматривая пути происхождения устойчивых единиц, следует учитывать совокупность их лексико-семантических, морфологических, синтаксико-функциональных и структурно-звуковых особенностей.

Источники и литература

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
2. Жарашуева З.К. Къарачай-малкъар тилни фразеология сёзлюгю (Карачаево-балкарский фразеологический словарь). Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 476 с.
3. Карачаево-балкарско-русский словарь: ок. 30000 слов / Карачаево-Черкесский науч.-иссл. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев / под ред. Э.Р. Темишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978. 349 с.
5. Современный карачаево-балкарский язык / В 2 ч. Ч. 1. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 448 с.
6. Современный карачаево-балкарский язык / В 2 ч. Ч. 2. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 480 с.

7. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Абакан: ООО Кооператив «Журналист», 2015. 400 с., (Т. I: А-Б), 2-е издание, дополненное.
8. Текуев М.М. Темпоральность – важнейший категориальный признак карачаево-балкарского глагола. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. 256 с.
9. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. 1. А-Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с.
10. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л.: Наука, 1977. 192 с.

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF WORD BYCHAK/ BICHAK/ BYTSAK IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Boris Abdulkherimovich Musukov, Doctor of Philology, Head of the Sector of the Karachay-Balkar language of of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to the study of lexical, semantic, word-formation, inflectional features of the noun **bychak** (Karachay) / **bichak** (Balkar) / **bytsak** (ts. – dialect) «*knife*» in Karachay-Balkar language (on the material of defining dictionaries). It considers the lexical and grammatical features of linear units of the secondary nomination formed from this word and its variants using various functional identifiers; lexical and syntactic features of nominative units of the analytical type, free phrases in which the marked word acts as their substantive component, and of the *izafat* constructions in which it is used as an attribute component. The paper analyzes the features of independent lexical units formed with a change in the part-part affiliation of the producing bases of **bychak/bichak/bytsak**.

Keywords: anterior-line vocalism, rear-line vocalism, dialect version, morphological structure, categorical affiliation, optional component.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-143-150

АДЫГЭБЗЭМ И КЪЫТЕКИА КЪЭХЪУКИЭЦІЭ ЗЭХЭЛГХЭР КЪЫЗЭРЫХЪУР

Токмакь Мадина Хьэсэнбий ипху, филологие шлэныгэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгэ Іуэхушлалэ «Урысейм шлэныгэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балккэр шлэныгэ центр» Федеральнэ шлэныгэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и шлэныгэ и лэжыакІуэ нэхъыжъ, tokmak_madina_h@mail.ru

Мы лэжыггэр зытеууар къэхукІэцІэхэрэщ, ахэр адыгэбзэм зэрыхэт хабзэрщ, къызэрыху шыкІэхэрщ. КъэхукІэцІэ къытекІэхэр я зэхэлъыкІэмкІэ гупитІу зэщхэщокІ: къызэрыкІуэ къытекІэхэу, псалъэпкъ зыхыхэкІэрэ къэхуахэу. Лэжыггэм дыштыгосэлъыхь адыгэбзэ къытекІа къэхукІэцІэ зэхэлъхэр я къэхукІэм елгытауэ зрагуэшым: псалъэпкъитІ е нэхьыбэ зэхыхэурэ; зы псалъэпкъым тІэу къытриггазэурэ, е псалъэпкъ зэхуэмыдэхэр зэхыхэурэ; мыхьэнэкІэ зэкІэщІэпч мыху псалъэ зэпыщІахэм къэхукІэцІэ мыхьэнэ ягъуэтурэ. Гуп къэс езым и щхэхуэныгэ зэралэр къыдоггэлъагъуэ: псалъэ лъэпкъыгъуэ къызытекІэхэр, Іэмал зэмылІэужыгъуэ къаггэсэбпхэр, н.кб. Цапхэу мы лэжыггэм къыштыгхэр ди тхакІуэ цІрыІуэхэм я тхыгэ зыбжанэхэм къыхэтхауэ аращ. Мы лэжыггэр иджырей бзэхабзэ адыгэбзэкІэ ттхыном и зы Іыхьэу хэувэнуш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэхукІэцІэ, къытекІа зэхэлъхэр, лъабжьэгъусэ, псалъээыхьэ, псалъэпкъыр тІэу къытриггазэу, мыхьэнэкІэ зэкІэщІэпч мыху псалъэ зэпыщІа.

КъэхукІэцІэхэр – зэхуэкІа мыху псалъэ лъэпкъыгъуэщ, Іуэхугъуэр къызэрыху шыкІэр, къышыхуэ зэман, шыпІэ, мардэ сытхэр къыггэлъагъуэу. Адыгэбзэм и къэхукІэцІэ къытекІэхэр шыкІэ зэмылІэужыгъуэхэмкІэ къохуэ. Мы лэжыггэм и гугъу шытшынуш къэхукІэцІэ зэхэлъхэм, ахэр къызэрыху шыкІэхэм. Ди къэхутэныггэм теггэщІалэ хуэхуащ 2006 ггэм къыдэкІа Адыгэбзэ грамматикэмрэ [Кабардино-черкесский язык 2006], Джаурджий Хь. 1963 ггэм къэхукІэцІэхэм теууауэ къыдиггэкІа тхылымрэ [Гяургиев 1963], тІурикІ урысыбзэкІэщ зэрытхар. Мы фи пащхэм итлхьэ лэжыггэр иджырей бзэхабзэ адыгэбзэкІэ ттхыном и зы Іыхьэу хэувэнуш. ЗэдэкІыным бзэщІэныгэ фІэщыггэцІэхэмкІэ лъабжьэ хуэхуащ филологие шлэныггэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. зэхигъуэва фІэщыггэцІэхэр, ахэр мыгувэу къыдэкІынуш урыс-адыгэ псалъалъэ щхэхуэу.

Нэхьыбэу къытекІа къэхукІэцІэ зэхэлъхэр къохуэ мыпхуэдэ ІэмалхэмкІэ: а) псалъэпкъитІ е нэхьыбэ зэхыхэурэ; б) зы псалъэпкъым тІэу къытриггазэурэ, е псалъэпкъ зэхуэмыдэхэр зэхыхэурэ; в) мыхьэнэкІэ зэкІэщІэпч мыху псалъэ зэпыщІахэм къэхукІэцІэ мыхьэнэ ягъуэтурэ.

Япэ гупыр къапщтэмэ, псалъэпкъ къызытекІхэр е зэрыштытым хуэдэу, е морфологиекІэ, фонетикекІэ зэхуэкІыныгэ ягъуэту зэхыхэу аращ. Псалъэм папщІэ: *зытыцыхъэщхьэ* къэхукІэцІэр къызытекІар *зы* бжыггэцІэмрэ *тыцыхъэщхьэ* шыІэцІэмрэщ; *дэндеж*, *дэндей* къэхукІэцІэхэр къызытехукІар *дэнэ* къэхукІэцІэмрэ *деж//дей* псалъэужымырэщ.

КъэхукІэцІэхэм я зэхыхэкІэр дапщэши зэщхькъым: а) псалъэщІ морфемэ я мыгъусэу (*зы* + *махуэ* = *зымахуэ*, *зы* + *жэщ* = *зыжэщ*, н.кб.); б) зы псалъэпкъым псалъэщІ морфемэ иІэу (*а* + *сыхьэт* + *у* = *асыхьэту*, *и* + *гъащІэ* + *кІэ* = *игъащІэкІэ*, н.кб.); в) псалъэпкъитІми псалъэщІ морфемэхэр яІэу (*мыбдежым*, н.кб.).

Нэхыбэ дьдэрэ кьэхьуклэцлэхэр кьагьэхьу шылэцлэ, цлэпапшлэ, бжыгьэцлэ псалъэпкьхэм, нэгьуэщл псалъэхэри кьахыхьээрэ:

а) зэрабж бжыгьэцлэ зы-мрэ зэман кьэзыгьэлъагьуэ шылэцлэхэмрэ зэхыхьэмэ, кьэхьуклэцлэщлэ кьагьэхьу: *зымахуэ, зыжэщ, зыпцэдджыжь, зыпцыхьэцхьэ, зыгьэ с.ху.* Псалъэм папшлэ: *Абы (и адэм) щепльклэ, зымахуэ кьызэдэжа «Джэду хьэжы» шыпсэ теплэ таурыхь цыкьлур игу кьэкьыжырт (Аслъэн) [Кьэрмокъуэ 2004б: 161]. Зыпцэдджыжь, цылымахуэри и клэм нэблэгьэпауэ, уэсышхуэ кьесауэ нэху кьеклац (Гьуэгул). [Журт 2004: 54].*

А зи гугьу тшлы кьэхьуклэцлэхэм ещхьуш *зыцлылэ* кьэхьуклэцлэри кьызырыхьур: зэрабж бжыгьэцлэ зы-мрэ шлплэ кьэзыгьэлъагьуэ шылэцлэ *цлылэ*-мрэ зэхохьэ. Псалъэм папшлэ: *Зыудыгьуауэ (Чырэр) зыцлылэ кьуэтми хэт шцлэнт, ауэ Iэуэлауэ лъэпкь кьызыпхигьэлъуькьыртэкьым [Мэлей 1995: 41]. Зыцлылэ кьэхьуклэцлэм лъабжьэужь –клэ, –и пыувээрэ кьатокл *зыцлылэклэ, зыцлылэ* псалъэхэр. Щапхьэхэр: *Мыдэклэ укьеплгьэкьыжмэ, Фулэдрэ Замирэтрэ я унагьуэм мафлэ кьыщылыдмэ гуфлэурэ цлэпцэну хьэзыр Хьэсбий и пэр зыцлылэклэ кьыщыкьуыгьэжырт [Кьэрмокъуэ 2004б: 43]. Мыдэклэ унэгьуацэр Борэжыым деж шлохьэри жрелэ: «Ярэби, апхуэдизу кьахэ дьдэ ухьуа-млэ, зыцлылэ зеклуэ умькьуэжыфыну?» [Нало 1993б: 278].**

б) цлэпапшлэмрэ нэгьуэщл псалъэ лъэпкьыгьуэрэ зэхыхьэмэ, кьэхьуклэцлэщлэ кьагьэхьу, псалъэщл морфемэ япыувээрэ. Псалъэм папшлэ, зыгьэлъагьуэ цлэпапшлэ *а, мы*-хэмрэ *сыхьэт* шылэцлэмрэ зэхыхьэмэ, *асыхьэту, мысыхьэтклэ* кьэхьуклэцлэхэр кьохьу: *Саний игьэдзэлашхэ тышнэр макь ин иригьэщцлэ зэгуплэри Iэгури дэувылац, асыхьэту пэшыр цым хьуац [Мэзыхьэ 2015: 384]. (Кьэрэлъашэ Кулисум жриIэу:) Мысыхьэтклэ, си гугьу кьащыркьымы, согуфлэ [Кьышокьуэ 2007: 34].*

Зыгьэлъагьуэ цлэпапшлэ *а*-мрэ псалъэужь *лъандэ(рэ), пцлондэ*-мрэ зэхыхьэмэ, *альандэрэ, апцлондэху* кьэхьуклэцлэхэр кьагьэхьу. Щапхьэхэр: *Альандэрэ зыгуэрурэ зызылыгьыфа Бэчмырзэ, дунейр кьытеункьыфлэри, цэдэж лъабжьэм шлэдэжэлац [Шортэн 1975: 43]. Апцлондэху кьуаажэри кьэушащи, хэт жэм деху, хэт псыхьэ макьуэ, хэти нэгьуэщл ещлэр [Нало 1993а: 270].*

Языныкьуэ кьэхьуклэцлэ зэхэлхэр кьатокл *я, и, ди* с.ху. еигьэ цлэпапшлэмрэ *нэ, ужь, хьуреягь* с.ху. шылэцлэхэм я псалъэпкьымрэ зыхьуэж е зыунэтл псалъэзешэ клэух япыту. Псалъэм папшлэ: *Локотом Iей хьуа кьудейтэкьым, езыри нэгьуэщл зыгуэр зэрыхьуар Iупцлэ, янэм кьыбыргьуькьыу, нэжэгуэжэу, лъагьуэгуафлэу зэрыщытам хуэдэжтэкьым [Кьышокьуэ 1985: 241]. Дакьыкьэ дэклыху Iузизэ ишэчац, цужьыым и цхьэр уназэри, и кьэжыын кьэклауэ, клешнуу хуэфлэмыкьыу упцлэр зытридзыну кьылэбэрэбыхьырт, арихьэклэ и кьарур хурикуртэкьым, мыдэклэ Чачэ упцлэр шыгьыу щытти [Кьышокьуэ 1984а: 72]. (Бэрэкуэуэм:) Шыгьухум и Iэмыцлэм ахьшэ жьгьей ирикьутэц, дяпэклэ зэрыхуэмеижри жриIэри, езыр унэм шлыхьац [Теунэ 1967: 12]. Софят бауэбапцэу тракторым бгьэдолъадэ, цужьыкьы шьыбгьэм шлэзэрыхьауэ мапхуэри шхуэмылаклэр еубыд [Щоджэнцыкьуэ 1989: 90]. Дэнэкли хуэдэу, пцылэм *ихьуреягьклэ* уэс куу телът [Журт 2004: 28].*

Еигьэ цлэпапшлэ *и*-мрэ кьутахуэ бжыгьэцлэ *ныкьуэ*-мрэ зэгьусэ хьумэ, *иныкьуэ, иныкьуэклэ* кьэхьуклэцлэ зэхэлхэр кьагьэхьу, лъабжьэгьусэ –м-р, –клэ-р пыувэу. Псалъэм папшлэ: *Итлани, иныкьуэм цыхупсэр зэрыбзадэжэ [Кьэрмокъуэ 2004а: 372]. Иныкьуэм, абы (Хьэбидэт) кьрит упцлэхэр жэуапыншэу кьегьанэри, Iуэху зытэпсэлъыхьым зыкли цымыщ гухэр желэ (Нэфисэт) [Хьэхьупашлэ 1996: 52]. Апхуэдизкли зригьэлэтыцэрти (и макьым), иныкьуэклэ макьейуэ зэпычыжырт, езыр (фызыр) зэрыгулэр пьагьу флэклэ и гьыбзэр зэхуьумыхьыжу [Клэрэф 2009: 308].*

Мы гупым хохьэ *иклэцлылэклэ* кьэхьуклэцлэр. Ар кьызытехьуьклар еигьэ цлэпапшлэ *и*-мрэ *клэцлылэ* шылэцлэмрэ, зыунэтл псалъэзешэм иту. Псалъэм папшлэ: *Дыцэжкьыу цылар кьалгьыхьуэжри Кьулым унафэ шлэац: иклэцлылэклэ*

полковникым и Iэцэ-фацэр хуагъэхъзырыну, ялъэкI къамыгъанэу сэххуэр, къамэр, бгырыпхыр, уанэр ягъэцIэрацIэну [Кыщокъуэ 1985: 41].

КъэхукIэцIэ зэхэлъ зэгуэрым жыхуиIэр къагъэху кытекIа къэхукIэцIэ зэ-мрэ мыгъэнэхуа цIэпапщIэ гур-ымрэ, зыхуэж псалъэзешэм иту. Псалъэм папщIэ: *Зэгуэрым Тембот Iэжъэ цIыкIукIэ мэзым кIуат нхъэ гур кыишэнуи, цIалэ цIыкIум зыкъом кыхуэзэри къабэрэжъащ, Iэжъэри трахри къаутIытыцъащ* [Кыщокъуэ 1984а: 296]. *Пэжу, трактор курсым и заведующым кыхуитхауэ, зэ-гуэрым зы тхыгъэ кIапэ кыхуагъэхъащ* [ЩоджэнцIыкIу 1989: 139].

Иджы къэхукIэцIэмрэ шытыкIэгъэлыагъуэ плыфэцIэ *благъэ*-мрэ зэхыхъу къэхукIэцIэ зэхэлъ *иджыблагъэ* къагъэху. Псалъэм папщIэ: *Иджыблагъэ* Къанкъуэщым и адэм аргуэру зы письмо кыхуитхащ [КхуэIуфэ 2000: 381]. *Иджыблагъэ* Бурун ауз кыищыхуам Астемыри игъэгупсысащ, ар зэхэзыхауэ зыфIэмыхъэлэмэнта къэбэрдеи балъкъэри бгъуэтынт? [Кыщокъуэ 1984б: 515].

в) псалъэ Iэдэжхэмрэ зи щхъэ хушытыж псалъэ лъэпкъыгъуэхэм я псалъэпкъхэмрэ зэхыхъэмэ къэхукIэцIэщIэ къагъэху. *Пэ* шыIэцIэм нэхъ псалъэкIапэр зыхуэж псалъэзешэм иту пыувэмэ, къэхукIэцIэ зэхэлъ *нэхъапэм* къоху. Псалъэм папщIэ: *Цыху тхъэмыцIагъэ, пцылIыпIэ, Пцым я удыну яиэчахэр, Аракъэ уэркъхэр нэхъапэм «Къэбэрдей хэкукIэ» зэджахэр* [Кыщокъуэ 1941: 99].

Дэндеж шыпIэ къэхукIэцIэр кытохукI къэхукIэцIэм и псалъэпкъ *дэнэ*-мрэ (иужь ит макъзешэр пыхуауэ) псалъэужь –*деж*//-*дей*-мрэ. Псалъэм папщIэ: (Сэфар:) *(Дунейм) И гъунэри дэндеж?! [КIэрэф 2009: 419].* А къэхукIэцIэ дьдэм лъабжьэужь –и-р пыгмэ, нэгъуэщI къэхукIэцIэ къоху – *дэндежи*. Псалъэм папщIэ: *Чэсыргей бостей пIащIэм хуэмыгъэпцIкIуу кхурбьыцыгъи леи зыкIэрымыль (Фаризэ) и лыпцIэ яехэр и Iэпкълэпкъ цIыIум, пружинэм хуэдэу, дэндежи дахэу цызекIуэрт, а зэрылажъэм хуэдэу лажъэурэ Iэ дэплэнкIэ уемыхуэпсэнэу Iэмал имыIэу [КIэрэф 2009: 38].*

Абдеж, мыбдеж, мобдеж къэхукIэцIэ зэхэлхэр къагъэху *а, мы, мо* зыхуэж псалъэзешэм ит зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэмрэ *деж*//*дей* псалъэужьхэмрэ. Здыхэт псалъэухам елытауэ а къэхукIэцIэхэм зэман е шыпIэ къагъэлыагъуэф. Псалъэм папщIэ: *Мис абдеж кыищыцIэдзауэ Михаил адэ папцIэу хушытыну игу иреубыдэ Степан Игнатъевич. [Шортэн 1954: 157] (Директорым Залым жреIэ:)* *НтIэ, мыбдеж* цысхэм унафэ яцIащ машиницI кыитлыгъысащи, *уи лэжъыгъэфIым, жанакъым папцIэ, етIуанэгъэ пцIондэ упэдмыгъаплэу, машинэ кыуацэну [ШэджыхъэщIэ 1984: 345].*

КытекIа къэхукIэцIэхэмрэ къэхукIэцIэ гъэпсыкIэншэхэмрэ *лъандэрэ, къэс, нэс* псалъэужьхэм я гъусэу къэхукIэцIэ псалъэ зэпха къагъэху, псалъэм папщIэ: *дыгуэпшыхъ лъандэрэ, зымахуэ лъандэрэ, нобэ лъандэрэ, иджыри къэс, н.къ. Щапхъэхэр: Иджыри къэс жейуэ хэлъа тыркухэр гужъеяти, къэхуар къагурыIуэху, убыххэм Iэци фоч гыни къамыгъанэу ягъуэтыр зэцIакъуэри, кыищагъэзэжым, Дэфэрэджи и лIыр е зэхэзеицхуээн яцIу къаукIа, е тыркум япэцIэхуа, сымти къаукIауэ и хъэдэр кыидахыжри къаишэжауэ цытащ [Кыщокъуэ 2006: 59]. [Зэчрейм Шорэ жреIэ:] – Уи Лейларэ Мэжджуннрэ лъагъуныгъэм, лъагъуныгъэм зэрехуэ, сэ **дыгуасэ лъандэрэ** зы кхуеи шыугъэрэ пIастэ Iыхъэрэ фIэкIа си джийм ехакъым, си ныбэм сыкъырехуэкI [Шортэн 1954: 69].*

Куэд лъандэрэ, зыкъом лъандэрэ къэхукIэцIэ псалъэ зэпхэхэр къатехукIащ куэд бжыгъэцIэм е зыкъом мыгъэнэхуа цIэпапщIэм *лъандэрэ* псалъэужьыр я гъусэу. Щапхъэхэр: *Дэфэрэджи куэд лъандэрэ* и гум къэмыкIыжа уэрэду *цыцIыкIум зэхиха нэгъунэ кыищысысыжауэ и цхъэм хужилэжу желэ [Кыщокъуэ 2006: 111]. Ныщхъэбэ хуэдэу ешауэ зыкъом лъандэрэ* къытехъэжсатэкъым мэкъуауэхэр [Журт 2004: 133].

г) псалъэпкъытI нэхърэ нэхъыбэ зэхыхъу къэхукIэцIэщIэ кыищагъэху шыIэщ. Апхуэдэ псалъэхэр куэд хуркъым икIи куэдрэ кызгъэсэбпырккъым. Псалъэм папщIэ, *напIэзынIэм* къэхукIэцIэр къагъэху *напIэ* шыIэцIэм, *зы* зэрабж

бжыгъэццэм, *п*лэн лэжыгъэццэм, –м льябжыгъэццэм. Абы нэмыщI, –кIэ, –у льябжыгъэццэм пыту псалъэухам кышшагъэсэбэп. Псалъэм папщIэ: *ЕтIуанэу (Япун) и джанэр цыщитIэгъэжым джанэм телъ бэлытоку цIыкIур жьым ирехъэжэ, псым хехъэри напIэзынIэм ицелъафэ* [Нало 1993б: 382]. *Хъыджэбзым и псалъэхэм Хъэжсет напIэзынIэкIэ* Iэнкун ицIауц, уелэмэ, *тIэкIуи емыкIуу кыжжралэу кыфIэцIауц* [Журт 1987: 60]. *Къеублэ жьауццэм напIэзынIэу, Пшэр кытырехуэ, цIыр епхъэнкI* [КIыщокъуэ 1977: 60].

Мы къэхъукIэцIэ зэхэлъыр куэдрэ зы зэрабж бжыгъэццэм и гъусэу кыгъэсэбэп, льябжыгъэццэм –м, –кIэ, –у пытхэу – зынапIэзынIэм, зынапIэзынIэкIэ, зынапIэзынIэу. Псалъэм папщIэ: *А зынапIэзынIэм Анчокъу илъэгъуауц езым и дежкIэ Гулэз псыницIэу кызыррыкIур* [КIэрашэ 1953а: 32].

НэуфIыцIуцхъэрыуэу къэхъукIэцIэ зэхэлъыр кыгъэхъу нэ шыIэцIэм, *уфIыцIын* лэжыгъэццэм, *цхъэрыуэу* IуэхудэкIуэм. Псалъэм папщIэ: *НэуфIыцIуцхъэрыуэу* зэкIуэм, *лагъымым кырыцуда маццэхэм иуэм кыпицыжым, кIыфIым хэт унэ ныбжыу илъагъухэр кызыринэкIурэ сэмэгурабгъумкIэ цыт унэ гуэрым и цхъэгъубжэм лъапэ нэху тIэкIу кыдыдзу кышыцыхъуауц (офицерым)* [Щамырзэ 2002: 69].

Адыгэбзэм куэд дыдэрэ уащрохъэлIэ зы псалъэпкъым тIэу кытригъазэкIэрэ къэхъу къэхъукIэцIэ зэхэлъхэм, абыхэм гуп цхъэхуэ кыгъэхъу. Ахэр зи цхъэ хушыт псалъэ лъэпкъыгъуэ куэдым къатохъукI: пльыфэцIэм (*псыницIэ-псыницIэу, хъэлъэхъэлъэу с.ху.*), цIэпапщIэм (*езыр-езыру, сэр-сэру с. ху.*), лэжыгъэццэм (*нэса-нэмысауэ, хуей-хуэмейуэ с.ху.*), шыIэцIэм (*зэман-зэманкIэрэ, цIынIэ-цIынIэкIэрэ с.ху.*). Щапхъэхэр: *ХъыджэбзитIым къахъа нартыху цIынэри хуэм-хуэму ягъажьэурэ яшхауц* [Журт 2004: 166]. *Iэнэм бгъэдэхэм я гур къэжанати, тхъэмадэм илъагъуэу къемыдэлэуэжу, езыр-езыру зэпсалъэжу, зэрыгъэдыхъэшхыу, къакъэ-пцIытцIу зэхэт* [КIыщокъуэ 2006: 80]. *Ахэр (мэкъумэшыцIэмрэ илалэ цIыкIумрэ) зэрыс маццэм цIынIэ-цIынIэкIэрэ ина шэдыпсым кыыхх мэр пэцыр иричу зыхэтцIэрт, уэсри, уэшхри маццэм исхэм къалъэлэсырт* [Щамырзэ 2002: 60].

Псалъэпкъ зэмыщхъэр зэхэуэу къэхъукIэцIэ куэд кыгъэхъуркъым. Апхуэдэу къэхъухэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зэмылIэужыгъуэхэм къатокI: псалъэпкъитIри шыIэцIэу (*гурэ-псэкIэ, зэнэ-зэпсэу с.ху.*), псалъэпкъитIри пльыфэцIэу (*кIагуэ-лъагуэу, дзыхэ-жыIэцIэу с.ху.*), псалъэпкъитIри къэхъукIэцIэу (*нобэ-пцэдей, зэрызэ-тIэурытIэ с.ху.*), псалъэпкъитIри цIэпапщIэу (*уэр-сэру с.ху.*), псалъэпкъитIри лэжыгъэццэу (*гува-цIэхами с.ху.*). Псалъэм папщIэ: *Софят и комбинезон илэрыпсу цытар иджы нэхъ зэхэлэуэтауц, дагъэ бжыгъэжыри IэнанIэ-IэгунIэу кынауц, дыгъэпсымрэ губгъуэ акъужьымрэ япхъэхуауц* [ЩоджэнцIыкIу 1955: 50]. *Гува-цIэхами* nobэ къэхъуар кызыррыхъунур зэлIээфызым я псэм ицIэрт [Журт 2004: 23]. *Нэхъ чэнжу, мэз лъапэм кышыцежьэрэ кIуэтэхукIэ нэхъ куу хъуэ, зы къуэ кIыхыи къуажэм хуэкIуэрт, адэ-мыдэкIэ кышыцIэж псынэхэр цызэхэлъэдэжрэ псыIэрышэшхуэ цыхъуэжу* [Журт 2004: 83].

ЕтIуанэ гупым хыхъэ къэхъукIэцIэ зэхэлъхэр Iэмал зэмылIэужыгъуэ зыбжанэкIэ къохъу: псалъэпкъитIым я зэхуаку зэпызыщIэ льябжыгъэццэм дэмыту, апхуэдэхэр екъуа кIэщIкIэ зэпащIэ (*Иыхъэ-Иыхъэу, гун-гуну, н.кь.*); псалъэпкъитIыр зэпызыщIэ льябжыгъэццэм зэхыхъуэ, ахэр зэпыту ятх: (*зэрызэ, тхуэрытхуэ, н.кь.*). КъэхъукIэцIэ екъуа кIэщIкIэ ятххэр ягуэш: псалъэпкъитI зыхыхъэхэм льябжыгъэццэм япымыту (*нобэ-пцэдей, nobэ-ныжэбэ, н.кь.*), япэ итым зыри пымыуэу, етIуанэм льябжыгъэццэм пыту (*дахэ-дахэу, илэх-илэхыу, н.кь.*), псалъэпкъитIми льябжыгъэццэм яIэу (*адкIэ-мыдкIэ, флейрэ-флейуэ, н.кь.*).

Зи гугъу тцIы къэхъукIэцIэхэр нэхъыбэ дыдэрэ къохъу льябжыгъэццэм -у//уэ етIуанэ псалъэпкъым кыпыгъуэкIэрэ: *Иыхъэ-Иыхъэу, IэнанIэ-IэнанIэу, чэзу-чэзуу, хуэм-хуэму, хуабэ-хуабэу, н.кь.* Псалъэм папщIэ: *Лыжсэхэри, ар Нэзэр кыгурымыIуэ цхъэкIэ, Iэнкунуц; зэкъуэшитIым чэзу-чэзуу* кьоплэ, *езыхэр зопльыж* [Нало 1981: 172]. *Хъусыным цащыху хужьыбзэ крегъэхъери тотIысхъэ, Iэдэ-уадэ кьещтэри мо Бытырбыху цащIа сыхъэт лъапIэр цIыкIу-цIыкIуу*

зэлъхэр [Нало 1981: 115]. КъэхъукIэцIэ зы псалъэпкъыр тIэу кытригъазэкIэрэ къэхъухэр нэхъыбэм щыIэцIэхэм, пльыфэцIэхэм къатокI.

ЩыIэцIэхэм я псалъэпкъ кытэзыгъэзэжхэм деж лъабжьэужь –кIэ// –кIэрэ-р етIуанэ Iыхъэм япыувэ хабзэщ. Апхуэдэхэм деж къэхъу къэхъукIэцIэхэм щыIпIэ, зэман, лэжыгъэ кызырэхъу къагъэлыгагъуэ: *пцIантIэ-пцIантIэкIэ, лIэщIыгъуэ-лIэщIыгъуэкIэрэ, къуажэ-къуажэкIэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Мывэ сэреижьым щIыпIэ-щIыпIэкIэрэ* дэукIыпIэ хэщIыхъат, топхэр зыдэукIын гъуанэхэри дэбыкIат [Шортэн 1975: 244]. *Адэлбий и гурыщIэ узри мащIэ-мащIэурэ нэхъ кIащхъэ хъури аддэ гущIэм зыцигъэпцIкIужащ, зэман-зэманкIэрэ къэятэжу, икIэм-икIэжым узыр хэкIыжыпэнкIи зыхуэIуа щыIэтэкъым, илъэс зыкъом дэкIауэ Iэ зыщIэмьдза письмо гур кыIэрымыхъамэ* [Мэзыхъэ 2015: 392].

Абыхэм нэмыщI, *гурэ-псэкIэ* с.ху. къэхъукIэцIэхэм я япэ псалъэпкъым лъабжьэужь –рэ-р поувэ: *Апхуэдэу гурыщIэ къабзэм зэрыхуэушам гурэ-псэкIэ хуэжант Бэтокъуэ, ауэ а гурыщIэр иджыри бэнэныгъэм хуэузэцIауэ цыттэкъым* [Шортэн 1954: 241].

Зи гугъу тцIы щыIэцIэхэм я псалъэпкъытIми бжыгъэцIэ зэщхъ щызыхагъэхъэ къохъу, псалъэм папщIэ: *зыщхъэ-зыфэу, гуитI-ицхытIу*, н.кь. Щапхъэхэр: *Губгъуэм зыцхъэ-зыфэу* и *гъунэхэр нэм кыыхуэмубыду, жыжъэу зеубгъу* [КIэрашэ 1953б: 3]. *ШууитIыр дэкIыжу кIыфIым хэбзэхэжа иужькIэ, Мыхъэмэт нэхъ зыкъыщIэжри имыщIэххэу жэщыбгым кыыхуэкIуа хэщIэ игъуэдджэр зыхуихъыныр имыщIэу гуитI-ицхытIу зыкъомрэ пцIантIэкум итащ* [КIэрашэ 1953б: 173].

Языныкъуэ щыIэцIэхэм я псалъэпкъхэм къапоувэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъ зэщхъхэр. Апхуэдэу къэхъуа къэхъукIэцIэм и етIуанэ Iыхъэм –у// –уэ лъабжьэгъусэ пыт хабзэщ, псалъэм папщIэ: *ицхъэхь-псэхъу, гухуэплъэ-нэхуэплъэу*, н.кь. Щапхъэхэр: *КъыкIэлъыкIуэ тэлайм зэуэ зипхъуатэри жэщI кIыфIым ицхъэхь-псэхъу хэлъэдац* [КIэрашэ 1953б: 174].

ЦIэпапщIэ сэ, уэ, дэ, фэ, езы сытхэм кытрагъазэкIэрэ къэхъукIэцIэ зэхэлъхэр къыщагъэхъум деж, япэ псалъэпкъым лъабжьэужь –р-р поувэ, етIуанэ псалъэпкъым –р-м нэмыщI лъабжьэужь –у-ри дыщIегъу: *сэр-сэру, уэр-уэру, езыр-езыру*, н.кь. Псалъэм папщIэ: (*Алихъан Азэмэт зыхуигъазуэ*:) – *Мыдэ сэр-сэру зыгуэрхэм сегунысысыжауэ арат* [Къэрмокъуэ 2004а: 317]. *Езыр-езыру* кызыэхэнэжа хэгъэрейхэри, зэщыукIытэжам хуэдэу, я зэIуцIэм тепсэлъыхъыжакъым [Къэрмокъуэ 2004б: 95].

ЛэжыгъэцIэхэм я псалъэпкъхэм тIэу кытригъазэурэ къагъэхъу къэхъукIэцIэ зэхэлъхэр, псалъэм папщIэ: IуэхуцIэ цIэиIуэ псалъэзешэм итымрэ IуэхудэкIуэмрэ (*кIуэр-къэкIуэжэу*), IуэхуцIэмрэ IуэхудэкIуэмрэ блэкIа зэманым итхэу, IуэхуцIэм псалъэзешэ лъабжьэгъусэ имыIэу (*ундэрэбжьэ-ундэрэбжьэуэ*), япэ псалъэпкъыр арэзыгъэ гъэпсыкIэм иту, етIуанэм мыхъуныгъэ лъабжьэпэ *мы-р* пыту (*нэса-нэмыса*), н.кь. Псалъэм папщIэ: *Iэщыхъуэхэм унафэ ящIащ гъунэгъу колхозым етIуанэ махуэм кIуэр-къэкIуэжэу* кIуэуэ я лэжыгъэм епльыну [Къашыргъэ 1957: 84].

Зы псалъэпкъым тIэу кытригъазэу къэхъукIэцIэ зэхэлъхэр нэхъ мащIэ дьдэрэ бжыгъэцIэхэм къагъэхъу, лъабжьэгъусэ –ры къагъэсэбэпурэ: *зэ-ры-зэ, тхуэ-ры-тхуэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: – *ДопIащIэ, Темыр, – кытидзыкIащ Джээрий, – псым зэрызэ зыхэддзэу къэдгъэзэжыну аращ* [ШэджыхъэщIэ 1984: 14].

Адыгэбзэм къэхъукIэцIэ мыхъэнэ иIуэ, псалъэухам хъэл къалэн щигъэзэщIэу мыхъэнэкIэ зэпха псалъэ зэпыщIа куэд къыщагъэсэбэп, ахэм ещанэ гуп къагъэхъу. Псалъэ лъэпкъыгъуэ зыбжанэм ахэр къатекIащ, мыхъэнэкIэ къэхъукIэцIэм тэхуэу: *Щам и бжыхъу, Iэхъуэгъуэ тегъэкIыу, и кIэтIийр и вакъэпсу, и заницIэр и гъуэгъу, Iэщхъэлыащхъэр дэхъеяуэ, и шыкIэ мафIэ егъэуауэ* н.кь. Псалъэм папщIэ: *Ар (Мухъэмэд) езыри къагIуэрт и заницIэр и гъуэгъу, нэхъ гъуащанIэ е нэхъ удзыпцIэ кыхимыхы* [Мэзыхъэ 2015: 391]. – *Боти, Щам и бжыхъу, кърэкъутэкIри, нэгъэсауэ зыгуэр кызыжIэркъым, – жи Мацуи, мор (Сурэждин) а къэхъуа Iуэхум зэрэплъыр зригъэцIэну нэхъ къыщтэу* [Журт 2004: 193]. *Ди директорри и шыкIэ мафIэ егъэуауэ нэсыниц* [ЩоджэнцIыкIу 1955: 95].

ЖытIар кызыщIапкыужмэ, адыгэбзэм и кыэхукIэцIэ зэхэлхэр лIэужыкыгуишу бгуэш хьунуш; псалъэпкыитI е нэхыбэ зэхыхэу кыэхуауэ; зы псалъэпкыым тIэу кытригъазу, е псалъэпкы зэхуэмыдэхэр зэхыхэу кыэхуауэ; кыэхукIэцIэ мыхэнэ яIэу мыхэнэкIэ зкIэщIапч мыхыу псалъэ зэпыщIахэм кыатекIауэ. Гуп кыэс езым и щхьэхуэныгъэ иIэщ, псалъэм папщIэ, лэжыкыгъэм кышыдыдогъэлыагъуэ нэхыбэ дыдэу кыэхукIэцIэ зэхэлхэр кызытехукI псалъэ лъэпкыкыгуэхэр; абы нэмыщI, лъабжыгъусэ зэхуэмыдэхэр кыщагъэсэбпыр, кызырагъэсэбп хабзэхэр догъэнаIуэ, н.кы.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэр

1. *Гяургиев Х.З.* Наречие в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 132 н.
2. *Журт Б.* Адэж лъапсэ. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
3. *Журт Б.* Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
4. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 551 с.
5. *КIэраиш Т. (а)* Налмэс. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1953. 125 н.
6. *КIэраиш Т. (б)* Насыным и гъуэгу. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1953. 368 н.
7. *КIэрэф М.* Лъэужь е лIэужь: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 н.
8. *КIыцокъуэ А.* Батырыбжэ. Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1977. 176 н.
9. *КIыцокъуэ А.* Бгы лъапэхэм деж. Налшык. 1941.
10. *КIыцокъуэ А. (а)* Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1984. 600 н.
11. *КIыцокъуэ А. (б)* Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1984. 856 н.
12. *КIыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхьэсауэ. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 1985. 375 н.
13. *КIыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Лъапсэ: Роман; хыбархэр. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.
14. *КIыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 6. Налшык: Эльбрус, 2007. 544 н.
15. *Къашыргъэ Хь.* Насыным и хэIыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 308 н.
16. *Къэрмокъуэ М. (а)* Тхыгъэхэр. Ещанэ тхыль. Роман. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 536 н.
17. *Къэрмокъуэ М. (б)* Щихухэр иджыри мэкI. Роман. Налшык: Эль-Фа, 2004. 320 н.
18. *Къуэлуфэ Хь.* Гъатхэм и ныбжыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
19. *Мэзыхэ Б.* Тхыгъэ кыхэхэхэр. Новеллэхэр. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2015. 552 н.
20. *Мэлей А.* ЦIыхум и гъащIэр: Повесть. Налшык: Эльбрус, 1995. 192 н.
21. *Нало А. (а)* Тхыгъэ кыхэхэхэр томищым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1993. 464 н.
22. *Нало А. (б)* Тхыгъэ кыхэхэхэр томищым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Нэхуш шу: Роман. Налшык: Эльбрус, 1993. 400 н.
23. *Нало З.* Къру закъуэ. Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 1981. 400 н.
24. *Теунэ Хь.* Шэджэмокъуэ лъэпкыр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1967. 512 н.
25. *ХьэхуауацIэ Хь.* Тхыгъэ кыхэхэхэр. Япэ тхыль. Роман, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 336 н.
26. *ШэджыхьэщIэ Хь.* Гум псори кыонэ. Налшык: Эльбрус, 1984. 452 н.
27. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Япэ тхыль. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1954. 504 н.
28. *Шортэн А.* Бгырысхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
29. *Щамырзэ I.* Махуэ лъапIэр кысыпат. Повесть. Налшык: Эльбрус, 2002. 276 н.
30. *ЩоджэнцIыкIу I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1955. 172 н.

31. ЩоджэныцIыкIу I. Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхъэсауэ. Повестхэр, рассказхэр. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 1989. 464 н.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

В данной работе рассматриваются сложные производные наречия, функционирующие в кабардино-черкесском языке, выделяются их основные группы. Выявлены возможные способы образования сложных наречий, среди которых наиболее продуктивными являются сложение основ и редупликация разных типов. Дается подробный анализ каждой группы данных наречий, отмечаются их особенности. Исследуются производные основы прилагательных, местоимений, существительных, глаголов, глагольных форм с указанием их специфики и роли в словообразовательном процессе сложных наречий. Обозначается важная роль аффиксов *-y//yэ, -кIэ//кIэрэ, -м, -рэ* и т.д., с помощью которых возможно образование большинства исследуемых единиц. Теоретический материал подкрепляется иллюстративным материалом из произведений известных адыгских писателей. Представленная статья является частью кабардиноязычной научной грамматики, работа над которой началась в секторе кабардино-черкесского языка. За основу взята двухтомная грамматика 2006 года издания, написанная на русском языке, в которой обобщены результаты научных исследований по наречию. В работе используются новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым, без наличия которых написание указанного труда стало бы невозможным.

Ключевые слова: наречие, сложное производное, аффикс, словосложение, редупликация, основа, идиоматическое словосочетание.

FORMATION OF COMPLEX DERIVATIVES IN KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This paper discusses complex derivatives of adverbs that function in the Kabardino-Circassian language, identifies their main groups. Possible ways of formation of complex adverbs are revealed, among which the most productive are the addition of bases and the reduplication of various types. A detailed analysis of each group of data of adverbs is given, their features are noted. Derigated bases of adjectives, pronouns, nouns, verbs, verb forms with indication of their specificity and role in the word-formation process of complex adverbs are studied. The important role of affixes *-y // ue, -cIe // -kIe, -m, -re, etc.*, is indicated, with the help of which the formation of most of the studied units is possible. The theoretical material is supported by illustrative material from the works of famous Adyghe writers. The presented article is a part of the Kabardian scientific grammar, the work on which began in the sector of the Kabardino-Circassian language. It is based on a two-volume grammar of 2006 edition, written in Russian, which contains the best results of scientific research in adverb. We use new linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, developed by B.Ch. Bizhoyev, without whose presence, the writing of this work would be impossible.

Keywords: adverb, complex derivative, affix, word compound, reduplication, basis, idiomatic phrase.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-151-157

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alhas@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы специфики и жанрового разнообразия современных детских поэтических и прозаических произведений, дается общая характеристика их состоянию. Уделяется внимание детским авторам, как прошлых лет, так и постсоветской эпохи. Показана особая значимость развития детской литературы для культуры адыгского народа. Приводятся примеры наиболее значимых и известных детских произведений, как поэтических, так и прозаических, раскрывается их оригинальность, содержание в них национальных особенностей.

Подчеркивается, что до недавнего времени детской тематике в отечественном адыгском литературоведении не уделялось специального внимания. Не отрицая авторов прошлого, автор научной статьи рассматривает особенности новой детской литературы.

В работе представлены примеры из лучших детских произведений на кабардино-черкесском языке, доказывающие их оригинальность и соответствие поставленным писателем задачам. Приведены художественные примеры из детских произведений разных жанров: от считалок, загадок и скороговорок до стихов, сопровождаемых нотами, либретто и поэмы, предназначенных детям старшего возраста.

Новизна исследования видится в том, что впервые за последние годы детская художественная литература подвергается исследовательскому анализу. Выявляются этнонациональные особенности контекста кабардино-черкесской детской литературы.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что вопросы состояния детской национальной литературы все ещё остаются в числе малоизученных в истории кабардино-черкесской литературы. Эта проблема на современном этапе определяется с достаточной четкостью в литературоведческом аспекте. Указаны другие важнейшие вопросы, выходящие на поставленную проблему.

Предлагается собрать воедино, проанализировать состояние и уровень всей детской литературы в целом. Успешное решение данной задачи позволит восполнить историю национальной литературы, её индивидуально-специфические особенности.

Ключевые слова: актуальность исследования, волшебные сказки, нравственное воспитание, детский контекст, понимание мира, юный читатель.

Особой заботой национальных писателей всегда была литература для детей. Детская литература является частью художественной литературы, но имеет свои особенности, специфику, вытекающую из воспитательных образовательных задач, тем не менее, она прошла через все испытания, которые выпали на долю российской (в том числе и национальной кабардино-черкесской) литературы в 90-е годы.

Современную кабардино-черкесскую детскую литературу отличает разножанровость. Лучшие детские стихи принадлежат перу Бориса Кагермазова, Лиуана Губжокова, Петра Кажарова, Заура Налоева, Саладина Жилетежева, Леонида Шогенова, Петра Хагуева. Олега Хашукаева и др. Среди них есть не только стихи, но и считалочки, загадки, пьесы, скороговорки, поэмы и т.д. Они помогают детям

постигать красоту родного адыгского языка. В поговорках, загадках, сказках со-
держится мудрость народа.

В постсоветский период в детской литературе продолжают активно работать
как писатели старшего поколения, так и молодые: Сафарби Хахов, Арсен Гергов,
Неля Лукожева, Нина Таова, Олег Хашукаев, Мухарби Батыров и др. В 2006 году
увидела свет книга Лукожевой «Жьымрэ жьуджалэмрэ» («Ветерок и перекаати-по-
ле») [Лукожева 2006].

Книга адресована как детям, так и взрослым. В сборник вошли сказка, пьеса
и её перевод на русский язык, а также балетное либретто «Рисунки ветра». Все
три разножанровых произведения близки одному содержанию. В них рассказыва-
ется о приключениях Ветерка в давние времена, когда небо ещё не было сводом,
а земля твердью. Автор в художественной форме излагает своё представление о
сотворении мира. Произведения Н. Лукожевой способны воспитывать у детей
способность сопереживать, сострадать или же радоваться, становясь на сторону
несправедливо обиженных. Автор старается привить интерес к пониманию мира,
истории, пробуждая восприимчивую к знаниям детскую душу. Писательница смо-
тит на детей, прежде всего, как на будущих граждан страны.

Популярным и востребованным во всех детских и начальных школьных уч-
реждениях стал сборник детских песен «Лэгъупыкъу» («Радуга») [Шогенов Л. Ра-
дуга (Лэгъупыкъу): 108] на стихи Леонида Шогенова на кабардино – черкесском
языке, сопровождаемый нотами. Песни из этого сборника стали популярными и
разучиваются в дошкольных учреждениях. В 2005 году в издательстве «Эльбрус»
вышла книга для детей Браева А.Г. «Неожиданные встречи». Это рассказы для
детей в переводе с кабардинского на русский Ларисы Маремкуловой и Марины
Теуважуковой.

В 2007 году в издательстве «Полиграфсервис и «Г» издана книга стихов для
детей «Нэхунэ цыкхуэр» (сабийхэм папщӀэ усэхэр) – «Малые отблески» [Шоге-
нов 2007: 114]. В адыгском языке «нэхунэ» означает и отблеск, и свет. Существует
также как женское ласковое имя, идентично русскому имени «Светлана – Свету-
шок». На этимологии значений данного слова автор строит своё стихотворение о
малыше «Ди Нэхунэ», которым открывается сборник. Вот начало стихотворения:

Дыгъэр махуэм
И нэхунэщ,
Мазэр жэщым
И нэхунэщ.
Дэри диӀэщ
Зы нэхунэ –
Унагъуэшхуэм

Ди нэхунэ [Шогенов 2007: 3–6].

Солнце – отблеск дня,
Луна – отблеск ночи.
И у нас есть отблеск –
От большой семьи
Это наш свет,
Это наш отблеск .

(Подстрочный перевод А.С.).

В другом художественном ключе написано стихотворение из этого же сборни-
ка «КыфӀ» («Темнога»):

КыфӀ къэхуаш,
КыфӀ къэхуаш,
«Жей» – жери

Сызэрехуэ,
Сэ ди Нанэ
Сызэрехуэ.
Сэ слъэклатэм,
Сэ слъэклатэм
«КыфЫр»
Унэм щӀэсхужынт.
Мисс итГанэ,
Мисс итГанэ,
Дэ ди Нанэ
Сыт жиӀэнт,
«КыфI» щымыӀэм

«Жей» – жиӀэнт? [Шогенов 2007: 8–14].

Темно стало,
Темно стало,
«Спи» – не унимается бабушка.
Если б мог я, если б мог я,
То прогнал бы прочь темноту.
Вот тогда-то,
Вот тогда-то,
Чтоб тогда сказала бабушка,
Раз нет темноты,
Разве могла сказать мне : «спи!»

(Подстрочный перевод А.С.)

В сборник детских стихов известного детского писателя Леонида Шогенова вошло множество замечательных стихов: «Жей, си тӀасэ» («Спи, мой малыш»), «Макъамэ» («Мелодия»), «Гъатхэм пасэу хэт къэжлуар» («Кто кто к нам прилетел ранней весной»), «Лыжьымрэ бжэнымрэ» («Старик и коза»), «Сыт къэхуар?» («Что случилось?»), «Къаз шырхэр» («Гусята»), «Банэ унэ» («Колючий домик»), «Хъэндыркъуакъуэхэр» («Лягушки»), «Бжэндэху шыр» («Маленький скворец»), «Дыгъэ нур» («Яркое солнце») и др. Эти произведения просты, поэтичны, познавательны, порой забавны и увлекательны. Они учат детей доброте, трудолюбию, пробуждают в маленьких сердцах стремление к прекрасному, любознательности.

Радовал детей удивительными сочинениями писатель Заур Налоев. Хорошо известны его песни и игры для детей: «Инэмыкъуэ» – обработка народных песен и игр для детей, «Аслъэныкъуэ» (сказки), «Джэгузэхэшэ» («Приглашение к игре»), «Дыгъэеджэ» («Зовущие солнышко»). Постсоветский период стал особенно плодотворным для писателя. В издательстве «Эльбрус» вышли в свет следующие книги для детей: «Усэрыбжэ» («Стихотворная считалочка») (1991) – обработка народных песен и игр для детей, «Таурыхъищэ» («Сто сказок» 1992), «Самые чудесные сказки» (перевод русских и европейских сказок, 1994) и др.

«Сыт си шыпхур щӀӀэгъэгъынур?» («Не стану обижать сестренку»), «Сэ еджэкӀэ зыгогъашӀэ» («Я учусь читать»), эти и другие детские стихи, опубликованные первоначально в детском журнале «Нур», составили сборник стихов Арсена Гергова «Я учусь читать» [Гергов 1991]. Легкость слога и прозрачность, понимание народного языка и детской души, умение проникать в детскую психологию характерны для стихов А.Х. Гергова.

Как известно, хорошая книга может стать частью личности. Ведь детская книга должна приносить пользу детям, прежде всего. Лучшими и полезными являются те произведения, которые отличаются не только увлекательным сюжетом, но и несут в себе определенные воспитательные идеи: учат добру, справедливости, честности, мужеству, любви.

В этом плане показательные произведения, вошедшие в книгу талантливого кабардинского поэта Петра Хатуева «Жаворонок». Они подкупают искренностью, свежестью, оригинальностью, умением проникнуть в удивительный мир детской души. Названия стихов говорят сами за себя: «Совенок», «Верный дружок», «Вишневое дерево», «Весна», «Бабочка», «Наш щеночек», «Кошка – мягкая лапка», «Игра в прятки», «Дождливый день» и др. [Хатуев 1998: 7–27].

Детский писатель Олег Хашукаев – лауреат конкурса «Лучшая детская книга – 2003». Хашукаев пишет только на родном, кабардинском языке. Среди детских стихов поэта есть и для совсем маленьких, и для детей постарше, и для подростков. В настоящее время все стихи объединены и изданы в трех книгах: «Пшэ хужь цЫкІу» – («Белое облачко») [Хашукаев 2000: 45]; «ТхьэкІумэкІыхь Іушщэ» – («Мудрый заяц») [Хашукаев 2003: 38]; и «КхьуейплъыжькІэрыщІэ» – («Праздник красного сыра») [Хашукаев 2005: 118].

К примеру, такие стихи, как «Сэ нобэ бжэкІэ зэзгьэщІаш» – («Сегодня я научился считать»), «Нур» журнал (журнал «Нур»), «Сыту пІэрэ?» – («Что же это?»), «Мышэ зэфІэмыхьэ» – («Неуклюжий медведь») адресуются совсем маленьким детям. «КхьуейплъыжькІэрыщІэ» – («Праздник красного сыра»), «Гьатхэ» – («Весна»), Сурэттех» – («Фотограф»), Кьэсшэнут ди унэм жираф» – («Хотел бы я в дом привести жирафа»), «Бжьыхьэ» – («Осень») и др. – для детей среднего и старшего возраста. Их чтение доставляет ребенку удовольствие. Стихи Олега Хашукаева учат, прежде всего, тому, что чудеса возможны наяву, они помогают детям не расставаться с детством и со сказкой. Мечта и фантазия порой связываются воедино и преобразуют реальный мир до неузнаваемости. Важная роль принадлежит игре слов, их переплетению, построенному на фонетическом и смысловом сочетании.

Его стихам присуща внутренняя музыкальность, мелодичность. В художественной системе поэзии О. Хашукаева играет значительную роль рефренность: повтор или варьирование ключевых строк или строф, что сообщает стихам смысловую стройность, и вместе с тем создает магическую атмосферу. Стихи своим рисунком напоминают орнамент, так много в них значат переплетения образов, мотивов, деталей «Сыту пІэрэ?» – «Что случилось?», «Псысэ, шыпсэ» – («Сказка, небылица») «Жэщым» – («Ночью»), «Хэтхэ уарей?» – («Ты чей?»), «ШколакІуэ» – («Школьник»), «Бабыщ шыр» («Утенок») и другие.

В стихах, названных выше сборников О. Хашукаева, главенствует, прежде всего, радость: то празднично звонкая, то приглушенно-лирическая («Кьэсшэнут ди унэм» – («Хотел бы я в дом привести»), «Гьатхэ» – («Весна») и др. Многие стихотворения производят впечатление театральных постановок («Дадэ» – («Дедушка»), «КхьуейплъыжькІэрыщІэ» – («Праздник красного сыра»). Здесь поэт выступает против штампов; художественная первичность – неперемнное качество его детских стихов.

Большинство стихов О. Хашукаева написаны для детей младшего школьного возраста. Иногда повествование ведется от лица ребенка, но тот как бы наблюдает со стороны или за братом, или за бабушкой, или за сестренкой и дает характеристику их действиям: «Щхьэбалыджэ» («Нальсо стриженный»), «Жьы нэкІутІэ» («Щекастый ветерок»), «Хьарбыз бзыгьэ» («Кусочек арбуза») и др. Почти во всех стихах присутствует юмор и выражение детских чувств.

Считалочки, скороговорки, басни, игровые песенки, – все они берут начало от источников народного творчества. Это «КхьуейплъыжькІэрыщІэ» («Праздник красного сыра»), «Жьы нэкІутІэ» («Щекастый ветерок»), «КІушэ нау» («Кот-котофей»), «Щхьэщытхьу» («Хвастун») и многие другие.

Стихи Олега Хашукаева находят живой отклик в детских сердцах. Подчас кажется, что он видит детей насквозь, понимает их с полуслова или даже вовсе без слов. От его зоркого взгляда трудно скрыть маленькие ребячьи тайны, их привычки. Он по праву может выступать от лица детей, так как великолепно разбирается в детской психологии и в детской душе.

О. Хашукаев в стихах часто играет словами-эпитетами, к примеру, в стихотворении «Щекастый ветерок», он не хочет просто забавлять ребенка. Автор за умную, осмысленную игру, дающую простор воображению ребенка, дающую ощущение того, что он становится взрослее, сильнее. В конце концов, ребенок становится духовно богаче. Этим нравственным качествам учат такие стихи, как: «Си топышхуэ» («Мой большой мяч»), «Хьэдзыгыуанэ» («Оса»), «Дыгьэ бзий цыкIу» («Солнечный лучик»), «КъебжэКI» («Считалочка») и др.

Особняком стоят переводы детских сказок народов мира, выполненные Олегом Хашукаевым. Сказки и детские рассказы народов мира были ранее переведены на русский язык. Среди них индонезийские, индийские, вьетнамские, корейские, китайские и др. Детские стихи. Эти переводы приняли конкретный характер, близкий к адыгскому менталитету. Когда автор занимается двойным переводом, то метод перевода увязывается, прежде всего, с мировоззрением самого переводчика. Ведь такие понятия, как адекватность и полноценность перевода в данном случае имеют вполне относительный характер. Скорее, это подражание сказкам народов мира, к которому примешался адыгский менталитет. При всей привлекательности свободы творчества в данном случае, О. Хашукаев не мог осуществить полноценный перевод, даже с русского. Ведь подражание – не есть перевод. В данном случае мы имеем дело с вторичной, условной действительностью подлинника, которое отличается от первичного, живого текста подлинника. Переводчик Олег Хашукаев не был бы творцом, если б он ограничился текстом и не оживил бы в своем воображении то, что видел в индонезийских, индийских, вьетнамских, корейских, китайских произведениях и произведениях народа Бирма текстах. От авторского видения формы и содержания идет переводчик Хашукаев. Но сказки и рассказы переведены (скорее, пересказаны) на великолепном кабардино – черкесском языке с использованием адыгской интонации, ритма, некоторыми ментальными понятиями, что делает их близкими и понятными нашим детям.

Таким образом, как показывает анализ, произведения детской литературы имеют немаловажное значение в нравственно – эстетическом развитии детей. Они воспитывают любовь не только к своему народу, но и ко всему миру, вселяют уверенность в торжестве справедливости, укрепляет веру в счастливое будущее, способствуя при этом развитию у детей образного мышления.

Источники и литература

1. Гергов А. Я учусь читать. Стихи для детей. Нальчик: Эльбрус, 1991. На кабардино-черкесском языке.
2. Лыкхуэжь Н. Жьымрэ жьуджалэмрэ (Ветерок и перекасти-поле). Нальчик: Эльбрус, 2006. На кабардино-черкесском языке.
3. Нало З. Усэрыбжэ (Стихотворная считалочка: Обработка народных песен и игр для детей). Нальчик: Эльбрус, 1991. На кабардино-черкесском языке.
4. Нало З. Таурыхьщэ (Сто сказок). Нальчик: Эльбрус, 1992. На кабардино-черкесском языке.
5. Нало З. Самые чудесные сказки – перевод русских и европейских сказок, Нальчик: Эльбрус, 1994. На кабардино-черкесском языке.
6. Нало З. Урыху Губыгыуэ (Глоток воды Уруха). Нальчик: Эльбрус, 2004. На кабардино-черкесском языке.
7. Хатуев П. Жаворонок. Стихи для детей. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 7–27.
8. Хашукаев О. Пшэ хужь цыкIу (Белое облачко). Усэхэр – Стихи. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 45.
9. Хашукаев О. ТхьэкIумэкIыхь Гушщэ (Мудрый заяц). Нальчик: Эльбрус, 2003. 38 с. На кабардино-черкесском языке.
10. Хашукаев О. КхуейплгыжькIэрыщIэ (Праздник красного сыра). Нальчик: Эльбрус, 2005. 118 с.

11. Шогенов Л. Радуга (Лэгъупыкъуэ). Песни, стихи, загадки, считалочки. Нальчик: Эльбрус, 2006. 98 с. На кабардино-черкесском языке.

12. Шогенов Л. Малые отблески (Нэхунэ цыкГухэр). Книга стихов для детей. Нальчик: «Полиграфсервис и «Т», 2007. С. 11–14.

DIFFERENT GENRES IN CONTEMPORARY KABARDINO-CHERKESSE LITERATURE FOR CHILDREN

Alhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

Literature for children has always been a special concern of national writers. The article discusses the features of modern children's poetic and prose works, gives a General description of the state of both poetic and prose children's works. The author emphasizes that fiction for children has always been a special concern of national writers. The successful solution of this problem will make it possible to fill the history of national literature, its individual and specific features.

Thus, as the analysis shows, the works of children's literature are of great importance in the moral and aesthetic development of children. They foster love not only for their people, but also for the whole world, instills confidence in the triumph of justice, strengthens faith in a happy future, while contributing to the development of children's creative thinking.

Keywords: children's literature, moral and physical education, fairy tale, libretto, understanding of the world, young reader.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-158-163

НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Баков Хангери Ильясович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В постсоветский период в стране произошли коренные изменения в экономике и политике, которые повлекли за собой также значительные перемены в литературном строительстве и в обсуживающей его науке. В статье впервые рассматриваются позитивные, а в большей степени негативные последствия как в самых литературах народов России, так и в литературоведении, состоящей из трех частей: истории литературы, теории и литературной критики. Каждая часть из них рассмотрена отдельно на материале литератур народов Северного Кавказа и в контексте всего литературного процесса Российской Федерации.

Отмечается, что проблемы истории были еще в последней четверти прошлого века, но они усугубились в постсоветский период, когда была разрушена «вертикаль» литературного строительства и системы филологической науки. Такая же действенная система была и по линии Союза писателей. Подчеркивается и роль уникального Института литературы им. А.М. Горького, в которой шла подготовка будущих поэтов, писателей, драматургов, критиков и переводчиков. Все это в настоящее время почти не функционирует. Исчезли декады литератур народов России, переводы стали эпизодическими, упали в разы тиражи издаваемых книг писателей, сократилось и количество самих художников слова.

Вместе с тем в статье отмечается, что есть позитивные факты в теории литературы и истории, в литературный процесс вернулась литература зарубежной диаспоры, как и творения тех, кто был исключен из него по политическим мотивам. Есть сдвиги в создании новых историй литератур в Адыгее, Кабардино-Балкарии и у некоторых народов Дагестана. До сих пор «ахиллесовой пятой» остается литературная критика.

Ключевые слова: Литературная критика, теория литературы, институт, вертикаль, филология, репрессия, процесс, декада литературы, очерк, литературный сектор, идеология, метод.

Общеизвестно, что наука о литературе, традиционно называемая литературоведением состоит из трех составляющих – история литературы (основная часть), теория литературы и литературная критика. Несколько соображений об их современном состоянии относительно литератур северокавказского региона в контексте общероссийской.

Обратимся вкратце к их системе в советский период. Сейчас мы имеем вертикаль политической власти в Российской Федерации. До 1991 года несколько схожая вертикаль была и в науке. На местах были научно-исследовательские институты истории народов, филологии (позже подключили и экономику), исследования в которых согласовывались с головными институтами, которые, в свою очередь подчинялись Академии наук СССР. В головных институтах шла подготовка аспирантов: по лингвистике – в Институте языкознания, по литературе народов СССР – в Институте Мировой Литературы им. А.М. Горького. Такая система действовала и по отношению к другим наукам.

Кроме этого в Москве функционировал Институт литературы, в котором учились будущие поэты, писатели, драматурги, критики, переводчики. Для действующих

художников слова при Институте литературы были «Высшие литературные курсы». Надо отметить, что такого уникального института не было даже в Европе в то время.

В этом институте учились представители многих народов огромной страны, в том числе и из нашего региона. Такая продуманная система способствовала росту художественного уровня произведений писателей из регионов. Литературный процесс обогащали декады литературы и искусства, которыми обменивались все субъекты СССР. Интенсивно работали переводчики, большими тиражами издавались произведения писателей, а авторы получали приличные гонорары. Единственным и существенным недостатком относительно литературы была цензура, созданная идеологами единственной партии.

Пословица гласит: «Все познается в сравнении». Подчиняясь этой мудрой истине, мы сравним литературный процесс советского периода с тем, что с ним стало после 1991 года, когда в корне изменилась политическая и экономическая основа государства. За такими кардинальными переменами произошли существенные сдвиги как в экономике, так и в гуманитарных науках, в том числе и в литературном процессе. Трудно ответить: чего больше в них позитивного или издержек?

Мы не вправе давать оценку тем изменениям, которые произошли в экономике, политике, в точных науках и т.д., но относительно художественной литературы и обслуживающей ее науки очевидны издержки. Особо пострадали региональные литературы, часть которых являются «новописьменными» (или младописьменными), к которым относятся литературы народов Северного Кавказа, Поволжья и Крайнего Севера. В 20–30 годы в них шел трудный процесс становления. В 1937 году этот процесс замедлился из-за репрессий. Значительная часть писателей тогда оказалась в тюрьмах, немало и тех, что был расстрелян по доносам и надуманным причинам. Огромный ущерб нанесла последовавшая Великая Отечественная война. Лишь с 50-х годов XX века эти литературы стали функционировать лучше.

В литературах северокавказского региона в послевоенное время шло выравнивание системы жанров. Благодаря ярким творческим индивидуальностям осваивались новые жанры, повышался художественный уровень произведений. С 60-х годов эффективная система литературного строительства стала давать удивительные результаты. Представители народов Северного Кавказа в этот период выдвинули литературы на всесоюзную арену и к массовому читателю. Это, ставшие известными, популярными: Расул Гамзатов, Тембот Керашев, Исхак Машбаш, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков и др. В этом большая заслуга переводчиков, которые русскому читателю представили их произведения. Через переводчиков, переводивших их произведения на английский, французский, немецкий, арабский, турецкий и другие языки, наши литературы в известной мере стали частью мирового литературного процесса.

В последней четверти прошлого столетия к названным ярким творческим индивидуальностям, которые оказывали позитивное влияние на литературный процесс, присоединились талантливые поэты и писатели среднего поколения. Это: Нальби Куёк, Юнус Чуяко, Назир Хубиев, Мусса Батчаев, Исса Капаев, Керим Мхце, Микаэль Чикатуев, Мухадин Бемурзов, Мухамед Нахушев, Зейтун Толгуров, Хабас Бештоков, Борис Утижев, Руслан Ацканов и др.

К сожалению, в постсоветский период достижения поэтов и писателей региона более скромные, и этот процесс имеет место также в других регионах и в масштабе всей страны. Не сбылись прогнозы тех ученых и политиков, которые считали, что XXI век будет веком гуманных наук. Технократы взяли верх. Атомная бомба стала вождельной мечтой многих государств. В обществе власть денег становится доминирующей. В некоторых областях культуры, образования, просвещения, языкового и литературного строительства идет откат от завоеваний и достижений,

достигнутых в советский период. Это явление более остро чувствуют малочисленные народы. В последние годы идет сокращение уроков родных языков, падает престиж литературы, о чем свидетельствует программа ЕГЭ. Вспомним и «Год литературы», проведенный в 2015 году. В этом году эпизодически проводились культурные мероприятия, юбилеи писателей, по радио и телевидению артисты, поэты, чиновники высокого ранга читали отрывки из произведений классиков русской литературы (А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и др.). Особо старались чиновники, чтобы продемонстрировать свою эрудицию и любовь к изящной словесности. Все это хорошо и поучительно. Вместе с тем, очевидно, что «Год литературы» прошел без современной литературы, без обсуждения насущных проблем функционирования этой самой литературы, престиж которой падает с каждым годом. Перестали функционировать декады литератур, которыми раньше обменивались субъекты страны. Количество переводов произведений писателей литератур народов России на русский язык стали мизерными. Тиражи издаваемых произведений в регионах сократились до неприличия. Если дела с самим литературным процессом обстоят так, то каково состояние с литературоведением.

Начнем с истории литературы. Без истории не будет основы литературы. Это будет дом без фундамента. Проблемы истории литератур народов России восходят еще к последней четверти XX века. Вкратце мы их затрагивали в одной из своих статей [Баков 2017: 24–29]. Эти проблемы не только устранены, наоборот, они усугубились. В масштабе СССР самое крупное исследование – «История советской многонациональной литературы» в шести томах издано в 1970–1974 годы. Этот труд под эгидой Института Мировой литературы создан большим кругом литературоведов со всех регионов страны. В разные годы опубликованы очерки истории литератур отдельных народов Северного Кавказа; были попытки обобщить и в целом историю литератур всего региона, но заметных трудов не было.

Отдельные истории национальных литератур, чаще всего в форме очерков издавались именно в шестидесятые годы, когда и литературы пошли в рост. Это: Очерки истории чечено-ингушской литературы (1960): (Кто тогда знал, что чеченцы и ингуши разделятся на два субъекта); История дагестанской литературы в 2-х томах (1967); Очерки истории осетинской литературы (1967); Очерки истории карачаевской литературы – изданы еще в 1966 году Асият Караевой, но продолжения до сих пор нет. Несколько лучше обстоят дела в этом вопросе у абазин. В. Тугов в 1970 году издал «Очерки абазинской литературы», а В. Чекалов расширил и обновил явления литературного вопроса и издал в 1995 г. «Страницы истории абазинской литературы». Самое тяжелое положение у ногайцев, имеющих богатые литературные традиции в дооктябрьские периоды, но до сих пор нет серьезных работ по истории ногайской литературы. Как видим, литературоведы не поспевают за литературным процессом.

Это касается и осетинского литературоведения в известной степени.

Первыми, кто осознал эту диспропорцию между наукой и самой литературой, являются адыгейские филологи. Известный литературовед К.Г. Шаззо составил проект истории адыгейской литературы, привлек к нему всех ведущих в республике ученых-филологов в количестве 19 человек, большинство из которых доктора филологических наук и в течении 10 лет авторский коллектив издал объемную и качественную «Историю адыгейской литературы» в трех томах. (Последний том опубликован в 2006 г.). Несколько позже приступили к этой работе кабардинские и балкарские литературоведы. В трех томах подготовлена и издана «История кабардино-черкесской литературы» на родном языке сектором кабардино-черкесской литературы (сектор состоит из пяти докторов фил. наук и трех перспективных и молодых кандидатов наук).

Издана также «История балкарской литературы» на русском языке. Подготовлен вариант в двух частях на балкарском языке.

Как видно, в одиночку или силами двух-трех исследователей невозможно создать историю любой национальной литературы. В известной степени это удавалось относительно первых периодов эволюции новописьменных литератур, когда писателей было не так много, как и выходящих в свет произведений. И то это были не полнокровные истории, а очерки. С 60-х годов объем литератур и количество авторов стал гораздо больше и без коллективных усилий невозможно «переварить» такой объем текстов.

Литературоведение предполагает чтение огромного объема художественных произведений, а потом проведения анализа, что требует много времени и усилий. Кроме того такая кропотливая работа не получает должной оценки со стороны работодателей. А между тем истории национальных литератур нужны не только для науки. Они необходимы для образования и просвещения. Без них не могут обойтись средние и высшие школы.

Для создания историй литератур народов России хорошим подспорьем может быть «История советской многонациональной литературы», изданная ИМЛИ в Москве, включив в нее исключенных по политическим и идеологическим причинам из литературного процесса. Но это издание охватывает только явления 1917–1960 годов.

В научно-исследовательских институтах Северного Кавказа за редким исключением нет достаточного количества специалистов высшей категории для написания историй национальных историй. Где же выход? Пример адыгейских ученых, объединивших усилия всех литературоведов для решения этой важной задачи позитивен, но есть ли столько кадров у каждого народа многонациональной Карачаево-Черкесии?

Советовать что-либо – дело неблагодарное, о чем оригинально говорил один из моих предков, имя которого носит плато и цепь гор с лесом, расположенный напротив аула Алибердуковский. По легенде Баков Али говорил своим сыновьям: «Никогда никому ничего не советуйте, пока вас сильно не попросят». Я, неблагодарный потомок, рискну и в порядке постановки вопроса дать один совет: почему бы карачаевцам и балкарцам не создать единую историю литературы? По этому пути пошли кабардинские и черкесские литературоведы и создали трехтомную историю. Есть наверно и другие решения относительно исследований современных историй абазинской и ногайской литератур.

Хочу затронуть еще одну проблему, связанную с творчеством писателей, репрессированных в тридцатые годы. Они все реабилитированы, но утеряны многие произведения. Хорошую работу относительно абазинских репрессированных писателей провел докт. фил. наук Чекалов П.К. Я тоже воспользовался некоторыми его находками. Благодаря архивам КГБ, найденным фактам в книге «Место расстрела Сандромах в Карелии» [Дмитриев 1999: 235], а также в монографии Ершова В.Ф. «Русский мир и северокавказское зарубежье» [Ершов 2016: 419] нам удалось установить причины и дату смерти первого черкесского романиста Халида Абукова: он был расстрелян 27 октября 1937 года в одном из лагерей в Карелии.

Результаты наших наблюдений опубликованы в отдельной статье [Баков 2018: 111–115]. В этом вопросе есть еще одно странное обстоятельство. Судебное дело под номером 72 называлось о «Буржуазно-националистической, к-р повстанческой организации, действовавшей в Черкесии и Карачае». В главе

«Вредительство в литературе» проходили ряд обвиняемых абазинских и черкесских писателей, в том числе Х.Абуков и Магомет Дышеков. Их дела рассматривала целая комиссия, вызванная из Москвы. Приговором Северо-Кавказского суда от 20–21 декабря 1935 года Абуков Х.К. был приговорен к расстрелу, через несколько дней – 4 января 1936 г. Высшая инстанция – Специальная коллегия Верховного суда РСФСР расстрел заменили 10 годами лишения свободы. Это решение вступило в силу. Потом, спустя почти десять месяцев – 27 октября 1937 года

Х. Абуков был расстрелян в урочище Сандромах в Карелии. Все это странно. По какой причине решение Высшей инстанции суда РСФСР не выполнено. Странно еще то, что пострадали именно те писатели, которые воспевали в своих произведениях советскую власть, идеологию социализма.

Много еще неясного и по биографии Магомета Дышекова, роман которого «Зарево», стал заметным явлением нашей литературы. Наши поиски продолжаются и по другим репрессированным, как Салих Темиров, Бетал Хабекиров. Наверно есть проблемы по восстановлению биографии и полной картины творчества репрессированных в 1937 г. писателей, представителей карачаевцев и ногайцев.

Перейдем к проблемам современной теории литературы. Эстетические категории, функционирующие в литературном процессе, методы, направления в литературе, система жанров, терминология и другие инструменты, используемые для изображения реальной действительности и т.д. Наиболее устойчивая часть литературоведения, но и они постепенно меняются. Интенсивнее становится взаимопроникновение элементов всех трех родов литературы, расширяются границы жанров. В постсоветский период в корне изменилось отношение литературы к идеологии. Уходит в небытие метод социалистического реализма, понятия «партийность» и «классовость» и другие идеологические клише. В литературный процесс возвращаются произведения, создаваемые нашими соплеменниками, живущими в многочисленных зарубежных диаспорах. В этом направлении плодотворно работают адыгские литературоведы. Сектор кабардино-черкесской литературы КБИГИ, например, вот уже несколько лет работает над биобиблиографическим словарем адыгских (адыгейских, черкесских, кабардинских, живущих в зарубежных диаспоре) писателей. Словарные статьи состоят из биографических данных, краткого анализа творчества, изданий автора, публикаций об авторе и его произведениях. Вся эта информация подается на адыгском и русском языках, а резюме на английском. Проект заканчивается, его издание будет подспорьем для написания общей истории адыгских литератур. Коллективный труд будет полезным также для школ и вузов Адыгеи, КБР и КЧР.

Говоря об изменениях, произошедших в теории литературы в постсоветский период, надо отметить, что исследования зарубежных ученых, которые игнорировались идеологами коммунизма как «буржуазные» и вредные сейчас включаются в наш научный оборот. Это позитивный факт, но к ним надо подходить разумно. Во-первых, многие положения западных теоретиков несколько устарели. Во-вторых, у западных литературоведов и теоретиков литературы терминология слишком сложная, а наши молодые исследователи заимствуют их без особой надобности, хотя у нас есть вполне понятные и ясные аналоги. К анализу конкретных текстов зачастую привлекаются приемы и методики множества смежных наук и видов общественного сознания, которые затрудняют восприятие содержания произведения. Об этом еще в 1948 году предупреждал западный ученый В. Кайзер, который писал: «Главный предмет науки о литературе – сами произведения, а остальное (психология, взгляды и биография автора, генезис литературного творчества и воздействие произведения на читателя) вспомогательно и вторично [Kaiser 1948: 17–18].

Что касается литературной критики, то она имела и в советский период существенные недостатки в регионах, в которых критикой занимались в основном журналисты и сами писатели. Эта тенденция имеет место и в постсоветский период, хотя в наше время разделение труда достигло таких высот, что невозможно появление Ломоносовых, занимающихся проблемами разных отраслей человеческой деятельности. Поэты и писатели используют способы образного мышления, а критики и историки литературы мыслят силлогизмами, они аналитики.

Критика должна определять место писателя в литературном процессе, давать оценку произведениям, выявлять достижения и издержки автора. Критик-посредник между писателем и читателем. Критика – своего рода «литературная разведка».

Следствием неполноценного функционирования критики и отсутствия переводов на русский язык в последние годы является то, что представители литератур народов Северного Кавказа исчезают из федеральных учебников и исследований. Так, в 14 учебниках и исследованиях в центре в 2005 году значится из северокавказских писателей только Расул Гамзатов. Несколько лучше, но явно недостаточно предоставлены они в «Словаре литературы народов России XX в.», изданный под грифом ИМЛИ.

В свое время Н.М. Карамзин писал [Карамзин 2011: 5]: «Хорошая критика – есть роскошь литературы: она рождается от великого богатства». К сожалению, в постсоветский период это не имеет отношение к нашей региональной литературе и критике.

В заключении необходимо сказать, что вопросы переводов сдвинулись с мертвой точки, отраднo, что произведения писателей Северного Кавказа переводятся на русский язык носителями языка оригиналов. Есть достижения и в создании истории отдельных литератур, но большинство младописменных литератур не имеют трудов по истории, охватывающих постсоветский период. Без этого невозможно создать историю литератур Северо-Кавказского региона.

Источники и литература

1. Баков Х.И. Актуальные вопросы изучения литератур народов Северного Кавказа / Литература и формирование облика художественной культуры народов Российской Федерации. Коллективная монография. Майкоп, 2017. С. 24–29.

2. Баков Х.И. О творческой судьбе черкесского романиста Халида Абукова // Вестник АГУ. Майкоп, 2018. № 1. С. 111–115.

3. Дмитриев – Место расстрела Сандромах / сост. Ю.А. Дмитриев. Петрозаводск, 1999. С. 235.

4. Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье. М., 2016. 419 с.

5. Карамзин – «Литературная газета». 2011. 2 февраля. С. 5.

6. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einfuhr in die Literaturwissenschaft. Bern, 1948. S. 17–18.

SCIENCE ABOUT THE LITERATURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA: PROBLEMS, PROSPECTS

Bakov Hangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

In the post-Soviet period, fundamental changes in the economy and politics took place in the country, which also entailed significant changes in literary construction and in the science that discussed it. The article discusses for the first time the positive and, to a greater extent, negative consequences both in the most literatures of the peoples of Russia, and in literary criticism, which consists of three parts: literary history, theory and literary criticism. Each part of them is considered separately on the material of the literatures of the peoples of the North Caucasus and in the context of the entire literary process of the Russian Federation.

It is noted that the problems of history were still in the last quarter of the last century, but they were aggravated in the post-Soviet period, when the “vertical” of literary construction and the system of philological science was destroyed. The same effective system was through the Union of Writers. Emphasizes the role of the unique Institute of Literature. AM Gorky, in which there was a preparation of future poets, writers, playwrights, critics and translators. All this is currently almost not functioning. Decades of literatures of the peoples of Russia have disappeared, translations have become episodic, the editions of published books of writers have fallen by several times, and the number of artists themselves have decreased.

At the same time, the article notes that there are positive facts in the theory of literature and history, the literature of the foreign diaspora has returned to the literary process, as well as the works of those who were excluded from it for political reasons. There are shifts in the creation of new literary histories in Adygea, Kabardino-Balkaria and among some peoples of Dagestan. Until now, the “Achilles heel” remains literary criticism.

Keywords: literary criticism, literary theory, institute, vertical, philology, repression, process, literature decade, essay, literary sector, ideology, method.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-164-170

МЁЧЮЛАНЫ КЯЗИМНИ «АХЫРЗАМАН ДУНИЯ» ДЕГЕН НАЗМУСУНУ ТЮРЛЮЛЕРИ

Локияланы Магомедни кызы Жаухар, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар фольклор белюмюню кичи илму къуллукчысу, lokuayeva2015@mail.ru

Статья Мёчюланы Кязимни чыгъармачылыгы бла байламлы даулашлы сорууларындан бирине жораланады. Белгилисича, поэтни жашау эм чыгъармачылык жолуна, тил энчилигине аталган аслам илму ишле (энчи китапла, жыйымдыкыла, статьяла, диссертация) жазылгандыла. Болсада, бюгюнлюкде, шайырны чыгъармачылыгы тийишлисича тинтилмегенди. Аны назмуларында да иги кесек тохташдырылгъа керекли соруула бардыла. Белгиленген иште поэтни «Ахырзаман дуния» деген назмусуну бир ненча китапта берилген тюрлюлерине эм Россей илму академияны Къабарты-Малкъар илму арасыны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну (РИА КъМИА ГТИ) архивинде сакъланган вариантларына тенгleshдириу халда къаралады. Алада чыгъарманы аты, жазылган жылында башхалыклары шартланадыла, ол сылтаула нек жаратылгъанлары ачыкъланады. Назмуда заманны излемлерине кёре арап сёзле орус неда ёз тилибизни сёзлери бла алышынып, бирде уа дагыда артха, арап сёзлеге къайтарылгъаны белгиленеди. Андан сора да, чыгъарманы бир-бир китаптада кысхаракъ, бирсиледе бир къауум тизгинге узунракъ берилгенине, ол энчикле не хыйсапдан кысгъанларына, назмуланы шарт тохташдырыу ючюн не этерге керек болгъаныны юсюнден оюм этиледи, поэтни хар тизгинини кертилигин шартлар амал изленеди.

Баш магъананы тутхан сёзле: малкъар литература, Мёчюланы Кязим, поэзия, назмуну тюрлюлери (вариантлары).

Малкъар адабиятны мурдорун салган закий поэт Мёчюланы Кязим Холам-Бызынгы аузуну Шыкы элинде туугъанды. Ол халкыны келден чыгъармачылыгындан дерс ала, шаркъ, тюрк, фарс халкылары поэзияларын, жашау халларын ёз миллетини къадары бла тенгleshдире, аны къууанчына къууана, жарсыууна жарсый, оюм сёзюн назму тизгинге сыйындыра ёмюрлюк этгенди.

Поэтни жашау эм чыгъармачылык жолун, тил энчилигин тинтиуге жораланган аслам илму иш [Маммеев 1966; 1973; Кулиев 1959; Бозиев 1959; Кучмезова 1996; Теппеев 1981; Биттирова 2001, 2004, 2016, 2018; Узденова 2003; Сарбашева 2009; Теппеев, Габаева 2010; Берберов 2010; Кетенчиев 2012; Локъяева 2017 эм д.б.] барды. 2004 жылда Габаланы А.Б. «Концепция человека в творчестве Кязима Мечиева» деген кандидат диссертациясын къоруулагъанды [Габаева 2004]. Кязимни чыгъармачылыгына аталган ишлени миллет алимледен сора да тыш кыралладагы диаспораланы адабиятчылары да жазгандыла (Ведат Балкан, Мехмет Сары, Уфук Таукул эм б.) [Биттирова 2018].

Болсада, бюгюнлюкде Кязимни ниет хазнасы тийишлисича тинтилгенди дерге жарарыкъ туююлду, нек дегенде, аны туугъан жылындан башлап, кёп жашау шарты даулашлы халдады, чыгъармачылыгында да ачыкъланмагъан соруула аз туююлдуле. Поэтни чыгъармачылыгын тинтген алимледен бири Тёппеланы Алим оюмлагъаннга кёре, Кязимни жыл саны, жазылып сакъланган къагъытха кёре угъай, ол айтханнга таяна, тарихге жуууклашдырылып тохташдырылганды.

Ол себепден, Кязимни туугъан жылыны тюзлюгюн-терслигин ачыкълау алимлени борчу болгъанлай къалады [Теппеев 2001: 7].

Поэтни башха-башха китаплада чыкъгъан назмуларында, аланы атларында, жазылгъан жылларында, тизгинлеринде, строфаларыны санында да иги кесек башхалыкъ тюбейди (сёз ючюн, «Ахырзаман дуня», «Жаралы жугъутур», «Арабстандан юйге салам къагъыт», «Аллах да залимле жанлы» эм д. б.). Аллай болум окъуучуну аллында иги кесек соруу туудурады.

Энчи эсибизни бийлеген чыгъармаладан бири поэтни «Ахырзаман дуня» деген назмусуду. Статъяда аны вариантларыны энчиликлерине тенглешидириу халда къаралады.

«Ахырзаман дуня» деген чыгъарма озгъан ёмюрде жазылгъанлыкъгъа, ол бюгюнню жашауну теренден оюмлатады, ниет тазалыкъны кирсиз сакъларгъа, жашау болумлагъа багъа бичерге юйретеди. Чыгъарманы вариантлары Тёппеланы Алим жарашдыргъан, 1989 жылда басмаланган, эки томлукъда «Ахырзаман дуня» [Мечиланы 1989: 245–248], 1996 жылда Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан «Назмула. Зикирле. Поэмала» деген китапда «Алданмагъыз ахырзаман дунягъа» [Кязим 1996: 46–49], 2008 жылда «Малкъар поэзияны антологиясында» «Ахырзаман дуня» [Малкъар поэзияны антологиясы: 2008: 23–24], 2009 жылда Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан «Кязим. Сайлама чыгъармалары: Назмула. Поэмала. Зикирле» деген китапда «Алданмагъыз ахырзаман дунягъа» [Кязим 2009: 259–261] деген атла бла чыкъгъандыла. Андан сора да назму Къабарты-Малкъарны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну архивинде сакъланады. Анда белгиленнгенге кёре, биринчи кере ол 1974 жылда Кенделен элде Улакъланы Омардан магнитофоннга жазылгъанды. Ызы бла 1975 жылда Бызынгы элде Холамханланы Сахайдан, Герпегеж элде жашагъан Чабдарланы Мустафадан жазылып алыннган тюрлюлери да бардыла [АИГИКБНЦРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 133. Л. 68]. Алада тизгин саны, назмуну аты да башхаракъдыла. Архивде болгъан вариантланы эм толусуна Кичибалыкъ элде жашагъан 67 жылы толгъан Журтубайланы Омарны жашы Галадан Тёппеланы Алим жазып алгъан «Ахырзаман дуня» («Жаннет» поэмасы) деген чыгъарманы санаргъа боллукъду. Белгиленнгенине кёре назму бир ненча ат бла жюрютюледи («Ахырзаман дуня», «Жаннет», «Кязимни зикири», «Алданмагъыз ахырзаман дунягъа»). Журтубайланы Гала эсгергенге кёре, ол жаш заманында бу назмуну хажини кесини аузундан эшитгенди, аны арап харфла бла жазылгъан тана тери тышлы китабындан кечюрюп алгъанды. Журтубайланы Гала айтханнга кёре, назму маулютледе, жума намазлада «Кязимни зикири» деген ат бла да жюрютюлгенди [АИГИКБНЦРАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 135. П. 5]. Алай бла, назмуну бу тюрлюсю Кязимни кесинден жазылып алыннганына бу сёзле шагъатлыкъ этерге боллукъдула.

Мёчуоланы Кязимни чыгъармачылыкъ хазнасын жыйышдырыуда, тинтиуде да Тёппеланы Алим биринчилени сатырында болгъанды. Ол илму-излем институтда ишлеген кезиуонде Кязимни чыгъармаларыны эки томлугъун жарашдырып тынгылы илму къарамын шарт белгилеп басмалагъанды [Мечиланы 1989]. Эки томлукъда бла «Малкъар поэзияны антологиясында» биз къарагъан назмуну аты «Ахырзаман дуня», Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан эки жыйымдыкъда уа («Алданмагъыз ахырзаман дунягъа») деп бериледи.

Башхалыкъ назмуну атындан сора жазылгъан жылында да тюбейди. Сёз ючюн, эки томлукъда ол 1902 жыл бла, башха китаплада эм Къабарты-Малкъарны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну архивинде сакъланнган къол жазмалада 1912 жыл бла. Бизни оюмубузгъа кёре, быллай жангылыч китап басмада ётерге боллукъду.

Ол назму бир ненча тюрлю нек берилгенин, аладан къайсы тюрлендирилгенин эм ол тюрлениуле не себепден чыкъгъанларын окъуучугъа кеси аллына тохташдыргъан къыйынды. Назмугъа илму багъа берир ючюн, аны вариантларын, энчиликлери да тынгылы тинтилерге керекди.

Назмуну эки томлукъдагы бла антологияда берилген тюрлюлерин тенг-лешдирип къарагъанда экинчисинде назму 14 строфагъа азды. Алай архивдеги Чабдарланы Мустафадан жазылгъан варианты бла чыгъармаланы эки томлукъну ангылатыуларында берилген варианты тизгин саны бла, аты бла да бир бирге келишгени шартды [Мечиланы 1989: 384–386].

Тёппеланы Алим жарашдыргъан эки томлукъдагы тюрлюсю бла Къабарты-Малкъар гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну архивинде сакъланнган (Журтубайланы Галадан жазылгъан «Ахырзаман дуния» («Жаннет» поэма) деген назмуну строфа саны, ич сыры да тамам келишедиле.

Назмуну эки томлукъда тюрлюсю бла Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан китаплада берилгени вариантын тенг-лешдиргенде, назму алты строфагъа къысхар-тылып бериледи:

Ийман олду – азатлыгъы жанынгы,
Харам ишге къыйнамасанг жанынгы,
Уру, хыйны бийлемесе къанынгы, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Таза къулну суймеклиги суралыр,
Сафарына ол эринмей баралыр,
Ёле туруп, къыйналмайын жан алыр, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Сууап жазгъан мёлеги бек къууаныр,
Тэфтерине хурмет бла къаралыр,
Аманлыкъчы, жан бералмай, аралыр, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Ийманлыгъа налат берир кюн келмез,
Написине артыкълыкъны ол бермез,
Ёлген сабий даучу болуп сюелмез, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Минг бир сёзню бизге берди бийибиз,
Анга ёлчем, хыйсап салды, билигиз,
Жаннет ючюн сиз бир бирни суйюгюз, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Бир ётюрюк минг уялтыр, айтайым,
Керти сёзню иеси бол хар дайым,
Жан алдасам, аллахымы алдайым, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

[Мечиланы 1989: 246–247]

Ол не хыйсапдан болгъанын айтхан къыйынды. Андан ары тенг-лешдиргенде назмуда эки томлукъда болмагъан, алай Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан сай-ламалада тюбеген бир жангы тёрттизгин барды:

Алдадыкъ биз файгъамбарны кёп кере.
Чархыбызны Аллах этдик кёз кёре,
Энди бизге ол чархыбыз не бере?
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

[Кязим 1996: 49]

Дагъыда, эки томлукъда берилген эки тёрттизгин Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан китаплада бир строфагъа сыйынып бериледиле.

Хаким жашла сафарларын санарла,
Хакъ жолунда чыракъ болуп жанарла,
Жанларына анда себеп табарла, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Сыйлы къулла сафарларын сюерле,
Жетмиш тюрлю дарий кийим киерле,
Бир бирине сыйлы салам иерле, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

[Кязим 1996: 46]

Хаким къызла жарыкълыкъны сюерле,
Жетмиш тюрлю дарий кийим киерле,
Бир бирине сыйлы салам иерле, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

[Мечиланы 1989: 245]

Андан ары тенгleshдиргенде, назмуну ахыр эки тёрттизгини жерлери бла алышынып берилгени ачыкъланады:

**Кёпле кетген дуниядан кетербиз,
Сакъ жсауунлай, юркген атлай, ётербиз,
Дуния малын, хазналарын не ётербиз?
Алдатмайыкъ** ахырзаман дуниягъа!

*Кязим хажи жалгъан зикир этмейди,
Игилик – аз, гюнях бизден кетмейди,
Факъыр сёзю чапыракъдан ётмейди, –
Алданмагъыз* ахырзаман дуниягъа.

*Кязим хажи жалгъан назму этмейди,
Игилик – аз, гюнях бизден кетмейди,
Факъыр сёзю чапыракъдан ётмейди, –
Алдатмагъыз* ахырзаман дуниягъа!

[Мечиланы 1989: 248]

**Кёпле кетген дуниядан кетербиз,
Сакъ жсауунлай, юркген атлай, ётербиз,
Дуния малын, хазналарын не ётербиз?
Алданмагъыз** ахырзаман дуниягъа.

[Кязим 1996: 49]

Башха тёрттизгинни къуралыуунда да башхалыкъ барды:

Кимни келир онг жанындан китабы –
Кимни къууанч, кимни жилиу хыйсабы!
**Ким уялыр, кимге ётерле табу, –
Алдатмагъыз** ахырзаман дуниягъа!

[Мечиланы 1989: 247]

Кимни келир онг жанындан китабы,
Хар ишини анда болур хыйкъабы,
Кимни къууанч, кимни жилиу хыйсабы, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

[Кязим 1996: 48]

Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан эки китапда («Назмула. Зикирле. Поэмала» [Кязим 1996: 46–49] эм «Сайлама чыгъармалары: Назмула. Поэмала. Зикирле» [Кязим 2009: 259–261]) берилген вариантланы тенгleshдирип къарасакъ, алада строфа саны бир-бирге тамам келишгени эсленеди. Алай кёп болмаса да бу китаплада да башхалыкъла тюбейдиле:

Кёолларында нюр тыйылмаз жарыкъдан,
Къыйналмазла не жылыдан, сууукъдан,
Инжилмезле бир да анда тарлыкъдан, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Кёолларында нюр тыйылмаз жарыкъдан,
Къыйналмазча иссиден не сууукъдан,
Инжилмезле бир да анда тарлыкъдан, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Не ючюн Аллах кёкню, жерни жаратды?
Акъыл берип, аны бизге танытды?
Барын толу адам ючюн жаратды, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Аллах кёкню, жерни не ючюн жаратды?
Акъыл берип, аны бизге танытды?
Барын толу адам ючюн жаратды, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Келигиз, **биз** ассылыкъдан къачайыкъ,
Жюреклены игиликге ачайыкъ,
Кёзюбюзден къан жилимукъ чачайыкъ, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Келигиз, **бу** ассылыкъдан къачайыкъ,
Жюреклены игиликге ачайыкъ.
Кёзюбюзден къан жилимукъ чачайыкъ,
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Айбат ишге арытайыкь санланы,
Ийман бла кетерейик жанланы,
Кёп жыймайыкь кьолгьа фитна малланы, –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

Айбат ишге арытайыкь санланы,
Ийман бла кетерейик жанланы.
Кюрешейик жыйып фитна малланы,
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

* * *

Кёпле кетген дунядан кетербиз,
Сакъ жауунлай, юркген атлай, ётербиз,
Дуня малын, хазналарын не ётербиз? –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

[Кязим 1996: 47–49]

Кёпле кетген **бу** дунядан кетербиз,
Сакъ жауунлай, юркген атлай, ётербиз,
Дуня малын, хазналарын не ётербиз? –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

[Кязим 2009: 259–261]

Чыгъарманы тюрлю-тюрлю вариантларын тенглеширгенде, биринчи тёрт-тизгинде окуна башхалыкь эсленеди: «*хадисде кёргеними айтайым*» [Мечиев 1989], «*хадисде кёргеними санайым*» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 135. П. 5], «*хадисде кёргениме кьайтайым*» [Кязим 1996; 2009] деп бериледи.

Журтубайланы Галадан жазып алынган эм экитомлукьда берилген назмуну аты да, хар строфасыны ахыр тизгининде «*Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!*» деп, Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан жыйымдыкьлада уа «*Алданмагъыз ахырзаман дунягъа*» деп белгиленеди. Баям, назмуну ич сырына «Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!» дегенден эсе, «Алданмагъыз ахырзаман дунягъа» деген ангылам тюз келишеди. Къабарты-Малкъарны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну архивинде Тёппеланы Алим жазып алгъан вариант толусунлай сакъланганлыкьгъа, Бегийланы Абдуллах да кеси жазып алгъан вариантла бла ишлеген болур дерге боллукьбуз.

Тёппеланы Алим бла Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан китапланы тенглеширип къарагъанда, сюзюлген назмуну бир-бир тизгинлерини башхалыкьлары ачыкъланады:

Баям этип бизни ючюн жаннетин,
Жаратханды ашын-сууун, шербетин,
Зем-зем сууун, **тюрлю халал** кёгетин,
Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!

Ачып бизни ючюн жаннетин,
Жаратханды ашын-сууун, шербетин,
Зем-зем сууун, **алхам-тюрлю** кёгетин, –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

* * *

Тюплерине алтын тахта салыныр,
Жан-жаньинда таза суула барылыр,
Хар бир ичги анда халал болунур, –
Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!

Тюплерине алтын тахта салыныр,
Тюбю бла татлы суула барылыр,
Хар бир ичги анда халал болунур, –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

* * *

Неден суйсе, келип андан ашарла,
Тюплерине **кьуу** тёшекле **жасарла,**
Ол зауукьгъа **жетиширик ким болур?**
Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!

Неден суйсе, келип андан ашарла,
Тюплерине **атлес** тешек **атарла,**
Бу зауукьгъа **кирип, анда жашарла,**
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

Ол зауукьгъа насыплыла жетерле,
Жаннетледе жарыкь жашау этерле,
Жаныбызны хакъ жолуна берирге, –
Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!

Ол зауукьгъа насыплыла жетерле,
Сыйлы Аллахха зияратла этерле,
Жаныбызны хакъ жолуна берирге, –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

Кюрешейик ийман бла ёлюрге,
Жети кёгде жаннетлени кёрюрге,
Жаныбызны хакъ жолуна берирге, –
Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа!

Кюрешейик ийман бла ёлюрге,
Сыйлы Аллахны анда нюрюн кёрюрге,
Жаныбызны хакъ жолуна берирге, –
Алданмагъыз ахырзаман дунягъа.

* * *

Ол деп, бу деп, сылтау этип *көрелле*.
Сокъуранып, *къан жилиямукъ тегелле*,
Башыбызгъа жетиширик ишлелле, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Ол деп, бу деп, сылтау этип *башларла*,
Сокъуранып, *эсигизни ташларла*,
Башыбызгъа жетиширик ишлелле,
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Хазыр сылтау къабыл болмаз биреуге,
Себеп келмез жалбарыудан, тилеуден,
Ёзге къалмаз олжаннга тигелеуден, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Хазыр сылтау къабыл болмаз биреуге,
Себеп келмез жалбарыудан, тилеуден.
Баиха къалмаз жаханымге сюрюуден, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Жийиргенип, ассылыкъдан къачайыкъ,
Жюрекленни *къарыусузгъа* ачайыкъ,
Кёзюбюзден *къарангыны* чачайыкъ, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Келигиз, биз ассылыкъдан къачайыкъ,
Жюрекленни *игиликге* ачайыкъ,
Кёзюбюзден *къан жилиямукъ* чачайыкъ, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Айбат ишге арытайыкъ санланы,
Ийман бла кетерейик жанланы,
Кюремейик жыйып фитнес малланы, –
Алдатмайыкъ ахырзаман дуниягъа!

Айбат ишге арытайыкъ санланы,
Ийман бла кетерейик жанланы,
Кёп жыймайыкъ къолгъа фитнес малланы,
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

[Мечиланы 1989: 245–248]

[Кязим 2009: 259–261]

Быллай башхалыкъла чыгъарманы айтхан адамладан келгенин, неда Тёппеланы Алим бла Бегийланы Абдуллахны тюзетиулери бла байламлы болгъанын тохташдыргъан къыйынды.

Андан сора да бир къауум энчилик эсленеди:

Ишлегеннге *тейри эшик* ачылыр,
Нюр тегюлюр, *ырахатлыкъ* чачылыр,
Махтау, *ыспас*, кечгинлик да табылыр, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Ишлегеннге *жаннет эшик* ачылыр,
Нюр тегюлюр, *шафауатла* чачылыр,
Махтау, *рахму*, кечгинлик да табылыр, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Хар адамны тюзлюгю терк билинир,
Эки къаты юлош болуп келинир,
Анга кёре, сайлау, къуллукъ, берилир,
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Хар адамны тюзлюгю терк билинир,
Ахыратда юлош болуп келинир,
Анга кёре, сайлау, къуллукъ, берилир, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Сыйлылыгъы жарты болмаз не такъыр,
Кязимни да *сыйлы жерге* сен чакъыр,
Къайры барса, *тюзлюк* тилейди факъыр, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Сыйлылыгъы жарты болмаз не такъыр,
Кязимни да *жаннетинге* сен чакъыр,
Къайры барса, *рахмат* тилейди факъыр,
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

* * *

Хар адамны сират бла къууарла,
Бир да къалмай этгенлерин сурарла,
Ахыр-ауал, анда *хукму* къууарла, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Хар адамны сыйрат бла къууарла,
Гюнахларын, сууапларын сурарла,
Ахыр-ауал, анда *сюдно* къууарла, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Китапларын, алып келип, берирле,
Гюняхларын, сууапларын кёрюрле,
Муратланы кер агъачха керирле, –
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа!

Китапларын алып келип берирле,
Гюняхларын, сууапларын кёрюрле,
Гюняхлыны кер агъачха керирле, –
Алданмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Кимни келир онг жанындан китабы –
Кимни къууанч, кимни жилияу хыйсабы!

Кимни келир онг жанындан китабы,
Хар ишини анда болур хыйкъабы,

**Ким уялыр, кимге этерле табу, –
Алдатмагъыз** ахырзаман дуниягъа!
[Мечиланы 1989: 245–248]

**Кимни къууанч, кимни жиялю хыйсабы, –
Алданмагъыз** ахырзаман дуниягъа.
[Кязим 2009: 259–261]

Белгиленген башхалыкъланы эсепленде, заманга кёре, ислам дин бла байламлы сёзле экитомлукъда алышынып берилген эселе, Бегийланы Абдуллах жарашдыргъан китаплада артха къайтарылгъандыла.

Бу башында сагъынылгъан чойреликле Кязим-хажини чыгъармачылыгына, аны назмуларын жыйышдыргъанлагъа, заманга да даулукъда белгиленмейдиле. Аны баш мураты келлик тёлюлеге ёмюрлюк адабият эсгертмебизни даулашсыз керти халинде сакълаудады. Поэт орус, арап, башха тиллени сёзлерин хайырланса да, хар заманда да миллетини ич сырын кимден да уста шартлагъанды, халкъыны жашау кюйюн жюрекде биширип, назму кепге сыйындыргъанды. Ол аны тыйгъатдан келген илхам шауданыды.

Кязимни поэзиясы, суратлау сёзю тынгылы сюзюллюгю, жангыдан китапла жарашдырылып басмаланырыгъы, илму жаны бла тинтиу ишле бардырыллыкълары баямды. Алай ол жумушланы тамамлардан алгъа быллай чойреликле нек тюбегенлерин, поэтни ёз къарамына неда башха сылтаулагъа кёре тюрлендирилген назмула не халда басмаланып сакъланганларына жангыдан бичим этерге, закий Кязимни керти сёзюн, хар тизгин энчилигин тохташдырыгъа борчду. Бюгюнлюкде, ол ишни тынгылы тамамларча алимлерибиз, поэтлерибиз, билимли адамларыбыз да аз туюндюле.

Бизни оюмубузгъа кёре, ол затха жетишир ючюн Кязимни атын жюрютген фондну, Нальчик шахарны «Эльбрус» китап басмасыны, Къабарты-Малкъарны жазычуларыны биригиуюню эм адабият илму бла кюрешген алимлени келечилеринден комиссия къурап, Кязимни чыгъармачылыгына тил жаны бла экспертиза этерге, энчиликле не хыйсапдан чыкъгъанларын эм ненча болгъанларын белгилеп китап этерге керекди. Закий Кязимни назмуларыны тюрлюлери заманга кёре сылтаула бла байламлы бир ненча болгъаны шарт тохташдырылса, аланы башха-башха китаплада угъай, бир китапны ичинде энчиликлерин ачыкълап, ким, къайда, къачан жазып алыннганын белгилеп басмаларгъа керекди. Бизни оюмубузгъа кёре, ол зат окъуучуну кёп сорууларына жууап табаргъа амал берликди.

Алай бла, башында айтылгъан затла малкъар адабиятда алыкъа тынгылы тамамланмагъан соруула болгъанына толу шагъатлыкъ этедиле эм миллет илмубузну аллында салынган борчланы белгилейдиле.

Хайырланылгъан литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Фонд А.М. Тепеева.
2. Берберов Б.А. Образ Кязима Мечиева в исторических преданиях о депортации // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2 (36). С. 53–56.
3. Биттирова Т.Ш. Кязимни биринчи китабы // Минги Тау. № 3. 2001 (на балк. яз.).
4. Биттирова Т.Ш. Книга о Кязиме // Литературная Кабардино-Балкария. 2004. № 1.
5. Биттирова Т.Ш. Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
6. Биттирова Т.Ш. Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 192 с.
7. Биттирова Т.Ш. Творчество классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева // Вестник института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 16. С. 125–126.
8. Бозиев А.Ю. Наш Кязим // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 21 июля.
9. Габаева А.Б. Концепция человека в творчестве Кязима Мечиева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 22 с.

10. *Кетенчиев М.Б.* Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 101–103.
11. *Кулиев К.Ш.* Талант и мудрость // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 5 сентября.
12. *Кучмезова Р.А.* «И мой огонь горел...». Эссе о Слове Кязима. Нальчик: Эльбрус, 1996. 128 с.
13. *Локьяева Ж.М.* Формально-семантические особенности употребления исламской религиозной лексики в стихотворении Кязима Мечиева «Аллахх махтау» («Хвала Аллаху») // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 95–99.
14. *Маммеев Д.М.* Кязим Мечиев. Октябрь революциягъа дери чыгъармачылыгы. Нальчик: Къабарты-Малкъар китап басма, 1966. 68 б. (Кязим Мечиев. Творчество дореволюционного периода. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 68 с. (на балк. яз.).
15. *Маммеев Д.М.* Кязим Мечиев. Нальчик: Эльбрус, 1973. 159 с.
16. Малкъар поэзияны антологиясы. XX ёмюр / баш редактору Созайланы Ахмат. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 631 б. (Антология балкарской поэзии. XX век / глав. ред. А.С. Созаев). Нальчик: Эль-Фа, 2008. 631 с. (на балк. яз.).
17. *Мечиев К.* Назмула. Поэмала. Зикирле / жарашдыргъан Бегийланы А.; ал сёзю Къулийланы Къ. Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 б. (Собрание сочинений: в 2 т. / сост. А.М. Бегиев; вступ. ст. К.Ш. Кулиев). Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 с. (на балк. яз.).
18. *Мечиев К.* Сайлама чыгъармалары: Назмула. Зикирле. Поэмала / жарашдыргъан Бегий улу Абдуллах. Нальчик: Эльбрус, 2009. 600 б. (Избранные произведения: Стихи. Зикры. Поэмы / сост. А.М. Бегиев). Нальчик: Эльбрус, 2009. 560 с. (на балк. яз.).
19. *Мечиев К.* Чыгъармаларыны экитомлугъу. Биринчи тому / жарашдыргъан, ал сёзю, ангылатыуланы, сёзлюкно жазгъан Теппеев А.М. Нальчик, Эльбрус, 1989. 416 б. (Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / сост., автор вступ. статьи, комментариев и словаря А.М. Теппеев). Нальчик: Эльбрус, 1989. 416 с. (на балк. яз.).
20. *Сарбашиева А.М.* Образ поэта-гуманиста Кязима Мечиева в современной балкарской литературе // Чистое слово. Кязимовский сборник / Материалы республиканской научно-практической конференции «Культурно-историческое наследие», посвященной 150-летию со дня рождения поэта. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. С. 183–186.
21. *Теппеев А.М.* Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 56–86.
22. *Теппеев А.М.* Кязим Мечиев: Жашаууну эм чыгъармачылыгыны юсюнден очерк. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 б. (Кязим Мечиев: Очерк о жизни и творчестве). Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с. (на балк. яз.).
23. *Теппеев А.М., Габаева А.Б.* Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 106–133.
24. *Узденова Ф.Т.* Мечиев Кязим Беккиевич // Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в.: Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 281–285.

ВАРИАНТЫ СТИХОТВОРЕНИЯ КЯЗИМА МЕЧИЕВА «АХЫРЗАМАН ДУНИЯ» («БРЕННЫЙ МИР»)

Локьяева Жаухар Магомедовна, младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lokyuueva2015@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем литературоведения – исследованию и идентификации художественных текстов. Несмотря на существование внушительного количества научных изысканий (монографий, сборников, статей, диссертации), посвященных жизни и творчеству выдающегося балкарского поэта К. Мечиева, рассмотрению данной проблемы не уделялось должного внимания. Остается много вопросов, связанных с авторством, названием и годом издания того или иного произведения, определением индивидуального стиля художника, лексико-семантического своеобразия его произведений. В данной в работе на примере стихотворения Кязима Мечиева «Ахырзаман дуния»

(«Бранный мир») исследовано несколько вариантов, опубликованных в различных изданиях, а также имеющихся в архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН). В результате сравнительного анализа выявлены различия на уровне отдельных слов и словосочетаний, предпринята попытка установления причин их возникновения, поиска алгоритма восстановления точности каждой строки. Отмечено, что в разные периоды, в зависимости от требований той или иной исторической эпохи в бытовавших в устной или рукописной форме стихотворениях арабские слова часто заменялись русскими или собственно карачаево-балкарскими. В некоторых изданиях произведение встречается в усеченной форме, в других – оказывается длиннее на несколько строк. В настоящее время сложно без специального текстологического анализа определить, какие из вариантов действительно принадлежат перу Кязима. В этой связи актуализируется проблема поиска способов четкого определения авторства, восстановления чистоты языка произведений К. Мечиева, идентификации его поэтических текстов.

Ключевые слова: балкарская литература, Кязим Мечиев, поэзия, сборник, варианты стихотворения.

OPTIONS FOR THE POEMS OF KASIMA MECHEIEVA «AHIRZAMAN DUNIYA» («MORTAL WORLD»)

Lokyaeva Zhauhar Magomedovna, junior scientific worker of the sector of karachay-balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lokyaeva2015@mail.ru

The article is devoted to one of actual problems of literary criticism related to the study and identification of literary texts. Despite the existence of a number of scientific research (monographs, collections, articles, theses) concerning the life and creativity Balkar poet K. Mechiev, the issue has not received adequate attention. There are still many questions related to authorship, title and year of publication of a work, the definition of the artist's individual style, its lexical and semantic identity. In this work the example of the poem Kazima Mechieva «Ahirzaman Dunya» («world») investigated several variants of the text, published in various editions, and also available in the archive of the Institute of humanitarian studies of the Kabardino-Balkar scientific center, Russian Academy of Sciences (ISI KBSC RAS). A comparative analysis revealed differences in the use of words, an attempt to establish their causes, the search algorithm reconstruction accuracy of each line. It is noted that in different periods, depending on the requirements of a particular historical era in existed in oral or handwritten form poems, Arabic words are often replaced actually Russian or Karachay-Balkar. In some editions the work is found in reduced form, in others it is long into multiple lines. Currently, it is difficult to determine which of the options really were written by Kazima. In this connection, the problem of finding ways to clearly define authorship, restore the purity of the language of K. Mechiev's works, and identify his poetic texts is being actualized. The article gives the reasoning on this issue.

Keywords: Balkar literature, Kiazim Mechiev, poetry, collection, options poems.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-171-179

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА ЦИКЛА ОБ АНДЕМИРКАНЕ

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Сказания и песня об Андемиркане – самый большой по объему и один из самых популярных циклов адыгского историко-героического эпоса. В статье впервые делается попытка обобщения всех наиболее значимых публикаций, а также неопубликованных материалов данного цикла и исследований, посвященных ему. Выделяются разностадиальные типы сюжетов и мотивов сказаний, устанавливаются особенности отражения исторической действительности в песне и сказаниях, сопоставляются и обобщаются суждения разных исследователей относительно происхождения образа героя и его места в типологическом ряду эпических персонажей. Песня и сказания о данном герое относятся, по общему мнению, к самым ранним образцам циклов позднего эпоса адыгов и содержат многие признаки архаического происхождения. В их числе некоторые мифопоэтические архетипы, а также полисюжетность нарративного цикла, стержневыми опорами для которого оказываются сказания «биографического» плана, как это характерно для эпоса о нартах. Несмотря на это, по большинству существенных признаков цикл Андемиркана принадлежит к эпосу историко-героическому. Однако, учитывая стадиальное положение в континууме адыгской героико-эпической традиции, можно признать целесообразным применение к нему рабочего термина «эпос об Андемиркане».

Ключевые слова: архаический эпос, историко-героический эпос, нарратив, сказание, песня, цикл, континуум.

В многообразии адыгских песен и сказаний, относимых к историко-героическому эпосу, цикл об *Андемиркане* (варианты — *Антемиркан*, *Адемиркан*, *Айдемиркан*) занимает особое место. Прежде всего, конечно, обращает на себя внимание внушительное количество и широкая география бытования сказаний и песни об этом герое, представленных и в публикациях, и в архивных рукописных фондах, и в аудиозаписях, причем в большинстве случаев высоко значимых в научном и художественном отношении. Только в собрании рукописных материалов, хранящихся в Фольклорном фонде архива ИГИ КБНЦ РАН варианты песни и сказаний о данном герое, составляют содержимое шести специальных папок с общим количеством в 102 текста [АИГИКБНЦРАН: папки №№ 21-г, 21-д, 21-е, 21-ж, 21-з, 21-и]. Это при том, что нами учтены только материалы основного фольклорного фонда, кроме которого записи, имеющие прямое отношение к нашей теме, могут находиться в лингвистических и этнографических фондах, а также в персональных папках отдельных собирателей. Кроме того, в Фоновидеотеке того же учреждения представлена 41 звукозапись, в т. ч. 16 вариантов песни, с учетом повторных записей, 20 вариантов преданий, 5 записей полного цикла, состоящего из песни и предания [ФВИГИКБНЦРАН]. Надо также принять во внимание беспримерно широкую популярность данного героя: варианты песни и преданий о нем записаны на всей территории исторического проживания адыгов на Кавказе – от восточных окраин Кабарды (моздокские кабардинцы и малокабардинцы) до

Северо-Западной Черкесии (шапсуги и бжедуги). Кроме того, они представлены и в фольклоре зарубежной черкесской диаспоры [Adige...: 25–26; Тыркуем ис ...: 2004: 101, 315–316]. Можно признать с большой долей уверенности, что из всех героев адыгского историко-героического эпоса Андемиркан один из самых известных и почитаемых, а предания и песня, связанные с его именем, наиболее популярные в адыгском мире.

Первое письменное упоминание о данном герое содержится в труде Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа» (рукопись создана в 30-нач. 40 гг. XIX в., впервые опубликована в 1861 г. [Ногмов 1861] и многократно переиздавалась): «От князя Мударафа (исторический князь Мудар Алхасов из ветви князей Джихлахановых; согласно историческим сведениям, умер в 1607 г. – А.Г.) и второй жены его из низшего класса народа (говорят, что ногайского племени) родился князь *Хайдемирхан* (курсив наш – А.Г.). Достигнув совершеннолетия, он участвовал в похождениях Берслана (исторический Беслан Янхотов, праправнук Инала, по прозвищу Тучный, был верховным князем Кабарды в начале XVI в. – А.Г.), но потом, возвратившись, склонил на свою сторону много людей, с которыми опустошал соседние племена и даже грабил своих кабардинцев. Такими поступками он вскоре стал всем известен, находился постоянно в бегах у иноплеменников, и кабардинцы, опасаясь от него еще большего вреда, обманом успели вызвать его в Кабарду» [Ногмов 1861: 147].

В первом томе филологического наследия того же Ш.Б. Ногмова (Ш.Б. Ногма), подготовленного к печати Г.Ф. Турчаниновым и вышедшего в свет в 1956 г., представлены два варианта песни о данном герое [Ногма 1956: 11–117]. Имя его в тексте цитированной нами «Истории...» и в фольклорных записях, варьируется (*Хайдемирхан* – *Айдемиркан*), однако сомнений в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же фольклорном персонаже, не возникает. И Беслан Тучный, и Мударафа фигурируют во многих вариантах преданий данного цикла, первый – как антагонист героя, второй – как, по одной из версий, его отец. Здесь налицо переосмысление конкретной формы актуализации архаического мотива: чудесное, идущее от мифа и архаического эпоса, трансформируется в таинственное (в разных версиях герой то внебрачный сын князя, то отпрыск легендарного богатырского рода с морского острова, то сын крымского хана и пр.). Также характерно упоминание об участии героя в славных военных походах кабардинцев, где он проявляет беспримерную храбрость, чем удостаивается чести быть упомянутым в песне при жизни (имя Андемиркана как одного из участников сражения действительно устойчиво присутствует в вариантах мемориально-величальной «Песни о Бахчисарайском походе» [Народные песни... 1986: 51–54]).

Впервые полный цикл, состоящий из песни и предания, имеющего выраженные признаки творческой контаминации, опубликовал в 1872 г. К.М. Атажукин [ССКГ 6: 50–79]. Позднее тексты прозаических сказаний и песни цикла Андемиркана записывались и публиковались многократно вплоть до нашего времени фактически на всех диалектах адыгского языка. С.Ш. Аутлева, автор первого монографического труда об адыгском историко-героическом эпосе, отмечает: «Имя его (Андемиркана – А.Г.) широко известно всем адыгским народностям. Песня и рассказы о нем принадлежат к общеадыгскому пласту фольклора; их хорошо знают во всех уголках Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии» [Аутлева 1973: 31–32]. Этому же мнению придерживаются А.Т. Шортанов [Шортэн 1969: 13–17], З.П. Кардангушев [КъардэнгъушI 2002: 5–6], Ш.Х. Хут [Хут 2005: 124] и другие ученые, систематически занимавшиеся записью и изучением историко-героического эпоса адыгов.

Из многочисленных изданий, в которых опубликованы песни и сказания, посвященные Андемиркану или упоминающие о нем, заслуживают в первую очередь быть отмеченными достоверностью текстов, объемом материала и числом сюжетов следующие.

Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6 [ССКГ 6]: это запись, характерная настолько очевидной контаминацией, что публикатор посчитал нужным разбить текст на 5 частей, соответственно числу доминирующих сюжетов; текст дан в переводе на русский язык. *Кабардинский фольклор, раздел III* [КФ: 288–325]: шесть записей сказаний и один текст песни образуют самостоятельную часть раздела в книге; все тексты, за исключением одного, контаминированы, в каждом не менее двух так называемых *элементарных сюжетов* (ЭС), а самая пространная из представленных записей насчитывает 8 ЭС; тексты на русском языке. *Адыгэ Луэрылуатэхэр (Адыгский фольклор. На кабард. яз.), 2 т.* [Адыгэ... 1969: 223–338]: представлено 56 текстов, составляющих отдельную часть книги (4 записи – предания с песней, 38 – только предания, 14 – только песенные тексты и ноты), для большинства текстов преданий характерна контаминация; все материалы на кабардинском языке. *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*, т. 3, ч. 1 [НПИНА: 80–103]: представлены 4 песенных текста с нотной транскрипцией, выписанные с магнитной ленты, сопровождаемые информацией о предании; материалы на языке оригинала с научно-аналитическим переводом на русский и комментариями. *Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос* («Андемиркан. Адыгский героический эпос»); издание подготовлено З.П. Кардангушевым, с вводной статьей и научными комментариями [Андемыркъан 2002]: всего в книге 133 текста, в т. ч. полных циклов (песни вместе со сказанием) – 7, отдельных преданий – 68, вариантов песни – 58; для большинства текстов преданий, публикуемых в данной книге, характерна контаминация, а в вариантах песни нередко разбивка на главы-*едзыгъуэ*; налицо также общая особенность многих песен младшего эпоса адыгов – ослабленный сюжет, приближающий текст к лирике; за исключением нескольких текстов, все материалы даны на кабардинском языке.

Что касается жанровой идентификации, А.И. Алиева предлагает считать цикл об этом герое самостоятельным явлением и называть его эпосом, а не одним из циклов историко-героического эпоса [Алиева: 1975]. Типологически он действительно занимает место между архаическими сказаниями о нартах и циклами из песен и сказаний, событийную основу которых составляют явления и личности, имеющие линейную связь с действительностью, то есть историко-героическими песнями и преданиями. Как по своей поэтике, так и по характеру центральных сюжетобразующих мотивов, цикл Андемиркана, конечно же, ближе к младшему эпосу (органическое единство нарративного прозаического предания с песней, содержащей эмоционально-оценочную реакцию на событие). Но исследователь обращает внимание на ряд параллелей с нартскими сказаниями (например, расположение относительно самостоятельных сказаний по принципу «эпической биографии», свойственной циклам архаического нартского эпоса: *рождение с признаками чудесности* или какого-либо *таинства – богатырское детство – первый выезд и подвиг – обретение богатырского коня и оружия – серия сюжетов по принципу нанизывающей композиции – героическая гибель*). Помимо того, А.И. Алиева считает, что достоверных сведений о герое недостаточно, чтобы признавать существование его реального исторического прототипа, и поэтому предлагает считать Андемиркана сугубо фольклорным, собирательным вымышленным персонажем, наподобие героев нартского эпоса.

З.П. Кардангушев солидарен с А.И. Алиевой в том, что цикл данного героя представляет собой самостоятельный эпос (подготовленное им издание так и называется: *Андемиркан. Адыгский героический эпос* [КъардэнгъушI 2002]). Но он считает принципиально важным идентификацию прототипа этого героя с личностью реально-исторической [КъардэнгъушI 2002: 6–10]. В пользу последнего суждения он приводит ряд аргументов. Кроме устных сведений, это упомянутое нами выше сведение Ш.Б. Ногмова. Кроме того, он апеллирует к бесспорной реальности существования ключевых персонажей, устойчиво представленных во

множестве вариантов (князя Беслан Тучный, Биту, Канибулат и Асланбек). Все они известны по достоверным историческим сведениям.

В плане типологическом положение Андемиркана как фольклорного персонажа вместе с мотивами и сюжетами, которые устойчиво связываются с ним в устнопоэтической традиции, надо признать особым, медиальным между архаическим и поздним типами эпоса. Это нашло рельефное выражение в образе самого героя, в поэтике цикла, включая структурно-композиционные особенности, поэтическом языке и стиле, характере отношения к действительности. Несомненно, что указанное обстоятельство предопределило несвойственную подавляющему большинству произведений младшего эпоса многосюжетность прозаической части и вхождение в цикл сказаний как реально-былевого характера (что более свойственно младшему эпосу), так и явно мифо-фантастического происхождения.

В своей совокупности сведения, почерпнутые из материалов, опубликованных в различных изданиях, а также хранящихся в виде рукописных текстов и аудиозаписей, достаточны для признания песни и многочисленных сказаний о данном герое не просто одним из циклов адыгского историко-героического эпоса, а самостоятельной единицей. На этом и базируется методологический принцип издания, осуществленного З.П. Кардангушевым.

Характерным для младшего эпоса адыгов считается сочетание одной песни и связанного с ней одного предания [Гутов 2009: 136–186], однако цикл о данном герое относится к немногим, в которых прозаический компонент представлен несколькими сюжетами. Причем, большинство сказаний, устойчиво относящихся к нему, закреплены в адыгском фольклоре именно за данным героем. Точный подсчет количества ЭС осложняется тем, что многие варианты, соединяясь в контаминации с другими, обогащаясь и видоизменяясь за счет аккумуляции новых мотивов, настолько отделились друг от друга, что порою не представляется возможным со всей уверенностью установить границу между вариантами одного сказания и самостоятельными сказаниями на одну тему. Все же с долей условности мы можем заявить, что в цикл Андемиркана входит как законченными повествованиями, так и в контаминациях не менее, чем 25 ЭС. Часть из них образует традиционную для архаического нартского эпоса «эпическую биографию» героя: *происхождение и рождение, богатырское детство и первый выезд, обретение коня и богатырского оружия, конфликт с верховным князем Кабарды, женитьба, гибель*. Разумеется, степень популярности их неодинакова, так как тематический цикл не сформировался как единый свод, и сюжеты функционируют автономно, объединяясь только общежанровыми признаками и образом главного героя. В записях представлено, например, более десятка версий сказания о рождении (отпрыск полумифического богатырского племени, сын князя и холопки, княжеской четы, крымского хана, преследуемых правителем беглецов, престарелых родителей и пр.), из которых 3, или даже 4, можно признать не вариантами, а вполне самостоятельными сюжетами. Таким образом, получается целая тематическая группа, состоящая фактически из разных сюжетов. Так же к числу самых популярных следует отнести сюжет о гибели героя, часто бытующий в контаминации с сюжетами о рождении, первом подвиге и конфликте с князем Бесланом. Другую группу образуют сказания на сюжеты автономного характера, логикой повествования они не связаны прямо ни с этапами жизненного цикла, ни между собой; объединяются они фигурой главного героя. Это, например, сказания *о встрече героя с языческим покровителем огня и кузнечного ремесла Тлепшем, о попытке приспешников верховного князя погубить героя, о конфликте с невзрачным на вид стариком, о встрече с эзотерическим существом в образе змея-удава, об установлении подлинной матери, о расправе с жестоким князем* и пр.

В плане типологическом можно выделить группу мотивов, восходящих к архаическим представлениям (*чудесный конь, оружие с исключительными свойствами, фантастически мощный голос как род оружия, языческий персонаж*

бог-кузнец и пр.). Другую группу составляют мотивы позднего происхождения. Таков, например, мотив *письмо-поручение* с предписанием адресату убить подателя, с непременною подменой письма на другое, причем с благополучным исходом: герой не погибает, а женится на красавице.

Обстоятельных исследований, полностью посвященных циклу Андемиркана, всего несколько. Помимо упомянутых работ А.И. Алиевой, З.П. Кардангушева, А.Т. Шортанова и некоторых других, заслуживают быть упомянутыми фрагмент вводной статьи М.Е. Талпы к соответствующему разделу книги «Кабардинский фольклор» [КФ: 150–152] и его же обстоятельные комментарии к каждому публикуемому тексту цикла [КФ: 599–602]. На первый взгляд, они довольно лаконичны и не претендуют на широкие обобщения. С позиций современных научных принципов можно было бы упрекнуть автора в излишнем пристрастии в своих оценках к социально-политическому ракурсу. И хотя это налицо, будет справедливо, если мы примем во внимание тенденции сложного времени 30-х годов XX в. с весьма жесткими установками со стороны властей, – рассматривать всякое явление культуры под пресловутым социально-политическим углом зрения (кстати, даже это не позволило автору избежать репрессий: М.Е. Талпа был арестован и под стандартным надуманным предлогом приговорен к расстрелу [Адыгская энциклопедия: 1045]. Гораздо важнее то, что наряду с неизбежной данью вульгаризации, ученый сумел высказать профессиональную оценку образа героя цикла, провести художественный сравнительно-типологический анализ каждого публикуемого сюжета и образов всех центральных персонажей.

Правомерно признать, что сказания и песня названного цикла по своим формальным признакам полностью соответствуют тем критериям, которыми характеризуется адыгский историко-героический эпос. Это, прежде всего, принцип циклизации – последовательное изложение событий в прозаическом сказании (обычно это нарратив, представляющий собой контаминацию основных сюжетов «биографического» характера) и непосредственно связанная с ним героико-лирическая песня, функционально призванная выражать эмоционально-оценочную реакцию на явление с использованием сознательно мобилизуемых художественных средств. Наряду с этим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что помимо характерной «спайки» песни с сопровождающим ее преданием налицо и другие предания, которые не образуют прямой композиционно-тематической связи с песней, но при этом со всей определенностью имеют отношение к самому герою и устойчиво закреплены именно за ним. Данное обстоятельство, как представляется, побуждает согласиться с суждением А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева о том, что не лишено оснований признать за циклом Андемиркана статус отдельного эпоса. Помимо того, что данный цикл явно выделяется своим объемом и многосюжетностью, он характерен и полистадиальностью входящих в него мотивов. В контексте сказаний, которые образованы на основе реальных или же вполне вероятных событий (например, Астраханский или Бахчисарайский походы, бытовые конфликты с отдельными личностями, социальные противоречия), образующих совокупность доминирующих жанрово-типологических признаков, здесь представлены сказания, восходящие к мифологическим архетипам. Это чудесное рождение, чудесный богатырский конь и соответствующее оружие, связь с языческим божеством Тлепшем,

Как очевидно из нашего обзора, к настоящему времени имеется значительное количество печатных и еще не опубликованных материалов по нашей теме. Налицо также и серьезные исследования. Однако образ Андемиркана и устойчиво связанные с ним мотивы и сюжеты в адыгском фольклоре настолько значительны, что необходимость их более полного ввода в научный и общекультурный обиход, а вместе с этим объективное освещение их роли в истории словесной культуры не вызывают сомнений.

Источники и литература

1. *Адыгская энциклопедия* – Адыгская энциклопедия. М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.
2. Адыгэ Гуэрыуатэхэр (Адыгский фольклор). Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1969. 412 с.
3. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Ф. 12. Оп. 1.
4. *Алиева А.И.* Историко-героический эпос адыгов и его стадияльная специфика. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139–161.
5. *Андемыркъан.* Адыгэ лыхъужь эпос. Зыгъэхъзырар КъардэнгушцӀ З. (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Подготовил З. Кардангушев. На кабард. яз.). Налшык: Эльбрус, 2002. 372 с.
6. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVIII–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 236 с.
7. *Готов А.М.* Народный эпос: традиции и современность. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2009. 228 с.
8. КъардэнгушцӀ Зырамыку. Пэублэ псалъэ. – Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос. (Зарамук Кардангушев. Введение. – Андемиркан. Адыгский героический эпос. На кабард. яз.). Налшык: Эльбрус, 2002. Н. 5–41.
9. *КФ* – Кабардинский фольклор / сост., вступит. статья, вводные статьи к разделам, комментарии М.Е. Талпы. Москва–Ленинград: Academia, 1936. 644 с.
10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
11. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 308 с.
12. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1861. 181 с.
13. *ССКГ-6* – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис: 1872. Отд. II. С. 50–79.
14. Тыркуем ис адыгэхэр. Юрыуатэр. Зэхэзгыэуцаугьэр, тедзэным фэзгыэхъазырыгьэр, гушцӀапэр, зэхэф ставгьэхэр зыгхыгьэр Унэрэкьо Рай. Мыекъуапэ: ГУРИПП Адыгея, 2004. 580 н. (Фольклор адыгов Турции. Составление, подготовка к изданию, предисловие, вводные статьи к разделам – Раисы Унароковой). Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2004. 580 с.
15. *ФВИГИКБНЦРАН* – Фоновидеотека Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
16. *Хут Ш.Х.* Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2005. 164 с.
17. *Шортэн Аскэрбий.* Хэзыгъэгъуазэ. Адыгэ Гуэрыуатэхэр. II том. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 3–18 (Шортанов А.Т. Введение. Адыгский фольклор. II том. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 3–18).
18. *Adiqe yedjener* (Lecture Circassienne). Damas, 1929. N. 68.

ON THE DEFINITION OF THE GENERAL CYCLE ON ANDEMIRCAN

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, professor, chief researcher of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

Tales and a song about Andemirkan is the largest in volume and one of the most popular cycles of the Adyghe (Circassian) historical-heroic epic. For the first time, an attempt is made to summarize all the most significant publications, as well as unpublished materials of this cycle and studies devoted to it. Different-dadial types of plots and motifs of legends are distinguished, the features of the reflection of historical reality in the song and legends are established, the judgments of different researchers regarding the origin of the hero's image and its place in the typological series of epic characters are compared and generalized. The song and the legends about this hero belong, in the general opinion, to the earliest examples of the cycles of the

late epic of the Circassians and contain many signs of archaic origin. Among them are some mythoepic archetypes, as well as the polysubject of the narrative cycle, for which the legends of the “biographical” plan turn out to be the pillars, as is typical for the epic about the Narts. Despite this, according to most of the essential features, the Andemircan cycle belongs to the historical and heroic epic. However, given the staged position in the continuum of the Circassians heroic-epic tradition, it can be recognized as appropriate to apply to it the working term «epic about Andemirkan».

Keywords: archaic epic, historical-heroic epic, narrative, legend, song, cycle, continuum.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-180-186

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПАТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В статье исследуется информативный потенциал карачаево-балкарских преданий о фамилиях, способных пролить свет на малоизвестные страницы региональной и мировой истории. Судя по текстам, фамилии являются разностадиальными по своему происхождению и уходят своими корнями к разным историческим эпохам. В фамильных преданиях нашли отражение события и факторы, связанные с миграцией населения, религиозными верованиями, аталычеством, профессионально-трудовыми предпочтениями горцев, а также их мировоззренческими особенностями. В особую группу выделены предания об акцидентальных фамилиях, зафиксировавших определенное происшествие. Статья написана с опорой на труды северокавказских историков, фольклористов, а также личный архив по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, фамильное предание, информативный потенциал, этимология, история, география, религия, этнокультура.

Литературовед Н.А. Шогенцукова в одной из своих работ пишет: «Познание – одна из высших целей и отдельного человека, и всего человечества. В системе познания выделяются проблемы, которые являются основополагающими. Их решал и решает род человеческий на протяжении тысячелетий: в чем смысл и предназначение существования индивида и многих поколений; кто мы, откуда и куда идем?» [Шогенцукова 1995: 3]. Отчасти поиском ответов на эти сложные вопросы занимается национальная фольклористика, в особенности, тот ее раздел, который аккумулирует и интерпретирует исторические предания о происхождении различных фамилий. Каждая фамилия – это микроистория народа. Невозможно до конца понять ход региональной и мировой истории без учета информации, содержащейся в фамилиях.

В этической культуре северокавказских народов всегда на когнитивном уровне был повышенный интерес к собственной родоплеменной истории. Правила общежития предписывали каждому здравомыслящему человеку, независимо от пола, обязательное знание своей родословной до седьмого колена. Из поколения в поколение передавались истории об «отцах-основателях» фамильного древа, его ответвлениях, степени родства с другими родами. Таким образом, в системе карачаево-балкарского фольклора сложился целый массив фамильных преданий, который требует логически обоснованной классификации и научного осмысления.

Вопросы, связанные с происхождением карачаевских и балкарских фамилий, нашли прямое или косвенное отражение в трудах М.К. Абаева «Балкария. Исторический очерк», Е.П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа», И.И. Алиева и З.И. Алиевой «Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь», М.И. Баразбиева «Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века», М.Дж. Каракетова

«От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв.», К.Т. Лайпанова «Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами», Х.Х. Малкондуева «Родовые легенды и предания балкарцев Чегемского ущелья. Локальный аспект (Кулиевы, Согаевы, Хахуевы)», А.И. Мусукаева «О Балкарии и балкарцах», Х.Л. Османова «На дорогах века» и др.

В данной статье мы свою основную задачу видим в обобщении накопленного опыта по изучению фамильных преданий, а также выявлению закономерностей историко-этнографического характера, нашедших отражение в исследуемых фольклорных текстах.

Согласно С.И. Ожегову, «фамилия – это наследуемое семейное наименование, прибавляемое к личному имени» [Ожегов 1990: 846]. В каждом национальном языке имеются специализированные серверные суффиксы, обозначающие принадлежность данной личности к определенному роду. В карачаево-балкарском языке такое интегрирующее действие производится с помощью суффикса – *лары*. К примеру, Айбазлары (Айбазовы), Таукенлары (Таукеновы).

Согласно статистическим данным, количество карачаево-балкарских фамилий насчитывает более семисот единиц [Къарачай-малкъар тукъумла... 1989: 791–804]. Отдельный список балкарских фамилий составлен Х.Л. Османовым в его исследовательской работе «История рода – история народа» [Османов 2008: 173–176]. За редким исключением они все прозрачны с этимологической точки зрения и в основном восходят к тюркским, персидскому, арабскому, осетинскому и другим языкам. Появление Интернета и новых информационных технологий позволило их каталогизировать. В качестве примера можно привести компьютерные программы «GenoPro», «RootsMagic», «TreeDraw», помогающие семейным историкам в создании и печати родословных. Еще одним научным подспорьем для удовлетворения интересов к своим этническим и родовым корням стало развитие сферы услуг по анализу информации, содержащейся в Y-хромосоме и митохондриальной ДНК («FamilyTreeDNA» и другие). Все эти факты говорят о естественном тяготении современного человека к самоидентификации на онтологическом, этническом, фамильном уровнях, что приобретает особую актуальность в период глобализационных процессов.

Проведенный нами диахроническо-синхронический анализ показывает, что в карачаево-балкарских фамильных преданиях нашла отражение весьма ценная в научном отношении информация, связанная с миграционными путями населения, религиозными верованиями, профессионально-трудовыми занятиями горцев, характерными особенностями в наружном или психологическом облике родоначальника фамилии и т.д.

Большую изыскательскую работу в этом направлении провел Х. Османов, который со слов информаторов записал фамильные предания про Урусбиевых, Шакмановых, Мурачаевых, Байдаевых, Кучмезовых, Рахаевых, Карабугаевых, Карабашевых и Биевых и опубликовал их в книге «На дорогах века» [Османов 2004]. Подчеркивая информативную ценность записанных текстов, автор пишет: «После общения со сказителями у меня появилось чувство, что я побывал в мире наших предков» [Османов 2004: 5].

По словам многих историков, с особым вниманием к вопросам генеалогии относились представители аристократических фамилий, которые в наибольшей степени испытали на себе репрессивную силу Советской власти после революции 1917 года. Как отмечает Гюльжан Абаева (урожденная Урусбиева – Б.Б.), «наши дедушки-бабушки, обеспокоенные тем, что новая власть с корнями хочет уничтожить наш род, собирали вокруг себя нас, своих осиротевших внуков, и старательно рассказывали нам про эволюционную историю нашего рода, про выдающихся представителей нашей фамилии» [Османов 2004: 5].

Как гласит предание, род Урусбиевых берет свое начало с потомков Чингисхана, с Золотой орды. С многочисленными деталями в предании рассказывается

об атаулах, о миграционных путях представителей урусбиевского рода, междоусобицах, человеческих потерях во время эпидемии чумы, взаимоотношениях с династией Романовых, кросс-культурных пересечениях со славянским миром. В сознании каждого интеллигента Кавказа фамилия «Урусбиевы» ассоциируется с Просвещением, культом разума, прогрессивными идеями. Как дополнительное подтверждение этому тезису, в предании приводятся интересные факты о том, как Махай Урусбиев, подобно Петру Первому, прорубил «окно» в Европу и привозил в Баксанское ущелье для разведения новые породы коров, собак, кошек, кур, а также многочисленные виды сельскохозяйственных культур [Османов 2004: 14].

Не меньшим новатором был и его младший брат Хамзат, который в сел. Жанхотия основал известный в округе завод по изготовлению сыра по голландской рецептуре [Османов 2004: 15]. Интересную выдержку об этом факте можно встретить в статье «Пребывание на Кавказе в 1888 г. Их Императорских Величеств», где говорится, что наряду с другими дарами «были поднесены Высочайшим Особам – местные произведения: сыр эльбрусский, завода Урусбиевых» [Мамхегов 2019: 8]. Важное место в культурной истории занимают Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, которые одними из первых просветителей на Северном Кавказе начали собирать и издавать фольклорные материалы в столичных журналах и сборниках.

Грузины (сваны) и балкарцы всегда поддерживали тесные культурные контакты, нередко были и межнациональные браки. В фамильных преданиях можно встретить интересные сюжеты о мирном сосуществовании различных религиозных культур в рамках единой семьи, а также о преданности людей своей исконной вере. Одна из таких романтических историй приводится в предании, посвященном Жаннетхан Дадашкелиани. В свое время через горный перевал из Сванетии ее привез себе в жены Адыльгерий Урусбиев. Иностранка пользовалась громадным уважением в среде балкарцев, от этого интернационального брака родилось пятеро красивых детей – один сын и четверо дочерей. Жаннетхан соблюдала все предписания исламской религии, однако в душе оставалась преданной учению Христа. Об этом стало известно, когда скончалась Жаннетхан, прожившая долгую и счастливую жизнь: при ритуальном омовении тела, в прическе «прекрасной грузинки» был обнаружен крохотный золотой крестик [Османов 2004: 23].

История знает немало случаев, когда в линейной патронимической цепочке одно из личных имен преобразуется в фамилию. Сказанное имеет прямое отношение и к Урусбиевым. Как пишет балкарский просветитель XIX века Мисост Абаев, «отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым, по имени своего отца» [Абаев 1992: 10]. И далее, раскрывая историю образования сел. Урусбиево, историк отмечает, что «этот энергичный пионер переселился выше, в глубь теснины, на лесную поляну, у подошвы ледников Эльбруса, и стал увеличивать население свое, принимая к себе в качестве холопов, узденей и эмчехов разных пришельцев и отводя им места для поселения по своему усмотрению» [Абаев 1992: 10].

Что же касается этимологии карачаево-балкарских фамилий Урусовы, Урусбиевы, то они в своей корневой основе содержат слово «урус», обозначающее «русский». Думается при любом раскладе в появлении таких фамилий (или имен) с русским компонентом сыграла роль интенсификация культурных контактов со славянским миром.

Явления интерференции привели к тому, что в среде балкарцев и карачаевцев можно обнаружить выходцев с этномаркированными фамилиями практически из всех сопредельных республик и регионов. Приведем один типичный пример со ссылкой на М.И. Баразбиева: «Как свидетельствуют карачаевские генеалогические предания, родоначальником Айбазовых являлся некий армянин Айбаз (Айваз. – М.Б.), прибывший в Карачай по торговым делам. Через некоторое время Айбаз женился на кабардинке из рода Букаевых и остался в Карачае на постоянное жительство. Говоря о времени переселения Айбаза в Карачай, можно отметить,

что к 70-м годам XIX столетия его потомков отделяло от этих событий шесть поколений. В генеалогии принято считать, что средняя разница между поколением родителей и детей – от 20 до 35 лет. Таким образом, получается, что Айбаз мог появиться в Карачае приблизительно во второй половине – конце XVII в.» [Баразбиев 2000: 78].

Дополнительные сведения можно почерпнуть из монографии К.Т. Лайпанова, где отмечается: «Карачаевцы и балкарцы охотно принимали у себя и роднились также с представителями других народов, в частности, армянского. К примеру, карачаевские Айбазовы – выходцы из крымских армян, из рода знаменитого художника Ивана Айвазовского (1817–1900 гг.), с которым Айбазовы поддерживали связь в XIX в.» [Лайпанов 2000: 39].

Этнокультурные связи между Балкарией и Абхазией отпечатались в генеалогическом предании Апусуаевых, с середины XIX века проживающих в Баксанском ущелье. Согласно сохранившимся преданиям, в окрестностях Очамчиры проживал абхазский дворянин Омар Маргания. Один из его сыновей по имени Огурлу из-за территориально-земельных коллизий с родственниками перебрался через перевал в Баксанское ущелье. Здесь он попал под покровительственную защиту князей Урусбиевых, которые даровали ему земельный надел, помогли в строительстве дома и обзаведении домашним хозяйством. Здесь же он женился на балкарке из рода Хаджиевых, был счастлив в браке. Как это нередко бывает, этноним «апсуа» постепенно стал его подлинным именем. Так в Балкарии укоренилась южнокавказская фамилия Апусуаевых, ядро которой образует слово «апсуа», что в переводе означает «абхазец».

По свидетельству историков, потомки абхазского первопоселенца в Баксанском ущелье длительное время «продолжали поддерживать взаимоотношения со своими родственниками в Абхазии», а одного из потомков «отдали даже в детстве на воспитание абхамам, где он изучил абхазский и арабский языки и научился в совершенстве читать Коран» [Баразбиев 2000: 79]. Насколько нас информировал житель пос. Эльбрус Салих Константинович Апусуаев (р. 1988 г.), «в настоящее время представители рода Апусуаевых, проживающие на территории КЧР и КБР, поддерживают связи со своими абхазскими родственниками по фамилии Маргания, навещают друг друга по поводу свадебных торжеств или соборезнований» [Личный архив – Б.Б.].

Фамильным преданием о своих ингушских корнях делится на страницах газеты «Горянка» Абдуллах Анаев: «Я родился в 1928 году в Шики, до переселения в этом селе проживали двадцать пять семей Анаевых. А сейчас мы разбросаны в четырнадцати населенных пунктах. Говорят, что мы ингуши Мокушевы, во время одного конфликта весь род перебили, спаслась только одна молодая беременная женщина, она прибыла в Шики и родила сына, которому дали фамилию Анаев, от балкарского слова «ана», что в переводе означает «мать». Сложно сказать, насколько правдива легенда, для меня Шики и наше ущелье – родной дом» [Байсиева 2019: 11].

Можно сказать, что совершенно особую группу составляют так называемые этнонимические фамилии, смысловое содержание которых указывает на определенную народность. К таким фамилиям относятся Чеченовы (Чечня), Кабардоковы (Кабарда), Французовы (Франция), Эбзеевы (Сванетия), Мисировы (Египет), Абазовы (абазинское происхождение), Абазалиевы (абазинское), Ногаевы (ногайское), Ногайлиевы (ногайское), Турклиевы (турецкое), Кумуковы (кумыкское), Карчаевы (по имени вождя карачаевского народа). Своеобразной «паспортной» характеристикой каждой из названных фамилий является предание с типологически сходными сюжетами на тему романтической любви, аталычества, вынужденного переселения из-за опасности кровной мести, земельных тяжб с родственниками и т.д. Кавказская микропонимика стала определяющим фактором в

происхождении таких фамилий, как Холамлиевы (Холам), Чегембаевы (Чегем), Чегемлиевы (Чегем), Тебердиевы (Теберда).

Вместе с тем зафиксированы и случаи имянаречения переселенца местными жителями за какие-то его особенные, чаще всего, положительные качества. Именно такая форма номинации Малкондуевых упоминается в предании, которая приводится в монографии М.И. Баразбиева. По словам ученого «один из членов богатой сванской фамилии, спасая своих малолетних сыновей от кровной мести, привез их для временного убежища в семье жителей Чегемского ущелья из селения Булунгу – Ахматовых и Эттеевых. Так как для родственников детей кровная месть, по всей видимости, закончилась трагически, их не забрали назад, и они выросли в Булунгу. По достижении определенного возраста их женили на местных девушках, выделили землю, скот и построили дом.

Вскоре юноши, оказавшиеся трудолюбивыми и хозяйственными людьми, разбогатели, и их стали называть Малкъоннган, то есть Малкондуевыми, что означает «прибавилось стадо» или много скота. Именно это прозвище и стало причиной того, что за ними закрепилась фамилия Малкондуевых» [Баразбиев 2000: 89].

Историк К.Т. Лайпанов отмечает, что «абсолютное большинство старинных карачаево-балкарских фамилий является тюркскими» [Лайпанов 2000: 36], и они, как правило, имеют прозрачную этимологию. В количественном отношении наибольший удельный вес среди них занимают зоонимические фамилии. Такая особенность, скорее всего, связана с животноводческой специализацией как тюрков, так и северокавказских горцев. Приведем некоторые из них: Жылкъыбайлары (от слов «жылкъы» – табун + «бай» богатый), Къойчулары («къойчу» – «чабан»), Тулпарлары («тулпар» – «богатырский конь»), Джылкъылары («джылкъы» – «табун»), Къочхарлары («къочхар» – «баран»), Кийиклары («кийик» – «серна»), Хуболлары («хубол» – «медвежонок»), Иттилары («ит» – «собака»), Парийлары («парий» – «волкодав»), Текелары («теке» – «козел»), Эчкилары («эчки» – «коза»), Кючюклары («кючюк» – «щенок»), Киштиклары («киштик» – «кошка»), Чыпчыклары («чыпчыкъ» – «птица»), Арсланлары («арслан» – «лев»), Токълулары («токълу» – «ярка»), Улаклары («улакъ» – «козленок»). Фамилии с вегетативным семантическим компонентом встречаются значительно реже.

Принятие ислама северокавказскими народами внесло свои коррективы в общую культурную картину горцев, в том числе, в антропонимическую. В большом количестве появились новые мужские и женские имена (Мухаммат, Ислам, Али, Муса, Умар, Курман, Юсуф, Зулейха, Фатимат, Халимат, Аминат и др.), а также фамилии, связанные с исламской верой (Аллахбердиевы, Курмановы, Исламовы, Моллаевы, Хаджиевы, Эфендиевы). К доисламским фамилиям, сохранившим связи с тенгрианством, несомненно, относится фамилия Тейрикуловы, перевод которого определяется культурологемой «раб божий».

По рассказам литературоведа Светланы Умаровны Алиевой, их прадед (Али Алиев) был родом из Дагестана и еще в самом начале 18 века получил богословское образование в Каирском университете «Аль-Асхар» и отправился в Карачай в качестве просветителя-миссионера. Наш информатор, согласно древним традициям, с легкостью восстанавливает в памяти всю свою родословную цепочку до седьмого колена: «Светлана – Умар – Баблаш – Магомед – Крым-Герий – Умар – Исмаил – Алий». Дагестанский «след» фамилии Алиевых подтверждает и Валентина Алиева (КЧР), которая в беседе с нами отмечает, что «в период прихода исламской веры на землю Карачая, здесь появилось много алимов (ученых – Б.Б.), в том числе, наш далекий предок, родом из Дагестана».

Особую группу в общем карачаево-балкарском антропонимиконе составляют так называемые «акцидентальные» фамилии, причиной возникновения которых стал некий примечательный случай историко-бытового характера. Ярким примером карачаево-балкарской акцидентальной фамилии является фамилия «Таппасхановы», что в переводе означает «удачно, ловко, осмотрительно наступивший».

Карачаевские фольклористы И.И. Алиев и З.И. Алиева в своем исследовании воспроизводят предание, связанное с данной фамилией. По их словам, «основоположник фамилии Таппасхановых из рода Жабоевых, спасаясь от преследования, столь удачно перемахнул через бурную горную речку, прыгая с камня на камень, что изумил преследователей своей ловкостью. Один из них якобы воскликнул: «Аны ол таб басханына бир къара!» («Смотри, как ловко он ступает!») От этого прозвища образовалась название фамилии» [Алиев; Алиева 2003: 225].

По словам сказительницы С. Ульбашевой, такой же примечательный случай положен в содержательную основу фамилии Уянаевых. По ее словам, в давние времена совершение набегов на соседние племена было обычным делом на Кавказе. Во время такого набега один из балкарских молодчиков похитил грузинского мальчика, спрятав его под своим тулупом. Мальчик спал в дороге. Когда начался камнепад, всадник воскликнул: «Ой, из-за этого шума ребенок может проснуться!» «А давайте мы его назовем «Просыпающийся!» («Уяна»)» – предложил другой путник. Решение было принято» [Ульбашева 2009: 191]. В национальном именнике можно обнаружить еще несколько таких «сюжетных» фамилий, в частности, – Жаубермезлары («не дающие масла»), Къушджетерлары («догоняющие орла»), «Малсүйгенлары» («любящие скот») и др. За каждой такой фамилией кроется определенная история драматического свойства.

На основании изученного материала можно сделать вывод о том, что «паспортная» характеристика карачаево-балкарского народа определяется наличием более семисот фамилий, которые приводятся в заключительной части «Карачаево-балкарско-русского словаря» [Къарачай-малкъар... 1989: 791].

Судя по имеющимся источникам, большая часть карачаево-балкарских фамилий сопровождается пролонгированным драматическим преданием или коротенькой справочкой, уместающейся в простой перевод корневой фамильной основы. Имеется несколько фамилий из разряда «загадочных», ожидающих своего исследования. Судя по преданиям, с лингвистической точки зрения большинство фамилий являются тюркоязычными и легко поддаются расшифровке. По информативно-содержательной части среди карачаево-балкарских родовых знаков доминируют зоонимические, этнонимические и акцидентальные фамилии.

Источники и литература

1. *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1992. 40 с.
2. *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1983. 82 с.
3. *Алиев И.И., Алиева З.И.* Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. М.: Изд. «Педагогика», 2003. 240 с.
4. *Байсиева М.* Ответ Кязима // Газ. «Горянка», № 26 (1035). Нальчик, 3 июля 2019. С. 11.
5. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
6. *Каракетов М.Дж.* От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М.: ЗАО «Олита», 2004. № 4. С. 105–136.
7. *Къарачай-малкъар тукъумла бла адам атла (Карачаево-балкарские фамилии и собственные имена) // Къарачай-малкъар-орус сѣзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь).* М.: Рус. яз., 1989. 832 с. С. 791–804.
8. *Лайтанов К.Т.* Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск: КЧГТИ РЧО, 2000. 80 с.
9. *Малкандуев Х.Х.* Родовые легенды и предания балкарцев Чегемского ущелья. Локальный аспект (Кулиевы, Согаевы, Хахуевы) // Известия КБНЦ РАН. № 3 (83). 2018. С. 87–92.

10. Малкандуев Х.Х. Родовые предания Чегемского общества (Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы) // Вестник КБИГИ. 2018. 4 (39). С. 148–154.
11. Мамхегов А. Как встречали Александра III и Марию Федоровну // Газета Юга, № 28 (1319). Нальчик, 18 июля 2019. С. 8.
12. Мусукаев А.И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982. 184 с.
13. Мусукаев А.И. Века родословий. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 459 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
15. Османов Х.Л. Ёмюрле жолунда (На дорогах века. Очерки). Нальчик: Эльбрус, 2004. 116 с.
16. Османов Х.Л. Тукъум тарыхы – халкъ тарыхы (История рода – история народа) // Минги тау / Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-публицистический журнал. № 3. Нальчик: 2008. С. 173–176.
17. Ульбашева С. Ёмюрлени теренинден (Из глубины веков) // Минги тау / Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-публицистический журнал. № 5. Нальчик: 2009. С. 190–193.
18. Шогенукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. 232 с.

KARACHAY-BALKAR PATRONOMIC TRADITIONS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The article explores the informative potential of Karachay-Balkar legends about surnames that can shed light on the little-known pages of regional and world history. Judging by the texts, the surnames belong to different stages in origin and are rooted in different historical eras. The family legends reflect the events and factors associated with the migration of the population, religious beliefs, fosterage, professional and labor preferences of the mountaineers, as well as their ideological features. In a special group the legends of accidental names, recorded as specific incident are highlighted. The article is written based on the works of North Caucasian historians, folklorists, as well as a personal archive on the problem under study.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, family tradition, informative potential, etymology, history, geography, religion, ethnoculture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-187-193

ТЕЛҮҮДЖАГЪЭ ХЭЛҮУ ЛҮХҮЖЬЫР ДУНЕЙМ КҮЫТЕХЭЭНҮР АНДЕМЫРКЪАН И ЦИКЛЫМ КҮЫЗЭРХЭЦЫР

Быхурэ Мухэмэд Фуэд и кьюэ, филологие шлэныгэхэмклэ кандидат, Гуманитар кьэхутэныгэхэмклэ институтым – Федеральнэ кьэрал бюджет шлэныгээ Гуэхушланлэ «Урысейм шлэныгэхэмклэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шлэныгээ центр» Федеральнэ шлэныгээ центрым» и филиалым и адыгэ Гуэрыуатэ секторым и шлэныгээ лэжьаклуэ пашэ, mbf72@mail.ru

Быхурэ Камилэ Мухэмэд ипхуэ, Шлэныгээ нэхьышхьэ шрагэгьуэт Федеральнэ кьэрал бюджет еджаплэ «Бэрбэч Хь.М. и цэр зезыхьэ Кьэбэрдей-Балькьэр кьэрал университетым» и Социальнэ-гуманитар институтым «Филология. Адыгэбзмэрэ адыгэ литературэмклэ» кьудамэм и 3-нэ курсым и еджаклуэ, mbf72@mail.ru

Дуней псо Гуэрыуатэм зуужьыныгэхьэшуэ шызыгьуэтахэм яшыщ зыщ телүүджагъэ хэлүу лүхүжьыр дунейм кьытехээнүр кьызыхэщ мотивыр. А Гуэхугьуэр джыным лэжыгьэ шхьэхуэхэр траухуауэ шытащ ди хэкуэгьуу шлэныгэллхэми хамэ кьэрал шыпсэу еджагьэшхуэхэми. Апхуэдэу шыт пэтми, адыгэ Гуэрыуатэдж шлэныгээр кьапштэмэ, мыбы ипкэ итклэ ирагьэклуэкла кьэхутэныгэхэр нэхьыбэу зэхьэллар нарт эпосымрэ телүүджей, лүхүжь псысэхэмрэш. Ауэ, нэрылгагьу кьызэрыхьунуши, нэхь иужьклэ кьэунэхуа эпос лэужьыгьуэми абы хуэфашэ убыдыплэ шылыгьщ. А шытыклэм кьышаш кьэдгьэлэгьуа темэр зэпкьрыхын хуейуэ кьышцэтлгытари. Лэжыгьэм кьалэн нэхьышхьэу шыгьэуващ Андемыркьан и циклыр и тегьэшланлэу тхьдэр зи льябжьэ адыгэ лүхүжь эпосым мотивыр кьызэрышцыунэхуар, зэрызышиужьар, зэрызихьуэ-жар убзыхуныр. Абы папшлэклэ статьям кьышыхьаш мы лүхүжьым и уэрэдым, хьыбархэм шызэльшцысауэ мотивым игьуэта кьэлүэтэклэ лэужьыгьуэ псори, дэтхэнэм и кьуэпсыр миф гупсысэм зэрышышлар, а пасэрей пкыгьуэхэр циклым кьызэрышцыгьэсэпар гьэнэхуарэ гьашцэм и пэжыр абыхэм кьазэрыхэщыр гьэбелджылыжауэ. Гулыгьтэ лей зыгьуэтахэм яшышц сюжет гьэлпсыклэм, ухуэклэм дежклэ, нэхьышхьэж-раши, Гуэрыуатэхэкл нэгьэса эфлэувэнымклэ телүүджагъэ хэлүу дунейм кьытехээн мотивым и художественнэ мыхьэнэр налуэ кьэщыныр.

Зэрыгьуээн псалэхэр: Гуэрыуатэ, тхьдэр зи льябжьэ лүхүжь эпос, Андемыркьан, псысэ, хьыбар, пелуан.

Дызэрышыгьуазэши, тхьдэр зи льябжьэ лүхүжь эпосым шхьэхуэныгьэ нэхьышхьэу бгьэдэлгыц гьашцэм пэж дьдэу кьышыхьуа е, кьэгупсысами, а пэжым пэлыгьта Гуэхугьуэхэр и льябжьэу зэрышытыр. Тхьдэтххэм, Гуэрыуатэдджхэм емьзэшыжу ирагьэклуэкла кьэхутэныгэхэм я фышлэклэ, налуэ кьэхуаш, псалгэм папшлэ, Бахьысэрей зеклуэм, Кьарэкьэщкьэстау, Кьулыкьужын зауэхэм, Кьэбэрдей жэштеуэм, Жэштеуэ цыклум, нэгьуэщл куэдми ехьэлла уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ кьежьэным шхьэусыгьуэ хуэхьуа тхьдэ кьэхьугьэхэр, абы шыгьуэми, хуэгьэфэща кьудей мыхьуу, архивхэм шыхьума дэфтэрхэмклэ (документ) шлэгьэбыдэжауэ. Апхуэдэ дьдэу зэхгьэкла хьуаш а уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ кьахэщыж лүхүжь куэдыр – Кьанщобийрэ Гуашэгьагьрэ, Темрыкьуэ, Шолэхьупщ, Дамэлей Мамсырыкьуэ, Ажджэрий и кьуэ Кушыкупщ, Хьэтх Мыхьэмэт, н. – хэт сымэми, сыт хуэдэ лэхьэнэ псэуами, сыт я дуней тетыклами, н. Ауэ, дауэ шымытами, пэжым кьыдэклуэу мы Гуэрыуатэхэклхэм зышлашаш кьэгупсыса, гьашцэм кьышыхьунклэ мыхьуну Гуэхугьуэхэр кьызыхэщ мотивхэри. Абыхэм яшыщ зыщ лүхүжьым и дуней кьытехээн телүүджагъэ хэлүу образ зыбжанэм

зэрадэплагъур. Псалъэм папщIэ, щIэныгъэлIхэм къызэрахутамкIэ, Жэбагъы XVII лIэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхъэм (Шортэн А. зэритхымкIэ – 1684 гъ., М.Е. Талпэ къызэрилыгъэмкIэ – 1686 гъ., н.) дунейм къытехъаш, уэркъ унагъуэ къыхэкIащ, иджы зейкъуэщIым хиубыдэ КъэзанокъуейкIэ зэджэ щIыпIэм къыщальхуаш [Налоев 2001: 9–10]. Ауэ, абы и образыр IуэрыIуатэм къыщыхыхъэм, къэгупсыса куэдхэмкIэ гъэнщIа хъуаш, абы цыгъуэми языныкъуэхэм деж а «къэгупсысам» и лъабжьэщ зэман жыжьэм пасэрей цIыхум и къэухъым къыгъэщIа мифологическэ дуней еплъыкIэр.

Хъыбар нэхъыбэм къазэрыхэщымкIэ, Къэзанокъуэр нэхыхыншэу къальхуаш, ар щIахъумэн папщIи, пщыIэм яхъри мэлыхъуэхэм кIэщIадзащ [Сказания о Жабаги Казанок 2001: 43, 44, 46]. Мы цытыкIэр IуэрыIуатэм Жэбагъы кIэрилъхъа пэтми, апхуэдэр гъащIэм къызэрыщыхункIэ хъунур, дауикI, гурыIуэгъуэщ, икIи а нэщэнэм мы лыхъужьым и дуней къытехъэкIэр пэжым пэгъунэгъу ещI. Абы къыщхэщыкIыу, а Iуэхугъуэм ехъэлла къэлэутэкIэхэм (вариантхэм) ящыщ зым къызэрыхэщымкIэ, «Къэзанокъуэ Жэбагъы лыжьыфзыжьы быныниэм къальхуаш, блэ къешэкIауэ» [Сказания о Жабаги Казанок 2001: 53]. Зэрынэрылагъуэщи, мыр къэгупсысам и закъуэкъым, атIэ гъащIэм и пэжми жыжьэрэ гъунэгъуу екIуалIэркъым. Ауэ абы пэж зэрыхэмылгъым гу лъызытэр зэман жыжьэм яхэла гупсысэкIэм «ебэкъуа» иджырей цIыхурщ, пасэрейхэм апхуэдэ «дуней къытехъэкIэр» къазэрыгурыIуэу цытар нэгъуэщIуш: щIэныгъэлIхэм зэрыхуагъэфашэмкIэ, мыхэр я фIэщ хъууэ къаIуатэу щыщыта лъэхъэни щыIащ. Ауэ цIыхум и къэухъым зиужьу и дуней еплъыкIэм зихъуэжа нэужь, яхэла фIэщхъуныгъэр кIуэда пэтми, ахэр IуэрыIуатэм къыхэнащ, художественнэ къалэн ягъэзащIэу. Миф гупсысэхэр зи лъабжьэ дэтхэнэ зы мотивми пыухыкIауэ мыхъэнэ щхъэхуэ гуэр IуэрыIуатэм щигъуэт пэтми, нэхъыбэм псори зэкIуэлIэжыр зыщ – лыхъужь нэхъыщхъэм гу лъегъэтэнырщ, адрейхэм къахэгъэщхъэхунырщ. Сосрыкъуэ мывэм, Батрээ и адэ Хъымыщ и тхыщIэм къыдах, Щауей и анэр (Нэрыбгей) иныжьыпхъуш (мэзылIщ), лыхъужь, телъыджей псысэ куэдым цIыхубзхэм хэти пхъэщхъэмыщхъэ гуэр ешх, хэти миф псэушхъэм дэпсэуэрэ уэндэгъу мэхъури, лыхъужьыр дунейм къытохъэ, а цытыкIэхэмкIи ахэр адрейхэм хуэдэкъым, икIи, сюжетым зиужьыхункIэ наIуэ къызэрыхъуэщи, абыхэм йофIэкI (псысэм е хъыбарым цыгъэува мурад нэхъыщхъэм лъэлэсыфыр ахэрэщ). Абы къыкIращи, телъыджагъэ хэлъу лыхъужьыр дунейм къытехъэныр лъэпкъым иубзыхуа образ къэгъэщIыкIэм и зы нэщэнэщ. ДауикI, ар цыхъумаш нэхъ иужькIэ къэунэхуа тхыдэр зи лъабжьэ эпосми. Жэбагъы теухуа хъыбархэм дгъээжэмэ, IуэрыIуатэм и хабзэмкIэ, мы лыхъужьри адрейхэм къащхъэщыкIын хуейщ, абы къыхэкIкIи, и дуней къытехъэкIэми телъыджагъэ гуэр хэлъыпхъэщ – блэ къешэкIауэ къальху. Пэжщ, зэрыжыгIауэ, мыбы и лъабжьэр миф гупсысэхэм хуокIуэр, ар нэхъ пасэуи IуэрыIуатэм къыхыхагъэнщ, ауэ Жэбагъы ехъэллауэ дызриплъа хъыбархэм тепщIыхъэмэ, абы зыужьыныгъэшхуэ мыбдежым щимыгъуэтауэ жыпIэ хъунуш. ДызэригугъэмкIэ, абы щхъэусыгъуэ хуэхъуаш циклыр щызэфIэува зэманьр миф гупсысэхэр щытепща пасэрей лъэхъэнэм фIуэу пэлэщIэу зэрыщытар. Зы лъэныкъуэкIэ зэман жыжьэм къыщэжьауэ хабзэу ува образ къэгъэщIыкIэр хъыбарым ихъумэн, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ IуэрыIуатэм къыщыгунэхуа пкъыгъуэщIэм – тхыдэр зи лъабжьэ эпосым – «зыдригъэкIун» хуейти, «Iэмалыншагъэу» къоув, лыхъужьым бгъэдэлыну нэщэнэхэр гъащIэм и пэжым нэхъ пэгъунэгъуу щытын хуейуэ. Абы къыхэкIкIэ, «блэ къешэкIауэ дунейм къытехъэным» и пIэ къоувэ, Къэзанокъуэр нэхыхыншэу къальхуу иужькIэ пщыIэм яхъу хыфIэдзэныр. Мыпхуэдэу хъуа пэтми, телъыджагъэ хэлъу дунейм къытехъэн мотивым игъэзащIэ къалэн дыдэр мы иужьрейми «и пщэ къыдохуэ».

ДызэригугъэмкIэ, мы цытыкIэхэм образыр пэгъунэгъу ящI дунейм псо IуэрыIуатэм зыужьыныгъэшхуэ щызыгъуэта «лыхъужь къызэрыгуэкIым» («низкий герой») ейм. ЗэрытщIэщи, мыпхуэдэхэр тхъэмыщкIэ унагъуэм къыхэкIащ, лъэпкъыкIушхъи яIэкъым, фызабэм и къуэщ, зэшищым я нэхъыщIэрэ акъылыншафэ

тету, псоми я шэнэклальэу, мыфэмыцу кьэгьэлэгьуащ. А.П. Скафтымовым гу зэрълытащи, псысэм е хьыбарым шэдэлум мы лыхужьым заншэу гу лъетэ, абы и гьашэр зэрыхунур, и насып кыхьынур зригэщлэнуи хуонабгьэр. ИкИ, зыми зэрымугьгауэ, зыри зэрышымыгугьгауэ, зыкызыэкьуехри лыгьэ шлэлэ йохьэ, лыхужьыгьэхэр зэрехьэ, зыри зыльэмылэсыфа мурадыфхэр зрегьэхуэлэ. А щыклэмкИ Гуэрыуатэм кыхигьэбелджылыкыну зыхуейр елэт, гулыгытэ лей хууегьэщ, Гуэрыуатэхкьыр шлэщыгуэ, гьэщлэгьуэн ещл [Скафтымов 1958: 5–6].

Жэбагыи араш: и сабиигьуэр кызыхэщ лыхьэм абы и образыр «зыгьэлгахьшэ» нэчэнэхэр бгьэдэльщ: 1) ар нэчыхьыншэу кьалыху; 2) сабий быдзафэу яхьри мэлыхуэхэм клэщлэдзэ; 3) бацэм кьуэцлэлыгу пщылэм кьытранэ. А псом кьиклращи, ипэм деж мы лыхужьым гьашлэ илэну, насып гуэр кьеуэлэну, зэфлэкл кьылкыкьуэклэну ущыгугьыркьым, ауэ иужьклэ, Гуэрыуатэм зэрышыхабзэщи, езым кыхуэдэ нэгьуэщл зыгуэрми думылгагьу акьыл жанрэ губзыгьагьэрэ бгьэдэльбу кьыщлэкл, лъэпкь псом я уциякьлэуэ чэнджэщакьлэуэ мэхьу.

Нэгьуэщл теплэ, кьэлэуэтэклэ ялэу щытми, мы Гуэхугьуэ дыдэхэм Андемыркьан ехьэллэ уэрэдми хьыбархэми дашрохьэллэ. А псор налуэ кьэщлэным ипэ кыхуэу кыхьэгэщыпхьэщ, пасэрей Гуэрыуатэм щызэфлэува пкыгьуэхэм адэклэ ягьуэт зэхуэкьыныгэхэм ехьэллауэ Гьут А.М. зыхуэклэуэ шыта гупсысэхэр ди лэжыгьэм тегьэщлэлэ зэрыхуэхуар. Псалгэм папщлэ, телыдджагьэ хэлбу лыхужьыр дунейм кьытехьэным адыгэ эпосым зэрызыщиужьам шлэныгьэллым мыпхуэдэ лъэхьэнэхэр кыхегьэкл: а) мы Гуэхугьуэр Гупщлэу кызыхэщ езы мотив дыдэр (псалгэм папщлэ, пасэрей (нарт) эпосым Сосрыкьуэ мывэм кьызэрыдахыр); б) нэхь иужьылуэклэ нарт эпосым кьышыгунэху циклхэм, тхыдэр зи лъабжэ лыхужь эпосым мотивыр Гупщлэу дыдэу шытыжкьым, ауэ лыхужьым и дуней кьытехьэклэр кьызэрыгуэклэкьым, абы гу лъозыгьатэ нэщэни бгьэдэльщ (ныбэм иль хьэпшырыр блэклхэм йобэн, Бэдынокьуэ кьамыльхуа шыкьлэу, и макь зэхах, ныбэм иль сабийр лъэкьуауэрэ и анэр хыфлэдзэ, хы тьыгу шыпсэу пелуан лъэпкьым шлэлэ цыкьлур кьахокл, иужьклэ бгьэ абрагьуэм ирехьэжьэри шлэналгэм кьрехьэ); в) лыхужьыр кьэзыльхуар Гупщлэу (адэншэщ, лъэпкьы-кьупщхьы илэкьым, н.); г) мотивым и кьэлэуэтэклэр пэжым нэхь пэлагьэ мэхьу (нэхь класэу кьэунэхуа эпосым зыщыужьахэм ящыщ лыхужьыр нэчыхьыншэу дунейм кьытехьэу (нэхьыбэу кьызэрыгьэлэгьуамклэ, и адэр пщыщ, и анэр унэлутщ)) [Гутов 2009: 217–218].

Абы тепщлэхьэм, япэу гу зылыгьапхьэр Андемыркьан и лэакьуэр кьыздежьэрщ. Хьыбар зэдгьэпшахэм кьызэрагьэлыгауэмклэ, мы лыхужьыр кьызэралыхуам теухуа сюжетыр лэужьыгьуэ зыбжанэу зтепщлэлыжэщ. Сэхьу Мамызэ (1856 гь./кь.) кьыжилэжауэ шыта хьыбарым [Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1969: 219–220] кьызэрыхэщымклэ, Андемыркьан и анэр кьызэрыгуэклэ цыхуш, и адэр мэзылш: кьегуэклэуа шлэлэм шрамытклэ, хьыджэбзым кьуэншагьэ лъэпкь бгьэдэмыль пэтми, шлэлэр абы хуэпсалгьэу шлэдзэ; адэм ар щызэхихкьлэ, и напэр трихауэ кьышохьу, кьогубжьэри унафэ ещл, и пхьур мэзым яшэу хыфлэдзэну, абы шагьэклэуэдыну; хьыджэбзыр мэзым шлэтурэ, мэзыллэ кьрохьэллэ, абы фыз хуохьури, сабии (Андемыркьан) зэдагьуэт.

Мы Гуэхугьуэм ипкь итклэ Гьут И.М. зыхуэклэуа гупсысэхэр кьэплыгьтэмэ, феодальнэ эпосклэ зэджэм и шлэдзапэ лъэхьэнэм иджыри кьаруушхуэ шлэлэт пасэрей Гуэрыуатэм щызэтеувауэ лыхужь нэхьышхьэр кьрыхагьэщхьэхуэ кьыкьыгьэсэблэп лэмакьхэм. Абыхэм ящыщ зыщ лыхужьым и лэакьуэр миф псэушхьэ гуэрым деж кьышыщлэдзэу кьэгьэлэгьуауэ куэдэр узэрырихьэлэр. А щытыклэмкИ кьэлэуэтауэ жыплэ хьунуш Андемыркьан и лэакьуэри мэзылым еклэуэлэу хьыбарым кьыщлэхэщыр [Гутов 2000: 36].

Шлэныгьэллым зи гугьу ищл Гуэхугьуэм циклым и пэ кьит Гуэрыуатэм зыужьыныгьэшхуэ зэрышигьуэтам и шлэхьэ куэд кьыпхуэхьынуш: языныкьуэ вариантхэм кьызэрауатэмклэ, Шцауей и анэр мэзылш [Нартхэр. Адыгэ эпос

1970в: 13–17], адреихэм – иныжыщ [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970в: 17–23]; «Нарт Пэгэрэз и кьуэ Пакъэжь и хыбар» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 8], «Бэчмырзэпщ и таурыхь» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 6-а. П. 3] псысэхэм кьазэрыхэщымкIэ, лыхужьхэм я адэхэр иныжыщ; «Иныжым и кьан» [Фольклор адыгов... 1979: 269–280] псысэм лыхужьым и адэр кьызэрыгуэки цыхушц, ауэ и атэлыкьыр иныжыщ. Ищхэки зэрышыжытIащи, мыбыхэм лыхгэки лыхужьыгэки кьапэлэщ шыIэкьым; ахэраш хыбарым, псысэхэм шыгэува мурадхэм лэIэсыфыр. Араши, мы шапхэхэм кьагэлъагэуэ адэ-анэр миф псэушхэу шытыныр циклым нарт эпосым, телгьиджей, лыхужь псысэхэм кьазэрыпихар. Ар дыдэр хужыпIэ хьунуш Сэхьум кьыжиIэжам и сюжетым игуэта кьэлүэтэклими.

Дызэрышыгэуазэщи, лэпкь куэдым я IуэрыIуатэм зышызужьахэм ящыщ зыщ кьызэрыгуэки цыхумрэ хьэкиэкхьуэки гуэррэ зэдэпсэуэрэ сабий зэдагэуэту кьызэхэщ сюжетыр. Аарнерэ Томпсонрэ я сюжетгэлъагэуэм [Thompson 1961] (адэки АТ) ар АТ 303I дамыгэмкIэ кьышыгэлъэгэуаш [Тхамокова 2018: 562]. Н.В.Новиковым гу зэрылгытащи, АТ 650А сюжетым и шIэдзапIэм абы дышрохэлIэ, ики кьуэкипIэ славянхэм ар зи лъабжэу яIэ телгьиджей псысэхэр мыпхуэдэу кьэлүэташ: мэзым (губгэуэ нэщIым) шхэуэсыгэуэ гуэркIэ кьышыхута цыхубзым мышцэ (е нэгэуэщI псэушхэ гуэр) кьыхуозэри (кьытоуэри) цыхубзыр и гьуэм ехь, зэдэпсэуэ шIадзэри, шIалэ цыкIу, мышцэ тхэкиумэ тету, я зэхуаку кьыдоки [Новиков 1974: 43–44]. ДызрипIа адыгэ псысэхэм дэ яхэдгэуэтакьым, мышцэм цыхубзыр дэпсэуэ кьызыхэщ. Телгьиджей псысэхэм я сюжетхэр шIэзыпщытыкIа Алий Аллэ, Тхэмокьуэ Женэ сыми я сюжетгэлъагэуэхэм абы ушрихэлIэркьым, ауэ «Мыщэ и кьуэ Батыр» псысэм и шIэдзапIэр абы хуахьыр [Алиева 1986: 32; Тхамокова 2018: 584]. Мы сюжетым адэки зэрызиужьыр лэпкь куэдым я псысэхэм шызэтэхуэу (мыпхуэдэ ухуэки яIэу: АТ 303I + АТ 650А + АТ 300 + АТ 301AB, н.) зэрышытым, абыхэм дызытепсэлыхь мотивыр IупIшIу кьазэрыхэщым ипкь иткIэ, Алий А.И. кьелгытэ, Батыр и адэр мышцэу кьэгэлъэгэуэуэ сюжетыр зэгур шытауэ, иужькIэ, зэман дэкиуэ, абы и пIэки сабийр мышцэм идыгэуу ар адэ пэлгытэ хуэхьуэу яIуатэу шIадзауэ [Алиева 1986: 63].

Дауэ мыхьуами, ди дежкIэ иджыпсту нэхьышхьэращи, АТ 303I сюжетым дызышрихэлIэ пкьыгэуэ дыдэхэр шыхьума псысэхэм адыгэ IуэрыIуатэм куэду ушыхуозэ, мышцэм и пIэки мэзылI хэту. Абы и шапхэхэщ «МэзылIым и хыбар» [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 197–201] таурыхьыр: нэгузегэуужь кIуа шIалэгьуалэм яхокири хьыджэбзыр (Нагэуэ) мэзым хохьэ; мэзылI кьытоуэри ехь; зэдэпсэуэ шIадзэ, шIалэ цыкIуи кьащIохьуэ. Зэрынэрылъагэуэщи, Сэхьу Мамызэ Андемыркьан и дуней кьытехьэкиIэу кьыIуэтэжа хыбарым кьышыгэсэбэпащ нэхь пасэу IуэрыIуатэм шызэфIэува АТ 303I сюжетыр.

Мотивым адэки циклым шигэуэт зэхьуэкиныгэхэм, зыужьыныгэхэм я гугэу пщIымэ, псом япэу гу зылгытапхэхэм ящыщ, миф нэщэнэхэр кIуэ пэтми текIуэтрэ, абы ипкь иткIи лыхужьым и лIакьуэр экIуалIэ миф псэушхьэр кьызэрыгуэки цыхукIэ, ауэ кьару зерамышIэж зыбгэдэлкIэ хьуэжа зэрыхьыр. Апхуэдэу шыт пэтми, мотивым и художественнэ мыхьэнэ дыдэр – лыхужь нэхьышхьэр хэлIэтыкIыныр – кьыхуонэжыр. IуэрыIуатэм зэрышыхабзэщи, Андемыркьан лыхужьыгэкиIэ адреихэм йофIэки, кьащхэщокI, абы папщIэки и дуней кьытехьэкиIэм шхэхуэныгэ хэлъын, абы шыгэуэми а «шхэхуэныгэ» пэжым пэблагэу шытын хуейшц: иджы абы и адэр миф псэушхэ гуэркьым, атIэ кьызэрыгуэки цыхушц, ауэ пелуаншц, абы шыгэуэми мэхьаджэщ. Мыбы и лъэныкьуэкиIэ АТ 303I сюжетым игуэта кьэлүэтэклим и шапхэхэщ «Андемыркьан и анэмрэ Лэпшрэ» [Кабардинский фольклор 2000: 308–313] хыбарыр: тенджыз Iуфэм шыпсэу лы бланэр кьытоуэри Кьэрабэхэ я пхьур ехь, зэдэпсэуэ ирагэажэри, шIалэ цыкIу (Андемыркьан) кьащIохьуэ.

КьыкIэлгыкIуэ зэхьуэкиныгэуэ сюжетым игуэтахэм ящыщ, хьыджэбз дыгун мотивыр абы зэрыхэмытыжымрэ адэм и образым хэтлэагэуэу шыта

миф тепльэр, мэхьаджагьэр иужькIэ абы зэрыкIэрымыльгыжымрэ. «Тумэ» [Кабардинский фольклор 2000: 303–308] хьыбарым кызыэриуатэмкIэ, тенджыз тIуашIэм кьару егъэлея зыбгъэдэль лъэпкь щопсэури, Андемыркъан абы кьахокI.

Мыбы шыгъуэми хьыбархэм зызыхагъазэр нарт эпосымрэ зи гугъу тIа псысэ лIэужьыгъуэхэмрэщ, циклым и зыужьыныгъэр здынэса лъэхъэнэм къеззгъ мотивыр – адэ-анэм егъэлеяуэ кьарурэ лIыгъэрэ яхэлъу кызыыхэщыр – абыхэм шызэтеуауэ хъзыру зэрыхэтым кыыхэкIыу. Къапштэмэ, Сосрыкьуэ кышынэмышIа, мыдрей нарт лIыхъужьхэм хэт и анэр, хэт и адэр апхуэдэщ. «Нарт Хьымышц кызыэришагъэмрэ зэраукIыгъэмрэ» [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970б: 24–28] хьыбарым кызыэриуэтэжымкIэ, Хьымышыр апхуэдизкIэ лIы бланэщи, зы нарти кыпэлъэщкьым, зэрыхагъэщIэфри бзаджагъэкIэщ. Абы кышцIэхъуа Батрэзи араши, лIыхъужь нэс мэхъуж. «Бэдынокъуэ кызыэралъуар» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-д. П. 1] хьыбарым деж нартхэм къатеуа бийж бзаджэр лъэрищIыкI зэтэзыщIэр Бэдынокъуэ и анэрщ. Абы и шыр зыщIэт шэщым Iуль абрэмывэр нэгъуэщIми хуэгъэхъейркьым, и Iэщэ-фащэри зы цIыхум кыыхуэлэтыркьым. А псор и нэчэнэщ абы кышцIэхъуэну сабийри кызыэрыгуэкIыу зэрышымытынум: абы уэндэгъу лажъэ иIэу гу лIымытэххэу, и ныбэм иль сабийм (Бэдынокъуэ) и гы макъ Сосрыкьуэ зэхех. Гъут I.M. шапхъэу кыихъ хьыбархэм языхэзым тепщIыхэмэ, мы мотиври Андемыркъан и циклым кыыхъащ: ар иджыри ныбэм иль щIыкIэу, апхуэдизкIэ кьаруушхуэ хэльщи, шыльэкъуауэкIэ, и анэр адэ-модэкIэ хыфIедзэ, абы щхъэкIи и Iэпкьлэпкьыр сыт шыгъуи уфIыцIауэ щытщ [Гутов 2000: 37].

Дызытепсэлъыхъ Iуэхугъуэм и шапхъэ гъуээзджэщ Тэтэрщауэ и циклыр. Мы лIыхъужьыр дунейм кызыэрыгъэхъа щIыкIэр кызыэрыуэтар лIэужьыгъуэ зыбжанэу зэщхъэщокI [Бухуров 2017: 210–211]. Ауэ псоми къазэрыхэщымкIэ, абы и адэр е адэри и анэри я кьарууфIагъкIэ адреихэм къашхъэщокI. «Нарт Пагуэрэ Хьэнэжьрэ я хьыбарым» лъабжъэ хуэхъуащ Эберхартрэ Боратавэрэ я тырку сюжетгъэлягъуэм (адэкIэ Eb-Bo) дызыщрихъэлэ Eb-Bo 204 сюжетыр [Eberhard, Boratav 1953: 238–240]: лIыхъужьыгъэрэ кьарукIэ зыри зыпэмылэщ хьыджэбзым мурад ещI езым кытекIуэ фIэкIа, нэгъуэщIым дэмыкIуэну; Пагуэ и хьыбар зэхихати, абы и деж кьокIуалIэ, зекIуэ здрешажьэри и лIыгъэр егъэунэху, икIэм-икIэжым ар щхъэгъусэу кыыхех, сабии (Тэтэрщауэ) зэдагъуэт [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 1]. Вариант нэхъыбэм кызыэрыхэщымкIэ, Пагуэр хьыджэбзщ, езым пелуанагъ хэмылми, ипэрэйм хуэдэу, кыльыхъуэр кьару егъэлея зыбгъэдэль щхъэгъусэщ: Пагуэр псыхъэ кIуауэ, кьелъагъу псым кызыэпрыкIын мурад яIэу адрьщI лъэныкьуэм шу гуп кыIуту; хьыджэбзым кхъуафэжьейр псым треутIыпщхъэ, шухэр кьотIысхъэхэри псым кызыэпросыкI; лIищэм ерагъыу яхуэгъэхъей кхъуафэжьейр зы щIалэ и закъуэу псым кыыхехыжри егъэувыж; щIалэм бгъэдэль кьарур зыльэгъуа Пагуэ кыгуроIуэ, абы сабий дигъуэтмэ, лIыхъужь нэс кызыэрыхэкIыну; апхуэдэуи мэхъу [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 4].

Зи гугъу тIа мотивым кыгуэхьпIэ имыIэу кепхаш лIыхъужьым и адэ-анэр зыщыц е езыр кызыщальху щIыпIэр зыгъэнахуэ Iыхъэри. В.Я. Пропп кызыэралыгътэмкIэ, мэзыр, кьурш щIыбыр, бгъуэнцIагъыр, щIыунэр, псы адрьщIыр, пситI зэхуакур, тенджыз тIуашIэр, н. Iуэрыуатэм кыхош, нэгъуэщI дуней кьагъэлягъуэу, икIи абы лъабжъэ хуэхъуащ дунейм ехыжам и псэм ехъэлIауэ, балигъыпIэ иувар шагъэунэхукIэ, ирагъэкIуэкIыу шыта Iуэхугъуэхэм (обряд инициации) пыщIауэ пасэрэй цIыхум яхэля гупсысэхэр [Пропп 1986]. А псом тепсэлъыхъыным кууэ дыхэмыхъэми, щIэныгъэлIым и псалъэхэм кьагъэлягъуэ, мы Iуэхугъуэм и кьуэпсэхэри зэман жыжьэм кызыэрыщэжьэр. Iуэрыуатэм абы щигъэзашIэ къалэным и гугъу пщIымэ, мыр кыжыIапхъэщ: лIыхъужьыр, шыр, нысашIэр, н. а «дунейм» кIуэныр е кыкIыныр (кышцальхуныр) къэзыуатэ мотивым и художественнэ мыхъэнэри апхуэдизкIэ инщи, мыпхуэдэ зыгуэр хэмытмэ, IуэрыуатэхэкIым удимыхъэхьныри хэльщ. Къалэн нэхъыщхъэу

абы «и пщэ кыдэхуэхэм» ящыщ зыщ, ищхьэкIэ дызытепсэлыхьахэми хуэдэу, псысэм е хыбарым хиIэтыкIыну зыхушIэкьюм гульытэ лей зэрыхудиггэщIыр. А щыпIэм щыщым е абы кIуэуэ кьэзыггээжыфам хуэдэ зыри щыIэкьюм – аращ мотивым щIэлг гупсысэр

«Мыхьэмэтищ» [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 1037] псысэм кызырэхэщымкIэ, набдзэ зытелгым я нэхь дахэ хыджэбзыр зыщыпсэур псым адрышкIэ дыггэ кышIэкIыпIэм хуээуш. Зэ еплгыгьюэкIэ, лыхүүжүүм и шым кыльгэщIыхьэн щыIэкьюм, ауэ а щынальгэм ар зыхьыфынур здэщыIэри а псым уикIмэщ. Псым зэпрыкIыу а шыр кьэзыггюэтыфри, хыджэбзыр кьэзышэфри лыхүүжүү нэхьышхьэрщ. Аращи, Iуэрыуатэм и хабзэмкIэ, а хыджэбзым нэхь дахи, шым нэхь льэрызехьы, а псори зыIэрызыггэхьэфым нэхь лыхүүжүү дунейм теткьюм.

«Нартхэ я дыщэ жыгыр» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 4] хыбарым кызырэхэщыIуэтамкIэ, Хымыщрэ Уэзырмэсрэ кыльхуаш хы щIагг дунейм щыпсэу зэшиблым я шыпху Емыггээш-гуашэм, апхуэдэ дуней кытехээкIэ зэралэмкIи мыхэр адрейхэм кьашхьэщокI, зыри зыпэмьльгэщ лыхүүжүү кьахокIхэр. Апхуэдэщ Батрэзи: абы и анэри испы хэкум щыщ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 2]. «Шэбатныкьо ятэ ОрзэмэджыцIагг. Чырты цыщыгг. Орзэмэджэр Чырты кыкIыти, Нарты Iалэджунэжы тхьаматэджэ кьаIотыгг. Нартмэ ятхьэмэтагг», – кыхош «Нарт Шэбатныкьо икхьэукI. Орзэмэдж кызыреггэнэжыггэр» [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970а: 32–36] хыбарым. Абы кыкIращи, Орзэмэдж адрей нартхэм йофIэкI, я пашэуи кьашхьэщоувэ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ, мы вариантым кызырэхэщымкIэ, кызыщыхуар нарт щынальгэркьюм, атIэ Чыртырщ, абы кыпкырыкIа Шэбатныкьюи (Бэдынокьюи), дауикI, зыри зыпэмьльгэщ лыхүүжүү мэхуэ. Абы кыдэкIуэу, дызэрэхэщыггюазэщи, нырт эпосым дызыщрихьэлIэ лыхүүжүү нэхьышхьэхэм щыщу нэхьыбэр хэти (Сосрыкьюэ, Бэдынокьюэ, яшхэри ящIыггюу) бггюэнщыггым (щыунэм), хэти (Батрэз) мэлыхуэ (шыхуэ) пщыIэм (ишри абы кышрат) (еггашц: Кьэзанокьюэ Жэбаггьи мэлыхуэ пщыIэм шапI), хэти (Щауей) Iуашхьэмахуэ льяпэ кышцохуэ.

Мы мотивыр Андемыркьян и циклими кыыхьащ, пасэрэй псысэхэм, нарт эпосым абы щиггээщIэ мыхьэнэ дьдэр иIэу. Сэхуэ Мамызэ кыIуэтгэжауэ япэу дызытепсэлыхьа хыбарым кызырэхэщымкIэ, зэрыжытIащи, Андемыркьян мэзым кышцальху, мэзылIыр зыщыпсэу бггюэнщIаггым шапIу ираггьяжэ; етIуанэу зи гуггюу тшIа «Андемыркьян и анэмрэ Льэпщрэ» хыбарым – тенджыз Iуфэм, лIы бланэм и хэщIапIэм; ешанэ вариантри («Тумэ» хыбарыр) мыбы пэггюнэггюш – пелуан льяпкыыр зыщыпсэу тенджыз тIуашIэм. Аращи, Андемыркьяни, «и шы нэхьыж» эпическэ лыхүүжүүхэм хуэдэу, кызырэггюэкIкьюм, «хы щыIб дунейм» кыкIащи.

Андемыркьян дунейм кызырэхэщыар кызыхэщ сюжетым и пкыггюуэ нэхьышхьэхэм ящыщ зыщ ар Кьэбэрдейм кызырыкIуэ щыкIэр кьэзыггэляггюу пычыггюуэри. КьэIуэтэкIэ елытауэ мыхэри лIэужыггюуэ зыбжанэу зэщхьэщокI, дэтхэнэ зым и кьюэпери, дызытепсэлыхьахэм хуэдэу, пасэрэй Iуэрыуатэм кышцожэ. В.Я. Пропп гу зэрылIытамкIэ, зы дунейм икIыу адрейм кIуэн папщIэ, псысэхэм хэт лыхүүжүүхэм псэушхьэ, кьюалэбзу, кьэкIыггэ, хьэпшым зэхуэмыдэ куэд кьаггэсэбэп. Мыбдежым псоми я гуггюу щытхуэмыщIми, кьэдггэльггюуа мотивым нэхь кьепхауэ щIэныггэлIым и кьэхутэныггэм кыыхэщ шапхьэ зыбжанэ нэхь мыхуми кьэтхьыну тфIэиггюуэт. Дызытепсэлыхь хыбархэм тепщIыхьэмэ, нэхьыбэу гу зылытапхьэр лыхүүжүүм, бггэм, хы Iуфэм (тенджыз тIуашIэм) яку дэлг зэпыщIэныггэрщ. Абы ипкь иткIэ щIэныггэлIыр зыхуэкIуа гупсысэхэм я гуггюу пщIымэ, кьюалэбзумрэ псымрэ зэпхауэ льяпкь куэдым я Iуэрыуатэм зыужыныггэшхуэ щиггюуэташ: хым, тенджызым, нэхь тэмэму жыпIэмэ – щIэпльыпIэм (горизонт) адэкIэ щыIэр нэггюуэщI дунейши, лыхүүжүүр абы бггэм (е нэггюуэщI кьюалэбзу лIэужыггюуэм) ехэ (е кьехь); апхуэдэу кхуафэжьейкIи

зэпросыкI, чейм ису (пхуантэм дэсу, н.) псым (тенджызым) траутыпщхьэри, мы дунейм къехь, езы лыхъужьым псэущхьэ гуэрым и теплъэ зрегъэгъуэтри макIуэ (къокIуэ) [Пропп 1986: 83–87].

В.Я. Пропп зи гугъу ищIахэр адыгэ IуэрыIуатэм къызэрыхэщым и шапхьэу къэпхь хьунуш ищхьэкIэ дызытепсэлъыхьа «Нартхэ я дыщэ жыгыр» хьыбары: псы щIагъ дунейм шыпсэу зэшиблым я шыпхьухэм тхьэрыкъуэ защIурэ нарт хэкум къокIуэри жыгым къыпыкIэ мыIэрысэр ядыгъу; зэшитIыр абыхэм я лыхъуакIуэ йожьэри, нэхьыщIэр псы щIагъ дунейм къыщохутэ, Емыгъэзэш-гуащэри щхьэгъусэ хуохъу; нарт хэкум къэкIуэжыну къежэжахэу, и щхьэгъусэр фIокIуэдри, нысашIэм игъэзэжын хуей мэхъу; Емыгъэзэш-гуащэ лажьэ иIуэ и анэ деж кIуэжати, зэманыр къыщысым, и анэм къыпеубыд, нарт хэкум кIуэуэ сабийр абы къыщильхун хуейуэ. Апхуэдэуи нысашIэм ещIыр. А псом кыкIраши, Хьымыщрэ Уэзырмэсрэ иджыри ныбэ иль щIыкIэу, тхьэрыкъуэ зызыщIыф я анэм нарт хэкум кърехьэ, хы щIагъ дунейм кърехри. «Нарт Пагуэрэ Хьэнэжьрэ я хьыбарым» зэриIуатэмкIэ, Тэтэршауэ и адэ хьунур псы адрыщIым кхьуафэжьейкIэ къокI. «Бэтэрэз и къэхъукIамрэ игъэхьамрэ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 2] хьыбарым зэрыжиIэмкIэ, Батрээз къамланым дагъэтIысхьэри Инжыджыпсым траутыпщхьэ, нарт Iэхуэухэм къагъуэтри япI. «Бэдынокъуэ къызэралъхуар» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-д. П. 1] хьыбарым – Бэдынокъуэ пхуантэм далъхьэри къуэжэ дьджым къыданэ, жэщым уэшх къошхри, псыдзэ къежэхам пхуантэр къуэм къыдихри тафэм къытринауэ, пщэдджыжьым къазыхьуэ фызым къегъуэт. «Къанжэ и къуэ Щауей Нэрыбгейм и къуэ закъуэ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-н. П. 7] хьыбарым ашыч, псы дэмышьэну, ящI, Щауейр дагъэтIысхьэри псым хадзэ, фыз гуэрым къегъуэтри щIалэ цIыкIур епI.

Мыбдежым иджыри зэ дигу къэдгъэкIыжынщ Андемыркъан хы Iуфэм (тенджыз туащIэм) къызэрыщальхур. Апхуэдэу шыщыткIэ, В.Я. Пропп зыхуэкIуа гупсысэхэм дьтетмэ, IуэрыIуатэм и хабзэмкIэ, мы лыхъужьыр къуалэбзу гуэрым хэкум кърихьэн, е кхьуафэжьей (чей, пхуантэ, н.) ису къэкIуэн хуейш. Зэрыхьури апхуэдэуш. Абы и уэрэдымрэ хьыбархэмрэ нэхьыбэу зыщызужьахэм ящыщщ лыхъужьыр тенджыз тIуащIэм къыщальхурэ бгъэм ар Къэбэрдейм кърихьэу:

«Андемыркъан тенджыз тIуащIэ гуэрым къыщальхуащ. Къэзылхуа фызыр псыхьэ кIуауэ тенджыз Iуфэ Iусу абы къыщильхуащ Андемыркъаныр. И босцеикIэр зыфIихри къыришэкIиц сабийми, ауэ игъэтIылъащ. Езым зигъэкъэбзэжыну псы IуфэмкIэ IукIуэтащ. Абы хэту сабийм бгъэ къеуэри ихьащ. Тенджызым бгъэм къызэпырихьащ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-д. П. 7].

Мис ар уэрэдым къызэрыхэщри:

*Андемыркъан тенджыз тIуащIэм къыщальху,
Шышэр и Iусты, <тенджыз тIуащIэм> къыдокI.
ПцIэгъуалэ кIэщIыр Андемыркъаным хуагъафIэ.
Афэхум и быдэр Андемыркъаным и джанэнц.*

Бгъэхуэр тохуарзэ, Андемыркъаныр <тенджыз тIуащIэм> къыдек
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 6].

Абыхэм къашхьэщыкIыу, «Андемыркъан и анэмрэ Лъэпщрэ» хьыбарым Къэрабэхэ я пхьум къильхуа щIалэ цIыкIум и къарум гу шыльитэм, пхуантэ быдэм дельхьэри псым треутыпщхьэ, мыдэкIэ щакIуэхэм ар псы Iуфэм къышагъуэтри, Андемыр быныншэти, абы иратри ирагъэпI.

Сэхуэ Мамызэ кыIуэтэжам хы Iуфи, тенджыз тIуащIи кыхьэщыркъым – щIалэ цIыкIур къыщальхур мэзырщ, нэхъ тэмэму жыпIэмэ, мэзылIыр зыщыпсэу бгъуэнщIагъырщ, ауэ, мыдрей вариантхэми хуэдэу, сабийр бгъэм къехь. Зы лъэныкъуэкIэ уеплэмэ, зэрыжытIащи, хым, тенджызым адэкIэ щыIэ щIыналъэм IуэрыIуатэм щилэ мыхьэнэ дьдэрщ мэзым щигъэзашIэри, ауэ, зэрынэрылъагъуши,

циклым хабзэ хуэхуа зэпыщлэкэм – лыхужьыр псы Іуфэм кыщальхурэ бгэм кыху зэрыщытым – мыр кыщхэщокІ. Мыбдежым кыщыхэггэщыпхуэу кытшоху, Мамызэ кыжиІжа вариантым фІэклэ, нэгүэщІ хыбар мыпхуэдэ кьэІуэтэкІэ иІу Андемыркъан и циклым дызэрыщримыхэлэр. ЗэрыжытІащи, миф псэушхэр (мэзылыр, иныжьыр, н.) лыхужьым и адэу шытыныр пасэ зэман жыжбэм кышожбэ, ауэ абы кыкІыркъым хыбары а зэрыщыт дыдэм хуэдэу а лэххэнэхэм зэхалхуэу ди зэманым кьэсауэ. Уеблэмэ, теггэчыныхуау тхужымыІэми, цикл зэфІувам нэхэ иужькІэ мыр кызэрыыхыаггэнкІэ хунум шэчи хэлькыым. Кьэхуари арауэ худоггэфащэ. Андемыркъан тенджыз тІуащІэм бгэм кырихыныр «лээ быдэкІэ» циклым шыувауэ яІуатэмэ, ІуэрыІуатэм и хабзэмкІэ, абы ипэ кытын хуейт лыхужьым и дуней кытехэкІэр адреихэм ейм кыщхэщыкІуу кызыхэщ Іыхэр. Абы папщІэклі лэпкыым куэд шІауэ зэрихэ сюжет хэзырыр (АТ 303І) кыпыуващ. Абы кыдэкІуэу, ІуэрыІуатэм кызэрыхэщымкІэ, бгэм и образы зэпхархы шІыб кудеиркыым. Псалэм папщІэ, дуней псом шыщІэрыІуэхэм ящыщ лыхужьым выфэм зыкІуэцІиггэджэразэрэ гүэуль, ар бгэм кыльаггүрэ дэкІыпІэ зымыІэ куршыщхэм дихуу (жыгыщхэм дрихейуэ) [Пропп 1986: 83–85]. Абы и шапхэщ адыгэ псысэхэм шхэхуэу Тхэмокуэ Женэ кыыхиггэкІ – АТ 461* сюжетыр [Тхамокова 2018: 572]. Апхуэдэу дигу кьэдгэкІыжынщ «Мыщэ и кьуэ Батыр» [Адыгэ таурыххэр 2018: 6–22] псысэм лыхужьыр бгэм шІыкыатибл дунейм кызэрырихыжри. А нэщэнэ псори адыгэ ІуэрыІуатэм кыхэщыж бгэм и образым хыдолгагүэу, ауэ Андемыркъан и циклым абы и кьалэн нэхыщхэр псы (хы) Іуфэм (тенджыз тІуащІэм) лыхужьыр кырихынырщ. Андемыркъан и адэ-анэм, кыщальхуа шІыпІэм шыгүауэзэ дызыщІ Іыхэхэр дэггэхуауэ, ауэ бгэ абгүэм кыщаггүэтауэ дызыщрихэллэ хыбар зыбжанэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10; Ф. 12. Оп. 1. П. 21-з. П. 2] шІлэхэщи, ахэри мы кьэІуэтэкІэм и лэужьыгүэу жыпІэ хунуш.

Зэдггэпша шапхэхэм кызэраггэлггэуащи, япэ хыбарым Андемыркъан мэзым кыщальхуауэ, и адэр мэзыллу, мыдрейхэм – хы Іуфэм шыпсэу пелуан лэпкыым кьахэкІауэ кыхош; хэкум кызэрихыа шІыкІэм и гуггүу пщІымэ, япэ, ещанэ хыбархэм – бгэм кьрехэ, етІуанэм – пхуантэм дэсу псым кьех. Мотивхэм адэкІэ яггүэт зэхуэкІыныггэ нэхыщхэхэм ящыщ зыщ кІуэ пэтми ахэр гьащІэм и пэжым нэхэ пэблаггэ зэрыхур. Псалэм папщІэ, Ащхуэт ЦІыкІу (1890 гь./кь.) кыІуэтэжа хыбарым [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 3], япэрейхэм хуэдэу, Андемыркъан тенджыз тІуащІэми кыщальхуркыым, и адэри икІи мэзылкыым, икІи пелуанкыым, атІэ кызэрыгүэкІ цыхуш, а шытыкІэми абы и дуней кытехэкІэр пэжым нэхэ пэггунэггүу ещІ. Апхуэдэу шыт пэтми, пасэрей ІуэрыІуатэм и лыхужьыр зэрыхиІэтыкІ художественнэ Іэмалхэр мыбыи шыхумаш: ар мы шІыналггэм кыщальхуауэ хыбарым кыхэщ пэтми, и лăкьуэр зэкІуэллэж Хьурыфэлъейр хьэрыным я деж кыкІауэ кьэггэлггэуащ (пасэрей гупсысэм кыггэщІа «хы шІыб (псы адрыщІ, тенджыз тІуащІэ) дунейр» хамэ хэкукІэ зэдзекІа хуащ). Абы кыдэкІуэу, нэхэпэу кьэунэхуа кьэІуэтэкІэхэм Андемыркъан и лăкьуэр миф псэушхэм (мэзыллым) е пелуанаггэ зыбггэдэллэ лэпкыым пыщІауэ, е мыгурыІуэггүэххэу шытмэ, мыбдежым хыбары хущІоккүу гьащІэм и пэжым нэхэ еггэщІылауэ ар наІуэ кызэрищІыным. Абы кызэрыщыжыІамкІэ, Хьурыфэлъейм и кьуэр Умарщ, абы и кьуэр Кьазийщ. Кьазийм кьуиш иІащ, ХьэтІохушыкьуэ, Мысост, Кьетыкьуэ жалэу. Кьетыкьуэм и кьуэщ Елмырзэ. Елмырзэ Кьэбардэхэ япхуу Елмэс-Гуащей жыхуаІэр кышэри, мис абыхэм кьалхужащ Андемыркъаныр. Мыбдежым гу лыгтапхэщ Елмырзэ и образы кызэрыггэлггэуаами. Мы лыхужьым и адэу ипэрей вариантхэм кыхэщхэм мыр хуэдэккыым, ауэ еггэлеяуэ пхашаггэ бггэдэллэщ, абы папщІэклі Елмэс-Гуащейр мыарзэуэ абы кыдокІуэ, сабий кьащІэхуэу хужыІуэмэ, хуимыпІыну псалгэ етри. Мы Іуэхуггүэр пэггунэггүуш нарт Хымыш и псалгэр зэримыггэпэжам кыхэкІуу, и шхээггүсэ испыпхур икІыжу кьащІэхуа

сабийр (Батрээ) ипЫжын зэримыдар, иужькИ пхуантэм дальхэу псым зэрытраутЫпщхэр [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 2]. Ащхуэтым кыжиІэжа хыбарым дежи араши, сюжетым зэрыиужьыр мы кэІуэтэкІэм хуокІуэж: ашык ирагэщІ, Андемыркъан дагэтЫсхэри тенджызым хадзэ; мыдэкІэ тенджыз Іуфэм Іут физхэм кьагъуэт, Шормэнхэ я гуашэм кьештэри Къаниболэтым депІ.

Зэрынэрылгагъуши, Ащхуэт ЦыкІу кьІуэтэжа хыбарым нэхъ пасэу ІуэрыІуатэм шызэпкьрыува пкыгъуэхэмрэ нэхъ иужьыІуэкІэ кьэунэхуа, гъашІэм и пэжым пэлытаэхэмрэ шызэхэхуэнащ. А шытыкІэ дьдэр дыдолгагъу Къазмакь Къасым (1871 гь./кь.) кыжиІэжами [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 5]. Мыбдежым гу лъумытэу кьанэркьым нарт эпосым, псом хуэмыдэу, Батрээ, Ашэмэз, Бэдынокъуэ сым я цикІхэм, зыщызужъа Іуэхугъуэхэм яжь Андемыркъан и дуней кьытехэкІэм, сабиигъуэм кьазэрыщІхуам. ИщхэкІэ кьыщыжытІащ, Бэдынокъуэ ныбэ иІу и гы макъыр Сосрыкъуэ зэхиха нэужь, а сабийр дунейм кьытехэмэ, нартхэм я кІуэдыжыгъуэр абы кыкІыну ягъэІуу щІалэ цыкІур зэрыхыфІадзар. Апхуэдэуи дышыгъуазэщ Батрэзи Ашэмэзи зэрыхэпха выфэр зэпачу, пхэм я нэхъ быдэм кыхэщІыкІа гушэр якъутэу зекІуэн зэрыщІадзэми. А шытыкІэ дьдэхэми Къасым кьІуэтэжами дышыхуозэ: Кьэбэрдейр зэхуосри унафэ ящІ, зэІэщІэкІуэдэжынур ящыщ зыгуэрым кьильхуну зэрыхуагъэфашэм кыхэкІы, мыбэлэрыгъынхэу, ар яукІын хуейуэ. Абы хэту, Алхъо и кьуэм щІалэ цыкІу (Андемыркъан) кыхуалху. Ар гушэм хепхэри и анэр псыхэ макІуэ. Сабийм гушэпсыр зэпиударэ гушэм итЫсхэуэ джэгуу гушэр кьрохьэлэж. Илэгъуар шыжриІэм, пшыр гузэвэгъуэм хохуэ, жыхуаІар дунейм кьытехэуэ шэч ещІри. ВытІошыщІэкІэ аргуэру хапхэжри, ари шызэпиудым, шошынэхэри, мэзым яхэри хыфІадзэ. Шормэнхэ я лЫжь Андемыр мэз кІуауэ кьегъуэтри епІ.

Андемыркъан дунейм кьызэрытехэа сюжетым и зыужьыкІэм и кыкІэлъыкІуэ «лэбакъуэщ» ищхэкІэ зи гугъу тщІа псом я пІэкІэ, ар, Кьэзанокъуэ Жэбагыи хуэдэу, нэчыхыншэу кьалхуауэ хыбархэм кьызэрыхыхэр. Мыпхуэдэ дуней кьытехэкІэм телъыджей, лЫхужь псысэхэм зыужьыныгъэшхуэ шагъуэтауэ жыпІэ хьунуш, езыри нэхыбэу АТ 315 сюжетым епхаш: лЫхужьым цЫхубзым унафэ хуешІ, хэщІэщым щІэмыхэну (машэм имыплъэну, н.), езыр зекІуэ йожьэ; унафэр имыгъэзашІуэ цЫхубзыр хэщІэщым щІохьэ (машэм йоплэ, н.), иныжь (благъуэ, мэзыл) щІэсу (ису) кьыщІокІри, абы щхьэгъусэ хуохъу; зэман докІри, щІалэ цыкІу кьащІохъуэ; ар лЫхужьым шабзыщІын мурадкІэ, яхэри гъуэгушхьибл шызэблэкІым тралхьэ (жыг дыкьуакъуэм дальхэ); лЫхужьыр кьышыкІуэжкІэ, абы ирохьэлэ, кьехь, ирегъэпІри, кьару зэрамыщІэж, лыгъэшхуэ зыбгъэдэль, зыри зыпэмылгъэщ лЫ нэс кьощІыкІ. Апхуэдэхэщ, псалгэм папщІэ, «Был-Былакь и Іуэхур кьызэрекІуэкІар» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 6-а. П. 12], «Нарт Пэтэрэз и кьуэ Пакъэжь и хыбар» псысэхэр [Нарты. Адыгский эпос 2017: 279–291], н.

Зэрынэрылгагъуши, сюжетым дыщрохьэлІэ телъыджей псысэхэм я ухуэкІар зьджа В.Я. Пропп кыыхигъэшхэхукаІуэ шыта пкыгъуитІым: 1) лЫхужьым илэжь мыхьунумкІэ зыхуагъазэ (запрет – б); 2) а унафэр кьута мэхуэ (нарушение запрета – в) [Пропп 1969: 30–31]. ПкыгъуитІри, я кэІуэтэкІэ елытауэ, куэду зэтопщІыкІыж. Андемыркъан ехэлІа хыбарым деж япэ пкыгъуэм и лъабжьэщ лъэпкьым хэлъа хабзэ лІэужьыгъуитІ: нэчыхыншэу зэдэпсэуным нэхъ емыкІу шымыІуэ кьалгыгэрт, апхуэдэ дьдэу пшы-уэркьхэм щхьэгъусэу кыыхахын хуейри езыхэм кьахуэдэн хуейт. Хыбарым кьызэриІуатэмкІэ, а хабзэхэр кьута мэхуэ: Андемыркъан и адэр пшыщ, унэІутым щІасэ хуохъу. Псысэм кьызэрыхэщым хуэдэу, ар щІахьумэн мурадкІэ, сабийр хыфІадзэ: Андемыр кьызэрыкІуэжыну гъуэгуи и Іуфэм шагэтІыль [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 6], жыг зэхуакум дальхэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9; Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 4; Ф. 12. Оп. 1. П. 21-ж. П. 13], псыхуэуэм кьыданэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12.

Оп. 1. П. 21-и. П. 10], Андемыр кІэщІадзэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 23], н. Андемыр къештэри епІ.

ІуэрыІуатэм и лыхъужьым мыпхуэдэ нэшэнэхэр бгъэдэлъыным и художественнэ мыхъэнэм ищхъэкІэ Къэзанокъуэ Жэбагъы дыщытепсэлъыхьым и гугъу тщІащ, ауэ псалъэ зыбжанэкІэ кытедгъээзжынщи, мыбдежми хыдолъагъуэ А.П. Скафтымовым жыхуиІа Іуэхугъуэр: нэчыхыншэу пщымрэ унэІутымрэ къащІэхъуа сабийм тоукІыгытыхэр, фэ лъэпкъ ираплъыркъым, зыкІи шыгугъхэркъым, ауэ къаруушхуэ, лыгъэшхуэ зыбгъэдэлъ лыхъужь мэхъу.

А къалэн дыдэр игъэзашІэ пэтми, иужьрейуэ мотивым игъуэт къэІуэтэкІэхэм миф гупсысэхэр зи лъабжьэу пасэрей ІуэрыІуатэм щызэтеува Іуэхугъуэхэр зыри хэтлгъэгъужьыркъым. Уеблэмэ, езы хыбархэми яхэтщ, ахэр псори «пщІыуэ» мы лыхъужьым зэрыкІэралъхъар кызыхэщи. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, Тумэ Гъур кыбжиІэжауэ шытар:

«Андемыркъаны и къэхъукІар лІэужьыгъуэ куэду жаІэ. Хэт Андемыркъан бгъэм кыхъауэ желэ, хэти пхуантэм далъхъэу псым хадзэу къырагъэхъауэ жаІэ. Ахэр псори пщІыщ. Андемыркъан къэзылхуар Ахълохэщ, я унэІутым кыльхуауэ. Ахъло и къуэжьым и фызыр лхуэтэкъым, физь мылхуэт. Я унэІутыр ягъэлъэщыджэжри укІытэжащ: «Я унэІут ягъэлъэщыджэжри», – жаІэнц жаІэри. Ахъло и къуэжьым и физь мылхуэ жьы хужам и ныбэм цхъэнтэ щырагъэпхащ, лъэщыджэ хуащ жаІэри. АндемыркъанкІэ зэджэу цІэрыІуэ хъуным и къэлхугъуэмрэ физьым и цхъэнтэ зэдзэкІыгъуэмрэ зы ящІри щІалэ цІыкІур Ахъло и физьым кыльхуауэ ягъэІуащ. <...> А зманым хабзэт нэхъ зыхэзыІэтыкІэхэм къалъхуа я быныр езым ямыпІыжу нэгъуэщІымы къану иратрэ ирагъэпІу. ЩІалэ цІыкІу къалъхуагъащІэр Шормэн Андемыр къану ихъащ, Андемыркъан цІэуэ щІыфІащарикІ аращ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 18].

Зэрынэрылгъагъуащ, мы шапхъэм кызырэхэщымкІэ, Андемыркъан Альхъо пщы цІэрыІуэм и къуэщ, ар бгъэми кыхыыркъым, пхуантэм дэсу (ашыкым ису) псыми кърихъэхыркъым, атІэ хабзэм тету Андемыр къану иратри ирагъэпІ.

НаІуэ кызырэхъуащ, телъыджагъэ хэлъу лыхъужьыр дунейм кытехъэныр зи лъабжьэ пасэрей мотивым Андемыркъан и циклым деж мыпхуэдэ пкъыгъуэхэр кыхош, мы зэрызэкІэлъыхъам тету зэхъуэкІыныгъи ягъуэт: 1. Адэ-анэр хэтми кызыщыІуэта пкъыгъуэм: а) мэзылщ; б) пелуанищ; в) кызырэгъуэкІ цІыхуащ, ауэ егъэлей пхъашагъ бгъэдэлъщ; г) пщымрэ унэІутымрэ къащІохуэ. 2. Къыщалъхуа щІыпІэр кызыхэщ Іыхъэм: а) мэзым (бгъуэниІагъым); б) хы Іуфэм (тенджыз тІуащІэм); в) хамэ щІыналгъэм; г) Къэбэрдейм. 3. Хэкум кызырэхъэ щІыкІэм тепсэлъыхъ Іыхъэм: а) бгъэм къэхъ; б) пхуантэм дэсу псым кърехъэх; в) гъуэгу Іуфэм къытранэ (жыг дыкыуакъуэм далъхъэ); г) Андемыр кІэщІадзэ; д) къану яхъ.

Сюжетым и ухуэкІэмрэ кІуэ пэтми иІэ хъуа къэІуэтэкІэмрэ (пасэрейм кыщцежъэу гъащІэм и пэжым пэблагъэ зэрыхъур) мы схемэм къегъэлагъуэ:

$$1_{\text{а}} 2_{\text{а}} 3_{\text{а}} \rightarrow 1_{\text{б}} 2_{\text{б}} 3_{\text{б}} \rightarrow 1_{\text{в}} 2_{\text{в}} 3_{\text{в}} \rightarrow 1_{\text{г}} 2_{\text{г}} 3_{\text{г}} \rightarrow 1_{\text{г}} 2_{\text{г}} 3_{\text{г}} (1_{\text{г}} 2_{\text{г}} 3_{\text{г}}) \rightarrow 1_{\text{г}} 2_{\text{г}} 3_{\text{г}}$$

ЕдгъэкІуэкІа лэжыбгъэмкІэ дэ ди мурадакъым Андемыркъан и дуней кытехъэкІам и пэжыпІэр дубзыхуну. Къалэн нэхыщхъэу зыщытщІыжарати, зэрытхузэфІэкІкІэ, а Іуэхугъуэм теухуауэ ІуэрыІуатэм щыхъумар белджылы къэтщІащ. Гулгытэ лей зыхуэтщІахэм ящыщ телъыджагъэ хэлъу лыхъужьыр дунейм кытехъэныр Андемыркъан и уэрэдым, и хыбархэм кызырэхыхъа щІыкІэр, и лІэужьыгъуэхэр, зэрызиужьар, зэрызихуэжар, игъэзашІэ художественнэ мыхъэнэр убзыхуныр. Къэтхъа шапхъэхэм кызырагъэлъэгъуамкІэ, мы циклыр зэфІэуващ, ІуэрыІуатэм и адреи пкъыгъуэхэм (жанрхэм) пыщІарэ абыхэм ябгъэдэлъ нэшэнэхэр зыщІишэу. Ауэ абы кыкІыркъым дэтхэнэ зы Іуэхугъуэри зэрыщыт дыдэу мыбы кыыхыауэ: нэрылгъагъу кызырэхъуащ,

пасэрей ІуэрыІуатэм куэдыр хьэзыру «кыІэпиха» пэтми, езы циклыр зыхуубыдэ тхыдэр зи лъабжэ эпосым и хабзэхэм нэхьыбэр кьегьээгъащ. Абы и шапхэ гьуээдждэщ дызытепсэлъыха мотивым, зэман жьжьэм шыІа гупсысэхэр зи лъабжэу кьэунэхуам, цыхум и кьэухым, и дуней еплъыкІэм зиужьыху, гьащІэм и пэжым пэгьунэгьу кьэІуэтэкІэ зэригьуэтыр, кьигьэщІа образыр зэригьафІэ, зэригьэльапІэ Іэмалу ар «Іэрыхуэу», екІуэкІ лъэхьэнэм пэджэжу циклым кьызэригьэсэбэпыфыр.

ТегьэщІапІэ хьуа литературэр

1. Адыгэ таурыхьхэр. Тельыджей таурыхьхэр / зэхэз. Тхьэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыхуагьэхьэзыр къудамэ, 2018. 2 т. Н. 592.
2. Адыгэ ІуэрыІуатэхэр. ТомитІу / зэхэз. КьардэнгьущІ З.П. Налшык: Кьэбэрдей-Балькьэр тхыль тедзапІэ, 1969. 2 т. Н. 286.
3. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
4. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
5. Бухуров М.Ф. Типология сюжетов о богатыре Татаршао в адыгском эпосе // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященной 75-летию председателя ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», доктора технических наук, профессора П.М. Иванова. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2017. С. 210–213.
6. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
7. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 219 с.
8. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 651 с.
9. Налоев З.М. Жабаги Казаноко – исторический и фольклорный // Сказания о Жабаги Казаноко / сост., подг. текстов к печ., ком. и прилож. З.М. Налоева, А.М. Гутова; вст. ст. З.М. Налоева. Нальчик: Изд-ский центр «Эль-Фа», 2001. С. 6–39.
10. Нартхэр. Адыгэ эпос. Томиблү / зэхэз. ХьэдэгьэлІэ Аскэр. Мыекьуапэ: Адыгэ научнэ-исследовательскэ институт, 1970а. 3 т. Н. 355.
11. Нартхэр. Адыгэ эпос. Томиблү / зэхэз. ХьэдэгьэлІэ Аскэр. Мыекьуапэ: Адыгэ научнэ-исследовательскэ институт, 1970б. 4 т. Н. 311.
12. Нартхэр. Адыгэ эпос. Томиблү / зэхэз. ХьэдэгьэлІэ Аскэр. Мыекьуапэ: Адыгэ научнэ-исследовательскэ институт, 1970в. 5 т. Н. 336.
13. Нарты. Адыгский эпос. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 2 т. 468 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbgi.ru/fimedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.-%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (Дата обращения: 12.09.2018).
14. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.
15. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 366 с.
16. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: «Наука», 1969. 168 с.
17. Сказания о Жабаги Казаноко / сост., подг. текстов к печ., ком. и прилож. З.М. Налоева, А.М. Гутова; вст. ст. З.М. Налоева. Нальчик: Изд-ский центр «Эль-Фа», 2001. 331 с.
18. Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов: «Саратовское книжное издательство», 1958. 392 с.
19. Тхамокова Ж.Г. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгэ таурыхьхэр. Тельыджей таурыхьхэр / зэхэз. Тхьэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыхуагьэхьэзыр къудамэ, 2018. 2 т. Н. 553–588.
20. ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

21. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. В 2-х томах / общ. ред. А.М. Гугова. Нальчик: «Эльбрус», 1979. Т. 1. 404 с.

22. *Eberhard W., Boratav P.N.* Typen Turkischer Volksmarchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH, 1953. 506 s.

23. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

МОТИВ ЧУДЕСНОГО РОЖДЕНИЯ В ЦИКЛЕ ОБ АНДЕМИРКАНЕ

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

Бухурова Камила Мухамедовна, студентка 3 курса направления «Филология. Кабардино-Черкесский язык и литература» Социально-гуманитарного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (КБГУ), mbf72@mail.ru

Мотив чудесного рождения героя относится к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Как известно, он неоднократно становился предметом специального исследования отечественных и зарубежных ученых. Однако в адыгской фольклористике данный мотив более всего привлекал внимание в связи с изучением нартского эпоса, волшебной и богатырской сказок. Между тем, он достаточно широко представлен и в так называемом младшем эпосе. Этим обстоятельством обусловлена актуальность темы настоящей работы. В статье ставится задача рассмотреть проблемы генезиса, эволюции и трансформации обозначенного явления в историко-героическом эпосе адыгов на материале цикла об Андемиркане. В связи с этим, автор приводит все известные в песне и сказаниях об этом герое формы реализации мотива, при этом устанавливая их мифологические истоки, пути эволюции архаических элементов в эстетическую систему цикла, а также принципы отражения в них действительности. Особо обращается внимание на место мотива чудесного рождения в обшей сюжетной структуре, на его роль в композиции и создании единого повествовательного произведения.

Ключевые слова: фольклор, историко-героический эпос, Андемиркан, сказка, предание, богатырь.

MOTIVE OF A MIRACULOUS BIRTH IN THE CYCLE ABOUT ANDEMIRKAN

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

Bukhurova Kamila Mukhamedovna, 3rd year student of the direction «Philology. Kabardino-Circassian language and literature» Social and Humanitarian Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov» (KBSU), mbf72@mail.ru

The motive of the miraculous birth of a hero is one of the most common in world folklore. As is known, it repeatedly became the subject of a special study of domestic and foreign scientists. However, in Adyghe folklore, this motive attracted attention most of all in connection with the study of the Nart epic, fairy tales and heroes. Meanwhile, it is quite widely represented in the so-called minor epos. This circumstance determines the relevance of the topic of this work. The task of the article is to consider the problems of genesis, evolution and transformation of the designated phenomenon in the historical and heroic epic of the Circassians on the material of the cycle about Andemirkan. In this regard, the author cites all forms of realization of the motive known in the song and legends about this hero, while establishing their mythological sources,

the ways of the evolution of archaic elements into the aesthetic system of the cycle, as well as the principles of reflecting reality in them. Particular attention is paid to the place of the motive of a miraculous birth in the overall plot structure, to its role in composition and the creation of a single narrative work.

Keywords: folklore, historical and heroic epic, Andemirkan, fairy tale, legend, hero.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-194-206

ВОПЛОЩЕНИЕ ТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБРАЗЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов юмора и сатиры в карачаево-балкарском фольклоре на основе юмористических рассказов о Ходже Насреддине. Эти сатирические тексты занимают особую нишу в культуре народов Востока и в определенных вариациях представлены в фольклоре карачаевцев и балкарцев. Несмотря на наличие трудов, касающихся общих вопросов изучения этого жанра, некоторые проблемы все еще остаются нерешенными. В настоящее время эта тема приобретает все большую актуальность, намечая параллели между исследованиями разных народов, привносящих свои национальные особенности в интерпретацию историй анекдотического характера.

В работе акцентируется внимание на взглядах разных ученых: одни из них определяют место и время рождения Ходжи Насреддина, у других эти рассказы трактуются двояко (высмеивается авторитет власти, или же выделяются социальные, гендерные стереотипы), третьи рассматривают юмористические произведения такого рода через призму теории несоответствия.

В статье проводится анализ некоторых анекдотических рассказов, в процессе которого выявляется двойственность и противоречивость образа Ходжи Насреддина. В заключении делается вывод о том, что сатирические рассказы о Насреддине нашли соответствующее отражение в культуре не только карачаевцев и балкарцев, но и многих других народов Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока и Южной Европы.

Ключевые слова: анекдот, сатира, юмор, ирония, сарказм, Хожа Насреддин, образ, мудрость.

В процессе социального и культурного развития общества фольклорное наследие разных народов обогащалось сказками, легендами, притчами, а также наряду с ними как отдельный жанр устного народного творчества создавались сатирические и юмористические рассказы. В советское время гуманитарные дисциплины развивались автономно от интернационального сообщества, поэтому изучение вопросов юмора и сатиры в сопоставлении с наработками исследователей других этносов на сегодняшний день стало актуальным.

В карачаево-балкарском устном народном творчестве, так же как и в фольклоре других народов, для обозначения сатирических и юмористических рассказов употребляют термин «анекдот». Эти произведения «были и остаются одним из самых точных маркеров отношения людей к окружающей действительности» [Коняев и др. 2016: 42], зарождаясь в процессе жизнедеятельности людей, «основываются на достоверных фактах, при этом воспринимаются как вымысел» [Гергокова 2017: 102]. Очевидно, что подобные фольклорные тексты широко охватывают почти все сферы деятельности человека и содержат в себе философскую мудрость народа: «его морально-этические и эстетические понятия и нормы, раскрывают своеобразие его менталитета» [Гулиева (Занукоева) 2015: 55], отражают

в национальном колорите «жизненный и исторический опыт этноса в его эстетическом преломлении» [Сарбашева 2015: 58].

Тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, что у отдельных ученых эти рассказы вызывают двойное чувство. Одни исследователи отмечают, что «с одной стороны, анекдот выполняет субверсивную функцию, высмеивая авторитеты, власти, пародируя официальные культурные коды, с другой стороны, в образцах этого жанра закрепляются и передаются стереотипы – социальные, гендерные и не в последнюю очередь национальные [Коняев и др. 2016: 42], наряду с ними бытуют также анекдоты о семейной жизни, о религиозных деятелях и т.д.

Несомненно, жанр сатиры сложный и интересный для изучения, но в данной статье особое внимание уделяется анекдотам о Ходже Насреддине. В анекдотах образ этого поистине национального героя изображается как многогранная личность, бичующая иронию которого, «направлена против лжи, лицемерия, жадности, невежества» [ОИКБЛ 1981: 28]. В образе остролова собраны черты сатирических героев многих народов, и любой из них приписывает мудреца-острослова к своим соплеменникам. У каждого этноса его имя звучит по-разному (варьирует согласно канонам их языка): «... у турок – Ходжа Насреддин и Бу Адам»; у таджиков и узбеков – Афанди и Насреддин Ходжа, у иранцев – Мулла» [Анекдоты о Ходже Насреддине 1997: 3], у карачаево-балкарцев Хожа, Хожа Насреддином, Насра Хожа, Мулла, Эфенди и т.д. Народ сделал героя-сатирика «современником различных исторических деятелей: Тимура и Баязида I, сельджукского султана Алаэдина. Хаджа Насреддин в истории фольклора Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии слился с образами национальных поэтов-сатириков. Например, в Туркмении все анекдоты связаны с именем Кемине, в Таджикистане с поэтом Мушфики» [Бирюков 2015: 13]. «В адыгских анекдотах лексема *ходжа* (*хъуаджэ*), которая в переводе с персидского означает «господин», т.е. название титула мусульманина, подверглась семантической трансформации, в результате чего она стала означать собственное имя героя – Ходжа. А у некоторых народов, например у абхазов, в данном цикле наблюдается собственное имя Шардын. Полагаем, что данное имя появилось в более позднее время в результате фонетической трансформации имени Насреддин» [Анчек 2015: 106].

Рассказы об этом персонаже носят в основном социально-бытовой характер. Во времена, когда не было возможностей и условий для критики правящей власти и фальшивых религиозных деятелей, народ свой гнев выражал через сатиру, которая была довольно результативной. Люди нуждались в защитнике, и народ, руководствуясь воззрениями жизненного правдоподобия, создал для себя сатирического героя – Ходжу Насреддина, дав ему орудие, которым стал смех: сарказм, сатира, юмор. Важно отметить, что в карачаево-балкарский фольклор образ «Насра Хожи» (таков вариант его имени) заимствован из восточного юмора. Этот персонаж, трансформировавшись в анекдоты данного этноса, обрел его национальный колорит и предстал перед читателем, не как историческая личность, что пытаются внушить многие исследователи, а как художественный персонаж, рассказы о котором повествуются и в настоящее время.

Анекдоты о Насреддине в карачаево-балкарском фольклоре, сопоставив с наличествующими рассказами на Востоке, делятся «на: 1) произведения заимствованные в чистом виде или с незначительными изменениями ввиду их соответствия их менталитету, образу жизни; 2) произведения заимствованные с поправкой на местную действительность; 3) произведения исконные» (имеющие прообразов, но причисляемые к циклу Ходжи Насреддина, в связи с утратой имен персонажей)» [Гулиева (Занукова) 2015: 56]. Ссылаясь на то, что сложно провести по данному принципу полную классификацию анекдотических рассказов, целесообразно принять классификацию предложенную Ф.А. Алиевой [Традиционный фольклор народов Дагестана 1991: 349], которая делит их на социальные и семейно-бытовые, что применимо и к карачаево-балкарским анекдотам.

У восточных народов изучению образа Ходжи Насреддина посвящено много научных работ: о времени и месте его рождения, о роде деятельности, о реальности существования. Стоит отметить, что на сегодняшний день не существует сведений или документов, подтверждающих ответов на эти вопросы.

Обращаясь к опыту соседних народов, хочется обратить внимание, что высокую оценку мудрецу дал известный азербайджанский писатель Джалил Мамедкулизаде, основавший в 1906 году в Тифлисе сатирический журнал «Молла Насреддин», в котором от имени этого фольклорного персонажа выражалось народное негодование, а также идеи революции. Журнал пользовался большим успехом, так как в нем поднимались проблемы, касающиеся простых людей. Весомый вклад в кумыкскую драматургию внес актер Магамед Курбанов, который в 1939 г. на сцене Кумыкского театра поставил пьесу «Молла Насретдин», посвященный тому же популярному у народов «Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Ирана, Турции, Крыма и Балканского полуострова Молла Насретдину» [Абдуллатипов 2013: 163–164]. Артистами на сцене проигрывались сюжеты из рассказов о знаменитом мудреце. 1978 год был ознаменован выходом книги «Двадцать три Насреддина» [Двадцать три Насреддина 1978] записанным М.С. Харитоновым у двадцати трех народов. Автор отмечает, что «сборник не может претендовать на исчерпывающую полноту. Дело даже не в ограниченных возможностях отдельного составителя, а в том, что Насреддин – до сих пор живой и развивающийся герой. У разных народов ему продолжают приписывать все новые шутки, проделки, истории» [Двадцать три Насреддина 1978: 11]. В 1985 году в Москве был издан сборник «Абазинские народные сказки» [АНС 1985], куда также вошли сатирические рассказы о Насреддине.

Впервые в карачаево-балкарской фольклористике анекдоты о Ходже Насреддине появились в сборнике сатирических рассказов 1973 г. «Салам алейкум» – «Здравствуйте» [Салам алейкум 1973]. Вместе с юмористическими произведениями об этом герое в книге собрано много анекдотических рассказов, которые были переведены на карачаево-балкарский язык из других источников. Составителем сборника является Кадиев Х.Х., который издал книгу под псевдонимом «Хабиб».

В 1981 году под редакцией Холаева А.З. и Ахматова И.Х. вышел в свет полный сборник анекдотов о Ходже Насреддине «Хожа» [«Хожа» 1981] на карачаево-балкарском языке. Авторы книги в предисловии отмечают солидарность с сомнениями других ученых о времени проживания Муллы. Участвуя во всеобщей полемике, они обращают внимание читателей на разные суждения исследователей, которые утверждают, что Ходжа жил в VI веке, так как рассказы о нем были известны и в те времена. Другие опираются на книги, изданные в Турции, которые говорят о том, что герой-острослов жил в XII веке. По их словам «первые анекдоты о Ходже Насреддине были записаны в Турции в книге под названием «Салтукнамэ» (Saltukname) (1480 г.) «Хожа» [«Хожа» 1981: 6]. Однако «традиционно принято считать, что Ходжа Насреддин родился в 605 г. Хиджры (1208 г.) в селении Хорту (Hortu) близ города Эскишехир, а умер в 683 г. Хиджры (1284 г.) в городе Акшехир (Турция) [Сухарев: электронный ресурс]. В итоге же большинство исследователей, ссылаясь на разные документы, остановились во мнении, что временем начала бытования этих рассказов является XIII век.

Сборник рассказов о Ходже Насреддине под названием «Насра Хожаны хапарлары» – «Рассказы о Насреддине» [Насра Хожаны хапарлары 1987] в 1987 г. собрал и издал известный карачаевский поэт Уртенев Азрет. Известно, что изначально у составителя было более 300 текстов, но после тщательной вычитки каждого текста и выборки, в сборник вошли около 200 самых значимых из них.

Исходя из выше перечисленного, Ходжа Насреддин – выходец из восточной сатиры, прижился в устном творчестве карачаево-балкарского этноса, как вечно неунывающий человек, обладающий такими качествами характера, как

обходительность, доброжелательность. Он – весельчак, великий выдумщик, леже, обманщик и в то же время мудрец и философ. Важно также отметить, что у этого персонажа у карачаевцев и балкарцев были реальные прототипы, которые после заимствования персонажа, были приписаны циклу рассказов о Ходже.

Юмор Ходжи Насреддина в каждом народе воспринимался легко, но по-разному, поэтому и образ самого героя, обладающего типическими качествами нравственно-психологического ядра народа, в системе мужских персонажей юмористических рассказов трактуется многозначно. В результате развития культуры и традиций любого этноса, национальный характер видоизменяется: теряет или приобретает некоторые качества, формируя свою индивидуальность, что и происходит с данным персонажем. Следовательно, Насреддин, вобрав в себя разные качества национальных героев, предстает перед читателем как один из сложных характеров, и масштаб данного образа определяется в его взаимоотношениях с другими персонажами. Некоторые исследователи по этому поводу пишут, «что невозможно целому народу дать какую-то безразличную, добродетельную маску, унифицировать его под единый и неизменный тип. ...Как пороки, так и добродетели всякого народа – результат его исторического развития» [Холодкова, 2009: 7]. Продолжая мысль, хочется отметить суждения ученых о том, что «образ Насреддина как бы распадался на две мало совместимые ипостаси» [Суматохина 2018: 17] с противоположными свойствами: защитник бедных и угнетенных или мошенник, обманщик, шут. Среди первых качеств, важно выделить: религиозность, душевность (духовность), правдолюбие, смирение, совестливость, свободолюбие, простоту. Эти черты характера Насреддина являются залогом этики, единства народа, сформировавшиеся под воздействием исламской религии. Существуют также качества-антиподы: порочность, жадность, лживость, хитрость.

То есть, Ходжа – бессмертный мудрец, смеющийся над человеческой глупостью, жадностью, или же по воле окружающих, сам оказывающийся в глупом положении. Выставляя себя на посмешище, он в любой ситуации стойко переносит все насмешки и сарказм людей, направленные на него, превращая их в смех с помощью сообразительности и острого языка, что прослеживается во всех анекдотических рассказах о нем.

Образ Насреддина с первых же строк анекдотов проявляется, как невзыскательный человек умеющий позабавить и повеселить односельчан, бесхитростно посмеиваясь над окружающими. Анализируя персонаж остролова, некоторые исследователи называют его смешным чудачком, обладающим народной мудростью. В нем «воплотилось нереализованное желание народа мгновенно и остроумно отреагировать на обман, унижение, деспотизм власти, посмеяться над жадностью, глупостью, невежеством как власть предержавших, так и над собственными недостатками» [Куприянов 2012: 48]. Герой анекдотов, несмотря на его причудливую роль, довольно естественен и олицетворяет собой нравственные принципы, общественное желание справедливости. В его шутках можно увидеть содержание глубокого смысла. Постепенно, раскрывая типаж Ходжи, можно заметить, что он приобретает обобщенные черты присущие народу носителю: неприхотливость и умеренность.

Еще одной чертой характера Насра Ходжи является шутовство или плутовство, что подтверждают множество анекдотов из сборников. Ходжу окружающие считают глупцом или даже дурачком, но, по мнению некоторых исследователей, это «предприимчивый, беспринципный человек; продукт окружающего враждебного мира, вынужденный приспособляться к обстоятельствам» [Бушуева Электронный ресурс: 148]. То есть, облачившись в облик слабоумного, Насреддин обеспечивает свою безопасность. Подобных анекдотов в карачаево-балкарском фольклоре про Ходжу и правителя Тимура довольно много. Народ создал в образе Насреддина бесстрашного обличителя правящих классов, сделав его не только героем, но и

глупцом одновременно. Так как только глупцам можно было безнаказанно высказывать дерзости в адрес правителей. Это наблюдается в анекдоте, который мы не раз слышали от старшего поколения, как Ходжа оценил хана на полтора рубля. И то на эти деньги он, оказывается, оценил его пояс. Хан же услышав это, из уст остроумца просто рассмеялся.

В исследуемых анекдотах люди, являющиеся объектом смеха, предстают перед нами безнравственными личностями, которых общество путем осмеяния пыталось пристыдить и лишить вредных привычек. Мы согласны с Алиевой З.З., что и сатирические произведения о Насреддине полны «горькой иронии, в них хорошо сочетается веселый смех и подлинная грусть о человеке» [Алиева 1986: 72]. Благодаря насмешкам Ходжи и способности пристыдить, простые люди могли открывать истинное лицо правящей аристократии, духовных деятелей.

Анекдоты о Ходже, где наряду с правящим классом злейшими врагами народа выступают муллы и эфенди, изобилуют в карачаево-балкарском фольклоре. Они «базируются на сюжетах о Насреддине и аморальном поведении религиозных служителей, всегда оказывающихся в трагикомической ситуации» [Малкондуев ОИБЛ 2015: 13], вызывая негатив, ненависть, враждебное отношение к двуличным муллам. Например, в тексте «Эфендини дуалары бла дарманлары» – «Заклинания и лекарства муллы» [Хожа 1981: 25–26] повествуется о том, как Насра Ходжа, встретив, муллу на кладбище, насмеялся над лживым эфенди и порочил его невинными на первый взгляд действиями. Он обвинял его в смерти большей части людей, которые там похоронены, и иронизировал: «Я обрадую народ, что мулла осознал свою вину и оставил свои лживые заклинания и лекарства, от которых погибли люди».

Из вышеизложенного очевидно, что жизнерадостный, неустрашимый Ходжа, предстал перед читателем полным сил и энергии. Он, срывая маску с лживого муллы, использовал не только иронию и смекалку, но также сарказм и язвительность. В этом рассказе «герой наделяется находчивостью и изобретательностью, а его противник низводится до уровня глупца, делающего все невпопад и оказывающегося одураченным» [АНС 1985: 11].

Иногда действия в бытующих в карачаево-балкарском социуме анекдотах, противоречат традиционным нормам поведения, то есть, как верно отметил Мельников С.С. в основе этих произведений «лежит противоречие» [Мельников 2015: 213–217]. В таких сатирических рассказах действия главного героя воспринимаются читателями как неверные поступки, но в то же время являются забавными и смешными, что дает возможность изучать их в свете теории несоответствия.

Подобное наблюдается, в анекдотическом рассказе «Киштик» – «Кот» [Хожа 1981: 132], где рассказывается о том, как Насра Ходжа из рынка два дня подряд приносил арбуз, который к вечеру заканчивался. А жена ссылаясь на то, что его съел кот. На третий день Ходжа спрятал свой топор в сундук. Когда удивленная жена спросила, почему он так поступил, ответил: «Если кот не может отказаться от полрублевого арбуза, тогда что говорить о топоре». Надо заметить, что ответ Ходжи Насреддина включает в себе как элементы комического, так и прием абсурдности и парадокса.

Приведенный из карачаево-балкарского фольклора анекдотический рассказ «Киштик» – «Кот», вариант анекдота циркулирующий лишь в карачаево-балкарском устном творчестве, во многом созвучен с уйгурским произведением, взятым из книги «Двадцать три Насреддина», «Нерадивая жена» [Двадцать три Насреддина 1978: 57]. В уйгурском рассказе излагается о том, что Афанди приносил с базара мясо, но за обедом ему жена его не подавала, оправдываясь, что мясо унесла собака. Когда Афанди принес топор, спрятал его в сундук, объяснил свой поступок: «Мясо стоит одну монету (серебряную или золотую) и его каждый день уносит собака, а за топор я уплатил пять, и его-то она уж обязательно утащит».

Можно отметить, что эти два произведения обособлены единой идеей, при этом персонажи в анекдотических рассказах, трансформировались в процессе усвоения фольклорного произведения определенным этносом.

Или же в тексте «Эрсиз кьалыр эдинг» – «Осталась бы без мужа» [Хожа 1931: 133] в сатирической форме описывается комическая ситуация: Ходжа, ясной лунной ночью, увидев в окне образ какого-то человека, выстрелил в него из лука. Утром, увидев простреленным свой кафтан, он начал кричать и радоваться. «Я рад тому, что я не был внутри своего кафтана, который висит на дереве, а то ты бы осталась без мужа», – сказал он жене.

Действенный юмор этого анекдота в воображении читателей вызывает очевидное несоответствие не только зрительно, но и в мыслях. Он проявляется в том, что объект сатиры не понимает своего смешного положения: верит в истинность ситуации, тем самым вызывает смех у слушателей. Чаще всего таковым в аналогичных рассказах становится сам Ходжа. Но при этом, «он всегда воспринимается как близкий каждому простому человеку образ, выступая при этом выразителем интересов и чаяний народа» [Курбанов, 2017: 139].

Нередки в среде карачаевцев и балкарцев также анекдоты о Насреддине, где высмеиваются некоторые порочные методы семейного воспитания. Например, в одном из анекдотов этой серии «Юйретиу» – «Поучение» [Хожа 1931: 127], бытующем в народе, говорится о том как, Ходжа, дав в руки своей дочери кувшин, отправил ее за водой, но перед этим ударил ее. Удивленным его поступком людям, сказал: «Это, чтобы она не разбила кувшин. Если уже разобьет, хоть, сколько ни бей, что с этого будет? Если изначально накажешь, испугается и не разобьет». Данный поступок Ходжи состоит из ряда комических действий, хотя наблюдающие за этой сценой люди остаются в недоумении.

В фольклоре карачаевцев и балкарцев много анекдотических рассказов, которые характеризуют личность Насреддина, как обманщика и лжеца, но в то же время нельзя отождествлять его с подобными героями, так как он обманом, ставит в смешное положение, людей пытавшихся его осмеять.

В пример приведем анекдот «Артыкъ эчкини багъасы» – «Цена за лишнюю козу» из сборника «Хожа» [Хожа, 1981: 9–13]. В образе муллы Омара, известного в пяти селах, и Ходжи мы видим действующих героев, осмысленно вступающих в конфликт. Художественный эффект достигается, когда Насреддин умом и смекалкой разоблачил Омара: обманом продал Мулле тощую козу за цену быка. В течении всего времени, происходящих в эпизоде действий, присутствует элемент сатиры, хотя они совершаются персонажами всерьез и обдуманно. Главное назначение анекдота – донести до читателя суть рассказа, чтобы они могли уяснить для себя главные качества характера героев.

Сатирические рассказы о Ходже Насреддине, как и другие фольклорные произведения, имеют параллели в устной словесности не только тюркоязычных народов, но и у многих народов Кавказа. Это обусловлено тем, что на протяжении многих веков проживающие рядом этносы обменивались духовными ценностями, перенимали друг у друга фольклорные сюжеты, которые, подвергаясь национально-художественной трансформации, обогащались особенностями национального характера, что впоследствии они стали восприниматься как исконно народные.

К произведениям о Ходже привязывались анекдоты о мудрецах-философах и глупцах, а также о людях-обманщиках. Наиболее ярким примером этому в карачаево-балкарском фольклоре, служит образ «Кёсе» (*букв.* пер. «безбородый») или Чёппелеу. Остановимся на персонаже Кёсе. Если у «других тюркоязычных народов, скажем казахов и азербайджанцев – кёсе обычно народный любимец, весельчак, остролов, высмеивающий корыстолюбие богачей и мулл, то в балкарской сказке кёсе, наоборот, изображается как жестокий мошенник-эксплуататор, хитрый и жадный» [ОИБЛ, 1981: 28]. Характерными признаками обладает один

из таких рассказов «Жашчыкъ бла Кёсе» – «Мальчик и Кёсе» [КЪМЖТА 1999: 358–361]. В рассказе повествуется о том, как Кёсе хотел обмануть мальчика-сироту. Основу этого произведения составляют бытовые сцены. Здесь высмеивается скупость и жадность в иронической форме, также как и в анекдотах о Ходже Насреддине. Отрицательный персонаж Кёсе, терпит поражение при столкновении со справедливостью, которую олицетворяет маленький мальчик, но его действия при этом вызывают смех у слушателей. В отличие от героев подобных юмористических рассказов образ Ходжи Насреддина всегда вызывает благосклонность у читателей.

В адыгском фольклоре одним из прототипов народного любимца Ходжи выступает персонаж Куйжий (*букв.* маленький плешивец). Куйжий был из простого народа, не знатного рода, сирота, над ним все подшучивали, но, благодаря хитрости, уму и смекалке он выходил победителем из любой ситуации. Спустя годы этот герой сатирических рассказов был вытеснен известным всему миру Насреддином. Поэтому в настоящее время в анекдотах адыгского народа многие подвиги Куйжий приписаны Ходже. Можно отметить также других шутников у разных народов, судьбы которых близкородственны с персонажем Ходжи Насреддина: «у арабов это Джуха (или Джох), у таджиков Муштифики, у уйгуров Салая Чаккан и Молла Зайдин, у туркмен Кемине, у болгар и народов Югославии – Хитрый Петр» [Двадцать три Насреддина 1981: 13], крымским родственником является «Ахмет Ахай» [Эмирова 2011: 116–117].

Таким образом, можно сделать вывод, что заимствованный в фольклор карачаевцев и балкарцев герой из восточных анекдотов Насра Ходжа прижился, нашел национально-своеобразные черты человеческого характера, обрел национальный колорит и стал родным и близким народу. Передаваясь из уст в уста, анекдотические рассказы об этом персонаже вобрали все духовные и материальные ценности этноса, особенности его менталитета. Прошло много лет, но и сейчас, когда происходит что-то смешное в среде карачаевцев и балкарцев, используют высказывание-формулу «Хожалай» – «как Ходжа», «Хожа этгенлей» – «сделал так же, как и Ходжа», связывая смех и юмор с именем знаменитого мудреца-острослова. Эти рассказы знакомят нас с самими собой, отражая двойственность образов, раскрывая отрицательные или положительные черты национального характера с собственными недостатками или же достойными социальными качествами. Все указанные черты в анекдотических произведениях играют важную роль. Они раскрывают сущность героя в разных жизненных ситуациях: в становлении его личности и приобретении им культурно-моральных принципов. Важно отметить, что анекдоты о Ходже Насреддине популярны не только у всех тюркских народов, но и во всем мире, так как сохраняют юмор и в переводе на другие языки мира.

Источники и литература

1. Абазинские народные сказки. М.: Наука, 1985. 411 с.
2. *Абдуллатипов А.-К.Ю.* Проблематика и образная система комедии Магомеда Курбанова «Молла Насретдин» // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: «Мир науки, культуры, образования». № 1 (38). 2013. С. 163–165.
3. *Алиева З.З.* Народные истоки дагестанской советской сатиры // Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. С. 64–77.
4. *Алиева Ф.А.* К вопросу о комическом в фольклоре народов Дагестана // Взаимосвязи жанров устной прозы в фольклоре народов Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. С. 42–53.
5. *Анекдоты о Ходже Насреддине.* М.: СА «ФАИР», 1997. 368 с.

6. *Анчек С.Х.* «Некоторые лингвистические особенности анекдотов (на материале анекдотов адыгов)» // Культурная жизнь Юга России. Ростов н/Д, 2015. № 4 (59). С. 105–108.
7. *Ахматов И.Х., Холаев А.З.* Ал сёз (Предисловие) // Хожа (Хожа). Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 5–8.
8. *Бирюков Н.Г.* Анекдот как особый жанр художественной литературы: диахронический аспект // Национальная ассоциация ученых. М.: ООО «Евразийское Научное Содружество», 2015. № 2–7 (7). С. 12–16.
9. *Бушуева Л.А.* «Лингвокультурный типаж «Плут» // Известия ВГПУ. Филологические науки. С. 148 [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-plut> (Дата обращения: 21.08.2019).
10. *Гергокова Л.С.* Некоторые жанровые особенности анекдота и его место в фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2017. № 4 (35). С. 102–106.
11. *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
12. Двадцать три Насреддина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 583 с.
13. *Кацнев Х.Х.* «Салам уалейкум» («Приветствую»). Юмористические рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1973. 240 с.
14. *Курбанов Б.О.* Ходжа Насреддин с точки зрения категории смеха // Российская тюркология. М.: ФГБУН ИЯ РАН, 2017. № 1–2 (16–17). С. 136–141.
15. *Коняев А.В., Шамыков А.С.* Особенности немецкого юмора на примере анекдотов про восточных фризов // Этнос. Культура. Молодежь. Сборник материалов XIX межвузовской научной студенческой конференции. Смоленск: СГИИ, 2016. С. 42–46.
16. *Куприянов Б.В.* Социализация и воспитание в условиях восточной Деспотии (читая повести о Ходже Насреддине) // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2012. № 1 (38). С. 41–50.
17. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания). В 2-х томах. Т. 1 / Хрестоматия / предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 с.
18. *Мельников С.С.* Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. М.: ООО «Информационно-аналитический центр Эксперт», 2015. № 1. С. 213–217.
19. *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории карачаево-балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8–35.
20. *Ремзи Б.* Анализ юмористических притч о Ходже Насреддине с точки зрения теории несоответствия // Научный альманах. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2016. № 7–2 (21). С. 262–267.
21. *Сарбашева А.М.* Поэтика балкарской драматургии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 148 с.
22. *Суматохина Л.В.* Максим Горький о воплощении национального характера как особом типе литературного героя // Вестник КГУ. Кострома: КГУ, 2018. № 1. Т. 24. С. 15–18.
23. *Сухарев А.* Хорошие шутки Ходжи Насреддина // Человек без границ. Личности. Мудрецы Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.manwb.ru/articles/persons/EarstPeople/Hodga> (Дата обращения: 24.06.2019).
24. Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. 496 с.
25. *Уртенев А.* Насра Хожаны хапарлары (Рассказы о Насреддине). Ставрополь: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. 232 с.
26. Хожа (Ходжа). Нальчик: Эльбрус, 1981. 231 с.
27. *Холодкова Е.К.* Концепция национального характера в прозе В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова 1990-х – начала 2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: М., 2009. 170 с.
28. *Эмирова А.А.* Ахмет Ахай – крымский родственник Ходжи Насреддина // Культура народов Причерноморья. 2011. № 211. С. 116–117.

REALIZATION OF TYPICAL CHARACTERISTICS OF NATIONAL CHARACTER IN THE IMAGE OF HODJA NASREDIN IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Gergokova Leila Sozakhbayovna, candidate of Philological Sciences, Researcher, Sector of the Karachay-Balkar Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

The article is devoted to the study of questions of humor and satire in Karachay-Balkarian folklore based on humorous stories about Khozhe Nasreddin. These satirical texts occupy a special niche in the culture of the peoples of the East and in certain variations are represented in the folklore of Karachai and Balkarians. Despite the existence of works relating to the general issues of studying this genre, some problems still remain unsolved. Currently, this topic is becoming increasingly important, drawing parallels between the studies of different peoples, introducing their national characteristics in the interpretation of anecdotal stories.

The work focuses on the views of various scholars: some of them determine the place and time of Khozhi Nasreddin's birth, others interpret these stories in two ways (the authority's authority is ridiculed, or social, gender stereotypes are distinguished), others consider such humorous works through the discrepancy theory.

The article analyzes some anecdotal stories, during which the duality and inconsistency of Khozhi Nasreddin's image is revealed. In conclusion, it is concluded that the satirical stories about Nasreddin found a corresponding reflection in the culture not only of Karachai and Balkarians, but of all Turkic-speaking peoples as a whole.

Keywords: anecdote, satire, humor, irony, sarcasm, Khoja Nasreddin, image, wisdom.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС УЭРКЪ ХАБЗЭ В АДЫГСКОЙ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКЕ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

На современном этапе развития фольклористики проблема рассмотрения пословицы в контексте ее взаимодействия с явлениями традиционной культуры, как формы и способа реализации основных мировоззренческих установок народа, становится все более актуальной. В народной афористике представлен нравственный, моральный опыт народа в характерной для фольклора выразительной художественной словесной форме. Легко запоминающиеся благодаря строгой звуковой организации, выразительности и образности, нравственные формулы и рекомендации, содержащиеся в пословицах и поговорках особенно актуальны сейчас, когда на фоне нравственного упадка последних десятилетий пробуждается интерес к возрождению лучших традиций народной культуры.

Задача данной работы обратить внимание на позитивные нравственно-этические установки, мировоззренческие принципы, лежавшие в основе образа жизни адыгских военно-аристократических сословий.

В исследовании учитываются жанровые свойства пословицы: многозначность, зависимость от ситуативного контекста употребления, а также способы и формы воплощения в них мировоззренческой информации. Основное внимание обращено на формы художественного отражения дворянского нравственно-этического кодекса уэркъ хабзэ в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: фольклор; пословицы; поговорки; адыгское феодальное общество; нравственно-этические принципы и нормы.

Сложное взаимодействие исторических, мировоззренческих, нравственно-этических факторов способствовало формированию у адыгов особой, рыцарской по своей природе воинской и светской культуры, нашедшей воплощение в системе нравственно-этических установок и принципов *адыгагъэ* – адыгство, *уэркъыгъэ* – дворянство. Они реализовались в правилах адыгского этикета – *адыгэ хабзэ*, а также в его усложненной версии – *уэркъ хабзэ*.

Законы и установки «адыгэ хабзэ», поддерживали и регулировали воинские, рыцарские по своей природе правила межличностного и общественного поведения, которые распространялись на все слои адыгского общества, выступали в качестве его организующего стержня, но особую неукоснительную силу имели в дворянской, уоркской и, конечно же, княжеской среде.

Отношения князей и дворян-уорков внутри сословной группы и вне ее регулировались нормами обычного феодального права, дополненными установками этического нормативного комплекса *уэркъыгъэ* – рыцарская этика, или рыцарский моральный кодекс, и сформированной на его основе системе правил – *уэркъ хабзэ* – рыцарско-дворянский этикет, типологически сходный с японским кодексом чести самураев – *бусидо*.

Создателями и носителями высоких идеалов рыцарского морального кодекса были уорки, главной обязанностью которых считалось верное служение князю.

По свидетельству Б.Х. Бгажнокова, это было внутренне организованное и сплоченное сословие воинов, напоминающее во многом индийских кшатриев и японских самураев. По его мнению, профессиональными воинами были также и князья – пши и тлекотлеши. Подобно сегунам в Японии, они считались элитой адыгского воинства и рыцарства. [Вопросы... 2019: 60].

Исходя из вышеизложенного, дворянский этикет – уэркъ хабзэ, характеризуется более жесткими, усложненными и утонченными требованиями в его реализации. Это свод юридических и моральных норм и установлений, основная направленность которого – формирование и поддержание лучших черт личности индивидуума, его достоинства, самоуважения, уважения к ближнему; создание комфортных условий взаимного обхождения.

Адыгское феодальное общество формирует как в области этических институтов, так и в других культурных сферах некую параллельную, символическую шкалу общекультурных ценностей («социально-символический параллелизм») поднимающую общезначимые явления на новый, качественно более высокий уровень. Существование в нравственно-этической сфере двух различных, «параллельных» параметров требований и оценок (*адыгэ хабзэ/уэркъ хабзэ*) служит одной из характеристик, определяющих специфику адыгской этнической культуры.

Эту двухуровневую шкалу нравственно-этических ценностей в адыгском фольклоре объективируют пословицы и поговорки, разграничивая их на общеадыгскую и «аристократическую». Первые опирались на принципы общие для всего общества и были одинаково значимы, вне связи с сословными и материальными факторами. Однако, в аристократической среде, где понятие «уэркъыгъэ» – «дворянство», означало высшую степень соответствия идеальному образу адыгского воина-рыцаря, эти принципы проявлялись в более строгой и совершенной форме.

Примером реализации «параллельной» системы нравственных ценностей, функционировавших в адыгской традиционной культуре могут быть пословицы, существующие в двух вариантах: *Лы здашэ цIэупцIэркъым*. – «Мужчина не спрашивает, куда его ведут». *АдыгэлI здашэ цIэупцIэркъым*. – «Адыгский мужчина не спрашивает, куда его ведут». *Уэркъ здашэ цIэупцIэркъым*. – «Дворянин не спрашивает, куда его ведут» [Адыгэ... 1994: 60]. Так, уорк Мартина из рода Кошроко, который был зван ехать вместе с компанией всадников предпочел отправиться в путь и погибнуть, чем опозорить свое имя отказом. *АдыгэлI хашэркъым*. – «Адыгский мужчина тайны не разглашает» и *Уэркъ хашэркъым*. – «Уорк тайны не разглашает» [Адыгэ 1994: 60]. Принцип «уэркъ хашэркъым» в основе поступка Гудаберда из рода Азепш, героя песни и предания. Указанные пословицы также могут быть примером высокой степени требовательности в исполнении адыгского нравственно-этического кодекса.

Произведения фольклора, во всех его жанровых проявлениях, в частности, пословицы и поговорки, в полной мере отобразили всю сложную систему нравственно-этических и в целом, мировоззренческих норм, рыцарских правил и установок, организовывавших традиционный образ жизни адыгских военно-феодальных сословий.

В частности, в них нашли отражение высокая способность адыгской аристократии строго следовать правилам и нормам дворянского этикета, а также оценка той роли и места, которое они занимали в иерархии нравственно-этических ценностей, в качестве эталона поведения в различных ситуациях.

Определенный пласт пословиц и поговорок указывает на происходившие социально-экономические процессы и межсословные противоречия внутри различных групп адыгского традиционного общества.

Исходя из вышеизложенного, пословицы, воплотившие в себя комплекс нравственно-этических норм и правил кодекса *уэркъ хабзэ* – дворянского этикета, условно можно разделить на три группы:

1. Пословицы, призывающие к способности следовать правилам и нормам аристократического этикета.
2. Пословицы, императивного плана, побуждающие к действиям определенного характера.
3. Пословицы, отражающие социально-экономические противоречия и конфликты внутри различных сословий адыгского традиционного общества.

1. Пословицы, призывающие к способности следовать правилам и нормам аристократического этикета

Принципы и установки нравственно-этического кодекса *адыгэ хабзэ* – адыгского этикета обладали высокой значимостью и особым колоритом в адыгском традиционном обществе, как в современном обществе имеют свою силу закон и конституция. Это находит свое подтверждение в пословице: *Захуэм хабзэр и тельхьэщ* – «[Тот], кто прав – опирается на хабза (этикет)» [Адыгэ... 1994: 97].

Отрицание или незначительное отступление от правил и норм кодекса чести «*уэркъ хабзэ*» могло стать роковым для дворянина-уорка. Случай явного нарушения непременно выносился на общественный суд, а если проступок оказывался вопиющим, по мнению общества, уорка могли наказать переводом из первостепенных дворян на более низкую ступень. В ряде случаев, могли даже лишить дворянского звания. К статусу *адыгэ/уэркъ хабзэ* относились настолько серьезно, что из-за несоблюдения его правил лишались звания даже князья (*пцы*), которые выступали в качестве эталона и гаранта в следовании правил адыгского этикета и регулировали спорные вопросы в области реализации нравственных, этических принципов и норм. В частности, княжеская ветвь Тохтамышевых была, согласно некоторым устным сведениям понижена до статуса уорков.

Неукоснительное следование правилам этикетных норм стоило больших усилий для воинской, рыцарской прослойки общества, представленной князьями и дворянами-уорками. Жизнь адыгской аристократии была усложнена множеством дополнительных правил и норм и отличалась от образа жизни других слоев адыгского общества. Примером могут быть пословицы: *Уэркъ хабзэр дэгъезеигъуэ кӀыхьщ*. – «Уоркский этикет – длинный [крутой подъем] подъем [в гору]» [Адыгэ... 1994: 60].

Княжеское звание не могло гарантировать успех и уважение в адыгском традиционном обществе. Статусу князя необходимо было соответствовать, подтвердить свои права честными победами, мужеством, умом, верностью себе и своему слову, величием благородства и справедливости, иначе говоря, строгим следованием кодексу чести «*уэркъ хабзэ*». Э. Спенсер утверждал, князь, который не отличился храбростью и мужеством терял свой авторитет. Только обладая непременными качествами достойного мужа, он может иметь влияние в обществе и быть почитаемым своим народом [Спенсер 1994: 123]. Это обстоятельство, непременно, нашло отражение и в пословицах: *Пцыгъэ къэзыхьыр – джатэщ*. – «Звание князя приносит меч». *ПцыфӀ зӀэм и насытц*. – «Счастлив тот, у кого хороший князь». *ПцыфӀыр зекӀуэ гъусэниэм зы лы гъусэщ* [Адыгэ... 1994: 59]. – «У хорошего князя, одного отправляющегося в набег – есть один муж-спутник» – имеется в виду князь – отменный воин, поэтому его «второй спутник» – это храбрость и мужество, воинская доблесть. *Зи фыз зыщӀыгъуэ зышыркъым, зипц и гъусэ шы-нэркъым*. – «Тот, у кого в спутниках жена – не скучает, а тот, у кого в спутниках князь – не боится» [Гутова 2006: 33]. Это указание на то, что в любом трудном деле князь/уорк берет на себя более сложную миссию, выступает как покровитель своего спутника, но не как потребитель.

Адыгский князь и уорк без жажды славы и абсолютного авторитета в обществе не видел своего существования. Он отчаянно стремился проявить себя в

испытаниях и завоевать репутацию храброго рыцаря. «... За это одно слово [«храбрый»] они [черкесы] идут навстречу верной гибели!» – отмечает Хан-Гирей [Хан-Гирей 1989: 238].

Для адыгской аристократии отступление от предписанного нормативным кодексом *уэркъ хабзэ* принципа верности данному слову, могло быть фатальным. Князь или уорк, нарушая клятву или данное им слово, подвергал себя большому риску, от лишения наследного сословного статуса, вплоть до остракизма или даже продажи в рабство. Например, заключение союзов и договоров между князьями или их доверенными лицами считалось священным. По свидетельству Э. Спенсера тот, кто нарушал народный мир, отступая от данной им клятвы, нес наказание в виде тяжелых штрафов, эквивалентных тяжести преступления. При отягчающих обстоятельствах нарушителя продавали в рабство, так как он считался человеком не верным своей клятве и недостойным жить на родной земле [Спенсер 1994: 125].

Незыблемым правилом для аристократических сословий считалось неразглашение чужой тайны. Известны случаи, когда адыгские воины-рыцари, не смея переступить этот принцип, навсегда покидали родные земли. Самым ярким примером может быть поступок героя песни о Гудаберде, который вынужден был покинуть родину, чтобы не выдать тайну убийства князя. Этот принцип нашел воплощение также в пословице: *Адыгэл хашэркъым*. – «Адыгский мужчина тайны не разглашает» и *Уэркъ хашэркъым*. – «Уорк тайны не разглашает».

Также для адыгской аристократии обязательными были тонкое знание и строгое соблюдение правил гостеприимства. Высокая степень значимости института гостеприимства в ценностных ориентирах адыгских воинов находит подтверждение в пословице: *У кого нет кунацкой, тот не уорк* [Кабардинский 1936: 36].

2. Пословицы, определяющие статус и личные качества адыгской феодальной знати

В системе адыгского мировоззрения высокую оценку имела не только способность аристократии строго следовать правилам и нормам этикета, но и умение вести себя в обществе, изысканность манер, которые выделяли и возвышали представителей аристократических сословий, что и объясняет существование пословицы «Уорка в навоз посадишь, и то узнаешь». «Черкесский дворянин, – отмечает Н. Дубровин, – бравировал своею вежливостью, и стоило только разгорячившегося узденя, забывшего приличие и вежливость спросить: ты дворянин или холоп? чтобы, напомнив его происхождение, заставить его переменить тон из грубого в более мягкий и деликатный» [Дубровин 1991: 177].

Знаковым обозначением принадлежности к более высокому качественному уровню в самых различных сферах его проявления был символический эпитет *уэркъ* – «дворянский»; *уэркъ къафэ* – «уоркский танец»; *уэркъ шы тесыкIэ* – «уоркский способ держаться в седле»; *уэркъ пыIэ* – «уоркский головной убор»; *уэркъ лэжум* – «уоркские лакумы» [Бгажноков 1983: 56].

Символический эпитет *уэркъ* – «дворянский» употреблялся даже в обозначении физических характеристик. Тонкий стан, прямая осанка, красивое телосложение и даже красивые маленькие руки, сравнивались и уподоблялись к высшим слоям общества: *Iэ цIыкIу, гуацэ Iэ нэхъей* – руки маленькие, как у княгини; *Iэ дахэ, гуацэ Iэ хуэдэу* – руки красивые, как у княгини. *Iэпкълъэпкъ дэгъуэ – гуацэм хуэдэу* – статная, как княгиня; *Iэпкълъэпкъ заныцIэ – гуацэм ещхъу* – осанка, тело прямое, как у княгини; *Уэркъ хуэдэу пкъы ихъац* – фигура, стан точеный, как у уорка; *Iэпкълъэпкъ псыгъуэ – пцым, лIэкъуэлIэшым хуэдэу* – тонкий, как князь, дворянин.

Высшая степень проявления понятия «уравновешенность» – «зэпIэзэрыт» стал эпитетом соотносимым с принадлежностью к аристократическому сословию. Это понятие имело смысловое значение «спокойствие», «последовательность

в действиях», «достоинство»: *хьэлыфIэ, хьэл дахэ шIыкIафIэ, Iэсэ* – «хорошие манеры», «умение вести себя», «красивое поведение», «воспитанный», «вежливый»: *Гуацэм хуэдэу зэлIэзэрIыт*. – «Уравновешена, последовательна как княгиня». *Хьэл дахэ, хьэлыфIэ гуацэм хуэдэу*. – «Характер, поведение красивые, как у княгини». *ШIыкIафIэ – гуацэм ещхьу* – «Красивые манеры, как у княгини». *Iэсэ, гуацэм хуэдэу* – «Воспитанная, как княгиня».

В аристократической среде употребление в речи непристойных, грубых выражений попросту не допускалось. Адыгский князь или уорк не мог себе позволить брань и не терпел ее в свой адрес. Как отмечает С. Броневский, подобного рода выражения оскорбляли честь князей и уорков, за что те могли вызвать на поединок равных себе, а представителей более низших сословий, убить на месте [Броневский 1823: 132]. В подтверждение сказанному можно обратиться к пословице: *Хьэ джафэ банэркъым, уэркъ хьуанэркъым*. – «Гончая не лает, дворянин (уорк) не бранится» [Адыгэ 1994: 61].

В системе адыгского мировоззрения высокую оценку имели такие определяющие качества адыгского воина, как умение достигать своих целей в набегах, где он мог проявить свои наезднические умения и щедрость. Добычу, доставшуюся в набегах, воин-наездник оставлял жителям своего селения, а сам он мог отказаться от своей доли или забрать самую малую часть богатства. Такая установка на щедрость и сложность ее выполнения нашли отражение в пословицах: *Уэркъ цауэ унагьуэр цэ мэцIагьуэри, цэ мэунэ*. – «Семья дворянина трижды беднеет и трижды богатеет». *Уэркъыр цэ Iэбэгьуэц*. – «Дворянин-уорк – [делает всего] три действия» [Адыгэ 1994: 60].

Таким образом, одним из приоритетных качеств адыгской аристократии выступает щедрость, о чем свидетельствуют пословицы: *Цыхум я нэхь лъанIэр жумарт пэжц*. – «Самое ценное в человеке – благородная [букв. честная] щедрость». *Хьэлэцц, пицы махуэм хуэдэу*. – «Щедрый, добрый, великодушный как верховный [букв. солнце-князь] князь» [Шьыпкъишгьэхэр 1999: 54].

Пословицы отражают общественное признание таких качеств адыгского воина-рыцаря как красноречие, умение ясно и убедительно, выражать свою мысль. Эти качества в дворянской среде были настолько значимы, что приравнивались к умению владеть оружием, например: *Уэркъым и жьэ и джатэц*. – «Рот уорка – его меч» [Адыгэ 1994: 60].

Одним из эталонных качеств адыгских воинов-рыцарей выступает способность к сдержанности в удовлетворении плотских потребностей. Высокая степень проявления этого качества в пословицах выступает как черта, характеризующая адыгского аристократа: *Пицы и шхын къанжэ къекIэцI*. – букв. «Еду князя сносит сорока». Имеется в виду, князь ест так мало, что это не больше чем снесет сорока (птица). (букв.: Еду для князя сорока сносит). Вариант: *Пицы и шхын шындырхьуом къекIэцI*. – букв.: Еду князя сносит ящерица [Адыгэ 1994: 59].

3. Пословицы, отражающие социально-экономические противоречия и конфликты внутри различных сословий адыгского традиционного общества

Наряду с этим, существовали выражения, наделяющие высокими нравственно-этическими качествами представителей демократических сословий, в частности свободных крестьян: *ХьэлыфIэ, лъхукьуэцауэ хуэдэу*. – «Хорошие манеры, как у крестьянского юноши, парня».

Это объясняется духом соперничества свободного крестьянства с представителями аристократических сословий. Свободные крестьяне, убежденные в лучшем знании и соблюдении адыгского этикета, настаивали на «адыгском», более древнем происхождении своих родов, подчеркивая иноземное происхождение аристократии. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что основная часть

воинской дружины князя составляли дворяне-урорки третьей степени – *уэркъ цауэл гъусэ*, происходившие из среды свободного крестьянства.

Будучи, прежде всего, воинским сословием, защищавшим во внешних войнах интересы всего народа, а также интересы феодалов в их междоусобных распрях, адыгские князья и уорки выработали свой особенный, воинский в своей основе кодекс идеального поведения, которая отличалась особой изысканностью. Н. Дубровин не раз отмечал, что известность и слава – лучшая награда переносимых трудов для адыгских воинов. Однако, одержимость к славе, фанатичное стремление к признанию общества, не давало нужного результата и приводило к полной противоположности.

Отражением недоверия к аристократической верхушке, порожденного его двойственной нравственной природой явились пословицы: *«Хъанхэ ящыщыц» жыпгэу хуэмыфаицэ тцгэ хуумышцгэ*. – «Он из ханов» говоря, неподобающих почестей не оказывай [Адыгэ 1994: 61]. *Пицы зи щыпэлъагъум тхэз флюцгэ*. – «Тот, кто впервые видит князя – думает это бог» [Адыгэ 1994: 59]. *Ахъшэ илэмэ делэмэ тшыщыц*. – «Если есть деньги и дурак – князь» [Адыгэ 1994: 52]. *Пицы Гумахуэ нэхэрэ жылэ Гумахуэ*. – «Чем красноречивый князь, лучше красноречивые жители (люди)» [Адыгэ 1994: 59]. *Уэркъыжъэрэ дыгъужъэрэ*. – «Что уорк, что волк». (*Дыгъужъэрэ уэркъыжъэрэ*. – «Что волк, что уорк»)). *Уэркъыжъыр бълым цигъуэтым цопсых*. – «Уорк спешивается там, где находит скот» [1: 60]. *Пицы бзэджэжъыр хъэрэмышхыцгэ*. – «Злобный князь – непорядочный (присваивает себе лишнее)» [Адыгэ 1994: 59]. *Бжъыхъэпэ уэфгэ пицы Гупэфгэгурэ дзыхъ яхуомыщгэ*. – «Не доверяй хорошей погоде ранней осенью и улыбке князя» [Адыгэ 1994: 53]. *Уитиц хъэхуэгъу-щыхуэгъу умыщгэ*. (*Пища къуитыжынукъым – жыхуицгэ*). – «Своему князю ничего не занимай» (То, что взял у тебя не отдаст – имеют в виду). *Уэркъыкгэм пцгыкгэ и ныкъуэцгэ* – (букв. *хвост уорка*) – *Уорк – наполовину из лжи [состоит]* [Адыгэ 1994: 60].

Гораздо позднее появились и пословицы, отражающие мировоззрение аристократической верхушки, которые явились следствием обострения сословных взаимоотношений в результате социально-экономического неравенства. Пшитль скоро падает духом и также зазнается. Посадишь пшитля на коня сзади – пшитль тебя из седла выбросит. Глхукоглу дашь одного вола – так он: «Давай другого!». *Пицылгъур гъэтшылгкэглэ Гэзэщыц*. – «Раб умеет заставлять работать рабов» [Кабардинский 1936: 33].

Тем не менее, следует заметить, что в начале XIX в адыгском обществе не было глубоких социальных противоречий о чем свидетельствует Тебу де Мариньи, который отмечает, – «... Будучи мало в чем отличными от остальной части нации, они [князья] не испытывают стремления подчинить ее себе» [Тебу де Мариньи 2006: 297].

Князья и владельцы, составлявшие феодальную правящую элиту адыгского общества, выработали особые воинский по своей сути, и, одновременно, светский кодекс правил поведения, взаимного обращения, опирающийся на целую систему нравственно-этических и философских ценностей, служившие стержневым организующим элементом образа жизни адыгских военно-аристократических сословий. Выявление мировоззренческих и нравственно-этических норм адыгэ (уэркъ) хабзэ – адыгского (дворянского) этикета, представил установки и правила взаимного общения, способы и формы их реализации, тем самым, позволив представить модель особого, специфического образа жизни военно-феодальной верхушки, представлявших собой военную и духовно-нравственную элиту адыгского общества.

Источники и литература

1. Адыгэ псалъэжъэр / зэхэз. Гъукгэмышху А., Къардэнгъуцгэ З.; пэублэ псалъэ Шортэн А. Налшык: Эльбрус, 1994. Н. 223 (Адыгские пословицы / сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев / вступ. ст. А.Т. Шортанова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 223 с.).

2. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов / Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
3. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] / С. Броневский. М., 1823. 385 с. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3109/9780/>
4. *Вопросы кавказской филологии.* Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. Вып. 12. С. 59–65.
5. *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки: ситуативный контекст, функционирование / Л.А. Гутова. Нальчик: Полиграф сервис и Т, 2006. 42 с.
6. *Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Материалы для истории черкесского народа / Н. Дубровин. Нальчик: Эльбрус, 1991. 416 с.
7. *Кабардинский фольклор* / общ. ред. Г.И. Бройдо; ред. Ю.М. Соколова; вступ. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа. М.–Ленинград: Academia, 1936. 650 с.
8. *Мариньи Тебу де.* Поездки в Черкесию / Тебу де Мариньи. Нальчик: ГП Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2006. 208 с.
9. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию [Электронный ресурс] / Э. Спенсер; предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994. 153 с. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/156/24240-2.php>
10. *Хан-Гирей С.* Черкесские предания / Хан-Гирей С. Нальчик, 1989. 350 с.
11. *Шъыпкъышъэхэр* / вступ. статьи, подгот. текстов, коммент. Р.Б. Унароковой. Майкоп: Адыгея, 1999. 92 с. [Сто истин / вступ. статьи, подгот. текстов, коммент. Р.Б. Унароковой].

THE MORAL-ETHICAL CODE OF THE UERK KHBZE IN ADYG NATIONAL APHORISTICS

Hagozheeva Liana Slavovna, junior researcher of the Adyghe folklore sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

At the present stage of development of folklore, the problem of examining proverbs in the context of its interaction with the phenomena of traditional culture, as a form and method of implementing the basic ideological attitudes of the people, is becoming increasingly important. In folk aphoristics, the moral and moral experience of the people is presented in the expressive artistic verbal form characteristic of folklore. Easily remembered due to strict sound organization, expressiveness and figurativeness, moral formulas and recommendations contained in proverbs and sayings are especially relevant now when, against the background of the moral decline of the past decades, an interest in reviving the best traditions of folk culture is awakened.

The task of this work is to draw attention to the positive moral and ethical attitudes, ideological principles underlying the way of life of the Adyghe military aristocratic estates.

The study takes into account the genre properties of the proverb: polysemy, dependence on the situational context of use, as well as the methods and forms of translating worldview information into them. The focus is on the forms of artistic reflection of the noble moral and ethical code of wind habze in proverbs and sayings

Keywords: folklore; proverbs; sayings; Adyg feudal society; moral and ethical principles and norms.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-216-222

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, межстрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального

государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.
2. *АП* – Адыгэ псалъальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. *Къыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.
5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.gudn.ru/web-local/uet/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.
7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.
9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).
10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.
11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.
13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
19,8

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 340

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушкова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*